АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 4 АПРЕЛЬ 1959 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А. П. Смирнова — Из истории борьбы В. И. Ленина за сплочение левых социал-демократов в годы первой мировой войны . . . 3

Б. С. Тельпуховский — Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны 23

С. Ф. Найда, Н. С. Мутовкин — Важная веха в истории КПСС . . 46

Генерал армии Во Нгуен Зиап, Министр обороны ДРВ — Освободительная война вьетнамского народа против французских империалистов и американских интервентов (1945—1954 гг.) 75

Ене Костман, член ЦК Компартии Австрии — Некоторые уроки борьбы австрийских рабочих против фашизма (февраль 1934 г.) . . 87

ИСТОРИОГРАФИЯ

Академик М. Н. Тихомиров — Начало славянской письменности в свете новейших открытий 98

В. Ф. Семенов — Проблемы политической истории Англии XVI в. в освещении современных английских буржуазных историков . . . 106

И. А. Воронков — Инвентари имений — важный источник по истории польской феодальной деревни 124

СООБЩЕНИЯ

Франтишек Граус (Чехословакия) — К вопросу о происхождении княжеской (королевской) власти в Чехии 138

В. М. Далин — Новые документы об отношении Бабефа к Дантону . 156

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

А. Я. Грунт, Ю. А. Поляков, Д. А. Коваленко — Сборники статей, изданные к 40-летию Октябрьской социалистической революции Московским государственным университетом 161

А. П. Алексашенко, В. С. Василенко, А. Я. Костенко - Новый труд по истории Украинской ССР 171

У. Г. Чернявский — Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде (1941 год) . 180

Л. Н. Пушкарев — А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники 185

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Б. П. Гуревич, Е. Д. Степанов — Ценные документы о развитии международных связей Китайской Народной Республики . . 190

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Н. С. Павлов — Обсуждение итогов работы институтов Востоковедения и Китаеведения Академии наук СССР за 1958 год 201

К. И. Седов — Коллоквиум о состоянии изучения в странах народной демократии истории Октябрьской революции 207

А. П. Бажова — Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы . 214

Хроникальные заметки 221

Глеб Моисеевич Крижановский

С Т А Т Ь И

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ В. И. ЛЕНИНА ЗА СПЛОЧЕНИЕ ЛЕВЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. П. Смирнова

В истории нашей партии, в истории всего международного коммунистического и рабочего движения огромную роль сыграла борьба русских большевиков во главе с В. И. Лениным против оппортунизма, социал-шовинизма, национализма, за сплочение левых элементов социал-демократии в различных странах, за пролетарский интернационализм и солидарность рабочего класса. Эта борьба являлась идеологической и организационной подготовкой к созданию III, Коммунистического Интернационала. Несмотря на актуальность данной проблемы, она до сих пор не получила должного освещения в исторической литературе. Работы И. С. Юзефовича, С. Бантке, недавно вышедшая книга Я. Темкина [1], ряд журнальных статей 30-х годов, ставших библиографической редкостью, несколько брошюр о тактике большевиков в годы первой мировой войны лишь частично касались этой темы. За последние годы не появилось ни одной работы, в которой бы освещалась борьба В. И. Ленина на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, в Циммервальдском объединении за сплочение на марксистской основе левых элементов в международном рабочем движении. В то же время за рубежом неоднократно публиковались и переиздавались книги и статьи о циммервальдских конференциях [2], тенденциозно освещающие их историю.

Настоящая статья ставит своей задачей показать борьбу В. И. Ленина и большевиков за сплочение левых социал-демократов в годы первой мировой войны, за создание III, Коммунистического Интернационала.

★

Левое течение в международной социал-демократии начало складываться задолго до первой мировой войны. Оно отражало революционные настроения рабочих масс, их недовольство оппортунистической политикой руководства социал-демократии.

Левые социал-демократы выступали с критикой оппортунистов, разоблачали их отступление от марксизма, но не заняли последовательной позиции в этой борьбе. Они преклонялись перед «авторитетом» лидеров партии, боялись решительно выступить против них, продолжали оставаться в одной партии с оппортунистами. Характеризуя деятельность левых социал-демократов, Вильгельм Пик писал: «В то время как оппор-

---

[1] И. С. Юзефович. Основание Коммунистического Интернационала. М.-Л. 1940; С. Бантке. Борьба за создание Коммунистической партии Франции. М. 1936; Я. Г. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1957.

[2] R. Grimm. Zimmerwald und Kiental. Bern-Belp. 1917; его же. Zimmerwald och Kiental. Stockholm. 1917; его же. Lenin in der Schweiz. Газета «Der Öffentliche Dienst» № 15, 13 апреля 1956 г.; его же. Zimmerwald und Kintal. «Der Öffentliche Dienst», № 16, 20 апреля 1956 года.

тунисты в партии, в профсоюзах и кооперации строили и укрепляли свои опорные пункты, свои фракционные органы и связи,— левые только боязливо старались не показаться «фракционерами» и «нарушителями партийного единства» [3].

Задолго до войны, со II съезда РСДРП, В. И. Ленин и большевики, проводя линию на решительный разрыв с оппортунистами в российской социал-демократии, боролись и против международного оппортунизма. Борьба В. И. Ленина за создание подлинно революционной партии в России, против русских оппортунистов-экономистов, меньшевиков, троцкистов и прочих являла образец последовательно марксистской тактики и указывала левым социал-демократам путь революционной борьбы против международного оппортунизма.

Выступления В. И. Ленина на международных конгрессах II Интернационала и попытки сплотить, сорганизовать левых социал-демократов на Штутгартском и Копенгагенском конгрессах, его критика непоследовательности и нерешительности левых свидетельствовали о том, что он принимал все меры к тому, чтобы помочь им занять последовательно революционные позиции, стать на путь решительного разрыва с оппортунистами и создания революционной партии, способной возглавить рабочий класс в его борьбе за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

Первая мировая империалистическая война обнажила всю гнилость II Интернационала, разъедаемого оппортунизмом. Оппортунизм превратился в социал-шовинизм, открыто вставший на сторону своей империалистической национальной буржуазии. II Интернационал потерпел крах. Он распался на отдельные партии, предавшие забвению интернационализм и классовую солидарность пролетариата и в угоду империалистической буржуазии своих стран натравлявшие рабочих одной нации на рабочих других наций.

Только партия большевиков решительно повела борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую. Против войны также выступили Болгарская рабочая социал-демократическая партия («тесняки») и Сербская социал-демократическая партия. В. И. Ленин разработал тезисы о войне, которые были положены в основу манифеста ЦК РСДРП, давшего марксистскую оценку империалистической войне как грабительской, разоблачившего предательство лидеров II Интернационала и объявившего решительную борьбу всем социал-шовинистам и оппортунистам.

Под руководством В. И. Ленина большевики развернули активную революционную работу в России. Большевистские депутаты в Государственной думе отказались голосовать за военные кредиты. Они предприняли объезд ряда промышленных районов и рабочих организаций, выступали с докладами о тактике большевиков по отношению к войне, разъясняли рабочим необходимость активной революционной борьбы против империалистической войны и самодержавия. Большевики дали достойный ответ Вандервельде, который призывал прекратить классовую борьбу во время войны и оказывать содействие «своему» правительству в ведении ее. Партийные организации, несмотря на жесточайшие преследования, сохраняли тесные связи с трудящимися, организовывали нелегальный выпуск листков, прокламаций с обличением захватнических устремлений царизма, предательства социал-патриотов — меньшевиков и эсеров, с разъяснением ленинской политики, показывающей единственно возможный, революционный выход из войны. Большую работу провели большевики против военно-промышленных комитетов, организуемых буржуазией, а также против меньшевиков, пытавшихся подчинить революционное рабочее движение

---

[3] Предисловие В. Пика к книге В. Спиру. Когда раздался призыв Спартака... (Из истории борьбы германского пролетариата против войны 1914—1918 гг.). М. 1936, стр. 3—4.

интересам империалистической буржуазии. Широкую революционную деятельность большевики развернули в армии и флоте, политически просвещая матросов и солдат, разъясняя им большевистские лозунги. Революционная работа большевиков в России в период первой мировой войны — это яркий образец борьбы за революционный марксизм, за пролетарский интернационализм, за интересы рабочего класса, против империалистической войны, против русского и международного оппортунизма — социал-шовинизма и центризма.

Вскоре после начала первой мировой войны почти во всех социал-демократических партиях начали раздаваться голоса протеста против оппортунистической политики руководства этих партий. Вступили в борьбу и левые в германской социал-демократии. «Из числа больших европейских партий, — указывал В. И. Ленин, — в ней первой подняли громкий голос протеста товарищи, оставшиеся верными знамени социализма» [4]. 5 августа 1914 г., на другой день после голосования в рейхстаге по вопросу о военных кредитах, собралась группа немецких левых социал-демократов — Р. Люксембург, Ф. Меринг и др., — которые решили заявить о своем несогласии с политикой руководства партии и намерении вести работу по организации масс на борьбу против империалистической войны и социал-шовинизма [5]. Это совещание положило начало организации немецких левых, позже выступавшей под названием группы «Интернационал», «Спартак», «Союз Спартака». Немецкие левые только в тяжелых условиях военного положения, писал В. Пик, «начали создавать собственные нелегальные связи и организации» [6]. Взгляды группы немецких левых социал-демократов были выражены в «Заявлении», с которым К. Либкнехт, Р. Люксембург, К. Цеткин выступили 10 сентября 1914 г. в печати социалистических партий нейтральных стран.

Оживлялась деятельность левых и во французской социал-демократии. В. И. Ленин отмечал, что во Франции и Бельгии, на территории которых проходили военные действия, левое, интернационалистическое течение хотя медленно и нерешительно, но все же подавало голоса протеста против оппортунизма и войны. «Сам Вальян, ведущий шовинистскую линию, — писал В. И. Ленин, — ...вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней» [7].

Процесс полевения в среде социал-демократии выражался в массовом выходе из партии и сокращении тиража газеты «L'Humanité» (стоявшей в то время на позиции социал-шовинизма), например, по Парижу и департаменту Сены с 66 тыс. экз. в июне 1914 г. до 25 тыс. экз. в декабре того же года [8]. Во французской социал-демократии все чаще стали раздаваться голоса протеста против империалистической войны, призывы к интернациональному объединению рабочих различных стран. «Нужно отдать справедливость всей партии в целом: она далеко не разделяет мнения своих вождей и камарильи, сидящей в «L'Humanité», — писала В. И. Ленину находившаяся во Франции Л. Н. Сталь. — Многие, ранее ошибавшиеся, начинают понимать все ошибки вообще и огромную ошибку в частности — вхождение социалистов в министерство» [9]. На одном из собраний в окрестностях Парижа в конце 1914 г., на котором присутствовали представители 12 секций партии, была фактически осуждена шовинистическая

---

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 295.

[5] Сборник «Спартак» во время войны». Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М. 1933, стр. 8, 69.

[6] В. Спиру. Указ. соч., стр. 4.

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 20.

[8] Газета «L'Humanité», 15 февраля 1915 года.

[9] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 351, д. 27424, л. 1.

политика «L'Humanité». На этом собрании указывалось, что газета непохожа на партийную газету, что в ней нет никакого социализма и что она изменила прошлому [10]. В защиту интернационализма начали выступать и члены профессиональных союзов.

Интернационалистические настроения стали проявляться и среди социалистов Англии. В Британской социалистической партии левые элементы группировались вокруг газеты «The Trade Unionist» (А. Инкпин и др.). Наиболее решительную позицию занимал учитель-социалист Джон Маклин, которого В. И. Ленин относил к активным интернационалистам, упоминая его имя вместе с именами К. Либкнехта и других руководителей левых социал-демократов [11].

Рост оппозиционных настроений и формирование левого течения наблюдались в Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии и других нейтральных странах. Например, А. М. Коллонтай в письме к Н. К. Крупской от 10 февраля 1915 г. писала об интернационалистах Дании, что «намерения у них прекрасные, дух радикальный, но часто нет почвы и ясности линии» [12].

В Голландии на позиции интернационализма стала группа левых с Паннекуком и Гортером во главе. Голландские левые имели свой орган — газету «De Tribune», на страницах которой они разоблачали империалистические цели войны и предательство социал-шовинистов.

Как указывал В. И. Ленин, в Италии революционная часть социал-демократии «борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих» [13].

В Швейцарской социал-демократической партии левое крыло составляли главным образом организации молодежи. Во главе левых были секретарь Цюрихской организации социал-демократии Платтен и Нобс. В США интернационалистскую позицию занял руководитель левого крыла Американской социалистической партии Дебс. В Болгарии левое течение представляли «тесняки» во главе с Д. Благоевым.

С самого начала войны «тесняки» оценивали ее как войну империалистическую, захватническую. Орган партии «тесняков» — журнал «Ново время», выходивший под редакцией Д. Благоева, разоблачал политику буржуазии и социал-шовинистов обоих военных блоков. «Тесняки» вопреки предложению Плеханова категорически отказались выступить в поддержку вступления Болгарии в войну на стороне Антанты. Они отклонили также предложение Парвуса об одобрении выступления Болгарии на стороне «Тройственного союза». «Тесняки» отказались голосовать за военные кредиты и разоблачали политику «широких» социалистов, их буржуазно-националистическую деятельность. Они во многом следовали революционной тактике большевиков. Признавая крах II Интернационала, они выступали за создание нового Интернационала, вели революционную борьбу против империалистической буржуазии и оппортунистов. «Тесняки» близко подошли к ленинизму, хотя и не заняли в то время подлинно ленинской позиции, не поняли революционной сущности ленинских лозунгов поражения своего правительства в империалистической войне и превращения империалистической войны в гражданскую.

Таким образом, во всех странах шел процесс объединения революционных элементов, велась борьба против оппортунизма, принимавшая различные формы. «Во всех странах мира,— писал В. И. Ленин,— действительно подготовляется собирание сил рабочего класса» [14].

---

[10] Там же.
[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 192.
[12] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 10, д. 27243, л. 1.
[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 20.
[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 113

Но процесс формирования и организационного сплочения левого направления в западноевропейских социал-демократических партиях проходил медленно. В. И. Ленин позже объяснял этот факт наличием у левых старых, социал-демократических традиций, отсутствием решительности и опыта революционной борьбы. Ряд левых социал-демократов не смог занять последовательно революционной, интернационалистской позиции и впоследствии оказался в лагере врагов рабочего класса.

★

Несмотря на малочисленность и слабость левых социал-демократов, В. И. Ленин высоко оценивал их роль в организации масс на борьбу против империалистической войны и социал-шовинизма. «Если бы при каждом данном кризисе, — писал он, — маленькая группа... могла направлять широкие массы в с т о р о н у р е в о л ю ц и и, это было бы очень хорошо. При в с е х кризисах массы не могут действовать непосредственно, массы нуждаются в помощи со стороны маленьких групп центральных учреждений партий» [15]. В. И. Ленин указывал на необходимость всемерного укрепления групп левой социал-демократии, активизации их действий, оказания помощи в выяснении задач, вставших перед ними в связи с войной и изменой лидеров партии делу рабочего класса. Он разъяснял находившимся в эмиграции в разных странах большевикам необходимость всеми способами искать сближения с левыми, объяснять им важность и неизбежность разрыва с оппортунистами, убеждать в правильности большевистских лозунгов. «Мы, русские интернационалисты,— писал В. И. Ленин,— ни в малой степени, разумеется, не претендуем на то, чтобы вмешиваться во внутренние дела наших товарищей... Мы понимаем, что только они сами вполне компетентны определить свои способы борьбы против оппортунистов, считаясь с условиями времени и места. Мы считаем только своим правом и своим долгом высказать откровенно свое мнение о положении дел» [16].

Первостепенной задачей В. И. Ленин считал идейное сплочение интернационалистских сил на революционно-марксистских позициях. «Интернационал состоит в том,— писал он,— чтобы сближались между собой (сначала идейно, а потом, в свое время, и организационно) люди, способные в наши трудные дни отстаивать социалистический интернационализм на деле, т. е. собирать свои силы... против правительств и командующих классов каждый с в о е г о «отечества» [17].

Громадную роль в идейном сплочении интернационалистских элементов в международном рабочем движении сыграли выработанные В. И. Лениным тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» и резолюции Бернской конференции заграничных организаций большевистской партии. Эти документы давали глубоко научное решение возникших в ходе войны теоретических вопросов, обосновывали политику революционной социал-демократии. Большую работу проделали В. И. Ленин и большевики, чтобы сделать эти документы доступными левым социал-демократам. Владимир Ильич посылал манифест ЦК большевикам, находившимся в эмиграции в разных капиталистических странах, он сам организовал перевод манифеста на иностранные языки и требовал от большевиков активной работы по распространению его среди левых социал-демократов разных стран. «Если Коллонтай на нашей стороне, пусть поможет «двинуть» этот манифест на других языках» [18],— писал он в Стокгольм.

---

[15] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 21, стр. 389.
[16] Т а м ж е, стр. 296.
[17] Т а м ж е, стр. 82.
[18] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 35, стр. 127.

Большую роль в сплочении интернационалистов сыграл восстановленный под руководством В. И. Ленина в ноябре 1914 г. центральный орган РСДРП «Социал-Демократ». В тяжелое военное время, несмотря на многочисленные препятствия и преграды, газета проникала во все страны. Распространяя великие ленинские идеи в массах, она собирала и сплачивала все честные, прогрессивные элементы международной социал-демократии, оставшиеся верными делу рабочего класса. О влиянии газеты свидетельствуют проведенные в различных странах вечера и юбилейные сборы в честь выхода ее пятидесятого номера, а также присланные в адрес редакции приветствия. Например, на юбилейном собрании парижской секции РСДРП присутствовали французские социалисты, которые зачитали приветствие «Социал-Демократу». Такие же вечера проводились и другими секциями РСДРП. Редакцией было получено множество приветствий от социалистов Парижа, Лиона, Цюриха, Женевы, Лозанны, Шо-де-Фона, Копенгагена и других пунктов [19]. Многие социал-демократические группы и интернационалисты различных стран поддерживали газету материально.

Публикуемые в «Социал-Демократе» сводки о поступивших пожертвованиях и сборах в пользу газеты, а также о полученных от ее продажи в различных странах деньгах показывают, что средства поступали из Лозанны, Парижа, Чикаго, Лондона, Тулузы, Монпелье, Генуи, Нью-Йорка, Христиании, Стокгольма, Женевы, Сен-Назера, Берна и других городов [20]. Из различных мест редакция получала восторженные отзывы о «Социал-Демократе» и выражение солидарности с позицией редакции.

В условиях войны, когда возможность общения была чрезвычайно затруднена и ограничена, В. И. Ленин использовал различные пути и меры для налаживания международных связей левых социал-демократов. Он лично и Н. К. Крупская от имени заграничного ЦК РСДРП вели интенсивную переписку с большевиками и некоторыми другими политэмигрантами, стоявшими на позициях интернационализма, посылали им материалы, разъяснявшие политику большевистской партии, занимались вопросами организации связи с левыми и распространения среди них большевистской литературы.

Основной опорой В. И. Ленина в этой работе служили заграничные секции РСДРП, созданные политэмигрантами-большевиками в Лондоне, Париже, Стокгольме, а также в Женеве и других городах Швейцарии. Они имели связи с местными социал-демократами. Через эти секции Владимир Ильич узнавал о положении дел в стране, выясняя позицию и деятельность левых элементов, знакомил интернационалистов с документами нашей партии.

Через М. М. Литвинова, находившегося в эмиграции в Лондоне, В. И. Ленин получал информации о деятельности интернационалистических групп и о положении в Англии. «Я переписываюсь с лондонским товарищем (Mr. Litvinoff), который представляет ЦК нашей партии в МСБ...» (Международном социалистическом бюро.— *А. С.*) [21],— писал он А. М. Коллонтай. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переписывались с большевиками-эмигрантами во Франции (С. И. Гопнер, Л. Н. Сталь и др.), имевшими связи с французскими интернационалистами. От В. И. Ленина заграничные секции РСДРП получали указания по работе среди левых. «По поводу наших выступлений у французов хотелось бы получить кой-какие сведения,— писали В. И. Ленину из Парижа в 1915 г.,—...хотелось бы знать, как Вы смотрите на дальнейшую работу. Пока речь идет о самой общей критике официальных партий» [22].

---

[19] «Социал-Демократ», № 50.
[20] «Социал-Демократ», №№ 40, 43, 53.
[21] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 272.
[22] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 10, д. 27446, л. 3.

Член парижской секции большевиков Л. Н. Сталь писала: «...наша левая группа уже согласилась с лозунгом гражданской войны. Мы устраиваем периодические собрания и пропагандируем их...» [23]. В. И. Ленин связался с группой «Интернациональных социалистов Германии». Имелись также связи с некоторыми членами группы К. Либкнехта.

Тесный контакт В. И. Ленин имел с левыми социал-демократами Италии и Швейцарии, с «тесняками» Болгарии и др. Ни одной возможности не пропускал Владимир Ильич для умножения и упрочения связи с социалистами-интернационалистами, не упускал из поля своего зрения даже одиночек, которые, хотя робко и неуверенно, отстаивали идеи интернационализма и выступали против войны. «...чем больше связей с представителями левой части Интернационала, тем лучше» [24], — писал он.

В целях выявления и сплочения левых социал-демократов В. И. Ленин пытался использовать конференцию итальянских и швейцарских социалистов, проходившую в Лугано 27 сентября 1914 года. Делегаты ознакомились с ленинскими тезисами о войне. Будучи центристски настроены, они не могли встать на позиции интернационализма, но ряд положений ленинских тезисов нашел отражение в резолюции конференции. В тех же целях была использована и конференция социалистов нейтральных стран в Копенгагене в январе 1915 г., и особенно состоявшиеся весной 1915 г. в Берне социалистические конференции женщин и молодежи. На конференции женщин-социалисток, созванной в марте 1915 г., присутствовали представительницы 8 стран: Германии, Франции, Англии, России, Польши, Италии, Голландии, Швейцарии. Большинство делегаток занимало близкую к центризму позицию. Они не понимали необходимости разрыва с социал-шовинистами и отстаивали линию примирения с ними. По поручению В. И. Ленина от ЦК РСДРП на конференции присутствовали И. Арманд и Н. К. Крупская. Они внесли проект резолюции, излагавший четкую программу деятельности левых интернационалистов, разъяснявший большевистские лозунги и тактику, призывавший к разрыву с оппортунистами. Но конференция отвергла этот проект и ограничилась расплывчатой, ни к чему не обязывавшей резолюцией. Конференция отказалась провозгласить бесповоротный разрыв с социал-шовинистами и, как указывал В. И. Ленин, «...еще раз повторила старую ошибку, ошибку II Интернационала, дипломатически прикрывавшего оппортунизм и расхождение слова с делом» [25].

То же произошло и на конференции социалистической молодежи в апреле 1915 года. Руководство здесь фактически осуществляли швейцарский центрист Р. Гримм и русская меньшевичка, работавшая в Итальянской социалистической партии, А. Балабанова. На этой конференции И. Арманд от имени ЦК РСДРП также внесла проект резолюции, разъяснявший большевистские лозунги. Но конференция отвергла этот проект и приняла резолюцию в духе центризма.

Обе конференции наглядно свидетельствовали о нерешительности, слабости многих левых, влиянии на них соглашательских, каутскианских взглядов. В книге «Социализм и война» В. И. Ленин указывал: «За год войны мы видели ряд попыток восстановления интернациональных связей... Мы имеем в виду конференции в Лугано, в Копенгагене, интернациональную женскую конференцию и интернациональную конференцию юношества. Эти собрания были одушевлены лучшими пожеланиями... Они в лучшем случае ограничились повторением старых резолюций, не указав рабочим, что без борьбы против социал-шовинистов дело социализма безнадежно. Они в лучшем случае были шагом на месте» [26].

---

[23] Там же, д. 27405, л. 2.
[24] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 272.
[25] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 180.
[26] Там же, стр. 295.

В целях сплочения левых летом 1915 г. Владимир Ильич организовал издание журнала «Коммунист». При этом В. И. Ленин и большевики рассчитывали помочь колебавшимся левым разобраться в сложных вопросах теории и политики, вставших перед международным рабочим движением. В журнале были напечатаны статьи В. И. Ленина: «Крах II Интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Империализм и социализм в Италии».

Быстрый рост революционных настроений рабочих и усиление влияния среди них левых социал-демократов заставляли всех лакеев буржуазии искать новые методы обмана масс. Характерными в этом отношении были действия немецких центристов Каутского — Гаазе, которые пытались использовать революционные настроения рабочих, их стремление к миру, к восстановлению международных пролетарских связей. Лживыми, социал-пацифистскими фразами центристы хотели еще раз обмануть рабочих. Разоблачая эти попытки оппортунистов, В. И. Ленин писал: «...Каутский и К° хотят теперь при помощи левых фраз и чисто словесного отхода от «политики 4 августа» «заглушить» начинающееся революционное брожение. Мы теперь за мир — будут говорить эти господа вместе с Реноделем и К°, стремясь удовлетворить этим революционные массы» [27].

В. И. Ленин правильно определил цели каутскианцев. 20 июня 1915 г. Каутский, Гаазе и Бернштейн выступили с манифестом, в котором призывали трудящихся к единству, к борьбе за мир без аннексий. Они почуяли, что «массы дольше не потерпят, что «надо» повернуть налево, дабы продолжать н а д у в а т ь массы» [28].

В то же время центристы, понимая, что никакими мерами нельзя предотвратить назревавшее объединение интернационалистов, что неизбежно должно было привести к разрыву с социал-шовинизмом и краху каутскианской политики, предприняли попытку взять в свои руки созыв международной конференции и путем создания на ней центристского большинства обеспечить принятие каутскианских решений.

Предложение о созыве предварительной конференции интернационалистов швейцарский центрист Гримм разослал не революционным элементам, проявившим себя в борьбе с социал-шовинизмом, а правому руководству социал-демократических партий, ссылаясь на то, что приглашаются представители партий, входивших в МСБ. Гримм умышленно не поставил ЦК РСДРП в известность о созыве конференции. В. И. Ленин так ответил Радеку, пытавшемуся всячески оправдать действия Гримма: «Вы пишете, что «Гримм делает это (= обход ЦК?) не преднамеренно»... Гм, гм! Мне кажется это мало вероятным. Разве Гримм действительно ребенок? П о с л е двух конференций в Берне??» [29].

Владимир Ильич указывал, что Гримм и ему подобные вели к тому, чтобы обеспечить свое влияние на конференции, рассчитывая, что на ней будет принята программа истощения революционных сил, «программа отказа от борьбы, программа отваживания рабочих о т революции, программа у с п о к о е н и я рабочих л е в ы м и фразами...» [30]. В. И. Ленин считал целесообразным использовать конференцию в целях дальнейшего идейного сплочения и организационного объединения интернационалистов и усиления фронта революционной борьбы против империалистической войны и социал-шовинизма. Он указывал на необходимость использования всех колеблющихся в Интернационале, которые были способны сделать некоторый сдвиг влево, в сторону усиления борьбы против социал-шовинизма. «Эти элементы,— отмечал он,— могут быть нашими попутчиками. Сближение с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это — т о л ь к о попутчики, что в главном и основ-

[27] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 35, стр. 146.
[28] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 36, стр. 291.
[29] Т а м ж е, стр. 290.
[30] Т а м ж е, стр. 291.

ном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба» [31].

В. И. Ленин разработал четкий план действий левых элементов по отношению к конференции. «Наша программа,— писал он,— должна быть.

1) идти, коль позовут;

2) сплотить заранее «левых» т. е. сторонников революционных действий против своего правительства;

3) преподнести... наш проект резолюции (голландцы + мы + левые немцы + О...);

4) выставить 2—3 оратора на конференции...» [32].

Владимир Ильич проводил огромную работу по подготовке к конференции. Он поставил задачу теснее сплотить и организовать левых социал-демократов, противопоставить каутскианским планам подлинно революционную программу. «Нашу позицию Вы знаете из «Социал-Демократа»,— писал он А. М. Коллонтай.— В русских делах мы не будем за единство с фракцией Чхеидзе... ибо это есть прикрытие и защита «Нашего Дела». В интернациональных делах мы не будем за сближение с Haase-Bernstein-Kautsky (ибо они на деле хотят единства с Зюдекумами и прикрытия их, хотят отделаться левыми фразами и ничего не изменить в старой гнилой партии)» [33].

В. И. Ленин считал, что интернационалисты должны на конференции выступить с общей декларацией, осуждающей социал-шовинистов, категорически отвергающей их лозунг «защиты отечества» в применении к империалистической войне и содержащей программу активизации революционных действий против войны. «Идейная декларация «левых» от имени нескольких стран имела бы гигантское значение» [34],— подчеркивал он. По мнению Владимира Ильича, эта декларация должна была провести резкую грань между марксистской левой и каутскианцами, потребовать решительного разрыва с оппортунизмом как пособником империалистической буржуазии. «Гвоздем борьбы будет,— писал В. И. Ленин,— объявлять ли Prinzipienerklärung [35] беспощадную (вплоть до раскола) борьбу оппортунизму = социал-шовинизму». Далее он указывал, что необходимо добиваться «именно по этому пункту возможно большей ясности и твердости формулировки» [36]. Оживленную переписку вел Владимир Ильич с левыми по вопросу о выработке совместной декларации с точным изложением принципиальной позиции по всем важнейшим вопросам. Особенно большое значение он придавал выступлению немецких левых. Указывая на необходимость объединения различных групп немецких революционных социалистов и их совместного выступления с резолюцией, манифестом или декларацией, В. И. Ленин писал: «Либо немецкие левые сплотятся теперь (хотя бы для идейного выступления от имени анонимной группы «Stern» или как хотите: рабочие потом будут примыкать к этой группе), либо надо плюнуть на них» [37].

В письме к А. М. Коллонтай В. И. Ленин писал о необходимости укрепления связей со шведскими и норвежскими левыми социал-демократами, просил выяснить, согласны ли они «...готовить общую декларацию (или резолюцию)», подчеркивая, что «спешить с этим надо сугубо» [38].

---

[31] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 297.
[32] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 291.
[33] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 148.
[34] Там же.
[35] Заявление о принципах, декларация о принципах.
[36] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 304.
[37] Там же, стр. 293.
[38] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 149.

Резкой критике подверг Владимир Ильич декларацию голландской социалистки Роланд-Гольст, напечатанную в швейцарской газете «Berner Tagwacht». В письме к Д. Вайнкопу он предостерегал его от солидаризирования с Роланд-Гольст, указывая, что ее позиция выражает лицемерный интернационализм, такой же, как и «интернационализм» Каутского и Троцкого, на деле являвшийся лишь прикрытием социал-шовинизма. В. И. Ленин настаивал на ускорении выработки декларации левых. «Начинание, которым мы сейчас заняты,— писал он,— план интернациональной декларации принципов марксистской левой, настолько важно, что мы не вправе медлить и должны успешно довести его до конца, и притом как можно скорее. То, что мы запаздываем, представляет большую опасность!» [39].

Большую роль сыграл выработанный В. И. Лениным «Проект резолюции Циммервальдской левой», разосланный всем левым социал-демократам, с которыми были установлены связи. В его основу были положены главные положения манифеста ЦК РСДРП и резолюций Бернской конференции заграничных секций РСДРП. Проект был разослан для обсуждения, как говорил В. И. Ленин, «для спевки». «Посылаем проект (индивидуальный) декларации международных левых,— писал Владимир Ильич А. М. Коллонтай.— Очень просим перевести и сообщить левым Швеции и Норвегии, дабы д е л о в ы м образом двинуть Verständigung [40] с ними» [41].

В. И. Ленин стремился обеспечить возможно более полное представительство интернационалистов на конференции. В письме секретарю лозаннской секции большевиков он подчеркивал: «...и м е н н о французы антишовинисты имели бы т е п е р ь... сугубо важное значение на конференции» [42].

В. Коларов вспоминал, как вскоре после приглашения Р. Гримма прислать представителя ЦК Болгарской социал-демократической партии на конференцию Д. Благоев получил письмо В. И. Ленина, в котором он настаивал на участии в конференции болгарских левых («тесняков») [43].

Не исключая возможности, что не удастся обеспечить присутствие представителей революционных элементов на конференции, В. И. Ленин попробовал договориться об издании манифеста от имени левой независимо от конференции. «А согласны ли на общий наш манифест левых разных стран (независимо от конференции)?» [44] — писал он А. М. Коллонтай. «Дьявольски важно было бы совместное интернациональное выступление л е в ы х марксистов!» — подчеркивал Владимир Ильич в другом письме, разъясняя, что «принципиальное заявление — главное и, пока, единственно возможное» [45]. Он был чрезвычайно обрадован, получив декларацию норвежцев, излагавшую их взгляды, в основном соответствовавшие ленинскому проекту декларации.

Двурушническую позицию занимал К. Радек. Не выступая открыто, он противодействовал сплочению левых, пытался посеять среди них неверие в свои силы. Он заявлял, что левые в Германии являются лишь продуктом брожения в массах и их выступление с декларацией нецелесообразно. Разоблачая оппортунистические измышления Радека, В. И. Ленин указывал, что левые в Германии сделают историческую ошибку, если под предлогом, что «они продукт брожения в массах», откажутся выступить с Prinzipienerklärung. Он подчеркивал, что именно «д л я развития «брожения в массах» нужна левая декларация и программа. В в и-

---

[39] Т а м ж е, стр. 150.
[40] Сговор.
[41] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 35, стр. 154.
[42] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 36, стр. 306.
[43] «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине». М. 1958, стр. 20.
[44] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 36, стр. 301.
[45] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 35, стр. 155.

ду такого брожения она нужна. Для превращения «брожения» в «движение» она нужна. Для развития «брожения» в гнилом Интернационале она нужна. И немедленно!!!» [46].

Суровой критике подверг В. И. Ленин представленный Радеком проект декларации левых. Отсылая его обратно Радеку, он писал: «При сем Ваш проект. Ни слова о социал-шовинизме и (=) оппортунизме и о борьбе с ними!! Зачем такое прикрашивание зла и сокрытие от рабочих масс их главного врага в социал-демократических партиях?.. (Ваш проект слишком «академичен», не боевой призыв, не боевой манифест)» [47]. Понимая вред, который мог нанести этот проект делу сплочения левых, В. И. Ленин разослал им письма с разъяснением неправильности положений проекта Радека.

Чтобы разъяснить важнейшие вопросы политики и тактики революционной социал-демократии, В. И. Ленин написал работу «Социализм и война», в которой дал подробные комментарии к манифесту ЦК РСДРП и резолюциям Бернской конференции. Эта брошюра была опубликована на немецком языке и раздавалась делегатам конференции.

Накануне открытия конференции, 4 сентября 1915 г., по инициативе В. И. Ленина было созвано частное совещание левых социал-демократов. Н. К. Крупская писала, что Владимир Ильич «сделал на частном совещании доклад о характере войны и о тактике, которая должна быть применяема международной конференцией» [48]. Он вскрыл буржуазное содержание лозунга «мир», которым Р. Гримм хотел на конференции объединить интернационалистов. Ленин показал, что этот лозунг тогда на деле выражал мещанское пожелание без учета действительности, уводившее от революции, помогавшее империалистическим правительствам. «Мир—иллюзия и фраза при теперешних правительствах» [49],—отмечал он.

На совещании была оформлена Циммервальдская левая группа, избрано ее бюро во главе с В. И. Лениным; приняты проекты резолюции и манифеста, с которыми левые выступили на конференции.

Первая конференция интернационалистов проходила в швейцарской деревне Циммервальд с 5 по 8 сентября 1915 года. В ней участвовало 38 делегатов от 11 стран: России, Германии, Франции, Италии, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии, Болгарии, Румынии, Польши. Не могли прибыть представители Англии ввиду отказа правительства выдать им разрешение на выезд. Большинство делегатов занимало каутскианскую, центристскую или близкую к каутскианцам позицию. Это большинство вошло в историю под названием «Циммервальдская правая».

Циммервальдская левая группа, объединявшая 8 делегатов и возглавлявшаяся В. И. Лениным, сплоченно и организованно выступала на конференции против большинства. При голосовании по отдельным вопросам левые собирали до 12 голосов.

На конференции были заслушаны и обсуждены следующие вопросы: 1) доклады представителей отдельных стран; 2) совместная декларация представителей Германии и Франции; 3) предложение Циммервальдской левой о принятии принципиальной резолюции; 4) принятие манифеста; 5) выборы; 6) принятие резолюции симпатии жертвам войны и преследуемым.

Борьба между Циммервальдской левой и каутскианским большинством началась при обсуждении внесенного левыми проекта принципиальной резолюции, содержавшего четкую характеристику войны как империалистической, грабительской, ведущейся в интересах империалистической буржуазии, осуждавшего социал-шовинистов и их лозунг «защиты отече-

---

[46] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 296.
[47] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 159.
[48] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1957, стр 250.
[49] «Ленинский сборник» XIV, стр. 188.

ства» в несправедливой войне. Сам проект на конференции не обсуждался. Спор шел по вопросу о возможности принятия принципиальной резолюции. Центристское большинство возражало против принятия такой резолюции, мотивируя это тем, что оно будто бы не имело полномочий от пославших их организаций. За передачу проекта в комиссию для выработки принципиальной резолюции голосовало 12 делегатов.

Ожесточенная идейная борьба между Циммервальдской левой и оппортунистическим большинством развернулась при обсуждении манифеста, по принципиальным вопросам оценки положения, о путях борьбы и задачах социал-демократии.

На конференции были представлены три различных проекта манифеста, обсуждение которых вызвало долгие и бурные прения. О их содержании можно судить по записям В. И. Ленина [50] и его статьям «Первый шаг», «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.». Владимир Ильич разоблачил шаткую, колеблющуюся, непоследовательную позицию немецких делегатов, возглавлявшихся Ледебуром. Признавая нарастание и неизбежность революции, они отрицали необходимость призывов к развертыванию активных действий по подготовке к революции (братание солдат на фронте, организация политических стачек, уличных демонстраций, гражданской войны). Солидаризируясь с плехановской оценкой, немецкие делегаты называли все это «вспышкопускательством». В то же время они соглашались с необходимостью следовать примеру членов думской РСДР фракции, которые действовали как раз в целях развития гражданской войны.

Против проекта левых выступали Р. Гримм, французские и итальянский делегаты. Французские делегаты Мергейм и Бурдерон заявили, что они не за тем пришли на конференцию, чтобы «давать формулу III Интернационала» [51]. Они высказывались против пропаганды революционных действий, считая их якобы несвоевременными.

В своем выступлении на конференции В. И. Ленин раскрыл лицемерие и фальшь каутскианского большинства, разоблачил его попытки под прикрытием левых фраз избежать раскола с социал-шовинистами.

Борьба продолжалась и в комиссии, куда были переданы все три проекта манифеста. Не добившись принятия своего проекта, левые начали вносить многочисленные поправки к манифесту, выработанному комиссией, и им «ряд основных мыслей революционного марксизма удалось провести» [52]. Выработанный комиссией и принятый конференцией манифест отражал нерешительность, колебания многих делегатов и борьбу различных направлений среди них.

Владимир Ильич назвал этот манифест «компромиссным». Голосуя за него, Циммервальдская левая в особой резолюции отмечала непоследовательность и недоговоренность манифеста: отсутствие оценки оппортунизма, указания конкретных революционных средств борьбы против войны и т. п. Левые заявили, что манифест их не вполне удовлетворяет и что они будут, где только возможно, отстаивать революционную, марксистскую позицию [53]. Все же Циммервальдский манифест, несмотря на его недостатки, В. И. Ленин считал шагом к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом. Мотивируя голосование левых за манифест, он писал: «Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед в м е с т е с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего. Было бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с расту-

---

[50] См. там же, стр. 179—181.
[51] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 357.
[52] Там же, стр. 351.
[53] См. там же, стр. 353—354.

щим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным социалистическим бюро» [54]. На конференции было зачитано письмо К. Либкнехта с призывом к разрыву с оппортунистами, укреплению международной солидарности рабочих и признанием необходимости гражданской войны против империалистических правительств. Это письмо В. И. Ленин слушал с большим вниманием. «Гражданская война, это великолепно!» — несколько раз повторил он. Он сделал выписки наиболее важных мест из этого письма [55].

Конференция приняла резолюцию симпатии жертвам войны и преследуемым, в которой выражала братское сочувствие сосланным в Сибирь думским депутатам-большевикам, репрессированным за революционную деятельность К. Либкнехту, Р. Люксембург и К. Цеткин. Конференция заявила о своем стремлении следовать «примеру этих смелых борцов и неустанно преследуя цель будить в международном пролетариате революционный дух и объединять его в борьбе против братоубийственной войны и против капиталистического общества» [56].

Французская и немецкая делегации выступили с совместной декларацией о необходимости проведения энергичной борьбы против войны и правительств, толкавших рабочих на взаимное уничтожение. Конференция избрала Интернациональную социалистическую комиссию.

Ход конференции подтвердил правильность политики большевиков. «...успех нашей линии несомненен...— писал Ленин.— В сентябре 1914 г. манифест нашего Центрального Комитета — как будто одинокий... В сентябре 1915 г. мы сплачиваемся в целую группу международной левой, выступаем со своей тактикой, проводим ряд основных наших идей в общем манифесте, участвуем в образовании ИСК (Интернациональной социалистической комиссии), т. е. фактически нового Международного социалистического бюро, вопреки воле старого, на базе манифеста, прямо осуждающего тактику старого» [57].

Большим успехом интернационалистского движения В. И. Ленин считал организацию международной левой группы. Но в Циммервальдской левой только большевики занимали до конца революционную позицию. Поэтому В. И. Ленин настоятельно подчеркивал необходимость усиления и укрепления Циммервальдской левой. Он разъяснял ошибки и заблуждения некоторых левых социалистов и указывал, что конференция открыла новый этап борьбы за интернационализм. Мы, писал он, «будем распространять наши взгляды не менее, чем будет распространяться манифест» [58]. Он ставил задачу бороться за дальнейшее развитие социалистического движения и очищение его от оппортунистической скверны.

После конференции со всей силой развернулась борьба внутри Циммервальдского объединения. В. И. Ленин разоблачил попытки Р. Гримма, возглавлявшего ИСК, скрыть суть разногласий на конференции, значение образования Циммервальдской левой и ее требований. Владимир Ильич организовал публикацию документов Циммервальдской левой, выступал в Швейцарии с докладами об итогах конференции. В газете «Социал-Демократ» было напечатано несколько статей, посвященных итогам конференции, в том числе статьи В. И. Ленина с призывом к дальнейшей борьбе. По предложению Владимира Ильича было подготовлено специальное

---

[54] Там же, стр. 354.

[55] «Письмо Карла Либкнехта к Циммервальдской конференции» «Пролетарская революция», 1929, № 7 (90), стр. 142.

[56] «Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала». Материалы и документы 1914—1919 гг. М. 1934, стр. 178.

[57] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 354—355.

[58] Там же, стр. 354.

письмо об итогах конференции, переведенное на различные языки и разосланное левым социал-демократам.

Вскоре после конференции, в сентябре 1915 г., была создана расширенная Интернациональная социалистическая комиссия с постоянным представительством от социалистических партий всех стран. В ее состав от ЦК РСДРП вошли В. И. Ленин, И. Арманд и другие. Отмечая сдвиги в социалистическом движении, В. И. Ленин в то же время ставил задачу углублять борьбу, двигать вперед Циммервальдское объединение.

Газета «Социал-Демократ» с материалами о Циммервальдской конференции (№№ 45-46, 47) была разослана левым течениям всех социалистических партий и широко распространялась за границей. В целях более широкой популяризации документов левых и осведомления о Циммервальдской конференции было решено издать отдельную брошюру. В письме А. М. Коллонтай в Америку 9 ноября 1915 г. В. И. Ленин писал: «Мы издаем здесь на-днях (по-немецки, а затем н а д е е м с я пустить по-французски и, если удастся извернуться с деньгами,— по-итальянски) маленькую брошюрку от имени Циммервальдской левой. Под этим именем мы хотели бы пустить возможно шире в междунар[одное] обращение нашу левую группу в Цим[мер]в[а]л[ь]де (Ц. К. + P.S.D.) + лат[ыши] + шведы + норвежцы + 1 немец + 1 шв[ей]ц[а]рец) с ее п р о е к т о м р е з о л ю ц и и и м а н и ф е с т а»[59]. Владимир Ильич просил Коллонтай издать эту брошюру на английском языке для распространения в Англии и Америке. «Это д. б. первое выступление я д р а л е в ы х с.-д. в с е х стран, имеющих ясный, точный, полный о т в е т на в[опро]с, что делать и куда итти»[60],— писал он.

Брошюра была издана в ноябре 1915 г. под названием «Internationale Flugblätter» № 1 («Die Zimmerwalder Linke über die Aufgaben der Arbeiterklasse») («Интернациональный летучий листок» № 1 («Циммервальдская левая о задачах рабочего класса»)). Она была послана в различные страны, в том числе А. М. Коллонтай и Лиге социалистической пропаганды в Америке, в Швецию и Норвегию для перевода на шведский и норвежский языки, а также в Германию и Францию.

Много внимания уделял В. И. Ленин подготовке журнала международных левых. Н. К. Крупская писала: «...наладился международный журнал (будет выходить в Берне), деньги дала Роланд-Холст, которая, как и левые голландцы, присоединилась к Циммервальдской левой. Первый номер почти готов. Хотят тот-же журнал издавать и по французски»[61].

Первый номер журнала под названием «Vorbote» («Предвестник») вышел в январе 1916 г. с ленинской статьей «Оппортунизм и крах II Интернационала»; второй номер вышел в апреле 1916 г. с тезисами «Социалистическая революция и право наций на самоопределение».

Большую переписку вел Владимир Ильич с интернационалистскими элементами, разъясняя им позицию Циммервальдской левой, осведомляясь об их деятельности, советовался с ними, указывал конкретные задачи.

В результате упорной и настойчивой работы В. И. Ленина и большевиков по распространению идей Циммервальдской левой влияние ее на массы росло и ширилось во всех странах, усиливая ряды интернационалистов. Конец 1915 и начало 1916 г. ознаменовались значительным оживлением международного революционного рабочего движения. Стали чаще взрывы возмущения трудящихся в связи с затянувшейся империалистической войной, ростом дороговизны и бедствиями, обрушивавшимися на рабочих. Увеличилось число стачек и демонстраций. Объективно сложившееся в Европе положение свидетельствовало об углублении экономи-

---

[59] «Ленинский сборник» II, стр. 253.
[60] Там же, стр. 253—254.
[61] «Ленинский сборник» XI, стр. 199.

ческого и политического кризиса. «Мы стоим, несомненно, накануне социалистической революции» [62],— писал В. И. Ленин.

Наряду с ростом революционного движения шел процесс высвобождения трудящихся из-под влияния каутскианцев. Усилилась работа левых в ряде стран, росло их влияние на массы, среди левых окрепли тенденции к разрыву с социал-патриотами и самостоятельному организационному оформлению. В январе 1916 г. на квартире К. Либкнехта была созвана общегерманская конференция группы «Спартак», оформившая ее как самостоятельную организацию. Группа стала решительнее выступать в качестве организатора и руководителя рабочего движения. В листовках-письмах «Спартака», нелегально издававшихся и распространявшихся в Германии, разоблачались замыслы германского империалистического правительства и тактика социал-шовинизма. В. И. Ленин указывал: «Работа германской группы Спартак, которая вела систематическую революционную пропаганду в самых трудных условиях, действительно спасла честь германского социализма и германского пролетариата» [63].

Усилилась деятельность интернационалистов во Франции. Участники конференции в сентябре — октябре 1915 г. издали полулегально на французском языке брошюру «Интернациональная социалистическая конференция в Циммервальде». Эта брошюра содержала документы конференции и была распространена в количестве 10 тыс. экземпляров. В конце 1915 г. французские левые создали «Комитет интернационального действия». Оживилась работа интернационалистов в Англии, Австрии, а также в нейтральных странах: Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии и др.

Полевение масс и усиление влияния на них левых социал-демократов заставили центристов оживить свою деятельность, усилить борьбу внутри Циммервальдского объединения. В связи с попыткой созыва МСБ Гримм опубликовал заявление о том, что ИСК имеет временный характер и прекратит свою деятельность, как только начнет функционировать Международное социалистическое бюро. Это был прямой отказ от всех достижений интернационализма, попытка вступить в открытый сговор с социал-шовинистами в МСБ.

Оценивая этот шаг как предательство интернационализма, В. И. Ленин выступил с резким протестом против заявления Гримма и всей его оппортунистической деятельности как председателя ИСК. Для обсуждения вопроса об отношении циммервальдистов к созыву МСБ было созвано совещание расширенной ИСК, проходившее в Берне с 5 по 8 февраля 1916 года. На нем присутствовали 22 представителя от интернационалистов России, Германии, Италии, Норвегии, Австрии, Швейцарии, Болгарии, Румынии. Состав делегатов свидетельствовал об изменении соотношения сил в пользу левых, что наложило отпечаток на ход работы совещания и на его решения. Резкой критике подвергли большевики заявление Гримма, оценивая его как согласие на восстановление II Интернационала; они подчеркивали необходимость активизации деятельности ИСК.

Представленный Гриммом проект манифеста был составлен под влиянием левых и делал шаг вперед по сравнению с Циммервальдским манифестом. В нем осуждались участие социалистов в буржуазных правительствах и учреждениях, служивших «обороне» страны в империалистической войне, голосование за военные кредиты, подчеркивалась необходимость всемерной поддержки рабочего движения и подготовки решительных революционных действий.

Но и этот документ также страдал половинчатостью и недоговоренностью. В нем ничего не говорилось о разрыве с оппортунистами. После двухдневных прений было решено проект манифеста переработать в обращение. Специально созданная комиссия под давлением большевиков и

---

[62] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 364.
[63] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 306.

левых социал-демократов включила в проект обращения поправки в духе Циммервальдской левой. Попытки восстановления II Интернационала путем взаимной амнистии скомпрометировавших себя вождей в обращении оценивались как «заговор против социализма» [64]. В проекте подчеркивалось, что жизненные интересы пролетариата и борьба за его освобождение для социалистов должны быть выше организационной партийной дисциплины, что вожди социал-демократии своими оппортунистическими действиями освобождают членов партии от всякой обязанности по отношению к ним. Но проект обращения также отличался непоследовательностью, не доводил до конца революционные положения. Поэтому делегация ЦК РСДРП, возглавляемая В. И. Лениным, внесла заявление о том, что она видит в обращении шаг вперед по сравнению с решениями первой Международной социалистической конференции в Циммервальде, но не во всех положениях находит его удовлетворительным.

На совещании обсуждался вопрос о созыве второй Международной социалистической конференции, которая должна была выразить отношение социалистов к созыву МСБ и к социал-пацифизму. Оживленные прения развернулись по вопросу об определении состава предстоявшей конференции. Вопреки стремлению циммервальдского большинства обеспечить центристский состав участников В. И. Ленин добивался приглашения на конференцию левых и подлинно интернационалистских элементов. От имени левых он внес проект решения о созыве второй Международной социалистической конференции с указанием срока созыва и порядка работы: «1) борьба с войной; 2) интернациональное объединение социалистов, враждебных войне и национализму; 3) практические меры организации, агитации и борьбы с правительствами; 4) развитие циммервальдских решений» [65].

Совещание решило созвать конференцию в апреле 1916 г. и утвердило программу ее работы, отклонив ряд вопросов, внесенных левыми, в том числе о самоопределении наций, о международной организации пролетариата и др. В конце совещания В. И. Ленин выступил с резкой критикой лживого интернационализма меньшевиков и их попыток представить в качестве интернационалистов ОК (меньшевистский Организационный комитет.— *А. С.*) и фракцию Чхеидзе.

Решения совещания расширенной ИСК свидетельствовали об усилении влияния в массах Циммервальдской левой и росте революционного движения. 8 февраля 1916 г., выступая на интернациональном митинге, организованном ИСК в Берне, В. И. Ленин заявил, что рост революционных выступлений пролетариата во всем мире «служит нам ручательством, что после европейской войны наступит пролетарская революция...» [66].

После совещания ИСК В. И. Ленин и большевики развернули работу по подготовке ко второй Международной социалистической конференции. Не дожидаясь официального сообщения о созыве конференции, по поручению В. И. Ленина было разослано всем секциям РСДРП и левым группам письмо о совещании ИСК и о созыве конференции. В марте 1916 г. вышел № 52 газеты «Социал-Демократ», в котором было напечатано обращение расширенной ИСК и статья В. И. Ленина «О «программе мира»», разоблачавшая новую попытку центристов под прикрытием лживо-левых лозунгов повести революционное движение в русло, угодное империалистической буржуазии и социал-шовинистам.

Вскоре В. И. Ленин разработал «Предложение Центрального Комитета РСДРП 2-ой социалистической конференции» и разослал его всем большевистским организациям и левым социал-демократам Франции,

---

[64] «Социал-Демократ» № 52.
[65] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 109.
[66] Там же, стр. 114.

Германии, Англии, Швейцарии, Италии, Голландии, Норвегии, Швеции и других стран. В этом документе Владимир Ильич указывал, что для революционных социалистов программа борьбы за мир должна состоять в разоблачении лжи социал-пацифистов, в разъяснении массам того положения, что действительно справедливого мира можно добиться только путем социалистической революции и свержения империалистических правительств. В «Предложении...» критиковалось стремление правых циммервальдистов пойти на соглашение с социал-шовинистами.

Огромные трудности, возникшие при подготовке к конференции, в значительной степени объяснялись осложнениями внутри Циммервальдской левой. Уже первые выступления левых обнаружили путаницу в их взглядах по важнейшим вопросам программы и тактики пролетариата в связи с империалистической войной. Особенно большие колебания и ошибки обнаружились в области национального вопроса, ставшего одним из наиболее актуальных в то время.

Большое значение в разъяснении ошибок левых имели работы В. И. Ленина «О брошюре Юниуса», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Военная программа пролетарской революции», «О лозунге «разоружения»» и др.

Теоретическую путаницу и колебания левых попытались использовать враги партии Бухарин и Радек в целях борьбы против ленинцев. В. И. Ленин решительно пресекал все попытки Пятакова, Бухарина, Радека извратить марксистскую теорию, разоблачал их стремления посеять разногласия в Циммервальдской левой, критиковал двурушническую, примиренческую позицию Шляпникова и Зиновьева.

Так же как и в Циммервальде, В. И. Ленин в Кинтале беседовал со многими делегатами от ряда стран. «Ленин говорил со мной по-немецки... Его вопросы были очень точны,— писала Анна Шуберт (делегат немецких левых социал-демократов.— *А. С.*).— От меня он хотел узнать, как обстояли дела в Берлине, какое настроение у рабочих и как они ведут борьбу против войны» [67].

Вторая Международная социалистическая конференция проходила в Кинтале 24—30 апреля 1916 года. В ней приняли участие 43 делегата от Польши, России, Германии, Франции, Италии, Швейцарии. Ряд представителей левых не мог попасть на конференцию. Некоторые из них передали свои полномочия другим партиям: латыши — ЦК РСДРП, Роланд-Гольст — краевому правлению ПСД. Бурдерон и Мергейм вместе с приветствиями конференции сообщили о согласии поставить подписи под ее решениями. Французская синдикалистская молодежь прислала резолюцию с изложением своих взглядов.

Левое крыло на конференции было сильнее, чем в Циммервальде, что явилось результатом изменения соотношения сил в международном рабочем движении в пользу интернационализма. На конференции обсуждались следующие вопросы: 1) борьба за окончание войны, 2) отношение пролетариата к вопросам мира, 3) агитация и пропаганда, 4) парламентская деятельность, 5) массовая борьба, 6) о созыве МСБ.

Упорная борьба шла по вопросу об отношении Циммервальдского объединения к созыву МСБ, от решения которого в значительной мере зависело все дальнейшее развитие социалистического движения. Циммервальдская правая, не высказывая определенно своего мнения, стремилась всемерно оттянуть разрыв с социал-шовинистами. Подвергая критике позицию правых, В. И. Ленин указывал, что высказываться за созыв МСБ — значит помогать социал-шовинистам обманывать рабочих, отказываться от революционного пути борьбы. «Восстановлять обанкротившееся Международное социалистическое бюро будут социал-шовинисты и каутскиан-

---

[67] Сборник «Незабываемый Ленин». М. 1958, стр. 48.

цы всех стран» [68],— писал он. Владимир Ильич подчеркивал, что задача социалистов состоит в том, чтобы разъяснять неизбежность разрыва с социал-шовинистами, которые под флагом социализма вели политику буржуазии.

Конференция приняла политическую резолюцию, осуждавшую деятельность МСБ и в то же время не отвергавшую возможность его созыва по требованию Циммервальдского объединения. Левые добились принятия к этой резолюции добавления, оговаривавшего, что в случае созыва МСБ должна быть созвана расширенная ИСК для обсуждения вопроса об общем выступлении представителей Циммервальдского объединения.

В резолюции были отвергнуты как утопические все социал-пацифистские проекты о разоружении, о третейских судах для решения конфликтов между странами. В ней подчеркивалось, что «борьба за прочный мир может заключаться лишь в борьбе за осуществление социализма» [69]. Конференция приняла манифест, который В. И. Ленин считал дальнейшим шагом вперед, несмотря на все его недостатки.

По инициативе В. И. Ленина во время работы Кинтальской конференции было проведено несколько совещаний левых. На их обсуждение были поставлены тезисы ЦК РСДРП, излагавшие позицию большевиков по важнейшим вопросам конференции. На совещании Радек выступил против ленинских тезисов, оспаривая право большевиков на самостоятельное, отдельно от Циммервальдской левой, выступление с тезисами. Ведя линию на раскол Циммервальдской левой, он пытался использовать обычные приемы эмигрантских склочников и свалить вину на большевиков. «В Кинтале,— писал В. И. Ленин,— Радек хотел мажорировать нас среди левых, на совещании левых, пользуясь Фрёлихом, Робманшей и т. п., и что потребовался ультиматум для того, чтобы заставить его признать самостоятельность нашего ЦК» [70].

На совещании Владимиру Ильичу удалось добиться сплочения левых для их совместного выступления на конференции против каутскианского большинства, «ни на иоту не ослабив «Циммервальдской левой» и имея предпосылки для борьбы против глупизма по вопросу об отношении к демократии» [71]. Был выработан и проект резолюции по вопросу о мире, внесенный на конференции от имени Циммервальдской левой. В него были включены основные ленинские положения.

После Кинтальской конференции В. И. Ленин и большевики повели борьбу за осуществление ее решений. Всем организациям левых было разослано написанное при участии В. И. Ленина письмо ЦК РСДРП с подробным освещением хода конференции, ее решений и дальнейших задач левых циммервальдистов. В. И. Ленин выступал с рефератами об итогах конференции.

Затягивание империалистической войны, истощение материальных и людских ресурсов, назревание революционного кризиса оживили пацифистские тенденции среди буржуазии воюющих государств. Резко усилилась пацифистская пропаганда. В. И. Ленин указывал, что эта пропаганда была прежде всего рассчитана на то, чтобы «мирно разоружить миллионы пролетариев и безопасно перевести их — под прикрытием благовидной идеологии и непременно окропив их святой водицей сладеньких пацифистских фраз! — из грязных, вонючих, смрадных траншей, где они занимались бойней, на каторги капиталистических фабрик, где они должны «че-

---

[68] В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 167.
[69] «Борьба большевиков за создание Коммунистического Интернационала», стр. 184.
[70] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 174.
[71] Там же, стр. 204—205.

стным трудом» отрабатывать сотни миллиардов государственного долга...» [72]. В этих условиях Циммервальдская правая в ряде крупнейших стран — Франции, Германии, Италии — скатилась «вполне и целиком к этому осужденному и отвергнутому в Кинтале социал-пацифизму!» [73], повернула к открытому союзу с социал-шовинистами, совершив тем самым предательство в отношении Циммервальда. Правые пытались примирить две в корне противоположные политики: политику Циммервальда, осудившего социал-пацифизм, и проводимую ими на деле линию социал-пацифизма. Циммервальдские правые «на словах о с у д и л и «социал-пацифизм»..., а на деле повернули к нему!!» [74]. Об этом свидетельствовало изданное 30 декабря 1916 г. обращение ИСК, проникнутое лицемерием и лживыми фразами.

Такую тактику правых В. И. Ленин оценил как крах Циммервальда. Он написал проект тезисов обращения к ИСК, в котором, разоблачая гнусность поведения Р. Гримма и других, призывал левых социал-демократов потребовать созыва новой конференции, безоговорочно осудить буржуазный реформизм и социал-пацифизм, уже отвергнутый в Кинтале, объявить о решительном организационном разрыве с социал-шовинизмом, осудить поведение правых циммервальдистов, сделавших невозможным дальнейшее существование Циммервальдского объединения [75].

В. И. Ленин предполагал послать обращение в ИСК и в печать. Но 7 января 1917 г. Р. Гримм, являвшийся одновременно и председателем правления Швейцарской социал-демократической партии, провел постановление об отсрочке созыва чрезвычайного съезда этой партии, который должен был обсудить вопрос об отношении к войне, к решениям Кинтальской конференции и к социал-пацифизму. Это означало, что Гримм открыто вступил в союз с социал-шовинистами. Оценивая такие действия как «смерть Циммервальда», В. И. Ленин потребовал немедленного выхода левых из Циммервальдского объединения, разрыва с оппортунистами и организации левых для борьбы за III Интернационал. «Циммервальд» явно обанкрутился,— писал он,— и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили!» [76].

В. И. Ленин написал обращение «К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств», в котором разоблачил всю гнусность правых циммервальдистов и показал, что Циммервальд повторил «х у д ш и е традиции II Интернационала, потерпевшего позорный крах...» [77]. Он указывал на необходимость открытого разоблачения Циммервальдской правой, перешедшей на сторону буржуазно-реформистского пацифизма, и измены Циммервальду со стороны Гримма. «Я не хочу быть с таким субъектом в Циммервальдской организации и посылаю в свой ЦК мотивированное заявление об этом» [78].

По инициативе В. И. Ленина в январе и феврале 1917 г. в Цюрихе и Ольтене были проведены совещания циммервальдистов разных стран, на которых «двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеймено левыми интернационалистами нескольких стран...» [79]. В письмах к левым социал-демократам и большевикам В. И. Ленин поставил задачу организации нового Интернационала только силами левых, занимавших позицию действительно революцион-

---

[72] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 263.
[73] Там же, стр. 223.
[74] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 230.
[75] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 197—208.
[76] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 233.
[77] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 226.
[78] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 217.
[79] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 60.

ного интернационализма. «Нельзя терпеть далее циммервальдское болото,— писал он.— Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде только для информации»[80].

В этот период В. И. Ленин развернул деятельность по оказанию помощи швейцарским левым в их борьбе против Гримма и других центристов. Одновременно он повел еще более усиленную работу среди левых за создание III, Коммунистического Интернационала. Он указывал, что «раскол в международном масштабе... назрел», что надо вести работу по организации «III Интернационала только против каутскианцев всех стран... только в сближении с людьми, стоящими на позиции Циммервальдской левой»[81].

★

Борьба В. И. Ленина и большевиков в годы первой мировой войны за сплочение левых элементов социалистических партий была подготовкой к созданию действительно революционного международного объединения рабочих — III, Коммунистического Интернационала. Деятельность Ленина и левых социал-демократов в Циммервальдском объединении была направлена на идеологическое воспитание масс, высвобождение их из-под влияния социал-шовинизма и центризма. Циммервальдскую и Кинтальскую конференции В. И. Ленин считал зародышами III Интернационала. Они способствовали усилению левых элементов во всех странах, их идейному и организационному размежеванию с оппортунистами, подготовляли почву для создания коммунистических партий и III Интернационала.

---

[80] Там же.
[81] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 186—187.

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Б. С. Тельпуховский

В советской историографии еще нет специальных исследований о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны. Мы располагаем лишь рядом брошюр и кандидатских диссертаций, посвященных героической борьбе воинов Сталинграда и населения города [1]. О причинах и характере военно-политических событий, обусловивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и в ходе второй мировой войны, лишь бегло говорится в общих работах [2].

Буржуазные фальсификаторы истории и реакционные военно-политические деятели извращенно показывают эти причины. Некоторые из них пытаются приписать решающую роль в достижении коренного перелома в ходе второй мировой войны действиям англо-американских войск на фронтах, которые на самом деле были второстепенными [3]. Другие пытаются поставить знак равенства между событиями на этих фронтах и разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом [4]. Многие английские и особенно американские авторы вообще предпочитают умалчивать об исторической победе наших Вооруженных Сил под Сталинградом [5].

Все же значительная часть буржуазных исследователей, в том числе и многие западногерманские военные историки, а также многие бывшие гитлеровские генералы и офицеры, вынуждены признать, что исход вто-

---

[1] М. А. Водолагин. Сталинград в Великой Отечественной войне. Сталинград. 1949; А. Н. Климов. Трудящиеся города Сталинграда и области в борьбе за разгром немецко-фашистских оккупантов под Сталинградом. М. 1954 (кандидатская диссертация); М. П. Ермаков. К вопросу об истории борьбы за Сталинград. М. 1951 (кандидатская диссертация); Н. Н. Миколенко. Организующая и вдохновляющая роль коммунистов в героической обороне Сталинграда. М. 1953 (кандидатская диссертация); П. К. Спикин. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор разгрома гитлеровских полчищ под Сталинградом. М. 1953 (кандидатская диссертация), и др.

[2] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М. 1955; «Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М. 1956; Г. А. Деборин. Вторая мировая война. М. 1958; В. А. Секистов «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М. 1958; «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М. 1958, и др.

[3] Fieldmarshal the Viscount Montgomery of Alamein. El Alamein to the river Sangro. London. 1949; F. R. Dulles. America's rise to World Power. New York. 1955; H. C. Butcher. My Three years with Eisenhower. New York. 1946; E. Rommel. Krieg ohne Hass. Heidenheim. 1950; A. Kesselring. Soldat bis zum letzten Tag. Bonn. 1953; F. von Papen. Memoirs. London. 1952; Б. Г. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М. 1957; Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война. М. 1956, и др.

[4] W. Churchill. The Second World War. Vol. IV. London. 1954; A. Bryant. The Turn of the Tide. London. 1956; J. R. Deane. The strange Alliance. New York. 1947; L. M. Chassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale. Paris. 1947; G. Gigli. La seconda Guerra mondiale. Bari. 1951; H. L. Stimson and Mc. G. Bunday. On Active Service in Peace and War. New York. 1948.

[5] D. Eisenhower. Grusade in Europe. London—Toronto. 1949; W. Bedell Smith. Eisenhower's six great decisions. New York—Toronto. 1956; E. Jack. The rising crescent. New York — Toronto. 1944; М. Риджуэй. Солдат. М. 1958; О. Брэдли. Записки солдата. М. 1957; J. Kennedy. The Business of War. London. 1957; Cave Floyd A. The Origins and Consequences of World War II. New York. 1948.

рой мировой войны был решен на советско-германском фронте и что огромную роль в этом сыграла Сталинградская битва, ознаменовавшая начало коренного перелома в мировой войне [6]. Даже в таком реваншистском издании, каким является боннский «Солдатский календарь», Сталинград назван «поворотным пунктом» второй мировой войны [7].

В настоящей статье делается попытка кратко осветить развитие военно-политических событий и дать анализ причин, обусловивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и вместе с тем всей второй мировой войны.

★

Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, фашистское командование сосредоточило к лету 1942 г. на советско-германском фронте значительно бóльшие силы, чем в первые месяцы войны. На этот раз гитлеровцы решили нанести основной удар на южном крыле советско-германского фронта, где они имели большой перевес в танках и авиации.

Цели летнего наступления 1942 г. были определены в директиве Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года. В ней указывалась следующая основная задача немецких вооруженных сил: «...Окончательно уничтожить оставшиеся еще (!) в распоряжении Советов силы и лишить их, по мере возможности, важнейших военно-экономических центров» [8].

Немецкое командование намеревалось разгромить войска Красной Армии к югу от Орла, захватить важные в экономическом отношении районы Донбасса, Дона и Кубани, затем развить наступление дальше на юг для захвата кавказских нефтяных районов и пути через Кавказ. Для этого гитлеровцы планировали нанести удар из района Курска в направлении Воронежа, захватить его и продолжить наступление в южном направлении, чтобы поддержать второй прорыв, который они рассчитывали осуществить из района Харькова. Чтобы обеспечить успешное наступление на Кавказском направлении, 6-я полевая и 4-я танковая армии, по замыслу гитлеровского командования, должны были продвинуться вниз по течению Дона на юго-восток, выйти к Волге в районе Сталинграда, захватить город и соединиться здесь с войсками, наступавшими из района Таганрога, Артемовска через Северный Донец и далее на северо-восток по течению Дона [9]. Захват Сталинграда являлся для врага главнейшей из ближайших задач. Фашистское командование считало, что успех на юге создаст предпосылки для завершения в пользу Германии войны против СССР.

Планируя новое наступление, Гитлер и его клика преследовали и далеко идущие политические цели. Они надеялись в случае успеха ускорить вовлечение в войну против Советского Союза Турции и Японии, которые связывали свое открытое выступление против нашей страны с успехом летнего наступления немецко-фашистских войск.

Если бы гитлеровцы добились успеха на юге советско-германского фронта, то и положение Англии и США резко ухудшилось бы. Признавая этот факт, бывший государственный секретарь США Стеттиниус писал: «Американский народ должен помнить, что он находился на краю гибели в 1942 году. Если бы Советский Союз не удержал линию фронта, немцы

---

[6] W. Görlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a. M. 1950; O. H. Kühner. Wahn und Untergang. Stuttgart. 1957; K. Assman. Deutsche Schicksalsjahre; J. Wieder. Die Tragödie von Stalingrad. Deggendorf. 1955; G. Toepke. Stalingrad wie es wirklich war. Stade. 1949; Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М. 1957; К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956; «Мировая война 1939—1945 гг.». Сборник статей. М. 1957.

[7] «Deutscher Soldatenkalender». München. 1957, S. 9.

[8] Г. Дёрр. Указ. соч., стр. 127.

[9] Там же, стр. 127—129.

сумели бы захватить Великобританию. Они бы также захватили Африку, а затем сумели бы создать плацдарм в Латинской Америке» [10]. Новым наступлением гитлеровцы стремились также поднять престиж фашистской Германии, подорванный в результате поражения ее армии зимой 1941/42 г., укрепить свое внутриполитическое и внешнеполитическое положение.

На 1 июля 1942 г. фашисты имели на советско-германском фронте не менее 237 дивизий [11], в том числе 20 танковых, 15 моторизованных и более 5 кавалерийских. В Северной Африке против англичан действовало только 4 немецких и 11 итальянских дивизий [12]. Вооруженные силы США в это время вообще не вели никаких военных действий. Огромное численное превосходство — одна из важнейших причин успехов гитлеровцев на советско-германском фронте летом 1942 года.

Сосредоточив на южном участке советско-германского фронта колоссальные силы, враг летом 1942 г. перешел здесь в наступление и, используя свое численное превосходство, добился серьезных успехов. Немецко-фашистским захватчикам удалось продвинуться к предгорьям Кавказа, прорваться к Сталинграду. У стен этого города развернулось величайшее сражение.

Советское Верховное главнокомандование, своевременно раскрыв план врага, решило усилить войска, действовавшие на Сталинградском направлении. 10 июля по распоряжению Ставки Верховного главнокомандования из ее резерва на дальние подступы к Сталинграду были выдвинуты 62-я и 64-я общевойсковые армии, вошедшие в состав Сталинградского фронта, образованного 12 июля. На этот фронт Ставка направила значительные силы артиллерии и авиации. Командующим фронтом вскоре был назначен генерал А. И. Еременко, а членом Военного Совета — Н. С. Хрущев.

Одной из важнейших мер по обеспечению обороны Сталинграда, принятых Ставкой, явилось создание оборонительных рубежей на ближних подступах к городу. Сооружение их началось по решению Государственного Комитета Обороны еще во второй половине октября 1941 г., когда враг занял Донбасс. Строительство вели переброшенные сюда инженерные войска Красной Армии и население Сталинградской области. В январе 1942 г. здесь работало около 195 тыс. человек, большую часть которых составляли местные жители, использовалось свыше тысячи тракторов и автомашин, до 5 тыс. подвод. Сталинградская партийная организация направила на строительство более 2 тыс. коммунистов политруками и агитаторами [13].

В феврале 1942 г. был возведен внешний оборонительный рубеж протяженностью в 487 километров. Между этим рубежом и Сталинградом строились еще два оборонительных рубежа, работы на которых к лету 1942 г. были выполнены на 40—50%.

В середине июля, когда немецкие войска вторглись в пределы Сталинградской области, обком партии по согласованию с военным командованием принял решение о срочном сооружении оборонительного рубежа непосредственно вокруг города, на его окраинах. Местные партийные и советские органы мобилизовали все силы городского населения. На строительство в отдельные дни выходило до 50 тыс., а в среднем ежедневно 15—20 тыс. человек.

Как и в других крупных городах, в Сталинграде с первых же дней

---

[10] E. Stettinius. Roosevelt and the Russians. New York. 1949, p. 7.

[11] См. «Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг.». Вып. II. М. 1956, стр. 96.

[12] По другим данным, в Северной Африке действовало не 11, а 8 итальянских дивизий. См. R. Tars. Campagnes d'Afrique, p. 167.

[13] М. А. Водолагин. Указ. соч., стр. 95.

войны партийные организации и советские органы стали формировать народное ополчение и организовали его боевую подготовку. Еще летом 1941 г. в народное ополчение записалось по Сталинградской области более 50 тыс. человек. Многие из них потом вошли в состав регулярных войск. Сформированная из донских казаков кавалерийская дивизия — впоследствии гвардейская — прошла славный боевой путь от Сальских степей до Будапешта. Кроме того, в области было образовано 83 истребительных батальона, при которых создавались специальные подразделения истребителей танков. Более 15 тыс. жителей Сталинграда входило в состав команд МПВО и групп самозащиты. Сотни женщин ухаживали за ранеными солдатами и офицерами в госпиталях [14].

Сталинградская партийная организация в эти дни все делала для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу предприятий, выпускавших военную продукцию.

С выходом из строя железнодорожных линий Сталинград — Тихорецк и Сталинград — Лихая на правобережье Волги действовала лишь линия Сталинград — Поворино, подвергавшаяся систематическим бомбардировкам. Волга теперь также не была надежной коммуникацией: она оказалась в зоне активных действий вражеской авиации. В этих условиях сталинградская промышленность стала важной базой снабжения войск Сталинградского фронта вооружением и боеприпасами.

19 июля 1942 г. Государственный Комитет Обороны указал сталинградским партийным и советским органам на необходимость ускорения темпов работы военной промышленности. 20 июля состоялось собрание городского партийного актива, определившее план действий партийных организаций по мобилизации всех сил на увеличение производства военной продукции. Благодаря принятым мерам Сталинградский тракторный завод увеличил выпуск танков, несмотря на то, что все предприятия города испытывали большие трудности с сырьем, подвоз которого резко сократился. Танки прямо с завода своим ходом шли на фронт. Многие рабочие сталинградских заводов на новых машинах следовали в район боев и вливались в ряды армии.

Партийная организация города в эти грозные дни решала много сложных задач: формировала рабочие отряды, обеспечивала их оружием, занималась строительством оборонительных рубежей, укрепляла МПВО, налаживала бытовое обслуживание населения, проводила эвакуацию женщин и детей. Коммунисты неизменно шли в первых рядах защитников города, показывая пример мужества и стойкости.

24—25 августа на оборонительных позициях севернее Тракторного завода, по реке Сухой Мечетке, заняли оборону пять отрядов рабочих Тракторного завода, завода «Красный Октябрь» и др. Тысячи сталинградцев вступили добровольцами в части Красной Армии, рабочие отряды, подразделения МПВО. В первые дни обороны города в ряды его защитников влилось более 8 тыс. рабочих и служащих; свыше 4 тыс. человек вошло в состав охраны предприятий.

Советские воины героически защищали Сталинград, сковывая и перемалывая отборные фашистские войска, давая возможность советскому Верховному командованию накопить силы, скрытно сосредоточить резервы и подготовить решительное контрнаступление. Оборона советских войск становилась все более упорной.

В ходе оборонительного сражения советских войск под Сталинградом гитлеровцы потеряли 182 800 человек только убитыми и свыше 500 тыс. ранеными. Велики были потери неприятеля и в боевой технике. Наши войска подбили и уничтожили 1 450 танков, 4 тыс. пулеметов, свыше тысячи минометов и столько же орудий разных калибров. Было сбито в воздухе и уничтожено на аэродромах 1 337 вражеских самоле-

[14] Там же, стр. 55.

тов [15]. Военнопленные говорили, что бои под Сталинградом и в самом городе были мясорубкой для немецких войск. Генерал-майор бывшей немецко-фашистской армии Ганс Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград» признавал, что потери немецких войск в людях и технике были несоизмеримы с их успехами. Об этом же пишет К. Типпельскирх: «Немецкие войска... понесли тяжелые потери, численность некоторых частей и подразделений снизилась до четверти штатной численности» [16].

Коммунистическая партия укрепляла моральный дух советских войск, вдохновляла весь народ и его воинов, вселяла в них бодрость и уверенность в победе, учила не жалеть сил и самой жизни для разгрома врага. В первых рядах сражавшихся всегда находились коммунисты.

Трудящиеся страны, воины Красной Армии все теснее сплачивались вокруг Коммунистической партии, лучшие из них вступали в ее ряды. В 1942 г.— в исключительно тяжелое для Родины время — в партию вступило 1 349 тыс. человек. Партийные организации Красной Армии и Военно-Морского Флота приняли в партию в первом полугодии 1942 г. 431 850, а во втором полугодии, когда шли тяжелые бои на Сталинградском направлении,— 640 238 человек [17].

В конце 1942 г. война вступила в новый период. От оборонительных боев Красная Армия перешла в решительное наступление, успех которого положил начало коренному перелому в ходе войны.

В упорных сражениях летом и осенью 1942 г. Красная Армия основательно подорвала силы немецко-фашистских войск, наступавших на южном крыле советско-германского фронта, остановила их и создала условия для полного разгрома всей выдвинувшейся на восток группировки противника под Сталинградом.

Гитлеровское командование и не подозревало о том, что над немецкими войсками в районе Сталинграда нависла серьезная опасность. 14 октября 1942 г. Гитлер писал в приказе № 420817/42: «Приготовления к зимней кампании находятся в полном разгаре. Вторая русская зима застанет нас лучше подготовленными. Русские, силы которых значительно уменьшились в результате последних боев, не смогут уже в течение зимы 1942/43 г. ввести в бой такие силы, как в прошлую зимнюю кампанию. Что бы ни произошло, более жестокой и трудной зимы уже не может быть» [18].

Что касается политических и военных деятелей США и Англии, то они, не видя глубинных источников сил Советского Союза, считали невозможным переход Красной Армии в наступление под Сталинградом. Американский посол в Москве Стэнли сообщил в Вашингтон, что, по его мнению, линия фронта зимой 1942/43 г. останется стабильной [19]. Поддерживая это мнение, генерал Хэрли, посетивший Советский Союз, заявил, что немецким захватчикам «не может быть нанесено серьезное поражение в России» [20].

Решающее значение для успеха контрнаступления советских войск имел правильный выбор направлений главных ударов. Перед советскими войсками, действовавшими северо-западнее и юго-западнее Сталинграда, была поставлена задача разгромить фланговые группировки немецко-фашистских войск на подступах к городу и ударами по сходящимся направлениям окружить, а затем уничтожить основную массу сосредоточенных под Сталинградом соединений вражеской армии.

Был блестяще выбран и момент для перехода наших войск в контрнаступление, начавшееся тогда, когда наступление противника зашло в

---

[15] Н. М. Замятин. Битва под Сталинградом. М. 1944, стр. 30.
[16] К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 239.
[17] См. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 55.
[18] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 194.
[19] W. Leahy. I was There. New York. 1950, p. 124.
[20] Там же, стр. 147.

тупик. При планировании контрнаступления был умело использован и фактор внезапности.

Условия для успешного контрнаступления советских войск под Сталинградом создавались в период оборонительного сражения. Ко времени перехода наших войск в контрнаступление под Сталинградом военная промышленность нашей страны достигла огромных успехов. Это дало возможность накануне контрнаступления сосредоточить в составе трех фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского — 17 031 орудие и миномет, более 1 140 танков и 1 267 самолетов [21].

Идея удара по немецким войскам под Сталинградом по сходящимся направлениям возникла у Верховного главнокомандования Красной Армии еще в ходе оборонительного сражения. 4 октября и затем во второй половине октября 1942 г. представители Ставки Верховного главнокомандования провели с командованием фронтов совещания, посвященные разработке плана предстоявшего контрнаступления. Определенный интерес в этом отношении представляют соображения командования Сталинградского фронта. В одном из документов, направленных командованием этого фронта в Ставку, указывалось: «Решение задачи по уничтожению противника в районе Сталинграда нужно искать в ударе сильными группами с севера в направлении на Калач и в ударе с юга, с фронта 57-й и 51-й армий в направлении Абганерово и далее на северо-запад» [22], то есть также на Калач. Это предложение мотивировалось: слабой боеспособностью вражеских войск на участках намеченного прорыва; удаленностью от места прорыва тех войск противника, которые он мог использовать в качестве резерва (неприятельские войска в основном были сосредоточены вблизи Сталинграда и в самом городе); наличием ранее специально подготовленных плацдармов на южном берегу Дона и в районе межозерных дефиле.

Стратегический план разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и широких наступательных операций на других участках советско-германского фронта явился итогом глубокого анализа военной обстановки, большой творческой деятельности командующих: Сталинградским фронтом — генерала А. И. Еременко, члена Военного Совета Н. С. Хрущева, Юго-Западным фронтом — генерала Н. Ф. Ватутина, члена Военного Совета А. С. Желтова, Донским фронтом — генерала К. К. Рокоссовского, члена Военного Совета А. И. Кириченко, а также работников Генерального штаба и ряда ответственных руководителей Наркомата обороны. Согласно этому плану, на Юго-Западный и Донской фронты возлагалась задача — прорвать вражескую оборону с плацдармов в районе Серафимович — Клетская и нанести стремительный удар в направлении на Калач [23]. Войска Сталинградского фронта должны были прорвать оборону врага юго-западнее Сталинграда и нанести удар в направлении Советский, Калач [24]. Этими встречными ударами наступавшие войска должны были замкнуть кольцо окружения гитлеровских войск, находившихся в районе Сталинграда.

В целях обеспечения операции с юго-запада частью своих сил Юго-Западный фронт должен был нанести вспомогательный удар на Боковскую, Чернышевскую и Обливскую. Для обеспечения операции с юга Сталинградский фронт частью своих сил должен был наступать в юго-западном направлении на Абганерово, Нижне-Чирская, Котельниковский. Войскам левого крыла Донского фронта предстояло нанести вспомогательные удары севернее Сталинграда, чтобы сковать главную группировку противника.

---

[21] «Агитатор и пропагандист Советской Армии», 1953, № 1, стр. 20.

[22] А. Еременко. Историческая победа под Сталинградом. «Коммунист», 1958, № 1, стр. 35.

[23] Архив Министерства обороны СССР (МО СССР), ф. 118, оп. 7108, д. 5, л. 101.

[24] Там же, ф. 114, оп. 26734, д. 3, л. 63.

Операция окружения была рассчитана на 4 дня. Начало наступления намечалось на 19 ноября для Юго-Западного и Донского и на 20 ноября для Сталинградского фронтов.

К началу контрнаступления советских войск перед частями Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов находились 8-я итальянская, 3-я румынская, 6-я полевая и 4-я танковая немецкие армии, 4-я румынская армия. На Сталинградском направлении враг имел еще значительные резервы, насчитывавшие более 10 дивизий, но они были разбросаны. Например, в резерве 8-й итальянской армии были 4 пехотные дивизии, которые находились в районах Россоши, Богучар, Радченского, Миллерово; 3-я румынская армия также имела в резерве 4 дивизии; 2 танковые дивизии, составлявшие резерв выдвинувшейся на восток немецкой группировки, располагались западнее Сталинграда [25].

Таким образом, всем трем нашим фронтам противостояло более 50 дивизий, в том числе 3 моторизованных и 5 танковых. Это составляло более 50% всех сил, развернутых немецко-фашистским командованием южнее Орла. Войска противника поддерживались 4-м воздушным флотом в составе трех авиационных корпусов. Кроме того, гитлеровцы перебросили под Сталинград авиационный корпус 1-го воздушного флота, действовавший под Ленинградом.

Лишь в результате перегруппировок, произведенных по указанию Ставки командованием фронтов в соответствии с планом операции, на направлениях наших главных ударов было создано значительное превосходство в живой силе и технике. Так, на фронте наступления ударной группировки Юго-Западного фронта было достигнуто следующее соотношение: людей — 2 : 1, орудий — 2 :1, минометов — 3, 4 : 1, танков — 2 : 1. В полосе наступления ударной группировки Сталинградского фронта соотношение было еще более выгодным для советских войск: людей — 2, 5 : 1, орудий — 3 : 1, минометов — 3 : 1, танков — 3 : 1. Еще значительнее было превосходство на направлениях главных ударов армий. Вот, например, соотношение, достигнутое в нашу пользу, на направлении главного удара 5-й танковой армии: людей — 2, 7 : 1, орудий всех типов — 5, 7 : 1, минометов — 4, 4 : 1.

Контрнаступление развернулось в полном соответствии со стратегическим планом Верховного главнокомандования. 19 ноября 1942 г. одновременно на нескольких участках Юго-Западного и Донского фронтов начался прорыв вражеской обороны. Утром этого дня после мощной артиллерийской подготовки советская пехота в сопровождении танков дружно ринулась в атаку, быстро преодолела на ряде участков передний край вражеской обороны и устремилась вперед.

Ближайшая задача стратегической операции трех фронтов была блестяще решена в течение 4—5 дней. В окружении оказались 22 дивизии 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий общей численностью около 330 тыс. солдат и офицеров. История войн не знает случаев, когда в столь короткое время при почти равных силах осуществлялось бы полное окружение такой огромной армии врага. Попытки противника выручить окруженную группировку не увенчались успехом. Во второй половине декабря 1942 г. гитлеровцы потерпели тяжелые поражения в районах Среднего Дона и Котельниковского.

Почти одновременно с контрнаступлением под Сталинградом Ставка Верховного главнокомандования организовала наступление наших войск и на других участках фронта. 26—28 ноября советские войска предприняли наступление в районе восточнее Великих Лук и западнее Ржева.

Началось массовое изгнание немецко-фашистских войск с нашей земли. Красная Армия захватила и прочно удерживала в своих руках инициативу в военных действиях.

---

[25] Там же, ф. 114, оп. 26734, д. 5, карты №№ 21—22.

Ликвидацией окруженной группировки противника под Сталинградом завершилась величайшая из битв второй мировой войны. Фашистская армия потерпела невиданное в истории войн поражение. В боях на Сталинградском направлении враг потерял в общей сложности 66 дивизий, или четвертую часть всех сил, действовавших тогда на советско-германском фронте. «Сталинград,— говорил И. В. Сталин,— был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться» [26].

В битве под Сталинградом советская военная наука выдержала суровую проверку, доказав свое полное превосходство над военной наукой фашистской Германии.

Многие современные буржуазные фальсификаторы истории пытаются представить германскую армию под Сталинградом как слабого противника. Разоблачая подобные вымыслы, Вальтер Ульбрихт справедливо отмечает: «Превосходство советской стратегии и вооруженных сил было обусловлено не ошибками немецкого командования и не тем, что немецкие солдаты разучились воевать. Красная Армия победила под Сталинградом потому, что она в противоположность захватнической политике и варварству германского империализма боролась за правое дело, за свободу и прогресс человечества» [27].

Стратегическое контрнаступление, начавшееся под Сталинградом и продолжавшееся зимой 1942/43 г., организованное и подготовленное советским Верховным главнокомандованием, привело к разгрому главной группировки немецко-фашистской армии, с действиями которой гитлеровское командование связывало все свои планы второго года войны против Советского Союза. В ходе зимнего наступления Красная Армия нанесла колоссальный урон врагу: окружила и полностью ликвидировала под Сталинградом две гитлеровские армии, разгромила три армии союзников Германии, забрала в плен свыше 300 тыс. фашистских солдат и офицеров, вывела из строя огромное количество вооружения и техники противника. Фашистская армия потеряла сотни тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными.

По немецким данным, общие потери германской авиации за вторую половину 1942 г. составили 5 240 самолетов [28]. Из этого числа в Северной Африке было потеряно 425 самолетов (246 бомбардировщиков и 179 истребителей) [29]. 4 815 самолетов погибло на советско-германском фронте и в Северной Атлантике. В результате огромных потерь на советско-германском фронте Гитлер был вынужден «снять со Средиземного моря авиацию, которая ему нужна была на русском фронте» [30]. Разгром под Сталинградом и огромные потери, понесенные в ходе зимнего наступления, до основания потрясли фашистскую военную машину и изменили ход всей второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции, создав необходимые предпосылки для победы над фашистской Германией.

Победа Красной Армии, освободившей от фашистских захватчиков обширную территорию, вызвала огромный политический и трудовой подъем в нашей стране. Труженики тыла брали на себя обязательство с еще большим напряжением работать для нужд фронта. Усилился приток денежных сбережений, добровольно вносимых населением в фонд обороны. Жители освобожденных от оккупантов районов приступили к восстановлению промышленности и сельского хозяйства.

---

[26] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 5-е изд., стр. 113.

[27] В. Ульбрихт. К истории новейшего времени. М. 1957, стр. 15.

[28] «Weltkrieg 1939—1945». Т. III. Der Luftkrieg, S. 101.

[29] Там же.

[30] П. Баржо. Флот в атомный век. М. 1956, стр. 73.

Успехи Красной Армии еще выше подняли моральный дух советских людей, находившихся на временно оккупированных территориях, упрочили их веру в победу над врагом. Значительно активизировали свою борьбу действовавшие в тылу врага партизанские отряды. Народные мстители освобождали от фашистских извергов целые районы, восстанавливали там Советскую власть.

Поражение на советском фронте резко ухудшило хозяйственное и военно-политическое положение гитлеровской Германии, поставив ее перед глубочайшим кризисом. Моральный дух фашистских войск и тыла был серьезно подорван. Немецкий писатель Гейнц Рейн следующим образом оценивает влияние сталинградского разгрома на гитлеровскую Германию: «Это был решающий удар, он сбил нас с ног, главное, морально сбил с ног, мы тогда, в сущности, уже были побежденными в морально-политическом отношении» [31].

Следствием победы Красной Армии явилось дальнейшее истощение материальных ресурсов и людских резервов Германии. В конце января 1943 г. здесь была объявлена так называемая «тотальная мобилизация».

Удары, нанесенные Красной Армией, до основания потрясли фашистский блок, усилили в нем разброд и уныние. Италия оказалась на грани военно-политической и экономической катастрофы. Ослабление позиции ее в гитлеровском блоке, тяжелые поражения, которые потерпели ее войска на советском фронте, непосредственная угроза полного разгрома — все это до крайности обострило внутриполитический кризис в стране, открыло реальные перспективы выхода Италии из войны и распада итало-германской «оси».

Поражение гитлеровцев под Сталинградом, разгром армий союзников Германии привели и к обострению внутриполитического положения в Венгрии и Румынии, оказали огромное влияние на позицию Финлян-

дии. Если до этого представители финского правительства развивали планы захвата обширных советских территорий, то теперь финские правители начали утверждать, что «Финляндия не участвует в схватке великих держав», что якобы Финляндия является нейтральной страной [32], подготавливая тем самым почву для выхода из войны.

Разгром фашистских войск под Сталинградом произвел тяжелое впечатление и на империалистическую Японию, которая с нетерпением ждала падения Сталинграда, чтобы выступить против СССР. Изменившаяся коренным образом стратегическая обстановка на советско-германском фронте заставила Японию воздержаться от открытого выступления.

Турция, которая также готовилась выступить на стороне Германии, после разгрома фашистских войск под Сталинградом вынуждена была отказаться от своего замысла. Американская газета «ПМ» в марте 1947 г. опубликовала две статьи бывшего члена турецкого кабинета, который отмечал, что Турция произвела мобилизацию и решила объявить войну СССР сразу же после того, как Берлин сообщит о падении Сталинграда. «Все было наготове,— писал автор.— Турция готовилась вступить в войну против Советского Союза... Но когда Иненю позвонил фон Папену по телефону, чтобы сообщить ему о том, что Германия получает нового союзника, последний сообщил, что началось отступление немцев под Сталинградом. Тогда Иненю, не сообщив фон Папену о планах Турции, немедленно отменил мобилизацию» [33].

Таким образом, результатом разгрома фашистских войск под Сталинградом явилось и серьезное ухудшение внешнеполитического положения Германии, рост ее изоляции на международной арене. Расчеты

---

[31] Г. Рейн. Конец Берлина. М. 1948, стр. 320.
[32] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 225.
[33] См. газету «Красная звезда», 27 марта 1947 года.

гитлеровской клики на распад антигитлеровской коалиции провалились, а блок фашистских государств дал глубокую трещину.

Сталинградская битва и последовавшее за ней общее наступление Красной Армии оказали огромное влияние на освободительное движение народов, боровшихся против гитлеровской Германии.

Воодушевленные примером героической борьбы советского народа и его воинов, народы стран, находившихся под ярмом германского фашизма, усилили свое сопротивление захватчикам.

«Славная эпопея Сталинграда,— писал Морис Торез,— знаменует решительный поворот в справедливой войне цивилизованного мира против гитлеровской Германии... О советскую скалу разбились волны фашистских орд... 6-я германская армия, которая как ураган пронеслась тогда по Франции, целиком уничтожена... Каждый истинный француз глубоко чувствует, какую неоценимую помощь оказывает Красная Армия делу освобождения Франции» [34].

Во Франции в 1943 г. широкий размах приняли действия боевых отрядов вольных стрелков и партизан. В Польше активную борьбу против оккупантов вела Гвардия людова, созданная под руководством Польской рабочей партии. С 15 мая 1942 г. по 15 декабря 1943 г. отряды Гвардии людовой спустили под откос 127 поездов захватчиков и разрушили 36 железнодорожных станций, освободили из фашистской неволи 1 450 политзаключенных [35]. В Албании партизаны в 1943 г. объединились в национально-освободительную армию. Росло и все более активизировалось движение Сопротивления в Болгарии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии, Норвегии, Бельгии, во Франции и в других оккупированных фашистами странах.

С каждым днем нарастала сила ударов китайской Народно-освободительной армии и партизан, боровшихся против японских империалистов. Развертывалось также национально-освободительное движение в Корее, Вьетнаме, Индонезии и других странах, порабощенных японскими империалистами.

Характеризуя историческое значение Сталинградской битвы, Мао Цзэ-дун в 1942 г. писал: «Эта битва является не только переломным моментом в ходе советско-германской войны и даже не только переломным моментом в ходе нынешней мировой войны против фашизма, но она явится и переломным моментом во всей истории человечества» [36].

Руководитель Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд, подчеркивая значение побед советских войск для подъема национально-освободительного движения в Чехословакии, говорил: «Три дня траура, объявленного немцами в связи с их поражением под Сталинградом, были для нас, чехов, днями радости. А похоронный звон, которым немцы оплакивали армии, загубленные ими под Сталинградом, возвещал нашему народу новое возрождение» [37]. Активный участник партизанского движения в Болгарии Коста Ламбрев писал, что разгром немцев под Сталинградом болгарский народ воспринял как светлый праздник в душе своей [38]. Видный итальянский ученый-коммунист Р. Батталья оценивает Сталинградскую битву как «кульминационный пункт второй мировой войны не только в военном, но и в психологическом отношении» [39].

Рост силы и авторитета Советского Союза был не по душе лишь империалистической реакции, все еще надеявшейся на то, что Совстский

---

[34] «Коммунистический Интернационал», 1943, № 2—3, стр. 17.
[35] М. Монин. Польша на пути к социализму. М. 1955, стр. 22.
[36] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4. М. 1953, стр. 188—189.
[37] «Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за свободу». М. 1951, стр. 157.
[38] К. Ламбрев. Среднегорски партизани. София. 1948, стр. 5.
[39] Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. М. 1954, стр. 74.

Союз будет обескровлен в результате войны и окажется в зависимости от США и Англии. Примечательно в этом отношении письмо Черчилля Идену от 8 января 1942 г., которое бывший английский премьер приводит в своих мемуарах, посвященных второй мировой войне. «Никто не может представить,— говорилось в письме,— каково будет к концу войны соотношение сил и где будут стоять победоносные армии. Все же представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя не только будут далеки от истощения, но и явятся самым могущественным военным и экономическим блоком, какой когда-либо видел мир, а Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи в восстановительных целях куда больше, чем мы будем нуждаться в его помощи» [40]. Выступая в штабе 8-й английской армии в Триполи, Черчилль выразил свою мысль более определенно: «Я хотел бы видеть германскую армию в могиле, а Россию — на операционном столе» [41].

Однако победы Красной Армии зимой 1942/43 г. обрекли на провал расчеты американских и английских империалистов, намеревавшихся диктовать в результате войны свою волю народам мира. Наши победы создали еще более благоприятную обстановку для открытия второго фронта в Европе и быстрого разгрома гитлеровской Германии совместными ударами союзников. Однако это не входило в планы англо-американских правящих кругов. Вместо того, чтобы подкрепить удары Красной Армии ударами по Германии с запада, для чего имелись все возможности, англо-американское командование ограничилось лишь высадкой в августе 1942 г. небольшого десанта на французском побережье в районе Дьеппа и проведением десантной операции в Северной Африке в ноябре того же года.

Десант в районе Дьеппа был заранее обречен на неудачу. Можно с уверенностью утверждать, что он был предпринят англо-американским командованием лишь для того, чтобы обосновать «невозможность» вторжения в Европу. Операция в Африке, как и предшествовавшие ей действия англичан под Эль-Аламейном, также не могла оказать сколько-нибудь существенного влияния на положение на советско-германском фронте, где решалась судьба второй мировой войны. Наоборот, успех английских войск под Эль-Аламейном был во многом предопределен упорными оборонительными боями советских войск под Сталинградом. Трудность положения, создавшегося для фашистской армии на советско-германском фронте уже в августе — сентябре 1942 г., лишила гитлеровское командование возможности усилить свои войска в Северной Африке, заставила его бросать в район Сталинграда резервы, предназначенные для североафриканского театра. Именно в этом заключалась одна из существенных причин успеха англо-американских войск в Северной Африке.

Такой же политики затягивания открытия второго фронта придерживались правительства Англии и США во время наступления Красной Армии зимой 1942/43 года. И. В. Сталин писал Рузвельту 16 марта 1943 г., что «в самый напряженный период боев против гитлеровских войск, в период февраль — март, англо-американское наступление в Северной Африке не только не форсировалось, но и вообще не проводилось, а намеченные для него сроки отложены. Тем временем Германия уже успела перебросить с Запада против советских войск 36 дивизий, из них 6 дивизий танковых. Легко понять, какие затруднения это создало для Советской Армии и как это облегчило положение немцев на советско-германском фронте» [42].

---

[40] W. Churchill. Указ. соч. Т. III, стр. 616.

[41] Р. Сквайрс. Дорога войны. М. 1952, стр. 18.

[42] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. II. М. 1957, стр. 58.

Во время войны, особенно в 1943—1944 гг., даже самые реакционные политические деятели США и Англии признавали огромное значение сталинградской победы Красной Армии в ходе второй мировой войны. В своем послании И. В. Сталину 1 февраля 1943 г. У. Черчилль назвал успех советских войск «изумительной победой» [43]. Газета «Times» в феврале 1943 г. отмечала: «Великий боевой подвиг советских войск увенчал этот город двойным лавровым венком, одним — за защиту против невиданного в истории натиска врага, и другим — за изумительное наступление, которое изменило коренным образом весь ход военных событий» [44].

Но как только правящие круги США и Англии перешли в послевоенный период к «холодной войне» против стран социализма, они «забыли» о своих прежних оценках сталинградской победы. В реакционной английской и американской литературе, посвященной итогам войны, в высказываниях ряда военных деятелей и публицистов Англии и США резко обозначилась тенденция всячески умалять влияние этой победы на ход второй мировой войны и в то же время преувеличивать значение кампании в Северной Африке, в частности сражения у Эль-Аламейна. Например, бывший начальник штаба армии США генерал Маршалл, не решаясь обойти полным молчанием победу советских войск под Сталинградом, вместе с тем пытается преуменьшить ее значение, ставя знак равенства между сражением под Эль-Аламейном и битвой под Сталинградом (!). В своем докладе президенту о действиях американских войск в Европе и на Тихом океане он писал: «Кризис войны разразился под Сталинградом и Эль-Аламейном» [45]. Между тем на советско-германском фронте гитлеровское командование имело в ноябре 1942 г. около 270 дивизий, из них почти 200 немецких, что составляло более 70% всех сухопутных войск фашистской Германии *. А под Эль-Аламейном действовало всего лишь 4 немецких и 8 итальянских дивизий.

Однако правду о Сталинграде скрыть невозможно. Ричард Сквайрс, служивший во время второй мировой войны в рядах английской армии, как честный наблюдатель событий, отмечает в своих записях: «Армия русских, ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, но, узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан» [46].

Бывший генерал немецко-фашистской армии Ганс Дёрр, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к Красной Армии, в своей книге «Поход на Сталинград» пишет: «В 1942 г. Сталинград стал поворотным пунктом второй мировой войны. Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой» [47]. Бывший начальник немецкого генштаба сухопутных войск генерал-полковник Цейтцлер отмечал: «В ноябре (1942 г.—*Б. Т.*) я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход собы-

---

[43] Там же. Т. I, стр. 90.
[44] «The Times», 2 февраля 1943 года.
[45] «The War Report of George C. Marshall, H. H. Arnold, Ernest S. King». New York. 1947.
* «Правда», 22 февраля 1959 года.
[46] Р. Сквайрс. Указ. соч., стр. 13.
[47] Г. Дёрр. Указ. соч., стр. 15.

тий показал, что я был прав. Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны» [48].

Историческое значение победы Красной Армии под Сталинградом состоит в том, что она положила начало коренному перелому в развитии всей второй мировой войны, заложив прочную основу для полного разгрома гитлеровской Германии.

Как бы ни старались фальсификаторы истории извратить факты и умалить значение великой победы Красной Армии под Сталинградом, народы всего мира навсегда сохранят чувство благодарности и любви к защитникам волжской твердыни. Память о беззаветном героизме и мужестве советских войск, решивших исход второй мировой войны, священна для всего передового человечества.

«Сталинград навеки остался сиять для нас неугасимой звездой»,— заявил старейший борец за мир, датский писатель Мартин Андерсен Нексе. «Без победы под Сталинградом,— писали в книге отзывов Музея обороны Царицына — Сталинграда члены одной из китайских делегаций,— не было бы сегодняшней победы в Китае».

Руководитель американской профсоюзной делегации, посетивший летом 1951 г. Советский Союз, в письме председателю Сталинградского городского Совета отмечал: «Даже после этих долгих лет, полных путаницы и лжи о вашем городе и о вашем народе, мы сохранили память о героизме Советской Армии и вашего народа под Сталинградом. Американские солдаты и их семьи, из которых многие были бы убиты германскими пушками, если бы их не заставили замолчать русские под Сталинградом, должны быть вечно благодарны вашему городу за тот подвиг, который он совершил во имя человечества...» [49].

Во многих странах мира в знак признательности советскому народу, преклонения перед бессмертными подвигами советских людей улицы и площади городов названы славным именем Сталинграда. На скале одной из сопок, которые упорно обороняли бойцы корейской Народной армии в период борьбы против американских интервентов, было высечено: «Вдалеке мы от Сталинграда, но город-герой — в наших сердцах». «Сталинград — в наших сердцах»; «Сталинград ведет нас на подвиг»; «будем стойки, как защитники Сталинграда» — эти слова стали боевым кличем многих борцов колониальных стран, сражающихся против иностранных поработителей за свободу и независимость.

Битва под Сталинградом и последовавшее за ней зимнее наступление наших войск продемонстрировали растущую мощь Красной Армии. Одержанная ею победа явилась триумфом советского общественного и государственного строя, Вооруженных Сил СССР, советской военной науки.

★

Фашистские заправилы сознавали, что для поднятия пошатнувшегося престижа им нужна победная военная операция на советско-германском фронте. В этих целях летом 1943 г. противник, избрав для наступления узкий участок фронта в районе Курска, подготовил здесь крупные силы с большим числом новых танков типа «Тигр», «Пантера» и самоходных орудий типа «Фердинанд». Массовое и неожиданное применение тяжелых танков и орудий должно было, по расчету гитлеровцев, гарантировать им успех. Но и это наступление было обречено на неудачу, так как фашистское командование планировало его без учета реальных возможностей сражавшихся армий и изменившегося в пользу Красной Армии соотношения сил.

---

[48] З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения. М 1958, стр. 209.

[49] «Правда», 1 февраля 1953 года.

С летним наступлением 1943 г. агрессоры связывали далеко идущие планы. Они надеялись, что в результате разгрома советских войск Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ, фашистские войска выровняют линию фронта, получат возможность повести наступление в восточном и северо-восточном направлениях, вернут себе потерянную стратегическую инициативу и тем самым изменят ход войны в свою пользу. Об этом свидетельствует приказ Гитлера от 4 июля 1943 г., в котором говорилось, что «германская армия переходит в генеральное наступление на Восточном фронте», что удар, который она нанесет, «должен иметь решающее значение и послужить поворотным пунктом в ходе войны» и что «это последнее сражение за победу Германии» [50].

Оперативный замысел гитлеровского командования состоял в том, чтобы встречными ударами с орловского и белгородско-харьковского плацдармов отрезать советские войска, располагавшиеся по дуге Курского выступа и в районе Курска, окружить их и уничтожить.

К 1 июля 1943 г. на советско-германском фронте находилась 231 вражеская дивизия. Среди них было 36 дивизий гитлеровских вассалов [51]. Для наступления на Курском направлении противник сосредоточил до 50 дивизий, в том числе 17 танковых, 3 моторизованные. В этой группировке насчитывалось более 500 тыс. солдат и офицеров, 6 763 орудия, 3 200 минометов, более 3 155 танков и самоходных орудий. С воздуха ее поддерживало свыше 2 тыс. самолетов, включая много новых истребителей, только что принятых на вооружение [52].

Летнее наступление врага не было неожиданным для Красной Армии. Еще в апреле 1943 г. Ставка Верховного главнокомандования на основании глубокого анализа обстановки и полученных нашей разведкой данных определила, что главный удар противника в планируемом им летом наступлении будет нанесен в районе Курского выступа. Это позволило своевременно разработать план и сосредоточить необходимые силы для разгрома фашистских войск. Было принято решение продолжать обороняться на занимаемых рубежах с тем, чтобы измотать и обескровить наступающие части врага, уничтожить его основную силу — танки, после чего, введя свежие резервы, перейти в контрнаступление и мощными ударами с разных направлений добить главную группировку врага.

В соответствии с этим планом войска Центрального и Воронежского фронтов, расположенные в районе Курского выступа, должны были упорной обороной измотать и обескровить врага, сломить его наступательную мощь, а затем во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов, занимавшими северный и восточный фасы Орловского выступа, а также с войсками Степного и Юго-Западного фронтов, расположенными против белгородско-харьковского плацдарма гитлеровцев, перейти в контрнаступление и разгромить всю группировку немецко-фашистских войск на фронте Щигры — Орел — Курск — Белгород — Харьков.

По Курской дуге и далее в тыл, до реки Дон, развернулось строительство мощной полосы обороны. Основное внимание было уделено тем участкам, где вероятнее всего противник мог нанести главные удары. Значительную помощь войскам Центрального и Воронежского фронтов в создании оборонительных рубежей оказало население прифронтовой полосы. Только по решению Курского областного комитета Коммунистической партии для строительства этих рубежей было сформировано четыре рабочие колонны, каждая по тысяче человек [53].

Ставка Верховного главнокомандования бдительно следила за всеми

---

[50] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 232.

[51] «Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941—1945 гг.». Вып. III. М. 1957, стр. 106, 108.

[52] БСЭ. Т. 50. Изд. 2-е, стр. 236.

[53] И. И. Тихонов. Битва под Курском. М. 1953, стр. 16.

происками врага. Она своевременно раскрыла не только план наступления фашистской армии, разработанный гитлеровским командованием, но и намеченный им срок перехода в наступление. 2 июля 1943 г. Ставка предупредила командование фронтов, что гитлеровцы могут перейти в наступление в период 3—6 июля, и дала конкретные указания по организации оборонительных действий.

Командование советских войск приняло меры к тому, чтобы расстроить и сорвать планы противника. Ночью 5 июля, когда гитлеровцы готовились к атаке, советские артиллеристы обрушили на врага огонь из сотен орудий. Фашистские войска понесли огромные потери еще до начала своего наступления. Только в полосе Центрального фронта огнем советской артиллерии было подавлено до 90 батарей противника и 60 наблюдательных пунктов [54]; артиллеристы 6-й гвардейской армии Воронежского фронта уничтожили свыше 4 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, много танков и орудий.

Утром 5 июля на Орловско-Курском и Белгородско-Курском направлениях враг начал сильную артиллерийскую подготовку. Затем последовал ряд воздушных бомбардировок, и гитлеровцы перешли в наступление. Непосредственно в ударных группировках они имели 30 дивизий, в том числе 18 танковых и моторизованных.

В результате упорного сопротивления и контрударов советских войск, мастерски осуществлявших стратегический план Ставки Верховного главнокомандования, наступление, на которое агрессор возлагал много надежд, было сорвано. Фашистские войска ценою больших потерь продвинулись на Орловско-Курском направлении только на 9—15 км, на Белгородско-Курском направлении — от 15 до 35 километров. Они не смогли прорвать фронт нашей обороны ни на одном участке.

Легенда о том, что гитлеровцы в наступлении летом всегда одерживают победы, была, таким образом, разоблачена.

12 июля 1943 г. войска Западного (командующий — генерал В. Д. Соколовский) и Брянского (командующий — генерал М. М. Попов) фронтов, а 15 июля войска Центрального фронта (командующий — генерал К. К. Рокоссовский) перешли в контрнаступление. После перегруппировки советские войска разгромили противника в районе Орла и Белгорода и в начале августа освободили эти города. Развивая успех, достигнутый в ожесточенных боях, советские войска усилили натиск в направлении Харькова и 23 августа 1943 г. освободили город.

В результате разгрома двух крупных вражеских группировок — орловской и белгородско-харьковской — наши войска выровняли линию фронта на этом важном участке и вышли на линию Брянск — Севск — Сумы — Котельва, западнее Харькова.

Битва под Курском показала, что советским военным искусством и армией были блестяще разрешены коренные вопросы организации и проведения оборонительных и наступательных операций в современных условиях.

Стратегическое значение победы Красной Армии в сражении под Курском было исключительно велико. «Если битва под Сталинградом,— говорил И. В. Сталин,— предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой» [55]. Битва под Москвой развеяла миф о непобедимости германской армии. Битва под Сталинградом до основания потрясла гитлеровскую военную машину, привела к потере фашистским командованием стратегической инициативы, положила начало коренному перелому в ходе войны и массовому изгнанию гитлеровцев из пределов Советской страны. Битва под Курском означала полный крах наступательной стратегии фашистской армии, она за-

---

[54] И. И. Маркин. Курская битва. М. 1958, стр. 48.

[55] И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 114.

вершила коренной перелом в ходе войны в пользу Советского Союза. Гитлеровцы вынуждены были перейти к стратегической обороне и открыто заговорили о неизбежности затяжной войны. Курская битва свидетельствовала об огромном росте сил Красной Армии, повышении ее боевого мастерства, превосходстве стратегического руководства советского Верховного командования.

6 августа 1943 г. президент США Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину специальное послание, в котором писал: «В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контрнаступление, имеющее далеко идущие последствия... Советский Союз может справедливо гордиться своими героическими победами»[56].

Победы Красной Армии стали возможны потому, что ее поддерживала вся страна, весь советский народ, руководимый Коммунистической партией.

Большую роль в достижении коренного перелома в войне сыграло партизанское движение, организованное Коммунистической партией в тылу фашистских войск. Советские люди в оккупированных районах решительно поднялись на борьбу против захватчиков, вступали в ряды партизан. Когда у стен Сталинграда и на Курской дуге происходили величайшие в истории сражения, разрушение путей подвоза резервов и техники врага имело очень важное значение. Коммуникации врага растянулись на тысячи километров. Во многих местах они проходили по лесам, что облегчало действия партизан, которые громили фашистские гарнизоны, карательные отряды и оккупационную администрацию, взрывали мосты и железнодорожное полотно, пускали под откос поезда противника. Народные мстители держали врага в постоянной тревоге, преследовали и уничтожали гитлеровских пособников.

Под влиянием побед советских войск усиливалось антифашистское движение и в самой Германии. В годы войны, в тяжелых условиях гитлеровской диктатуры коммунистам Германии удалось сохранить и вновь создать ряд партийных организаций, которые вели политическую работу среди населения Германии, боролись против нацистского режима.

В Берлине действовала подпольная организация Антона Зефкова, которая образовала более 30 подпольных групп на крупнейших предприятиях города[57]. Подпольные организации образовались в Саксонии, Тюрингии и в других районах страны. В Саксонии центром подпольной организации был Лейпциг, где более чем на 15 крупнейших предприятиях имелись подпольные группы. Во главе организации стоял депутат рейхстага Георг Шуманн. Руководителем подпольщиков Тюрингии являлся коммунист депутат рейхстага Отто Нейбауэр. Подпольные организации Берлина, Саксонии и Тюрингии были связаны между собой, их руководители неоднократно встречались в Берлине, Лейпциге и Готе[58].

Коммунисты-подпольщики всячески стремились помогать иностранным рабочим и пленным. В связи с созданием на территории СССР 12 июля 1943 г. Национального комитета «Свободная Германия» (в него вошли ведущие германские коммунисты, а также ряд немецких солдат и офицеров из числа захваченных в плен под Сталинградом) подпольные организации в Германии развернули работу по объединению всех демократических сил на платформе манифеста Национального комитета.

В 1943—1944 гг. на военных предприятиях Германии не только уча-

---

[56] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. II, стр. 76.

[57] G. Nitzsche. Die Saefkow-Jacob-Bästlein-Gruppe. Berlin. 1957, S. 10, 29, 43.

[58] Там же, стр. 37, 81; см. также G. Glondajewski und H. Schumann. Die Neubauer-Poser-Gruppe. Berlin. 1957, S. 23, 42.

стился саботаж, но происходили даже стачки. Гитлеровская клика принимала жестокие меры для подавления антифашистского движения в Германии. В стране росло количество концентрационных лагерей. Если перед войной в Германии имелось 28 концентрационных лагерей, где находилось 85 тыс. человек, то к концу войны число концентрационных лагерей возросло до 85, а заключенных — до 803 тысяч. За период фашистской диктатуры в Германии подверглось длительному заключению в концентрационных лагерях и тюрьмах около 3,5 млн. человек [59]. Десятки тысяч коммунистов и рабочих были убиты гитлеровцами.

Характеризуя деятельность коммунистов и антифашистов в годы гитлеровского режима, Вильгельм Пик пишет: «И в самое тяжелое время нацистского гнета борьба немецких коммунистов не прекращалась. Загнанные в глубокое подполье, они до последнего дня боролись против подготовляемой германскими империалистами второй мировой войны. По мере того как фашистская военная машина нападала то на одну, то на другую страну, опустошала их и депортировала людей на принудительные работы в Германию, росло сопротивление и укреплялось международное единение борцов подпольного движения против войны и фашизма. Подвиги, которые немецкие коммунисты совершили совместно с антифашистами и борцами Сопротивления из многих стран, вновь спасли честь немецкого рабочего класса и одновременно создали первые предпосылки для дружественного сотрудничества новой, демократической Германии с другими народами. Братская дружба, которая связывает сегодня Германскую Демократическую Республику со многими когда-то оккупированными фашистами странами, основывается на их совместной борьбе против германского империализма» [60].

Величайшую роль в обеспечении побед Красной Армии сыграли труженики тыла. В 1943 г. советские люди успешно решали задачу дальнейшего роста военного производства, повышения производительности труда. Под руководством партии труженики тыла добились в этом году значительных успехов. На востоке страны еще шире развернулась разработка новых месторождений сырья. В 1943 г. сооружалось более 10 400 промышленных объектов [61]. Приходилось преодолевать многочисленные трудности: не хватало строительных материалов, техники, квалифицированных кадров, не было необходимых жилищно-бытовых условий для рабочих. Стройки велись круглый год, днем, ночью, в любую погоду.

Быстро развивалась угольная промышленность. К концу 1943 г. стоимость выполненных капитальных работ только в угольной промышленности Востока составляла более 1 млрд. рублей. В Кузбассе к этому времени было построено 34 новые шахты, которые стали давать половину всей довоенной угледобычи этого бассейна [62]. В результате за один только 1943 г. угольщики Кузнецкого бассейна дали стране на 4 млн. т угля больше, чем в 1942 году.

Наиболее глубокая перестройка была осуществлена в черной металлургии. Несмотря на потерю металлургических заводов Юга и сокращение общего производства металлов, выплавка черных металлов для нужд военного производства резко увеличилась. В 1943 г. только восточные районы дали для военной промышленности почти 2,5 млн. т черных металлов — в 3 раза больше, чем давала на оборону вся страна в 1940 году. Благодаря усилиям рабочих, инженеров, ученых удалось намного увеличить производство качественной стали.

Обогащалось новыми мощностями энергетическое хозяйство. В 1943 г. на 100 тыс. квт возросла мощность Челябинской электростан-

---

[59] БСЭ. Т. 11. Изд. 2-е, стр. 59.
[60] «Правда», 30 декабря 1958 года.
[61] «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». М. 1957, стр. 263.
[62] Там же, стр. 269.

ции. Турбогенератор в 100 тыс. квт установили кузбассовцы на своей электростанции. Всего же в этом году вступило в строй в 4 раза больше турбин и в 5 раз больше котлов, чем в 1940 году. На Урале, например, с начала войны и по октябрь 1943 г. в строй было введено 27 турбин [63].

Валовая продукция промышленности в 1943 г. увеличилась против 1942 г. на 17%; производство чугуна повысилось с 4,8 млн. т до 5,6 млн. т, стали — с 8 млн. т до 8,5 млн. т, добыча угля — с 75,5 млн. т до 93,2 млн. т [64], производство алюминия возросло на 20%, никеля — на 52%, автомобилей — на 41%, электромоторов — на 129%, выработка электроэнергии — на 12%. Производство самолетов увеличилось в 1943 г. по сравнению с 1942 г. на 37%, зенитной артиллерии — на 65%, крупнокалиберных пулеметов — на 74%, производство артиллерийских самоходных установок возросло в 71 раз. Особенно резко вырос выпуск военной продукции в восточных районах [65]. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что советские люди, в трудных условиях войны непрерывно развивая социалистическую промышленность, свои главные усилия направляли на обеспечение разгрома врага, удовлетворение растущих потребностей фронта.

За период с мая 1942 г. по апрель 1943 г. производительность труда поднялась в авиационной промышленности на 30%, в танковой — на 38, в электропромышленности — на 27, в легкой промышленности — на 46% [66]. Одним из основных условий роста производительности труда явилось широкое внедрение новой, передовой технологии. На изготовление важнейших видов военной продукции уходило по сравнению с довоенным периодом в 2—3 раза меньше времени.

Большой рост производительности труда достигался и за счет внедрения на предприятиях поточного производства. Так, завод «Красный пролетарий» за полгода работы поточным методом сумел увеличить выпуск боеприпасов на 71%. При этом рабочих на заводе стало меньше на 30%, а количество необходимого оборудования сократилось на 28%. На заводе «Памяти революции 1905 года» в результате перехода на поточный метод одного только механического цеха производительность труда повысилась на 25% при одновременном уменьшении числа рабочих на 16% и снижении себестоимости на 14% [67].

Огромное значение для роста производительности труда, экономии сырья и материалов имела рационализаторская деятельность рабочих, инженеров и техников. На одном из артиллерийских заводов за семь месяцев 1943 г. в производство было внедрено 465 рационализаторских предложений. Это позволило ежегодно экономить 11 млн. руб., 6 тыс. т металла, 720 т ферромарганца. Десятки тысяч рационализаторских предложений ежемесячно внедрялись и на других предприятиях. Только в течение марта 1943 г., например, на заводах машиностроения было внесено 20 тыс. организационно-технических и рационализаторских предложений, из которых 8 тыс. были реализованы в том же месяце [68].

В увеличении выпуска продукции для фронта, в снижении ее себестоимости значительную роль сыграли комсомольско-молодежные бригады. В октябре 1943 г. в стране было 35 694 бригады, объединивших 289 720 рабочих, а к январю 1944 г. стало 46 620 бригад с числом рабочих 400 тысяч [69]. Бригада молодых слесарей-сборщиков на заводе внутришлифовальных станков в Москве, возглавляемая А. Шашковым, в 1943 г.

---

[63] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 263.
[64] «Пропагандист и агитатор», 1957, № 23, стр. 27.
[65] Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1947, стр. 142.
[66] «Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», стр. 265.
[67] Там же, стр. 266.
[68] Там же.
[69] «Правда», 24 января 1944 года.

собрала 263 станка, причем 62 из них сверх плана. За этот год молодые рабочие освоили выпуск станков девяти моделей. Бригада из месяца в месяц увеличивала выработку; она в течение восьми месяцев 1943 г. держала переходящее Красное знамя МГК ВЛКСМ и в течение 12 месяцев занимала первое место в Кировском районе.

Труженики тыла боролись также за снижение себестоимости, особенно в отраслях военной промышленности. Цены на военную продукцию в 1942 г. и 1943 г. были снижены в общей сумме на 35 млрд. руб. по сравнению с 1940 годом [70].

Если Красная Армия уже в 1943 г. превзошла противника по количеству основных технических средств борьбы, то в этом была великая заслуга нашего рабочего класса, результат героического труда всех работников советской промышленности.

В период войны известную роль в снабжении Красной Армии и населения продовольствием и промышленными товарами играли и поставки союзников. Однако не выдерживают критики утверждения буржуазных авторов о якобы огромном значении для победы Советского Союза над фашистской Германией помощи по ленд-лизу. Так, генерал Вестфаль, пытавшийся умалить мощь Советского Союза, писал, что американские «поставки в огромной степени помогли красному колоссу возместить потери, понесенные в первые месяцы войны, и в ходе войны постепенно усилить военную мощь России... Можно без преувеличения сказать, что без такой огромной американской поддержки русские войска вряд ли были бы в состоянии перейти в наступление в 1943 году» [71].

Между тем известно, что удельный вес поставок промышленных товаров в СССР извне составил всего лишь около 4% потребления [72]. Остальную массу товаров — 96% — дали Советскому государству отечественные заводы и фабрики. В то время как Великобритания получила материалов по ленд-лизу на 30 269 млн. долл., поставки в СССР составляли только 9 800 млн. долларов [73].

В 1940 г. советская танковая промышленность дала 2 794 боевые машины, в 1941 г.— 6 590, в 1942 г.— 24 719 машин, а в дальнейшем она производила в среднем по 30 тыс. танков и бронемашин в год. В 1941 г. авиационная промышленность СССР выпустила 7 902 самолета, в 1942 г.— 22 768, а в последующее время войны — около 40 тыс. самолетов в год. В стране было налажено массовое производство артиллерии и минометов, в том числе реактивных установок («катюш») [74]. В течение последних трех лет Великой Отечественной войны советская промышленность производила ежегодно в среднем до 120 тыс. орудий всех калибров, до 450 тыс. ручных и станковых пулеметов, свыше 3 млн. винтовок и около 2 млн. автоматов. Минометная промышленность за период 1942—1944 гг. производила ежегодно в среднем до 100 тыс. минометов [75].

Неуклонное повышение уровня производства в решающих областях промышленности, увеличение выпуска военной продукции свидетельствовали о том, что со второй половины 1942 г. начался коренной перелом в работе промышленности, который создал условия для коренного перелома на фронте. Все это явилось результатом поистине исполинской организаторской и идейно-воспитательной деятельности Коммунистической партии.

В то время как в Советском Союзе в ходе войны успешно развивалось

---

[70] «Десятая сессия Верховного Совета СССР». Стенографический отчет. М. 1944, стр. 15.

[71] З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Указ. соч., стр. 114—115.

[72] См. Н. Вознесенский. Указ. соч., стр. 74.

[73] БСЭ. Т. 24. Изд. 2-е, стр. 490.

[74] «Пропагандист и агитатор», 1958, № 1, стр. 33—34.

[75] И. В. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М. 1953, стр. 21.

новое строительство и вступали в строй новые промышленные мощности, гитлеровская Германия в результате поражений ее армий и огромных потерь в технике на советско-германском фронте становилась все слабее не только в военном, но и в экономическом отношении. Время работало против нее.

Правда, эксплуатируя немецкий рабочий класс, используя подневольный труд людей, согнанных в Германию из оккупированных стран, а также производственные ресурсы почти всей Европы, германские монополисты еще могли увеличивать объем военной продукции. Фашистская Германия в 1943 г. выпустила 19,8 тыс. танков, штурмовых орудий, бронемашин и бронетранспортеров, 22 тыс. боевых самолетов, 27 тыс. орудий калибра 75 мм и выше, 23 тыс. минометов, около 35,6 тыс. легких зенитных орудий [76]. Но гитлеровцам становилось все труднее восполнять огромные потери в технике на советско-германском фронте. Поэтому фашистская армия начала отставать от Красной Армии по своей технической оснащенности.

Победы Красной Армии в конце 1942 г. и в 1943 г. коренным образом изменили обстановку на советско-германском фронте.

В 1943 г. Красной Армии впервые за годы войны удалось осуществить большое летнее наступление против фашистских войск. Это наступление, начавшееся в ходе Курской битвы, продолжалось затем с неослабевающей силой. В результате наступательных операций наших войск в 1943 г. от фашистских захватчиков были очищены Левобережная Украина, Донбасс, Тамань, Орловская и Смоленская области. Советские воины прорвали блокаду Ленинграда, вступили на Правобережную Украину, заняли подступы к Крыму. Красная Армия окончательно вырвала инициативу из рук врага, заставила фашистское командование отказаться от наступательной стратегии и перейти к обороне на всем советско-германском фронте. В летне-осенней кампании 1943 г. фашистская армия понесла невосполнимый урон в людях и технике, ее боевой дух был надломлен.

Все эти обстоятельства поставили немецко-фашистскую армию перед катастрофой и создали исключительно благоприятные условия для полного разгрома гитлеровской Германии. Только отсутствие второго фронта в Европе, позволявшее гитлеровцам перебрасывать с Запада и из самой Германии на советско-германский фронт новые войска, временно оттягивало окончательное поражение армии агрессора.

Победы Красной Армии оказали решающее влияние на весь ход второй мировой войны. Ее мощные и непрерывные удары на огромном фронте лишили противника возможности усилить свои войска в Северной Африке и Италии и тем самым значительно способствовали успехам англо-американских войск на этих второстепенных театрах военных действий.

В середине 1943 г. в Италии разразился политический кризис. Здесь широко развернулось народное движение против фашистского режима и за выход из войны. В сентябре 1943 г. итальянское правительство Бадольо вынуждено было безоговорочно капитулировать, порвать с Германией, а затем объявить ей войну.

Крах итальянского фашизма привел к углублению внутриполитического кризиса среди всех сателлитов Германии. Усилилась военно-политическая изоляция Германии. Удары советских войск до основания потрясли все здание фашистского блока, и оно стало разваливаться.

Вдохновленные победами Красной Армии, народы, стонавшие под гнетом гитлеровцев, усилили борьбу против фашистского режима. Особенно широко развернулась национально-освободительная борьба в Польше, Чехословакии, Франции, Албании, Югославии и Греции, где дви-

---

[76] «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М. 1956, стр. 270

жение народного сопротивления возглавили коммунистические и рабочие партии. Бывший начальник штаба немецко-фашистской группы войск «Запад» Блюментритт признал: «Трудности в 1943 г. увеличились потому, что движение Сопротивления во Франции к тому времени стало очень грозным и повлекло за собой много жертв с нашей стороны и серьезное напряжение» [77].

В то время как фашистский блок распадался, отношения между странами антигитлеровской коалиции, боевое содружество их армий крепли. В 1943 г. США и Англия усилили свои боевые действия в бассейне Средиземного моря. Однако масштабы этих действий по-прежнему были незначительны по сравнению с гигантской борьбой, развернувшейся на советско-германском фронте.

Упрочение союза и сотрудничества между странами антигитлеровской коалиции нашло свое выражение в решениях Московской конференции министров иностранных дел трех держав — СССР, США и Великобритании, состоявшейся 19—30 октября 1943 г., и Тегеранской конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании (с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.).

Нанося все новые и новые удары фашистской Германии и ее союзникам, Советский Союз сплачивал вокруг себя все народы, стремившиеся к скорейшему разгрому и уничтожению фашистского «нового порядка» в Европе.

12 декабря 1943 г. в Москве был подписан договор о дружбе, взаимной помощи в войне и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. Договор гарантировал Чехословакии военную помощь Советского Союза в деле освобождения ее народов от фашистского рабства. Каждая статья советско-чехословацкого договора была проникнута идеей поддержания прочного мира в Европе в послевоенный период.

В ходе войны за освобождение своей территории советский народ оказывал братскую поддержку народам оккупированных гитлеровцами стран в их борьбе против фашистских угнетателей. В марте 1943 г. в сражение с фашистскими захватчиками на советско-германском фронте вступили первые воинские части зарождавшейся новой чехословацкой армии, сформированные с помощью и на территории Советского Союза. В октябре 1943 г. вместе с советскими войсками начали действовать части сформированной в нашей стране польской дивизии имени Костюшко, которая явилась ядром будущего Войска Польского.

Великие успехи Красной Армии на фронтах Отечественной войны, героический труд советских людей в тылу, мудрая советская внешняя политика, сплотившая вокруг СССР все свободолюбивые народы, заложили основы для дальнейших решающих побед над фашистскими захватчиками.

★

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом явился результатом мудрой политики Коммунистической партии и Советского правительства, огромной организаторской и политической работы партии, самоотверженного труда советских людей, массового героизма советских воинов. Он был достигнут благодаря дальнейшему усилению технико-экономической мощи советского тыла, совершенствованию военного мастерства командных кадров Красной Армии и Военно-Морского Флота, высокому моральному духу их личного состава.

Большую роль в подрыве гитлеровского тыла, в отвлечении значительной части фашистских войск сыграли партизаны и участники Сопротивления в оккупированных странах.

---

[77] L. Hart. The Other Side of the Hill, pp. 240—241.

Все это облегчало успешное развертывание военных действий союзных армий на второстепенных театрах войны, ибо фашистское командование не могло оказать необходимой помощи действовавшим там своим войскам. Летом 1942 г. на советско-германском фронте находилось 70% немецко-фашистских войск, в Западной Европе — около 13%, а на африканском театре войны — 1,5% [78]. В 1943 г. основные силы фашистской армии по-прежнему находились на советско-германском фронте.

Пытаясь принизить решающую роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в победе над фашистской Германией, реакционные буржуазные авторы объясняют ее поражение различными второстепенными факторами, которые не имели и не могли иметь существенного значения для исхода войны. Так, Д. С. Фуллер, Ж. Буше, К. Типпельскирх, Г. Гудериан, Е. Манштейн и другие буржуазные историки и генералы пытаются объяснить поражение фашистской армии суровостью русского климата, огромной протяженностью коммуникаций, недостатком хороших дорог в нашей стране, отсутствием у фашистской армии теплого зимнего обмундирования и т. д. Но ведь и Красная Армия должна была преодолевать все эти трудности! Больше того, нашим войскам при продвижении на запад приходилось действовать в несравненно более тяжелых условиях: они должны были восстанавливать разрушенные гитлеровцами коммуникации, подвозить все снабжение из глубокого тыла.

Широкое распространение среди буржуазных историков получил тезис об «ударе ножом в спину», выдвинутый еще после первой мировой войны Людендорфом. Воскрешая этот тезис, буржуазные исследователи утверждают, что Германия потерпела поражение не столько от своих противников, сколько из-за недостаточной подготовленности к войне, измены генералитета, недостаточного патриотизма населения, в результате антифашистского и оппозиционного движения против гитлеровского режима. Насколько подобные версии далеки от истины, свидетельствует, например, один из документов личного архива Паулюса, в котором говорится: «При том положении вещей, которое сложилось на рубеже 1942/43 г., я надеялся путем длительного, упорного сопротивления под Сталинградом служить как раз интересам немецкого народа, так как мне казалось, что поражение на Восточном фронте заградит всякий политический выход. Революционная мысль о том, чтобы сознательно привести к поражению, чтобы этим самым повредить Гитлеру и нацистскому режиму, как препятствию для окончания войны, тогда совсем не входила в круг моих соображений».

Смехотворны попытки фальсификаторов истории искать причины поражения фашистской армии в личных просчетах и ошибках Гитлера, взявшего на себя военное руководство. Они обвиняют Гитлера в том, что он не учитывал особенности театра войны на Востоке, сковывал инициативу командующих групп армий и командиров соединений, применял изжившие себя формы и методы управления войсками, грубо вмешивался в руководство операциями и навязывал войскам устаревшую тактику. Бывший начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер характеризует Гитлера как азартного игрока, слабо разбиравшегося в военном деле, не обладавшего решительностью и пониманием развития хода военных действий. Примерно так же отзываются теперь о Гитлере и другие видные генералы фашистской армии. Они, ранее безмерно превозносившие «своего фюрера», после второй мировой войны пытаются свалить на него всю вину за поражение. Тем самым они хотят реабилитировать себя и военную систему германского империализма, которая якобы не потерпела поражения. Но известно, что войну против СССР планировал германский генеральный штаб, те же генералы, и прежде всего Гальдер,

---

[78] В. А. Секистов. Указ. соч., стр. 270.

как начальник генерального штаба. Гитлер, бесспорно, совершил ряд непоправимых ошибок в области политики и руководства войсками. Он, как и генералитет фашистской армии, не понимал природы советского общественного и государственного строя, несокрушимого единства советского народа, коренного отличия армии нового типа от армий капиталистических стран. Война против СССР являлась политической и военной авантюрой, которая должна была завершиться разгромом фашистской Германии.

Некоторые буржуазные авторы утверждают, что если бы Гитлер разрешил армии Паулюса отступить из-под Сталинграда, перегруппировать войска и, получив подкрепление, нанести новый удар, то Германия одержала бы победу в этой войне. Черчилль в мемуарах о второй мировой войне пишет, что гитлеровское руководство допустило роковую стратегическую ошибку, разбросав свои силы и не создав мощной резервной армии, чтобы использовать ее для «генерального сражения», которое и могло якобы решить исход войны в пользу Германии.

Подобные заявления ни в коей мере не вытекают из действительного хода минувшей войны, не говоря уже о том, что они не вскрывают основных причин поражения фашистской Германии. Известно, что на протяжении всей войны гитлеровское командование главные усилия направляло против Красной Армии, выделяя на африканский, а затем и на европейский театры против англо-американских войск такие силы, которые не могли оказать решающего влияния на ход военных событий. Судьба войны решалась на главном, советско-германском фронте, где были сосредоточены основные силы фашистской Германии. Создание какой-либо «резервной армии» также не могло изменить положения на советско-германском фронте, да гитлеровское военное руководство и не могло держать крупные резервы. Ведь все новые соединения оно вынуждено было немедленно бросать на Восток, где эти резервы быстро перемалывались Красной Армией.

Лживые утверждения прислужникам империализма нужны для того, чтобы принизить роль Советского Союза и его армии в разгроме фашистской Германии и империалистической Японии. Фальсификаторы истории всячески стараются скрыть от народных масс подлинные причины поражения фашистских агрессоров, замолчать подлинные источники сил, опираясь на которые советское социалистическое государство одержало великую победу.

Уроки первой и второй мировых войн свидетельствуют о том, что германский империализм, развязавший эти войны в целях установления своего мирового господства, не случайно дважды потерпел тяжелое поражение. Вместе с германским империализмом потерпели жестокое поражение и те реакционные силы, которые вдохновляли его, всесторонне помогали ему в развязывании агрессии. Крах агрессивных планов германских империалистов и стоявших за их спиной американо-английских реакционеров исторически закономерен. Такая же участь ждет и всех тех, кто стремится ныне развязать новую войну против сил мира и социализма.

ВАЖНАЯ ВЕХА В ИСТОРИИ КПСС

(К 40-ЛЕТИЮ VIII СЪЕЗДА РКП(б))

С. Ф. Найда, Н. С. Мутовкин

В марте 1959 г. исполнилось 40 лет со времени созыва исторического VIII съезда РКП(б). Решения VIII съезда сыграли исключительно важную роль в партийном, советском и военном строительстве, в укреплении военно-политического союза рабочего класса со средним крестьянством, упрочении дружбы народов советских республик, победоносном завершении гражданской войны и борьбы с интервентами, развитии международного революционно-освободительного движения, становлении Коммунистического Интернационала.

Многими решениями этого съезда и поныне руководствуются в партийной практике, советском и военном строительстве, некоторые из них до сих пор составляют основу программных положений нашей партии и т. д. Программа РКП(б), принятая VIII съездом, оказала огромное влияние на мировое революционное движение.

Главнейшим источником для изучения вопросов, связанных с VIII съездом, служат его протоколы (стенографический отчет), которые впервые были изданы в 1919 году. В 1933 г. они вышли вторым изданием, дополненным рядом материалов, хранившихся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Этому изданию предпослана краткая вводная статья от редакции, которая сохраняет научную ценность и в настоящее время.

Сейчас Институт марксизма-ленинизма предпринимает третье издание стенографического отчета VIII съезда РКП(б).

Следует сказать, что вопрос о VIII съезде РКП(б), заслуживающий пристального внимания историков, разработан слабо, о съезде нет крупных и обстоятельных исследований.

В 1949 г. Госполитиздат опубликовал небольшую книгу В. Л. Игнатьева «Восьмой съезд РКП(б)», представляющую собой хорошо скомпонованный комментарий к протоколам съезда. В 1955 г. этот же автор издал брошюру «Восьмой съезд Коммунистической партии и его историческое значение в дальнейшем укреплении союза рабочего класса и трудового крестьянства», которая в значительной мере повторяет предыдущую. Ее достоинство состоит в том, что она свободна от элементов культа личности, которые были свойственны первой брошюре В. Л. Игнатьева. В прошлом году вышла в свет брошюра А. Н. Костакова «Упрочение союза рабочего класса и среднего крестьянства на основе решений VIII съезда партии». Автор ее внимательно изучил газетный материал и частично привлек новые архивные документы, что позволило ему показать решения VIII съезда партии в действии. Однако небольшой объем брошюры помешал А. Н. Костакову с достаточной полнотой раскрыть тему.

VIII съезду РКП(б) посвящен и ряд журнальных статей; среди них определенный интерес вызывает статья Н. Ф. Кузьмина «Военный вопрос на VIII съезде партии» («Вопросы истории КПСС», 1958, № 6), написанная частично на свежем документальном материале. Но автор статьи

в полной мере не выяснил причин, вызвавших вынесение военного вопроса на повестку дня VIII съезда и ход прений на съезде по этому вопросу.

В данной статье авторы ставят перед собой задачу шире осветить некоторые положения, рассматривавшиеся VIII съездом, и прежде всего военный вопрос.

★

VIII съезд Коммунистической партии проходил в Москве с 18 по 23 марта 1919 года. Это было время, когда империалисты Антанты, одержав победу над Германией и ее союзниками в первой мировой войне, стали господствующей силой в капиталистическом мире, который ненавидел и хотел стереть с лица земли Советскую Россию. Под шумок о мире и предстоящей демобилизации многомиллионных армий руководящие круги США, Англии и Франции приняли меры к расширению военной интервенции и усилению помощи внутренней контрреволюции в России. Именно в дни съезда начался первый объединенный поход внешних и внутренних сил контрреволюции (начиная от колчаковцев, деникинцев и кончая разнородными буржуазно-националистическими элементами и мелкобуржуазными партиями меньшевиков, эсеров и др.) против Советской республики.

Главная роль в этом походе была отведена колчаковским войскам, которые в марте 1919 г. перешли в наступление.

Временные успехи колчаковцев облегчали действия деникинских войск, которым в этом походе отводилась вторая по значимости роль.

Все это осложняло положение государства рабочих и крестьян. Но вместе с тем действовали и факторы, укреплявшие власть Советов. Так, в результате краха австро-германской антисоветской интервенции еще в ноябре 1918 г. был ликвидирован Брестский договор; на Украине, в Белоруссии и Прибалтике с осени 1918 г. началось второе триумфальное шествие Советской власти, которое продолжалось до мая 1919 года. Особенно большие успехи были достигнуты на юге Украины, где весной того же года советские войска разгромили петлюровцев, белогвардейцев и изгнали интервентов с позором.

В начале 1919 г. под влиянием Великого Октября и в результате обострения противоречий империализма начался мощный подъем революционного движения в капиталистических странах. Массовые стачки рабочего класса переходили в вооруженные схватки с буржуазией. Поднялись на борьбу против империализма народы колоний и зависимых стран.

В Венгрии и Баварии весной 1919 г. были созданы советские республики. В этих условиях шло быстрое оформление коммунистических и рабочих партий. Вследствие роста коммунистического движения, кризиса и распада старых социал-демократических партий в начале марта 1919 г. в Москве состоялся I конгресс Коминтерна.

Итак, VIII съезд РКП(б) собрался в сложной исторической обстановке.

Тогда перед Коммунистической партией и Советской властью стояла задача мобилизовать все силы народа и материально-технические средства на разгром внешних и внутренних сил контрреволюции, не прекращая, однако, под огнем врага великих социалистических преобразований в области экономики и культуры. Для этого необходимо было поднять на более высокую ступень партийное и советское строительство, выработать правильную, соответствующую новым условиям политику рабочего класса по отношению к среднему крестьянству, упорядочить дальнейшее строительство Красной Армии и Флота и решить другие важнейшие вопросы внутренней и внешней политики.

Созыву VIII съезда партии предшествовала большая подготовительная работа, проведенная ЦК РКП(б) и под его руководством местными

партийными и военными организациями. Так, уже в конце 1918 г. в партийных организациях началось обсуждение вопросов, которые предполагалось включить в повестку дня VIII съезда партии. В частности, рассматривались программа партии, вопросы партийного, советского и военного строительства, работы партии в деревне и т. д.

2 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) обратился ко всем партийным организациям со специальным письмом, в котором рекомендовалось увязывать подготовку к съезду с работой по укреплению своих рядов, вовлечению коммунистов в активную партийную деятельность.

В марте ЦК РКП(б) несколько раз обсуждал вопросы, связанные с повесткой дня, организацией съезда и др. В феврале — марте партийные организации избрали делегатов съезда. На VIII съезд РКП(б) прибыли 301 делегат с решающим голосом, представлявшие 313 766 членов партии, и 102 делегата с совещательным голосом.

Повестка дня съезда включала в себя следующие вопросы: 1. Политический отчет Центрального Комитета. 2. Программа РКП(б). 3. Создание Коммунистического Интернационала. 4. Военное положение и военная политика. 5. Работа в деревне. 6. Организационные вопросы. 7. Выборы Центрального Комитета.

Ведущая роль в работе съезда принадлежала вождю Коммунистической партии и главе правительства первого в мире Советского государства В. И. Ленину, который выступал с докладами по первому, второму и пятому вопросам порядка дня, а также с речами при открытии и закрытии съезда. Вступительное слово В. И. Ленина и его отчет о деятельности ЦК РКП(б) имели направляющее значение.

В. И. Ленин особо подчеркнул важность организационных вопросов. «Если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики,— говорил он,— то постепенно мы стали все-таки укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные» [1].

Как известно, в стране, где преобладает мелкое крестьянское хозяйство, вопрос об отношении к среднему крестьянству в переходный от капитализма к социализму период является одним из сложнейших. В. И. Ленин со всей остротой поставил этот вопрос перед делегатами съезда. Он указал, что без союза рабочего класса со средним крестьянством при опоре на бедноту невозможно закрепить завоевания социалистической революции, защитить Советскую республику и успешно строить социализм.

Третьим центральным вопросом, на котором остановился В. И. Ленин в начале работы съезда, был вопрос о международном положении, расстановке сил на международной арене, борьбе социализма и империализма и значении созданного в Москве III, Коммунистического Интернационала.

Он выразил надежду, что успешное развитие мирового революционно-освободительного движения укрепит положение Советской республики и облегчит ее борьбу с внутренними и внешними врагами.

Освещая итоги политической деятельности ЦК партии за период между съездами, В. И. Ленин отметил, что ЦК РКП(б) являлся подлинно коллективным органом партии, ее генеральным и политическим штабом, работал он дружно и все важнейшие задачи, вставшие перед партией и государством, разрешал быстро и организованно.

«Не будь усиленной дружной работы, о которой я говорил, мы не

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 123.

могли бы действовать, как действовали, не могли бы решать боевых задач»[2].

Выдвинутые В. И. Лениным положения находились в центре внимания съезда при обсуждении других докладов и проектов резолюций. Веря в огромные творческие возможности трудящихся масс, В. И. Ленин заявил о необходимости изыскания свежих сил в народе, сил, способных строить новую жизнь и руководить созидательной работой.

Съезд принял по отчету ЦК резолюцию, в которой выразил полное одобрение политической линии Центрального Комитета партии.

На первом заседании съезда были созданы секции: военная, по работе в деревне и организационная.

★

На VIII съезде РКП(б) была принята новая, разработанная В. И. Лениным программа партии. Это имело чрезвычайно важное историческое значение не только для Российской Коммунистической партии (большевиков), но и для международного коммунистического движения. В программе был обобщен опыт всемирного освободительного движения пролетариата, и особенно рабочего класса России, впервые в истории пришедшего к власти, и намечены конкретные пути строительства социализма в нашей стране.

Вопрос о пересмотре программы нашей партии, принятой в 1903 г. на II съезде РСДРП, поднимался, как указывал В. И. Ленин, еще задолго до первой империалистической войны[3]. В Апрельских тезисах (1917 г.) В. И. Ленин наряду с предложением изменить название партии требовал и пересмотра ее программы.

На VII (Апрельской) партийной конференции обсуждался «Проект переработки теоретической, политической и некоторых других частей программы»[4], составленный Лениным. В этом проекте излагались поправки к программе 1903 года. На конференции была создана специальная программная секция. Однако сложная политическая обстановка в стране не позволила делегатам VII партийной конференции решить вопрос о программе, и лишь по докладу В. И. Ленина (о работе комиссии) было принято постановление: ЦК в двухмесячный срок подготовить проект программы к очередному съезду. В июне (в мае по ст. ст.) В. И. Ленин по поручению ЦК издал брошюру «Материалы по пересмотру партийной программы»[5].

Почти в то же время вышел сборник статей, называвшийся «Материалы по пересмотру партийной программы». В нем были опубликованы проект программы и статьи А. Ломова, В. Милютина, В. Смирнова, касающиеся программы партии. Основные положения сборника расходились с проектом В. И. Ленина.

Вопрос о программе партии обсуждался на VI съезде РСДРП(б). Вследствие того, что этот вопрос не был достаточно подготовлен, съезд поручил ЦК на основе решений VII (Апрельской) конференции и VI съезда разработать платформу по составлению программы и организовать по этому поводу широкую дискуссию с тем, чтобы создать наиболее благоприятные условия для принятия программы на специально созванном съезде партии. После VI съезда в партийной печати был опубликован ряд статей о программных положениях нашей партии.

В. И. Ленин также выступил с новой статьей, «К пересмотру партийной программы», подвергнув в ней критике проект программы и статьи, опубликованные в указанном выше сборнике, и выступление Бухарина

---

[2] Там же, стр. 131.
[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XX. Изд. 3-е, стр. 273.
[4] Там же, стр. 293.
[5] Там же, стр. 289—310.

по программному вопросу. К VII съезду партии В. И. Ленин написал «Черновой набросок проекта программы»[6], который был роздан всем делегатам съезда в качестве материала для обсуждения.

VII съезд партии заслушал доклад В. И. Ленина об изменении программы и названия партии. В. И. Ленин резко критиковал оппортунистические взгляды Бухарина и его сторонников, требовавших исключить из вводной части программы анализ простого товарного производства и домонополистического капитализма, оставив только характеристику империализма.

По предложению В. И. Ленина VII съезд создал комиссию из 7 человек для разработки проекта программы на основе резолюции, составленной В. И. Лениным. Вскоре после съезда Владимир Ильич написал и представил в комиссию проект программы[7], который был неоднократно обсужден, выправлен и в таком виде в феврале 1919 г. опубликован в газете «Правда». Этот вариант проекта программы и был представлен VIII съезду РКП(б).

19 марта по поручению ЦК РКП(б) на съезде с докладом о программе партии выступил В. И. Ленин.

Тщетную попытку опровергнуть положения доклада В. И. Ленина сделали Бухарин и Пятаков, выступавшие как ярые оппортунисты. Они считали, что империализм является не последней стадией развития капитализма, а особой социально-экономической формацией, что он-де несовместим с домонополистическими формами хозяйства. Это антимарксистское утверждение было направлено против ленинской теории социалистической революции. Из их оппортунистической теории «чистого империализма» вытекало, что в эпоху империализма возможна только «чисто» пролетарская революция, в которой один рабочий класс противостоит буржуазии и в которой нет ни антифеодальных движений, ни национально-освободительных войн.

Бухарин и Пятаков стояли на меньшевистско-троцкистских позициях отрицания роли среднего крестьянства в социалистической революции и в строительстве социализма. Все это вело к лишению рабочего класса своего союзника и в конечном счете к отрицанию диктатуры пролетариата, высшим принципом которой является союз рабочего класса и крестьянства.

Антиленинские взгляды Бухарина и Пятакова нашли поддержку со стороны Суница, Осинского и некоторых других участников съезда.

Но подавляющее большинство делегатов съезда поддержало В. И. Ленина. В. И. Ленин разбил оппортунистические доводы Бухарина и его сторонников. Он показал, что Бухарин и Пятаков, игнорируя наличие в стране простого товарного хозяйства, по существу, не считались с наличием среднего крестьянства, не признавали его роли в пролетарской революции и социалистическом строительстве и тем самым в конечном счете отрицали диктатуру пролетариата. «...наша программа, если она хочет быть верной,— отметил В. И. Ленин,— должна сказать то, что есть»[8].

Как показало обсуждение вводной части программы, на первый взгляд сугубо теоретический вопрос о характеристике капитализма в его высшей стадии имел самое непосредственное отношение к стратегии и тактике партии в условиях диктатуры пролетариата, к оценке классов и их взаимоотношений в переходный от капитализма к социализму период.

Другим пунктом проекта программы, по которому выявились серьезные разногласия на съезде, был национальный вопрос. В. И. Ленин на-

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII. Изд. 3-е, стр. 368—374.
[7] См. «Ленинский сборник» XIII, стр. 83—90.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 147.

стаивал на включении в программу пункта о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания своей государственности. Проведение в жизнь этого лозунга, по мнению В. И. Ленина, помогало сблизить трудящихся различных национальностей. Но не так думали Бухарин и Пятаков, выступившие на съезде в роли ревизионистов, отступников от марксизма-ленинизма. Бухарин и его кучка сообщников противопоставили лозунгу «Право наций на самоопределение» псевдореволюционный лозунг «Право трудящихся на самоопределение». Пятаков пошел еще дальше. Он возражал даже против лозунга, выдвинутого Бухариным, и утверждал, что необходимо «твердо стать на путь строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения». За мнимой «левизной» взглядов Бухарина и Пятакова по национальному вопросу скрывалась великодержавно-шовинистическая сущность их воззрений.

Выступления Бухарина и Пятакова против лозунга «Право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» объективно были на руку империалистам, буржуазии угнетенных наций и буржуазно-националистическим партиям. Отказ от этого лозунга мог бы только затормозить классовую дифференциацию среди угнетенных народов, вызвать недоверие трудящихся этих наций по отношению к пролетариату господствующих наций. Если бы РКП(б) последовала увещеваниям Бухарина и Пятакова, пролетариат России мог бы лишиться такой мощной поддержки, как национально-освободительное движение внутри страны и за ее пределами.

В докладе и заключительной речи В. И. Ленин дал беспощадный отпор оппортунистическим разглагольствованиям Бухарина и Пятакова по национальному вопросу. В резолюции VIII съезда указывалось: «Обсудив проект партийной программы, выработанной комиссией VII съезда, VIII съезд РКП постановляет считать проект комиссии, как по форме построения (тип программы), так и в изложении основных принципов, задач, целей и тактики нашей партии, вполне отвечающим потребностям и задачам партии пролетарской революции. Поэтому съезд постановляет принять проект программы, выработанный комиссией VII съезда, в основу и сдать в комиссию для окончательного редактирования» [9].

В соответствии с этим решением программа была рассмотрена, а в ряде мест уточнена на заседаниях выделенной съездом комиссии.

22 марта комиссия доложила о результатах своей работы и внесла на голосование окончательно подготовленный проект программы. Съезд единогласно принял новую программу, разработанную под руководством великого Ленина.

Программа Коммунистической партии, одобренная VIII съездом, отличалась от той, которая была утверждена II съездом. Это была программа первой в истории марксистской партии, пришедшей к власти, программа, в которой основное внимание сосредоточивалось не на борьбе за победу революции (эти вопросы были уже решены в 1917 г.), а на задачах правящей партии, руководящей созидательной деятельностью народных масс, строящих новое общество и государство. Программа указывала то направление, в каком должно развертываться строительство новой жизни.

Коммунистическая партия Советского Союза, вооруженная этой программой, отстояла нашу Родину от интервентов и белогвардейцев в тяжелые годы гражданской войны, вывела страну из величайшей разрухи и голода, превратила ее из аграрной в передовую индустриально-колхозную державу, построила социализм, отстояла нашу Отчизну

---

[9] «Протоколы VIII съезда РКП(б)». Партиздат. 1933, стр. 365.

в битве с германским фашизмом и, залечив после войны раны, успешно ведет советский народ к победе коммунизма.

В программе с предельной ясностью излагались великие интернациональные задачи и обязательства перед мировым коммунистическим движением, лежащие на большевистской партии. В программе уделено большое внимание вопросу о власти как основному вопросу революции. В ней дана исчерпывающая характеристика советской формы государственной власти, советской демократии.

Программа четко разграничивает Советское государство и пролетарскую демократию от буржуазной республики и буржуазной демократии. Советское государство — новый тип государства, в котором у власти стоят рабочие и трудящиеся крестьяне, где пролетариат, осуществляя свою диктатуру в союзе с крестьянством, то есть при поддержке подавляющего большинства народа, строит новое, социалистическое общество, подавляет при этом сопротивление эксплуататорских классов и организует защиту трудящимися Республики Советов.

В программе отмечалось, что в любой буржуазной республике демократия осуществляется только для богатых, а сама буржуазная республика, даже самая «демократическая», на деле — в силу господства частной собственности на землю и другие средства производства — является диктатурой буржуазии, машиной эксплуатации и подавления большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность буржуазной демократии, скрывающей классовую сущность государства, Советская власть открыто признает неизбежность классового характера всякого государства.

В программе указывалось, что советская демократия в отличие от демократии буржуазной не только формально провозглашает права и свободы, национальное и расовое равенство людей, равенство женщины с мужчиной, свободу слова, религии и т. д., но и на деле дает трудящимся реальные права и свободы, обеспечивая их материально и охраняя законом.

В программе подчеркивалось историческое значение руководящей роли в революции и созидательной деятельности пролетариата «как наиболее сконцентрированной, объединенной, просвещенной и закаленной в борьбе части трудящихся масс...» [10]. При этом партия заявляла, что она будет бороться за тесное единение промышленных рабочих с пролетариями и полупролетариями деревни, а также со средним крестьянством.

Одну из важнейших задач в области политической жизни партия видела в том, чтобы «...добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике, в особенности же путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц» [11]. Подобная задача теснейшим образом была связана с требованием решительной борьбы против бюрократизма.

Эти важнейшие положения сохраняют свою силу и на современном этапе общественного развития. В последние годы под водительством ленинского ЦК Коммунистическая партия проделала громадную работу по вовлечению масс в управление государством. Все важные вопросы Коммунистическая партия Советского Союза ставила на обсуждение народа, глубоко учитывала мнение трудящихся. Усилилась роль Советов депутатов трудящихся в жизни страны, профсоюзов, комсомола, активизировалась деятельность производственных совещаний, собраний рабочих и колхозников и т. д.

Чтобы преодолеть недоверие трудящихся угнетенных наций к пролетариату прежде господствовавших наций, партия выдвигала в программе

---

[10] Там же, стр. 386.
[11] Там же.

требование полного равноправия наций, устранения всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, признание за равноправными нациями права на государственное отделение. Только последовательное проведение партией такой политики сделало возможным создание мощного союза равноправных социалистических советских республик [12].

При разрешении национального вопроса программа требовала учитывать исторически сложившиеся условия существования и положения той или иной нации или народности. «В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.» [13].

При проведении национальной политики программа предусматривала особую осторожность и чуткое отношение пролетариата ранее господствовавшей нации к народам, прежде находившимся в неполноправном положении. «Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских республик вокруг Советской России» [14].

Принципы ленинской национальной политики, закрепленные VIII съездом РКП(б), давно показали свою великую жизненную силу. Без их последовательного осуществления невозможно было бы упрочить Советскую власть, укрепить дружбу народов нашей страны, создать Союз Советских Социалистических Республик, выдержавший трудности классовой борьбы за победу социализма и суровые испытания Великой Отечественной войны против фашистской Германии и империалистической Японии и ныне уверенно идущий по пути строительства коммунизма. Можно с полным основанием сказать, что создание могучего лагеря мира и социализма во главе с Советским Союзом, мощный размах национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, разрушающего систему колониализма, в громадной степени объясняются претворением в жизнь ленинской национальной политики.

В области экономической программы партия ставила задачу всемерного развития производительных сил страны. Подлинный подъем их стал возможен на основе последовательного проведения политики индустриализации или, как указывалось в программе, в результате перехода от «отсталых форм производства к более высокой крупной машинизированной индустрии» [15].

За годы Советской власти трудящиеся нашей страны ликвидировали вековую отсталость России в промышленном отношении и создали мощную индустрию, обеспечившую экономическую самостоятельность и независимость Советского государства. В настоящее время СССР по объему промышленного производства занимает первое место в Европе и второе в мире. Предметов народного потребления производится у нас в 2,7 раза больше, чем в 1940 году. Благодаря принятым партией и правительством мерам по крутому подъему сельского хозяйства за последние пять лет по сравнению с предыдущим пятилетием производство зерновых культур увеличилось на 39%, хлопка-сырца — на 20%, льноволокна — на 77%, сахарной свеклы — на 68%, подсолнечника — на 66%, картофеля — на 10%, овощей — на 38% [16]. В 1965 г. Советский Союз по

[12] Там же, стр. 387.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 392.
[16] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы». Госполитиздат. 1959, стр. 13.

абсолютному производству некоторых главнейших видов продукции превзойдет, а по другим приблизится к нынешнему уровню промышленного производства в США.

В период принятия программы партии в целях правильного регулирования развития экономики выдвигалась в качестве одной из коренных задач борьба за «максимальное объединение всей хозяйственной деятельности страны по одному общегосударственному плану; наибольшая централизация производства в смысле объединения его по отдельным отраслям и группам отраслей и сосредоточения его в наилучших производственных единицах и в смысле быстроты выполнения хозяйственных заданий; наибольшая слаженность всего производственного аппарата, рациональное и экономное использование всех материальных ресурсов страны» [17]. Планирование народного хозяйства нашей страны развивалось по мере роста и укрепления социалистических производственных отношений. Оно явилось одним из важнейших рычагов, при помощи которых Советское государство добилось величайших успехов в области экономики и культуры. Сейчас, в период развернутого строительства коммунизма, роль планирования еще более возросла.

В программе указывалось, что «необходимо заботиться о расширении экономического сотрудничества и политических связей с другими народами, стремясь одновременно к установлению единого хозяйственного плана с теми из них, которые перешли уже к советскому устройству» [18].

В настоящее время Советский Союз осуществляет экономическое сотрудничество на основе товарищеской взаимопомощи со всеми социалистическими странами. Ширятся и крепнут также деловые связи СССР и с другими государствами.

В качестве главной задачи в сельском хозяйстве программа выдвигала организацию крупного социалистического земледелия путем создания совхозов, поддержки колхозов и товариществ по совместной обработке земли и т. д. В этом программа усматривала «единственный путь к абсолютно необходимому повышению производительности земледельческого труда» [19]. Вместе с тем в программе отмечалось, что, учитывая неизбежность сравнительно длительного существования мелкого крестьянского хозяйства, необходимо проведение ряда мероприятий, направленных на поднятие его производительности: упорядочение крестьянского землепользования, снабжение крестьян посевными материалами и искусственными удобрениями, улучшение пород скота, распространение агрознаний, оказание агропомощи, ремонт сельхозинвентаря, устройство прокатных пунктов, опытных станций и т. д.

Партия в своей работе в деревне, указывалось в программе, по-прежнему опирается на пролетарские и полупролетарские слои сельского населения, создает в деревне партийные ячейки, организации бедноты, профсоюзы и т. д. и содействует сближению этих организаций с городским пролетариатом, с тем чтобы свести на нет влияние деревенской буржуазии.

Коммунистическая партия неуклонно выполняла требования программы в области сельского хозяйства, переводя единоличные крестьянские хозяйства на рельсы крупного коллективного социалистического сельского хозяйства.

Последовательное осуществление партией ленинского кооперативного плана обеспечило победу социализма в деревне. Миллионы крестьянских дворов ныне объединены в колхозы, которых в настоящее время насчитывается около 70 тысяч. Имеется также 6 тыс. совхо-

---

[17] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 392.
[18] Там же.
[19] Там же, стр. 395.

зов [20]. На основе социалистической реконструкции сельского хозяйства были достигнуты громадные успехи. Так, при сокращении удельного веса населения, занятого в сельскохозяйственном производстве, почти вдвое по сравнению с дореволюционным периодом валовая и товарная продукция сельского хозяйства увеличилась в несколько раз.

В области народного просвещения программа ставила задачу довести до конца начатое Октябрьской революцией «дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества» [21].

Программа определяла основы советской школы и просветительного дела. Провозглашалось введение бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей до 17 лет, преподавания на родном языке и совместного обучения детей обоего пола, создания сети дошкольных учреждений, снабжения всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства, подготовки новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма, вовлечения всех трудящихся в дело просвещения. Предполагалось также оказание государственной помощи самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян путем создания сети учреждений внешкольного образования: библиотек, народных домов, народных университетов, курсов, лекций, киностудий и т. д. Предусматривалось повсеместное распространение профессионального образования, открытие широкого доступа детям трудящихся в высшую школу, развертывание активной пропаганды коммунистических идей в народных массах, используя для этого все средства, находящиеся в распоряжении партии и государства.

За годы Советской власти в нашей стране осуществлена культурная революция, в результате которой достигнут невиданный расцвет культуры народов Советского Союза. Всеми видами обучения сейчас охвачено свыше 50 млн. человек. В настоящее время в СССР имеется 766 высших учебных заведений, 3 344 техникума и другие средние специальные учебные заведения, в которых обучается более 4 млн. человек. Число специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, составляет около 7 с половиной миллионов человек. Это в 39 раз больше, чем в 1913 году. Высшие учебные заведения нашей страны выпускают инженеров почти в 3 раза больше, чем в США [22].

В отношении развития науки и техники в программе говорилось: «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны» [23].

В Советском Союзе ученым предоставлены все возможности для плодотворной научной деятельности, создана широкая сеть научных учреждений, оснащенных новейшим оборудованием. К концу 1958 г. у нас насчитывалось более 280 тыс. научных работников (в 28 раз больше, чем до революции). Советские ученые внесли большой вклад в техниче-

---

[20] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», стр. 12.

[21] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 390.

[22] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», стр. 16.

[23] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 394.

ский прогресс народного хозяйства нашей страны. В СССР создана мощная атомная промышленность. Запуск советских спутников Земли открыл новую эру в истории человечества — эру освоения космического пространства.

Триумфом советской науки и техники является запуск 2 января 1959 г. космической ракеты в сторону Луны. Успех советских людей означает крупную победу не только народов нашей страны, но и всего прогрессивного и миролюбивого человечества. Этот величайший научный эксперимент служит дальнейшему познанию человеком тайн вселенной и покорению сил природы, он предпринят в интересах сближения народов и дружественного сотрудничества между ними. Советский Союз был и остается активным поборником высоких идей прогресса и гуманности.

С установлением диктатуры пролетариата стало возможным полностью осуществить в нашей стране программу в области охраны труда. Советская власть в законодательном порядке установила 8-часовой рабочий день, а на тяжелых и вредных производствах — 6-часовой рабочий день. Были введены охрана труда, обязательные отпуска для рабочих и служащих за счет государства, увеличены пенсии по старости и инвалидности и т. д. Коммунистическая партия и Советская власть провели сокращение рабочего дня в предпраздничные и предвыходные дни, осуществили переход на сокращенный рабочий день рабочих и служащих ряда отраслей тяжелой промышленности, установили 6- и 4-часовой рабочий день и месячный отпуск для подростков, увеличили продолжительность отпусков по беременности и родам, повысили заработную плату низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих и т. д.

Принят закон о государственных пенсиях, значительно улучшающий пенсионное обеспечение рабочих и служащих. В 1958 г. население получило от государства пенсий на сумму 64 млрд. руб., что почти в два с половиной раза превышает размер пенсий, выплаченных населению в 1953 году.

На мероприятия по улучшению охраны труда, включая и коллективные договоры за 1956—1958 гг., вложено 8,8 млрд. руб., на выдачу бесплатной спецодежды рабочим — 13,5 млрд. рублей [24]. Советское государство ежегодно выделяет огромные суммы на медицинское обслуживание, на курортное лечение и т. д.

В программе нашли четкое разрешение вопросы партийного и советского строительства, военной политики, отношения РКП(б) к буржуазной культуре и науке, к буржуазным специалистам, и в частности к военспецам. В программе определялись также цели и задачи Коммунистической партии и Советского государства в борьбе за построение социалистического общества.

Таковы были основные положения принятой VIII съездом РКП(б) программы партии, которой суждено было сыграть величайшую роль в жизни нашей партии, в истории советского народа и мирового коммунистического движения.

Как отмечалось, за период с VIII съезда РКП(б), когда была одобрена существующая и ныне программа партии, произошли коренные изменения как в области международных отношений, так и в области строительства социализма в Советском Союзе. Главную черту нашей эпохи составляет то, что социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Капитализм оказался бессильным помешать этому всемирно-историческому процессу.

В нашей стране построен социализм, и ныне советский народ вступает в период развернутого коммунистического строительства. Внеочередной XXI съезд КПСС наметил величественную программу построения коммунизма.

[24] «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», стр. 18.

XX съезд поручил Центральному Комитету партии подготовить проект программы Коммунистической партии Советского Союза, исходя из коренных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, братских партий социалистических стран, всего международного коммунистического и рабочего движения, а также с учетом подготавливаемого перспективного плана коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза.

Проект новой программы должен быть подготовлен к очередному, XXII съезду КПСС, который состоится в 1961 году. В свое время В. И. Ленин называл план ГОЭЛРО второй программой партии. Семилетний и последующий перспективный планы экономического строительства и коренные положения, изложенные в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, будут положены в основу новой программы нашей партии.

Возвращаясь к резолюции VIII съезда РКП(б) по отчетному докладу ЦК и проекту программы партии, следует сказать, что они в значительной мере предопределили успешное решение других вопросов, стоявших на VIII съезде партии.

Далее съезд, заслушав информацию о I конгрессе Коминтерна, состоявшемся в начале марта в Москве, приветствовал Коммунистический Интернационал и присоединился к его платформе. Как известно, решающая роль в подготовке и образовании Коминтерна принадлежала РКП(б) и лично великому Ленину.

★

Большое место в работе VIII съезда РКП(б) занял военный вопрос. Его постановка была вызвана жизненной необходимостью создания регулярной, строго дисциплинированной Красной Армии, способной в короткое время и ценой наименьших потерь разгромить кадровые армии интервентов и белогвардейцев.

Летом и осенью 1918 г. Красная Армия одержала первые крупные победы над интервентами и белогвардейцами. Однако усиленный напор интервентов против Советской республики, особенно в связи с поражением германского империализма в первой мировой войне и обострением гражданской войны, требовал дальнейшего всемерного укрепления и развития Советских Вооруженных Сил, способных на полях сражений отстоять свободу и независимость социалистического Отечества.

Вождь Коммунистической партии и глава Советского правительства В. И. Ленин поставил задачу создания массовой, многомиллионной Красной Армии. Для этого уже с осени 1918 г. в стране были созданы реальные условия. Главнейшим условием явился поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти, что давало возможность создать многочисленную Красную Армию.

К этому времени был накоплен известный опыт военного и военно-партийного строительства. Возникал вопрос: как же дальше развивать вооруженные силы нашей страны, по какому пути должно идти укрепление армии? В. И. Ленин и большинство членов партии считали, что следует увеличить численный состав Красной Армии, усилить ее коммунистами, создать в ней крепкий партийно-политический аппарат, пополнить рабочими, составлявшими ее ядро, укрепить военными специалистами и сделать армию в кратчайшие сроки вполне регулярной и боеспособной, что в ее строительстве в еще большей мере, чем прежде, необходимо критически использовать боевой опыт прошлого и последние достижения буржуазной военной науки. Часть коммунистов полагала, что армия должна быть полупартизанской, в основе своей милиционной, без централизованного управления. Такой армии, говорили они, нечему учить-

ся у буржуазных армий. По их мнению, новая армия, а вернее, народная милиция, разработает свою революционную стратегию и тактику борьбы, свою организацию и т. д.

Выявилось также резкое расхождение в вопросе о военных специалистах старой армии. Центральный Комитет партии и В. И. Ленин считали, что военных специалистов необходимо использовать как начальников и командиров на командных должностях, на штабной и хозяйственно-организационной работе, у них следует учиться военному делу и при их помощи готовить свои командные кадры из среды рабочих и крестьян. Причем деятельность военспецов ставилась под разумный контроль комиссаров, коммунистов-начальников, реввоенсоветов армий, фронтов, Реввоенсовета республики и, наконец, ЦК РКП(б). Ряд коммунистов придерживался иных взглядов. Некоторые из них, например, утверждали, что военных специалистов старой армии надо привлечь только как консультантов.

Все эти вопросы приобрели особую важность и остроту ввиду сложнейшей военно-политической обстановки, создавшейся в стране.

По указанию ЦК РКП(б) в конце 1918 г. обсуждение военного вопроса было вынесено на страницы «Правды» для того, чтобы обобщить накопленный опыт советского военного строительства, выявить точки зрения в партийных организациях на этот счет и наметить правильное его решение на съезде.

22 ноября 1918 г. в «Правде» была опубликована дискуссионная статья В. Сорина «Командиры и комиссары в действующей армии». Автор статьи высказывался против привлечения на командные посты в Красной Армии военных специалистов старой армии. Он заявил: «Как вообще смеют николаевские командиры иметь собственную власть в стране, где у власти стоит рабочий класс»[25]. 25 декабря 1918 г. в «Правде» со статьей «Давно пора» выступил А. Каменский, который не только поддержал неправильные взгляды В. Сорина, но и дальше углубил их, ссылаясь на свой фронтовой опыт.

Выступая против использования на командных должностях военных специалистов, А. Каменский категорически требовал не допускать их в Действующую армию. Он видел в офицерах старой армии и флота лишь враждебную Советскому государству силу и высокомерно заявлял, что-де из X армии, защищавшей Царицын, были изгнаны все военспецы, которые могли работать только в тылу на курсах, «на фронте же,— писал он,— им не место»[26].

А. Каменский и некоторые другие считали чуть ли не всех военных специалистов врагами Советской власти, не хотели замечать ни того, что среди них было немало честных людей, преданных Родине и народу, ни того, что интеллигенция, в том числе и военная, начала обращать свои взоры в сторону Советской власти. Тем самым они подрывали веру в силу рабочего класса и его партию, в их умение правильно использовать военных специалистов.

А. Каменский охаивал военную политику и деятельность Центрального Комитета партии. ЦК РКП(б) охарактеризовал его взгляды как вредные и не соответствующие линии партии. В специальном постановлении Центральный Комитет разъяснил, что «политика военного ведомства, как и других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»[27].

Из опубликованных в «Правде» материалов видно, что на неправильных позициях в военном вопросе стояли и некоторые руководящие работники Московской организации. Это были прежде всего бывшие

[25] «Правда», 22 ноября 1918 года.
[26] «Правда», 25 декабря 1918 года.
[27] «Правда», 26 декабря 1918 года.

«левые коммунисты». Последние особенно резко выступали против военной политики ЦК на городской партконференции. В предложенной ими резолюции давалась неверная оценка вопросам военного строительства, в частности, они резко выступили против использования военспецов [28].

Наибольшего напряжения дискуссия по военным вопросам достигла накануне VIII съезда и на самом съезде.

Центральный Комитет партии, проводя твердую ленинскую политику в области военного строительства и руководства боевыми операциями фронтов и армий, не раз в резкой форме пресекал неправильные распоряжения Троцкого, его пренебрежительное отношение к политическим работникам, к видным военным командирам, воспитанным в годы Советской власти. Центральный Комитет партии неоднократно указывал Троцкому на его чрезмерное администрирование и слепое преклонение перед старыми военными специалистами. ЦК РКП(б) поправлял и тех коммунистов, которые наряду с критикой Троцкого и ошибок военного ведомства нередко высказывали свое сомнение в правильности военной политики ЦК РКП(б) и Советского правительства вообще.

ЦК РКП(б) также поправлял и те местные партийные организации и их руководителей, которые недостаточно уяснили себе сложность и сущность военной политики партии и принимали неправильные решения в области военных вопросов. Например, IV Вятская губернская конференция РКП(б) в резолюции о военной политике неправильно оценивала классовую сущность Красной Армии, заявив, что если в первый период (добровольческий) она имела строго классовый характер, то «...по мере развития борьбы и перехода от добровольчества к принципу строительства путем мобилизации ее классовый характер теряется благодаря вовлечению в нее широких слоев крестьянского непролетарского элемента» [29]. Из этого решения видно, что ряд коммунистов из Вятской организации в то время не понимал значения поворота основной массы среднего крестьянства на сторону Советской власти и что этим самым были созданы благоприятные условия для организации массовой регулярной рабоче-крестьянской Красной Армии. На этой конференции некоторые делегаты высказывались против привлечения военных специалистов на командные посты, предложив использовать офицеров старой армии только на технической работе [30]. Конференция выступила против установления повышенных окладов командному составу в армии по сравнению с рядовыми и по ряду других вопросов [31].

Неправильную позицию в оценке рассматриваемых вопросов заняла Уфимская губернская конференция РКП(б). Она требовала вмешательства военных парторганизаций в оперативные дела, выражала недоверие к военным специалистам старой армии, недооценивала значение введения в армии твердой военной дисциплины и т. д.

Однако подобные решения принимались лишь в единичных случаях. Подавляющее большинство партийных организаций одобряло и всемерно поддерживало линию Центрального Комитета партии в области военного строительства, в организации массовой, строго дисциплинированной регулярной Красной Армии и его линию в руководстве боевыми операциями Красной Армии и Флота против интервентов и белогвардейцев. Так, IV Пензенский губернский съезд РКП(б) в резолюции о военной политике, поддерживая линию Центрального Комитета партии, указал, что строительство Красной Армии должно быть основано на строго научных данных, что необходимо использовать военных специалистов

---

[28] «Правда», 16 марта 1919 года.
[29] Газета «Деревенский коммунист», 5 марта 1919 года.
[30] См. там же.
[31] Там же.

старой армии и в то же время обучать и воспитывать военных командиров из среды рабочих и крестьян, создавая кадры красных офицеров [32].

Такую же позицию заняла Нижегородская губернская партийная конференция. В отчете о ее работе говорилось, что по вопросу о военном положении и военной политике после долгих и горячих прений были приняты почти единогласно тезисы губкома РКП(б) [33], в которых выражалась поддержка линии ЦК.

Военную политику ЦК РКП(б) одобрила Воронежская губернская партийная конференция, подчеркнувшая, что Советской республике нужна могущественная армия, построенная по классовому принципу и комплектуемая по принудительной мобилизации [34].

Безраздельную поддержку военной политике ЦК РКП(б) оказала Иваново-Вознесенская губернская партийная конференция. Конференция указала, что следует широко использовать военспецов, установив за ними контроль со стороны комиссаров. Вместе с тем конференция высказала мнение о необходимости усиления подготовки командного состава из среды рабочих и крестьян, укрепления в Красной Армии строгой военной дисциплины и централизации управления [35].

На Симбирской губернской партийной конференции, состоявшейся в начале марта 1919 г., по вопросу о военной политике выступил С. И. Гусев. Он сказал, что ЦК РКП(б) проводит правильную линию по военному вопросу. Докладчик подверг резкой критике воззрения некоторых коммунистов, выступавших «за искоренение старого офицерства из армий» [36]. Симбирская губернская конференция РКП(б) в своей резолюции по докладу С. И. Гусева горячо одобрила военную политику Центрального Комитета партии и призвала коммунистов настойчиво проводить ее в жизнь.

Такое же решение приняла Самарская губернская конференция РКП(б), высказавшаяся за то, чтобы привлекать на командные посты военных специалистов и установить за их деятельностью контроль Коммунистической партии и Советской власти. Конференция подчеркнула, что «создать массовую регулярную армию без привлечения военных специалистов невозможно» [37].

Подобные резолюции были приняты большинством местных партийных организаций. Широкое предсъездовское обсуждение военного вопроса обеспечило успешную работу съезда.

Основные задачи военной политики партии были изложены в тезисах ЦК, обоснованы в отчете Центрального Комитета, сделанном В. И. Лениным, в его докладе о программе РКП(б) и в выступлении на пленарном заседании съезда по военному вопросу.

Военная политика, проводившаяся РКП(б), предусматривала решительный переход от партизанских и полупартизанских форм военного строительства к созданию массовой, регулярной, строго дисциплинированной Красной Армии, с централизованным управлением.

Центральный Комитет партии считал необходимым привлекать на командные посты в советские войска военных специалистов старой армии и флота и контролировать их деятельность при помощи военных комиссаров. ЦК РКП(б) находил целесообразным критическое использование буржуазной военной науки, извлекая из нее все лучшее, полезное, применимое при создании Красной Армии.

Наряду с привлечением военных специалистов предлагалось уси-

---

[32] «Правда», 15 марта 1919 года.
[33] Газета «Нижегородская коммуна», 11 марта 1919 года.
[34] Газета «Воронежская беднота», 7 марта 1919 года.
[35] Газета «Рабочий край», 6 марта 1919 года.
[36] Газета «Пролетарий», 5 марта 1919 года.
[37] Газета «Коммуна», 5 марта 1919 года.

лить подготовку новых военных кадров из среды рабочих и трудящихся крестьян.

Центральный Комитет партии требовал всемерного укрепления партийно-политического аппарата в войсках и расширения коммунистического воспитания личного состава Красной Армии и Красного Флота.

Главное командование Красной Армии, руководствуясь указаниями Центрального Комитета партии, правильно требовало от всех военнослужащих, и в первую очередь от командного и начальствующего состава, установления в войсках твердой воинской дисциплины, введения четкой военной организации, безоговорочного выполнения боевых приказов.

13 января 1919 г. в приказе Главного командования Советских Вооруженных Сил говорилось: за последнее время замечается, что на местах имеет место ничем не оправдываемое критиканство распоряжений начальников. Были случаи, что по получении боевого приказа не принимались меры к непосредственному его исполнению, а начинались беспочвенные рассуждения и споры по прямому проводу. Главное командование потребовало от воинов Красной Армии безоговорочного выполнения боевых распоряжений и прекращения критиканства боевых приказов, подрывавших авторитет и доверие к высшим командным лицам или штабам [38].

Против линии ЦК РКП(б) в области военного строительства выступила военная оппозиция. Ее ядром явились бывшие «левые коммунисты» В. Смирнов, Г. Сафаров, Г. Пятаков, А. С. Бубнов и другие. К ним примкнули некоторые делегаты — военные работники, никогда не состоявшие в оппозиции. Они резко критиковали неправильные действия Троцкого. Так, Б. П. Позерн говорил на военной секции, что во время нахождения на Царицынском участке Южного фронта Троцкий угрожал отправить в Москву под конвоем командующего X армией К. Е. Ворошилова и его, Позерна, члена РВС той же армии. Р. С. Землячка, обращаясь к Юреневу и другим сторонникам Троцкого, сказала, что они не знают того, что делается в армии и даже в коммунистических ячейках.

Однако в общем военная оппозиция не столько критиковала подобного рода действия руководителей военведа, и в том числе Троцкого, сколько направляла свой удар по линии ЦК партии. Она, по существу, встала на путь осуждения всей проводимой ЦК военной политики, игнорируя тот непреложный факт, что Центральный Комитет сурово бичевал ошибки и промахи в работе органов военведа, отдельных работников фронтов и армий и особенно Троцкого. Несмотря на рьяные попытки бывших «левых коммунистов», составлявших основное ядро в военной оппозиции, привлечь на свою сторону многих военных работников, этого им сделать не удалось. Военная политика ЦК получила поддержку и одобрение абсолютного большинства членов партии, и только единицы выступили против линии Центрального Комитета. Представители военной оппозиции возражали против предоставления командных прав военспецам, были противниками использования буржуазной военной науки, старых военных уставов (даже в переработанном виде), стояли за коллективные методы управления войсками, предлагали дать комиссарам и политорганам право решающего голоса в оперативных вопросах. Предложения военной оппозиции были чреваты опасными последствиями для партии и Советской республики. Поэтому необходимо было разоблачить и разбить вредные утверждения оппозиционеров, найти правильные пути к решению военного вопроса и тем самым дать возможность Коммунистической партии и Советской власти в ходе развернувшихся тяжелых боев превратить армию в боевой орган диктатуры пролетариата, способный победить врагов и отстоять социалистическое Отечество.

---

[38] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 6, оп. 4, д. 127, л. 95.

Обсуждение военного вопроса началось 20 марта на открытом заседании съезда. Был заслушан доклад ЦК о военном положении и содоклад представителя военной оппозиции, изложившего ее платформу, выраженную предварительно в специальных тезисах. В прениях по докладу ЦК и контрдокладу оппозиции записалось 64 человека. Ввиду крайне тяжелого положения на фронте, требовавшего быстрого завершения работы съезда, а также руководствуясь желанием дать возможность высказать свое мнение как можно большему числу записавшихся делегатов, обсуждение военного вопроса было перенесено на военную секцию.

В работе этой секции участвовали 85 человек, из них с решающим голосом было 57. Прения носили исключительно бурный характер.

В начале работы секции выяснилось, что большинство ее членов приняло за основу тезисы оппозиции. Тогда меньшинство секции, стоявшее на позициях ЦК РКП(б), в знак протеста покинуло заседание [39].

21 марта съезд вновь вернулся к военному вопросу. В этот день на закрытом вечернем заседании был заслушан доклад члена Реввоенсовета республики С. И. Аралова о военном положении страны.

Докладчик сообщил, что в Красной Армии недостает военных специалистов (около 60% от общей штатной потребности). Пополнить этот недостаток кадров можно было как за счет красных командиров, подготовляемых советскими военно-учебными заведениями, так и при помощи новых мобилизаций военных специалистов старой армии. Докладчик привел ряд случаев, свидетельствовавших о том, что без опытного командного состава наши войска при наличии хороших боевых качеств не раз терпели поражения и несли тяжелые потери. Это было продемонстрировано на примерах VIII, IX, X армий Южного фронта, III армии Восточного фронта и т. д. После С. И. Аралова выступил руководитель военной секции Ем. Ярославский, разделявший взгляды военной оппозиции.

Съезд решил предоставить слово для выступления в прениях трем ораторам от большинства военной секции, то есть от военной оппозиции, и трем от меньшинства, стоявшим на позиции ЦК, с последующим заключительным словом основных докладчиков.

В своих выступлениях на съезде оппозиционеры В. Смирнов, Г. Сафаров, Ф. Голощекин, А. Александров и др. требовали возрождения партизанщины и всех тех порядков, которые были присущи нашим войскам в переходный период от красногвардейских и партизанских отрядов к регулярной армии. Проведение в жизнь подобных мероприятий привело бы к ослаблению боеспособности Красной Армии и Флота и неизбежно к тяжелым поражениям на фронте.

В. Смирнов высказался за установление в Красной Армии коллективного командования и предложил всю ответственность за решение оперативных вопросов возложить на Реввоенсовет, то есть на коллективное руководство. Он был не согласен с введением в армии твердой дисциплины и внутреннего порядка, регламентируемых военными уставами и наставлениями. В. Смирнов отрицательно относился к привлечению на командные посты военных специалистов старой армии. Он и другие представители оппозиции считали, что введение военных уставов и приветствий, предоставление командных прав военным специалистам якобы оттолкнет от Красной Армии среднее крестьянство и тем самым ослабит военную мощь Советской республики.

Ф. Голощекин правильно критиковал Троцкого за незнание им положения на фронте, за составление нередко непродуманных приказов и распоряжений и т. д. Но в то же время он голословно заявлял, что будто ЦК в должной мере не руководит военведом, отрицал необходимость цен-

[39] Такой поступок меньшинства был осужден В. И. Лениным в его выступлении по военному вопросу на закрытом заседании съезда.

трализованного управления и единого командования вооруженными силами республики.

А. Александров утверждал, что Красная Армия прежде имела классовый характер, но затем с переходом от добровольческого принципа комплектования ко всеобщей воинской повинности она якобы перестала быть классовой, пополнилась нетрудовыми элементами, которые деморализовали ее. Он обвинял военных комиссаров в неправильных действиях и т. д.

Г. Сафаров категорически заявил, что строительство Красной Армии осуществляется без воздействия Коммунистической партии и ее Центрального Комитета. В основном такими же были выступления и ряда других представителей военной оппозиции.

В защиту ленинской линии ЦК по военному вопросу выступил на закрытом заседании И. В. Сталин. Критикуя неправильные взгляды военной оппозиции, И. В. Сталин защищал принципиальные положения Центрального Комитета партии о Красной Армии.

«...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику,— говорил И. В. Сталин,— либо мы этого не сделаем и тогда дело будет загублено... Проект, представленный Смирновым, неприемлем, так как он может лишь подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии» [40].

Прежде чем предоставить заключительное слово докладчикам, съезд заслушал выступление В. И. Ленина. Речь В. И. Ленина была выслушана делегатами с огромным вниманием и оказала решающее воздействие на выработку и принятие съездом постановлений по военному вопросу в духе линии ЦК РКП(б).

В. И. Ленин напомнил, что Центральный Комитет партии постоянно руководил военным ведомством, что вопросы военного строительства обсуждались буквально на каждом заседании ЦК, а также рассматривались на пленумах и Политбюро ЦК. Центральный Комитет неизменно заботился о создании и целесообразном распределении резервов Красной Армии.

По отдельным вопросам в ЦК имели место разногласия и даже ошибки, отметил В. И. Ленин, но из этого не следует делать вывод, что политика Центрального Комитета была неправильной и что она не проводилась военным ведомством.

В. И. Ленин потребовал от всех коммунистов по-настоящему овладеть военным делом и стать примером дисциплинированности, организованности и готовности идти на любые жертвы во имя победы над врагами Советской власти.

Без железной дисциплины, говорил Владимир Ильич, не может быть могущественной Красной Армии, особенно в стране с преимущественно крестьянским населением. Проводимая партией политика идейного воспитания крестьян, составляющих большинство состава Красной Армии, необходима, но это еще не является единственным средством, которое может обеспечить создание мощной регулярной армии. Тут нужна железная дисциплина, подчеркивал В. И. Ленин [41].

Он сурово осудил военных работников, выступавших против правильного и разумного использования военных специалистов и мечтавших о возврате к коллективному руководству войсками. Отмечая беспримерный героизм защитников Царицына в 1918 г., В. И. Ленин подверг критике ошибки командования X армии, которые заключались именно в недооценке роли военных специалистов, в неправильном отношении к буржуазной военной науке и в преклонении перед партизанщиной. Такая позиция

---

[40] И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 250.
[41] См. «История ВКП(б)». Т. 4. М.-Л. 1930, стр. 414.

командования X армии приводила к лишним жертвам и порой к неудачам, несмотря на величайший героизм личного состава X армии Южного фронта.

В заключение В. И. Ленин еще раз подчеркнул, что необходимо создать регулярную, проникнутую железной воинской дисциплиной армию с привлечением на командные посты военных специалистов.

Съезд, тщательно обсудив вопросы военного строительства, большинством голосов (174 против 95) принял за основу тезисы ЦК РКП(б). Однако, признавая, что ряд конкретных критических замечаний в области военной и военно-партийной работы, высказанных отдельными представителями оппозиции (преимущественно военно-практическими работниками), заслуживал внимания, а также желая добиться бо́льшего единства в принятии решения по военному вопросу, съезд, по предложению своего Президиума и Политбюро ЦК, постановил создать для выработки резолюции согласительную комиссию в составе пяти человек: трех — от большинства съезда и двух — от оппозиции.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и принятыми съездом за основу тезисами ЦК, а также учитывая высказывания делегатов съезда, комиссия выработала и представила на обсуждение съезда резолюцию по военным вопросам, которая и была единодушно одобрена 23 марта. В ней отвергались всякие попытки возродить в какой бы то ни было форме партизанщину. Только регулярная армия, указывалось в решениях съезда, сможет защитить Советское государство от натиска международного империализма. Особо отмечалась в резолюции роль комиссаров в военном строительстве. Съезд обязал политические отделы армии производить тщательный отбор комиссаров, очистить советские войска от карьеристов и случайных людей. Съезд подчеркнул, что комиссары в своей практической деятельности должны опираться непосредственно на ячейки солдат-коммунистов.

По вопросу о командных кадрах съезд подтвердил правильность линии, осуществляемой ЦК партии и Советским правительством, и дал указание и впредь привлекать на командные и административные должности в Красной Армии военных специалистов старой армии и флота, установив за ними повседневный контроль. Одновременно съезд подчеркнул, что основой строительства Красной Армии должен быть классовый принцип, и предложил усилить подготовку командного состава из среды рабочих и передовых крестьян. С этой целью рекомендовалось организовать в тылу и на фронте аттестационные комиссии для отбора и посылки на курсы красных командиров наиболее отличившихся в боях красноармейцев.

Учитывая огромное значение политического воспитания армии и необходимость непосредственного руководства этой работой со стороны Центрального Комитета, съезд постановил упразднить Всероссийское бюро военных комиссаров, создать вместо него Политический отдел Реввоенсовета республики, передав ему функции Бюро военных комиссаров, и поставить во главе этого отдела члена ЦК РКП(б) на правах члена Реввоенсовета республики. При этом съезд решил «перенести центр тяжести коммунистической работы на фронте из политотделов фронтов в политотделы армий и дивизий, дабы оживить и приблизить ее к действующим на фронте частям» [42].

VIII съезд РКП(б) обратил особое внимание на усиление деятельности армейских партийных организаций по политическому воспитанию личного состава и на тщательный отбор в ряды РКП(б) действительно лучших представителей из рабочих и трудящихся крестьян, беззаветно преданных делу коммунизма.

---

[42] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Госполитиздат. 1954. Изд. 7-е, стр. 440.

Съезд со всей силой подчеркнул, что уважение к коммунистическим ячейкам будет тем выше и незыблемее, чем яснее каждый солдат поймет и на опыте убедится, что принадлежность к Коммунистической партии не дает ему никаких особых прав, а лишь налагает на него обязанности быть наиболее самоотверженным и мужественным бойцом [43].

Во исполнение решений VIII съезда партии по военному вопросу пленум ЦК РКП(б) принял 25 марта 1919 г. постановление об упразднении Всероссийского бюро военных комиссаров и создании вместо него Политического отдела Реввоенсовета республики. По указанию ЦК РКП(б) от 15 мая 1919 г. Политотдел Реввоенсовета республики был преобразован в Политическое управление Реввоенсовета республики, работающее на правах военного отдела Центрального Комитета партии.

На том же пленуме Центральный Комитет обсудил вопрос о работе военной секции VIII съезда РКП(б). Пленум ЦК отметил, что выступление делегатов съезда против деятельности Троцкого является для него серьезным предупреждением, о чем Центральный Комитет нашел нужным сказать Троцкому, тем самым осудив его неправильные действия [44].

Партийные организации в Красной Армии росли с каждым днем, пополнялись за счет лучших, передовых рабочих и трудящихся крестьян, превращаясь в могучую силу. Под руководством Центрального Комитета партии в 1919 г. местные партийные организации мобилизовали на Восточный фронт свыше 20 тыс. коммунистов, на Южный фронт — около 25 тыс., а в 1920 г., в период разгрома третьего объединенного похода Антанты,— свыше 25 тыс. коммунистов. Если в феврале 1919 г. в Красной Армии было более 1 500 партийных ячеек, объединявших 29 706 коммунистов, то к концу года только в Действующей армии насчитывалось 104 238 коммунистов [45], что составляло больше половины численности всей партии в то время.

Прошедшие в июне — июле 1919 г. в местных партийных организациях партийные конференции обсудили итоги VIII съезда РКП(б), в том числе и резолюцию по военному вопросу. Коммунисты на местах и в воинских частях горячо одобрили исторические решения VIII съезда партии. Так, Московская общегородская конференция РКП(б), состоявшаяся в первой половине июля 1919 г., заслушала доклад члена Реввоенсовета республики С. И. Гусева. Одобрив решение съезда по военному вопросу, конференция наметила конкретные меры по выполнению этого решения [46].

Петроградская конференция РКП(б), поддерживая решение VIII съезда по военному вопросу, в своей резолюции указала, что необходимо всемерно укреплять Красную Армию, отдавая фронту лучшие партийные силы, и постановила мобилизовать в Петрограде в ряды Красной Армии и Флота не менее 500 коммунистов и 50 ответственных партийных и советских работников [47].

Решения VIII съезда партии по военному строительству были поддержаны и всеми другими партийными организациями, а настойчивое проведение их в жизнь позволило в ходе гражданской войны создать многомиллионную регулярную армию, которая, опираясь на поддержку трудящихся, отстояла Советскую власть и независимость СССР, разбила армии внутренних сил контрреволюции и с позором изгнала войска интервентов.

---

[43] См. там же, стр. 435—436.

[44] Справедливое недовольство членов партии поведением Троцкого выявилось во время выборов в Центральный Комитет РКП(б); против него голосовало 50 делегатов, больше, чем против других кандидатов в члены ЦК.

[45] См. И. Ф. Побежимов. Устройство Советской Армии. М. 1954, стр. 31.

[46] «Правда», 13 июля 1919 года.

[47] «Правда», 12 августа 1919 года.

★

Далее на съезде имело место обсуждение организационных вопросов. Были изложены тезисы ЦК, в которых подводились итоги и ставились задачи в области партийного и советского строительства в духе указаний В. И. Ленина. Было также заслушано сообщение о работе оргсекции съезда. В прениях выступило около 20 человек.

В ходе обсуждения проблем партийного и советского строительства В. И. Ленину и его соратникам пришлось вести беспощадную борьбу против оппортунистических взглядов, которые отстаивали Сапронов, Осинский и некоторые другие участники съезда.

Главные свои нападки эти оппортунисты направили против демократического централизма, являющегося основным организационным принципом партии. Они вели линию на превращение партии в дискуссионный клуб, неспособный руководить массами. За всем этим скрывалась их капитуляция перед мелкобуржуазной стихией.

Съезд решительно осудил взгляды и действия оппозиционеров. Он принял резолюцию по организационным вопросам. Касаясь вопросов партстроительства и, в частности, роста партии, съезд указал, что рабочим, пролетарской и крестьянской молодежи следует широко открывать двери в партию, но партия все время должна следить за изменениями ее социального состава. ЦК обязывал парторганизации вести точный учет своего состава и периодически сообщать об этом в ЦК. Съезд подчеркнул, что рост партии ни в коем случае не должен идти за счет ухудшения ее качественного состава. Отсюда резолюция требовала относиться с большим разбором к приему в партию нерабочих и некрестьянских элементов. Съезд постановил к 1 мая 1919 г. провести по всей стране перерегистрацию членов партии, обязав ЦК разработать и издать к 10 апреля по этому поводу инструкцию, указав в ней на необходимость проводить при перерегистрации особые меры контроля по отношению к тем членам партии, которые вошли в ее ряды после Октября 1917 года [48].

РКП(б) как правящая и руководящая партия послала десятки тысяч своих членов управлять страной. Задача партии заключалась в том, чтобы «включить новые тысячи лучших своих работников в сеть государственного управления (железные дороги, продовольствие, контроль, армия, суд и прочее)» [49].

Однако здесь возникла серьезная опасность отрыва некоторых коммунистов, занимавших руководящие посты, от масс и «заражения» их особой болезнью — бюрократизмом. «Против этого зла,— говорилось в резолюции,— необходимо начать самую решительную борьбу немедленно же. Коммунистов, членов Советов, необходимо обязать во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже одного раза в две недели. Рабочих, пробывших на чисто советской работе более трех месяцев подряд, следует возвращать на заводы по крайней мере на 1 месяц. Все советские работники, члены партии, обязаны нести какую-либо партийную работу в своем районе» [50]. Съезд обязал всех коммунистов быть членами профсоюза и посещать профсобрания.

По решению VIII съезда состав ЦК значительно расширялся; он состоял из 19 членов и кандидатов. ЦК обязан был не реже одного раза в три месяца созывать партийную конференцию из представителей от губернских и столичных комитетов партии с тем, чтобы на этих конференциях обсуждать важнейшие очередные вопросы, стоящие перед партией. Практически жизнь подсказала целесообразность проведения в указанные сроки пленумов ЦК и расширенных совещаний.

---

[48] «Протоколы VIII съезда РКП(б)», стр. 411.
[49] Там же, стр. 412.
[50] Там же.

На ЦК была возложена задача не реже одного раза в месяц рассылать губернским и столичным комитетам отчеты о своей деятельности, а то, что можно предавать гласности, печатать в газетах. Съезд вынес решение создать в системе ЦК разъездную коллегию партийных инструкторов для проверки работы местных партийных организаций и оказания им помощи. Местные ячейки обязаны были один раз в два месяца представлять письменные отчеты о своей деятельности в уездные комитеты партии и в губкомы, последние — в ЦК. В газетах вводились отделы партийной жизни.

В резолюции была определена внутренняя структура ЦК. В заранее установленные дни должны были проводиться не менее двух раз в месяц пленумы Центрального Комитета.

Для решения текущих вопросов съезд обязал ЦК РКП(б) создать Политбюро, Организационное бюро и Секретариат. «Политическое бюро,— говорилось в резолюции съезда,— состоит из 3 членов Центрального Комитета. Все остальные члены ЦК, имеющие возможность участвовать в том или ином заседании Политического бюро, пользуются в заседании Политического бюро совещательным голосом. Политическое бюро принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательства, и о всей своей работе за две недели делает отчет очередному пленарному собранию Центрального Комитета» [51].

Оргбюро поручалось направлять всю организационную работу партии. Оргбюро должно было, как и Политбюро, отчитываться перед пленумом ЦК каждые две недели.

Секретариат состоял из ответственного секретаря, члена Оргбюро и технических секретарей из числа опытных партийных работников. Секретариату поручалось организовать и ведать рядом отделов, выполняющих его работу. Секретариат так же, как и Оргбюро, обязан был отчитываться через каждые две недели на пленумах ЦК.

В резолюции было определено положение национальных организаций РКП(б), возникших в связи с образованием Украинской, Латвийской, Литовской и Белорусской Советских Республик. Ко времени VIII съезда РКП(б) были созданы коммунистические партии Украины, Белоруссии, Латвии и Литвы. Перед съездом стала задача определить их положение в системе РКП(б).

В резолюции, проникнутой идеями пролетарского интернационализма, говорилось, что провозглашение ряда советских республик отнюдь не значит, что РКП(б) должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий.

Съезд принял решение о необходимости существования «е д и н о й централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП(б) и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП» [52].

В связи со сложной военной обстановкой съезд в той же резолюции в пункте «Централизм и дисциплина» принял решение об установлении строжайшего централизма и железной дисциплины, подобной дисциплине военной.

«Партия находится в таком положении,— говорилось в резолюции,— когда строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью. Все решения высшей инстанции абсолютно обязательны для низших. Каждое постановление должно быть прежде всего выполнено и лишь после того допустима апелляция к соответствую-

---

[51] Там же, стр. 413.
[52] Там же.

щему партийному органу. В этом смысле в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина. Все предприятия партии, поддающиеся централизации (издательство, пропаганда и пр.), должны быть в интересах дела централизованы.

Все конфликты разрешаются соответствующей высшей партийной инстанцией» [53].

В резолюции было уделено большое внимание вопросу учета и правильного распределения партийных сил. Это вызывалось не только необходимостью проведения частых мобилизаций коммунистов для нужд армии, флота, транспорта и т. д., но и тем, что ряд ячеек испытывал острый недостаток в опытных работниках.

Правильное распределение партийных сил, указывалось в резолюции, является главным залогом успеха и одной из самых важных задач партии.

Съезд подчеркнул, что все дело распределения партийных сил поручается ЦК и его решения обязательны для всех парторганизаций. Соответственно этому в каждой губернии партийные кадры распределялись губкомами партии, а в столицах — городскими комитетами.

ЦК поручалась самая решительная борьба против местничества и сепаратизма.

Съезд предлагал ЦК развернуть подготовку партийных работников, для чего решено было организовать Высшую партийную школу при ЦК, выработать общую программу и план для занятий местных партийных школ и оказать этим школам помощь.

В целях широкой информации партийных организаций о жизни и работе партии ЦК было предложено наладить еженедельный выпуск «Известий ЦК РКП(б)».

Съезд на основе поступивших с мест материалов и предложений делегатов поручил ЦК внести необходимые изменения в Устав партии, которые предлагалось рассмотреть и утвердить на ближайшей партконференции. Новый Устав был утвержден в декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б).

В своих решениях по вопросам партийного строительства съезд не только подвел итоги всей деятельности партии в этой области, ставшей со времени Октябрьской революции правящей партией, но, обобщив опыт и закрепив его в постановлениях, он вместе с тем наметил дальнейшие пути партийного строительства и партийного руководства Советским государством, пути роста партии и способы ее очистки от случайных и чуждых элементов, пути правильного использования кадров и их подготовки и т. д.

Указания съезда по вопросам партийного строительства сыграли огромную роль в истории деятельности партии по руководству жизнью страны и ее борьбы с интервентами и белогвардейцами. Эти указания сохранили свое значение и до наших дней; они оказали серьезное влияние на развитие и укрепление братских компартий.

Современные ревизионисты яростно выступают против марксистско-ленинского учения о партии, пытаясь обезоружить рабочий класс и трудящихся в борьбе за установление диктатуры пролетариата и строительство социализма, отрицают руководящую роль марксистско-ленинской партии в системе диктатуры пролетариата, отказываются от ленинских принципов партийного строительства и прежде всего от принципа демократического централизма, требуя превращения Коммунистической партии из боевой, революционной организации в некое подобие дискуссионного клуба. Их порочные идейки нисколько не оригинальны. Многое из того, о чем они говорят, было сказано в прошлом разгромленными РКП(б) Сапроновым, Осинским и другими оппортунистами.

---

[53] Там же, стр. 414.

Богатейший исторический опыт КПСС, Китайской коммунистической партии и других братских коммунистических и рабочих партий на практике доказал великую жизненную силу марксистско-ленинского учения о партии, о принципах ее построения, о ее руководящей роли в революционном движении и созидательной деятельности народных масс.

VIII съезд особенно подчеркнул, что одним из главных условий силы и могущества пролетарской партии является единство ее рядов на основе принципов марксизма-ленинизма. Правильность этого положения подтверждена жизнью. Так, Коммунистическая партия Советского Союза и ее Центральный Комитет смогли стать подлинной руководящей силой в системе социалистического государства, вдохновителем и организатором всех побед нашего народа именно потому, что на протяжении всего своего существования хранили, как зеницу ока, единство своих рядов. КПСС и ее ЦК бдительно стояли и стоят на страже норм партийной жизни и принципов коллективности руководства, выработанных В. И. Лениным и воплощенных в Уставе КПСС. Ярким примером этого является разоблачение и полнейший разгром антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова, выступивших против линии партии, выработанной на XX съезде КПСС.

В неразрывной связи с вопросом партстроительства находится вопрос советского строительства. Съезд рекомендовал изменить состав ВЦИК, избрав в него главным образом деятелей с мест, ведущих постоянную работу среди масс крестьян и рабочих [54].

Ввиду того, что в Конституции 1918 г. функции Президиума ВЦИК не были детально разработаны, съезд поручил обобщить практический опыт деятельности Президиума ВЦИК, сформулировать его права и обязанности, разграничив функции Президиума ВЦИК от функций Совнаркома, и вынести эти вопросы на разрешение ближайшего съезда Советов.

В резолюции говорилось о необходимости оживления деятельности Советов, которым вменялось в обязанность заниматься всеми основными вопросами жизни страны при активном участии депутатов. Предлагалось привлекать для работы в Советах не только рабочих, но и представителей всех трудящихся, по мере улучшения обстановки и местных условий расширять избирательные права населения и активизировать деятельность Советов. Инициатива в постановке и разрешении этих вопросов возлагалась на партийные организации. Они же должны были осуществлять социалистический контроль за работой Советов. Для этого следует выделить лучшие силы, «которые должны научиться не только контролировать советскую работу, но и сами ее организовать» [55].

Большое значение имел раздел резолюции по оргвопросам о взаимоотношении между партией и Советами.

Как известно, в первые годы Советской власти партийные организации на практике нередко подменяли ревкомы и Советы. Бывали случаи, когда, в свою очередь, местные органы власти проводили те или иные мероприятия без согласования с местными парторганизациями, а то и вразрез с указаниями руководства партийных комитетов. Но если с этим можно было еще мириться в первые месяцы Советской власти, когда только закладывались основы государства, то ко времени VIII съезда РКП(б), когда уже сложилась структура государственного аппарата, окрепли Советы, когда выросли и приобрели значительный опыт работы по строительству Советского государства местные партийные организации, смешение функций партийных и советских органов стало недопустимо.

VIII съезд положил этому конец, он дал четкое определение функций и задач Советов и парторганов. «Советы,— говорится в решении съез-

---

[54] См. там же, стр. 415.
[55] Там же, стр. 416.

да,— являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство.

Советы объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство» [56].

Четко была определена руководящая и организующая роль Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата. «Коммунистическая партия,— отмечалось в резолюции съезда,— является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы.

Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы» [57].

Дальше в резолюции говорилось, что во всех советских организациях необходимо образовать партийные фракции из коммунистов и строжайше подчинить эти фракции партийной дисциплине.

Коммунисты, выдвигаемые партией на советскую работу, обязывались в своей практической повседневной деятельности завоевывать безраздельное политическое влияние РКП(б) в Советах. В резолюции указывалось на недопустимость смешения функций партийных коллективов с функциями государственных органов, ибо «такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, в рамках советской конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их» [58].

Далее съезд констатировал, что в партийные и советские органы проникло немало чуждых элементов, что в их работе имеет иногда место бюрократизм, волокита, халатность, местничество и т. д. Чтобы укрепить партийные организации и Советы, съезд признал необходимым провести чистку «и в советских и в партийных организациях». Вместе с тем съезд призвал коммунистов соблюдать строжайшую партийную дисциплину.

Решение съезда по организационным вопросам сыграло большую роль в жизни и деятельности партийных ячеек и Советов. Оно помогло партии укрепить их, улучшить руководство Советами и всеми другими массовыми организациями трудящихся, поднять роль Советов как органов государственной власти, активизировать руководство военной и хозяйственной работой.

Принятые съездом постановления дали партийным организациям и Советам правильное направление в их деятельности, возможность очистить их от чуждых и случайных элементов, успешно бороться с бюрократизмом, пережитками сепаратизма, улучшить организационную и политико-просветительную работу в широких массах трудящихся.

Все это способствовало еще большему упрочению авторитета РКП(б) среди трудящихся, вызвало новый прилив их творческой активности в борьбе за защиту Советской республики и преодоление нищеты, голода и разрухи, порожденных интервенцией и гражданской войной.

Съезд принял также резолюции о работе среди трудящихся женщин, среди молодежи, о партийной и советской печати.

---

[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.

★

Исключительно важное значение для судеб партии и страны, для успешного исхода гражданской войны имели решения съезда по крестьянскому вопросу. По этому вопросу на съезде выступил с докладом В. И. Ленин. Докладу предшествовала работа аграрной секции (с 20 по 23 марта), где обсуждались вопросы «О земельной политике партии». Как известно, в период подготовки и проведения социалистической революции и в первые месяцы Советской власти Коммунистическая партия проводила политику нейтрализации середняка, рассчитанную на то, чтобы предотвратить возможность его перехода на сторону буржуазии и кулака. Политика нейтрализации содействовала тому, что среднее крестьянство, если не активно помогало пролетарской революции, то, по крайней мере, не мешало ей, занимая позицию благожелательного нейтралитета. Политика нейтрализации середняка являлась необходимым этапом в подготовке к переходу к новой политике — политике прочного союза рабочего класса со средним крестьянством.

К осени 1918 г. среднее крестьянство, получив первые уроки гражданской войны, начало понимать, что его путь к окончательной победе над помещиками и кулаками лежит через союз с пролетариатом. Оно стало отчетливо поворачивать в сторону Советской власти. Правда, этот процесс проходил неравномерно: в некоторых местах, например, на юге России, на Украине, колебания среднего крестьянства продолжались до июля — августа, а то и до сентября 1919 г., на Дону же и Кубани отдельные колебания крестьянства имели место еще и в 1920 году. Но в целом в стране к осени 1918 г. создались условия перехода к новой политике по отношению к середняку — к политике тесного союза пролетариата и деревенской бедноты со средним крестьянством.

Учитывая перемену в настроении среднего крестьянства, В. И. Ленин в статье «Ценные признания Питирима Сорокина», написанной в ноябре 1918 г., указывал, что середняк не враг рабочему классу, что его надо привлечь на сторону Советской власти, осуществляя по отношению к нему политику соглашения.

В этой статье В. И. Ленин выдвинул новый лозунг по отношению к середняку, который получил общепартийное признание как закон партии и Советского государства на VIII съезде РКП(б). Лозунг гласил: рабочий класс выступает в союзе со средним крестьянством при опоре на деревенскую бедноту для борьбы с кулаком. На основе этого ленинского лозунга ковался и укреплялся нерушимый союз рабочего класса со средним крестьянством.

Политика Коммунистической партии и Советского государства по отношению к среднему крестьянству нашла научное обоснование в докладах и выступлениях В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б), в программе партии и в резолюциях съезда «Об отношении к среднему крестьянству», «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне».

В этих документах ясно говорилось, что рабочему классу и его Коммунистической партии нужен был такой союз, который бы усиливал позиции рабочего класса, как класса ведущего в Советской республике, обеспечивал бы руководящую роль его в этом союзе и способствовал бы решению задачи разгрома соединенных сил интервентов и белогвардейцев и построению социализма. Этот союз также предусматривал удовлетворение и охрану всех насущных прав бедноты и среднего крестьянства.

В. И. Ленин в своем докладе «Об отношении к среднему крестьянству» говорил, что Коммунистическая партия и Советское государство должны помочь среднему крестьянству в развитии и укреплении его экономического и культурного положения. Он предупреждал, что действовать насилием по отношению к середняку нельзя: это принесет лишь величайший вред и может погубить дело укрепления союза рабочего

класса со средним крестьянством и подорвать основы Советского государства. Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин, не было и не могло быть ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений со средним крестьянством.

В. И. Ленин обращал внимание всех работников партии и Советского государства, чтобы они при организации коллективных хозяйств не применяли насилия к крестьянам-середнякам, а длительно и терпеливо разъясняли, показывали на примерах преимущества крупного коллективного сельского хозяйства, постепенно завоевывая доверие середняка к Советской власти. На местах же, говорил он, нередко сплошь и рядом по неопытности партийных и советских работников удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство, вследствие чего в отношении к середняку было немало злоупотреблений. Злоупотребления к середняку особенно часто наблюдались со стороны разных антипартийных и разложившихся элементов, которым порой удавалось проникать в партию или в государственный аппарат.

Например, в Саловской волости, Пензенской губернии, местные работники Мартынов и Сорокин применяли к трудящимся крестьянам разного рода репрессивные меры.

Крестьяне были крайне возмущены подобными действиями нарушителей политики партии и законов Советской власти. Об этих беззакониях они написали во ВЦИК жалобу. Мартынов и Сорокин были исключены из рядов РКП(б) и преданы суду [59].

В Кромах, Орловской губернии, представитель губвоенкомата Киселев применял к трудящимся крестьянам насильственные меры при мобилизации лошадей и своими грубыми окриками вызывал крестьян на провокацию против Советской власти. На вопрос крестьян: «Сколько требуется мобилизовать лошадей?» — Киселев ответил: «Сколько хочу, столько и возьму, вас не спрошу». Подобные выходки Киселева возмутили трудящихся деревни. Киселев был разоблачен и наказан [60].

Коммунистическая партия и Советское правительство жестоко наказывали тех, кто нарушал политику партии и законы Советского государства по отношению к крестьянам-середнякам, проявляя самоуправство и тем самым дискредитируя Советскую власть.

«С такими людьми,— указывал В. И. Ленин,— которые вопреки законам Советской власти несправедливо обращаются с крестьянством, необходима беспощадная борьба, немедленное удаление их, самый суровый суд над ними... Советская власть не мало расстреляла уже таких должностных лиц, которые попадались, например, во взяточничестве, и борьба против подобных негодяев будет доведена до конца» [61].

В докладе о работе в деревне В. И. Ленин привел пример неправильного отношения к среднему крестьянству со стороны Нижегородского губкома РКП(б), в котором в то время подвизался Каганович, проводивший неверную линию в отношении середняка. В одном из документов, разосланных Нижегородским губкомом на места, говорилось: «Декрет о чрезвычайном налоге должен всей своей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще средний элемент крестьянства» [62]. В. И. Ленин резко отрицательно оценил это.

В принятой съездом резолюции «Об отношении к среднему крестьянству», написанной В. И. Лениным, излагалась политика партии и Советской власти к среднему крестьянству. В этой резолюции говорилось, что в настоящий момент особо важное значение имеет правильное проведение

---

[59] ЦГАКА, ф. 8, оп. 1, д. 111, л. 91.

[60] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 3, д. 189, л. 106.

[61] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 481.

[62] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 184.

партийной линии по отношению к среднему крестьянству: внимательно прислушиваться к его запросам, вникать в его нужды, устранять произвол местных властей и стремиться к соглашению с ним.

В резолюции указывалось на недопустимость смешения среднего крестьянства с кулачеством и распространения на середняка в той или иной степени мер, направленных против кулачества.

Резолюция требовала прекращения каких бы то ни было реквизиций в деревне, не опиравшихся на точные указания законов центральной власти. Съезд подчеркнул, чтобы чрезвычайные налоги всей своей тяжестью ложились на кулаков. Среднее же крестьянство должно облагаться умеренно, лишь в размере, вполне посильном и не обременительном для него.

В резолюции говорилось о поощрении всякого рода товариществ, а равно и сельскохозяйственных коммун средних крестьян, но при создании товариществ и коммун не должно быть ни малейшего принуждения. Лишь те объединения ценны, отмечалось в резолюции, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств.

Подлежали строгому наказанию те представители власти, которые хотя бы в малейшей степени будут применять в отношении крестьянства принуждение, заставляя его вступать в колхозные объединения.

Съезд обязывал Наркомзем, Наркомвнудел, равно и ВЦИК усилить контроль за соблюдением советского законодательства в отношении крестьянства.

В резолюции указывалось, что социалистическое государство должно развернуть широчайшую помощь крестьянству: снабжение средних крестьян продуктами городской промышленности, в особенности улучшенными сельскохозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельскохозяйственной культуры.

Съезд обязывал всех местных работников партии и Советской власти провести следующие неотложные мероприятия в деревне: упорядочение крестьянского землепользования, устранение чересполосицы, длинноземелья и проч., снабжение крестьян высококачественными семенами и искусственными удобрениями, улучшение пород скота, распространение агрознаний и агропомощи крестьянам, ремонт в государственных мастерских крестьянского инвентаря, устройство прокатных пунктов, опытных станций, показательных полей и т. п., мелиорацию крестьянских земель.

Съезд требовал оказания помощи кооперативным объединениям крестьян в целях поднятия их сельскохозяйственного производства и переработки сельскохозяйственных продуктов.

В заключении резолюции подчеркивалось:

«Съезд напоминает, что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством. Так, например, в важнейшем вопросе о строительстве Советской власти в деревне, когда были созданы комитеты бедноты, был опубликован циркуляр за подписью председателя Совнаркома и народного комиссара продовольствия, указывающий на необходимость включения в комитеты бедноты и представителей среднего крестьянства. При упразднении комитетов бедноты Всероссийский съезд Советов вновь указал на необходимость включения в волостные Советы представителей среднего крестьянства. Политика рабоче-крестьянского правительства и Коммунистической партии должна вестись и впредь в этом духе соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством» [63].

---

[63] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, стр. 449—450.

Съезд также принял резолюцию о политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне. В резолюции указывалось, что в план просветительной деятельности в Советах должны входить глубокая согласованность между собой вопросов коммунистической пропаганды, повышения общеобразовательного уровня населения, проведения агрокультурных мероприятий. Причем пропаганда в деревне должна быть тесно связана с жизнью крестьян, с их потребностями.

Для реализации решений VIII съезда партии о политической пропаганде и развертывании культурно-просветительной работы в деревне Советское правительство отпускало значительные средства. Так, в октябре 1919 г. ВЦИК выделил на культурно-просветительную деятельность 150 млн. руб., а 8 октября 1919 г. отпустил в распоряжение ЦК РКП(б) на агитацию и пропаганду свыше 45 млн. рублей [64].

Политика прочного союза со средним крестьянством при опоре на бедноту сыграла важную роль в привлечении среднего крестьянства на сторону Советской власти, в победоносном исходе гражданской войны и в построении социализма.

Сплошная коллективизация означала дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства на новой основе. В результате коллективизации крестьянство коренным образом изменилось; оно превратилось в класс, строящий свою жизнь на общественных социалистических началах.

Коммунистическая партия и Советское правительство во всей своей деятельности всегда опирались и опираются на нерушимый союз рабочего класса и крестьянства, который, по определению В. И. Ленина, является самой чудесной в мире силой.

На современном этапе коммунистического строительства укрепление союза рабочего класса и крестьянства — важнейшая задача Коммунистической партии и Советского государства. XXI съезд КПСС указал на необходимость еще большего упрочения союза рабочего класса и колхозного крестьянства, дружбы и братского сотрудничества всех народов СССР.

★

VIII съезд РКП(б) имел огромное значение в жизни нашей Коммунистической партии и Советского государства. Вооруженная историческими решениями VIII съезда РКП(б), Коммунистическая партия привела советский народ к победе над интервентами и белогвардейцами в годы гражданской войны.

За сорок лет со времени созыва VIII съезда РКП(б) советский народ прошел под руководством КПСС славный путь борьбы и побед, построив социализм, и ныне успешно идет к коммунизму.

Намеченная XXI съездом КПСС величественная программа коммунистического строительства открывает перед советским народом широкие и светлые перспективы.

Вступление нашего общества в период развернутого коммунистического строительства воодушевляет советских людей на новые трудовые подвиги за выполнение и перевыполнение семилетнего плана. Советский народ знает, что, выполнив этот план, он сделает решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма и в осуществлении основной экономической задачи СССР: в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству на душу населения.

---

[64] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 1235, оп. 36, д. 61, л. 7.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ (1945—1954 гг.) *

Генерал армии Во Нгуен Зиап, Министр обороны ДРВ

Вьетнам — одна из стран Юго-Восточной Азии, имеющая древнюю историю. Ее территория напоминает огромную латинскую букву S, вытянутую вдоль побережья Тихого океана.

Северный Вьетнам занимает довольно обширную территорию, включающую долину и дельту Красной реки. Эта часть страны располагает большими возможностями для развития сельского хозяйства и промышленности. Южный Вьетнам также имеет большое пространство с долиной и дельтой реки Меконг и является в основном сельскохозяйственным районом. Узкая и длинная полоса земли, соединяющая обе эти части, называется Центральным Вьетнамом. Вьетнамцы обычно образно изображают свою страну в виде двух корзин с рисом, висящих на коромысле.

Площадь Вьетнама — около 330 тыс. кв. км, население — примерно 25 млн. человек. В течение многовековой истории у вьетнамского народа сложились славные традиции героической борьбы против иноземных захватчиков. Если обратиться к далекому прошлому, то особо следует отметить события XIII в., когда вьетнамский народ отразил натиск монгольских завоевателей, хозяйничавших в то время в феодальном Китае.

В середине XIX в. Вьетнам подвергся агрессии со стороны французских империалистов. Они несколько десятилетий вели жестокую захватническую, несправедливую войну, в результате которой страна была превращена во французскую колонию, вошедшую впоследствии вместе с Камбоджей и Лаосом в зависимую от Франции Индокитайскую федерацию. Однако со дня вторжения французских империалистов во Вьетнам национально-освободительное движение в стране не прекращалось; подавление колонизаторами одного революционного движения вызывало в ответ другое, еще более широкое; революционная волна нарастала. После первой мировой войны во Вьетнаме существовало уже могучее массовое освободительное движение, охватившее различные слои населения, включая интеллигенцию, мелкую буржуазию, широчайшие крестьянские массы и формировавшийся рабочий класс.

В 1930 г., с образованием Коммунистической партии Индокитая (ныне Партия трудящихся Вьетнама [1]), начался новый этап развития национально-освободительной борьбы. Коммунистическая партия Индокитая возглавила национально-демократическую революцию, направленную против империализма и феодально-помещичьего класса.

В 1939 г. вспыхнула вторая мировая война. Вскоре Франция была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Вьетнам постепенно становился колонией японских империалистов. Начался новый цикл войн и революций, во время которого партия своевременно учла изменение об-

---

* Статья написана по просьбе редакции журнала «Вопросы истории».

[1] Партия была переименована в феврале 1951 г. на своем II съезде.

становки и поставила перед всем народом задачи: расширять единый национальный антиимпериалистический фронт, готовить вооруженное восстание с целью свергнуть господство японо-французских империалистов, завоевать независимость страны. Созданная тогда организация «Вьетнам Док Лап Донг Минь» («Союз борьбы за независимость Вьетнама») — сокращенно фронт «Вьет-Минь» — объединила все революционные классы и патриотические слои населения. В горных и лесных районах Северного Вьетнама развернулась партизанская война. Здесь был создан первый освобожденный район.

В августе 1945 г. Советская Армия совместно с силами союзников разгромила японских империалистов. Мировая война окончилась. Немецкий и японский фашизм был разгромлен. Капиталистическая система оказалась сильно ослабленной. Советский Союз одержал величайшую победу. Образовались страны народной демократии. Социалистическая система вышла за пределы одной страны. В развитии всемирной истории начался новый период.

В новых условиях Коммунистическая партия Индокитая и фронт «Вьет-Минь» призвали вьетнамский народ ко всеобщему восстанию. На борьбу поднялись широчайшие народные массы. Беспрерывно проходили митинги и демонстрации. Вспыхнула Августовская революция. Японские войска, находившиеся в растерянности, были нейтрализованы, прояпонское феодальное правительство свергнуто, была создана народная власть в столице Вьетнама Ханое и во всех районах страны — от Севера до Юга. 2 сентября Временное Народное правительство, возглавляемое Хо Ши Мином, выступило перед народом в Ханое, провозгласило Вьетнам независимым государством и призвало народ к единству, к защите отечества, к борьбе против всяких агрессивных происков империализма. Так родилась первая народно-демократическая республика в Юго-Восточной Азии — Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ).

Однако империалисты решили в зародыше уничтожить республику и вновь превратить Вьетнам в свою колонию. 23 сентября 1945 г. в Сайгоне, спустя лишь три недели со дня провозглашения молодого независимого государства, войска французских империалистов начали агрессивные военные действия против республики. Весь вьетнамский народ поднялся на войну Сопротивления. С этого времени началась Освободительная война, полная героизма и лишений, длившаяся девять лет и закончившаяся операцией под Дьен-Бьен-Фу, которая принесла великую победу вьетнамскому народу и позорное поражение империалистическим агрессорам.

Необходимо отметить, что после победы Августовской революции вьетнамский народ, как никогда раньше, был полон революционного энтузиазма и тесно сплотился вокруг Временного правительства. Но в то же время в стране произошли события, которые усложнили политическую обстановку: китайские гоминьдановские войска вступили в Северный (севернее 16-й параллели), а английские войска — в Южный Вьетнам, чтобы принять капитуляцию японских войск. Воспользовавшись этим обстоятельством, чанкайшистские войска занялись грабежом и помогли наиболее реакционной группе класса буржуазии и помещиков Вьетнама — партии «Вьетнам Куок Зан Данг» («Вьетнамская национальная партия») — и прояпонской партии «Фук Куок» («Национальная реставрация») захватить пять провинций, расположенных недалеко от границы, нарушить порядки в самой столице и организовать заговор с целью свержения народной власти.

В Южном Вьетнаме английские войска активно содействовали возвращению французских империалистов. Никогда еще на территории Вьетнама не было такого количества иноземных войск и никогда еще

не был вьетнамский народ так полон решимости подняться на защиту своей страны, как в тот период.

Таковы историко-географические сведения, необходимые для того, чтобы анализировать ход Освободительной войны вьетнамского народа.

★

В первый период войны происки французских империалистов были направлены на то, чтобы, опираясь на помощь английских войск, вновь захватить Южный Вьетнам и, используя его в качестве плацдарма, возвратить себе в дальнейшем и северную часть страны. Когда японские империалисты вторглись во Вьетнам, французские войска позорно капитулировали перед ними. Однако после окончания войны они сочли себя вправе вернуться хозяевами в прежнюю колонию. Агрессоры не хотели считаться с тем, что обстановка уже изменилась.

В сентябре 1945 г. французские вооруженные части, экипированные за счет английской армии, а впоследствии и французский экспедиционный корпус под командованием генерала Леклерка провели при непосредственной помощи английских войск агрессивные акции в Сайгоне. Население Южного Вьетнама с первых же дней поднялось на борьбу с врагом. Но в то время народная власть располагала еще очень слабыми вооруженными силами. После полных героизма боев в Сайгоне и в других крупных городах Юга революционные силы вынуждены были отойти в сельскую местность. Почти все крупные города и важнейшие дороги в Южном Вьетнаме и в южной части Центрального Вьетнама постепенно перешли в руки врага.

Французские колонизаторы рассчитывали на быстрый захват Южного Вьетнама. Генерал Леклерк заявил, что оккупация и «умиротворение» его закончатся в течение десяти недель. Однако в действительности все происходило вопреки желаниям агрессоров.

В течение девятилетней войны Сопротивления вплоть до установления мира народ Южного Вьетнама при поддержке всей страны продолжал борьбу за независимость; во всех сельских местностях Южного Вьетнама развивалась и ширилась партизанская война, создавались и укреплялись партизанские базы, укреплялась народная власть.

Наша партия понимала, что захват Южного Вьетнама — лишь первый шаг в планах французских империалистов. Поэтому она готовила народ к ведению затяжной войны. Чтобы сосредоточить усилия для оказания отпора французскому империализму, партия объединила все силы, которые можно было объединить, нейтрализовала все силы, которые можно было нейтрализовать. Так был расширен единый национальный фронт, создан фронт «Льен Хиеп Куок Зан Вьетнам» («Вьетнамский национально-объединенный фронт»). Были срочно проведены всеобщие выборы в первое Национальное собрание Демократической Республики Вьетнам, осуществленные на основе всеобщего избирательного права. Национальное собрание утвердило новую конституцию, создало широкое коалиционное правительство Сопротивления, в состав которого вошли также представители «Вьетнам Куок Зан Данг». В то время мы избегали каких-либо столкновений с чанкайшистскими войсками.

Перед французскими агрессивными войсками стоял тогда вопрос: можно ли с помощью вооруженной силы легко вернуть себе Северный Вьетнам? Это оказалось нелегким делом, так как на Севере наши силы были мощнее, чем на Юге. Что касается Народного правительства, то оно принимало все меры к тому, чтобы обеспечить мир, укрепить только что созданную народную власть, восстановить страну, разрушенную многолетней войной. В этих условиях состоялись переговоры между нами и французскими колонизаторами. 6 марта 1946 г. было подписа-

но предварительное соглашение о перемирии. По этому соглашению мы разрешили французскому командованию ввести некоторую, ограниченную часть своих войск в отдельные районы Северного Вьетнама, чтобы совместно с нашими войсками заменить чанкайшистские войска, возвращавшиеся в Китай. Французское правительство заявило о признании Демократической Республики Вьетнам как свободного государства, имеющего свое правительство, Национальное собрание, армию и финансы. Было предусмотрено, что французские войска покинут Вьетнам через пять лет; вопрос о политическом строе в Южном Вьетнаме предусматривалось решить путем народного референдума.

Отношения между Демократической Республикой Вьетнам и Францией были в то время на перепутье. Оставался открытым вопрос о том, будет ли восстановлен мир или снова возникнет война. Французские колонизаторы рассматривали заключение соглашения как временное явление, как своего рода тактический маневр, позволивший им ввести часть своих войск в Северный Вьетнам и ждать более благоприятных условий для подготовки и продолжения войны. Вот почему переговоры, состоявшиеся в Далате, не принесли никаких результатов, а на совещании в Фонтенбло был достигнут непрочный модус-вивенди.

В это же время воинственные французские колонизаторы продолжали придерживаться агрессивной политики: они не только не прекратили военных действий, но и проводили карательные операции в Южном Вьетнаме, создали местные марионеточные власти, осуществили ряд провокаций, захватили часть провинций Северного Вьетнама и угольные копи Хонгая, убивали наших соотечественников, создавали напряженную атмосферу и готовили свержение народной власти.

Наше правительство, верное политике мира и независимости, прилагало все усилия к урегулированию разногласий, неоднократно призывало французское правительство, возглавляемое в то время деятелями социалистической партии, срочно изменить политику, чтобы избежать войны, невыгодной обеим сторонам. В то же время мы укрепляли свой тыл, готовились к войне Сопротивления. Мы добились хороших результатов в расширении производства. Главное внимание нами было уделено укреплению обороноспособности страны. Мы одержали победу в ликвидации реакционеров из партии «Вьетнам Куок Зан Данг», освободили все районы, ранее занимаемые ими.

В ноябре 1946 г. обстановка стала более напряженной. Французские колонизаторы осуществили провокации и захватили Хайфон, который наши войска оставили после уличных боев. В декабре они создали напряженную обстановку в Ханое, убивали гражданское население, захватили несколько государственных учреждений и направили нам ультиматум с требованием разоружить отряды самозащиты, передать функции по поддержанию порядка в столице французским властям, организовали вооруженные столкновения. Колонизаторы упрямо выбирали дорогу войны, которая являлась для них дорогой гибели.

19 декабря во всей стране началась война Сопротивления. На следующий день президент Хо Ши Мин от имени партии и правительства обратился к народу с призывом выступить против врага, бороться до последней капли крови за спасение Родины, не допустить восстановления рабства.

Каково же было соотношение сил, когда война Сопротивления распространилась на всю страну? Бесспорно, что с материальной точки зрения перевес был на стороне врага. Вот почему нашим войскам был дан приказ воевать с противником везде, где бы он ни находился, уничтожать его живую силу, не давать врагу быстрыми темпами расширять военные действия, а при неблагоприятной для нас обстановке уходить в тыл, сохраняя бойцов и командиров и готовясь к затяжной войне Сопротивления.

В этом отношении наиболее показательными были ожесточенные бои в Ханое. Целых два месяца наши войска прочно удерживали важный район города, а затем в полном составе организованно отошли.

В опасные для Отчизны дни весь наш народ, сплоченный воедино, сражался по призыву партии до конца, решительно отстаивая путь свободы и независимости. Наше Центральное правительство обосновалось в опорной базе Сопротивления — горном районе Вьет-бак. Были созданы военные зоны (впоследствии переименованные в интерзоны), расширялись права местных властей, что позволило мобилизовать и организовать население на войну Сопротивления. Наше правительство продолжало призывать французское правительство отказаться от ошибочного пути и вернуться к мирным переговорам. Со своей стороны французское правительство, пользуясь нашим призывом к мирным переговорам, выдвигало требования о том, чтобы наши войска сложили оружие. На упорство колонизаторов мы ответили усилением войны Сопротивления.

Противник старался сосредоточить силы, готовясь к молниеносному наступлению относительно большого масштаба с целью завершить войну. В октябре 1947 г. колонизаторы начали крупное наступление на горный район Вьет-бак — главную опорную базу войны Сопротивления. Цель их наступления состояла в том, чтобы уничтожить орган, руководивший войной Сопротивления, разбить наши основные силы. Это наступление потерпело полное поражение. Врагу не удалось уничтожить наш руководящий центр, разбить силы Сопротивления. Он сам понес тяжелый урон. Стратегия агрессоров, имевшая своей целью молниеносную войну и быстрое ее завершение, потерпела провал. Это еще больше укрепило волю всего нашего народа к ведению затяжной войны Сопротивления.

Начиная с 1948 г., когда колонизаторы убедились в том, что война Сопротивления затягивается, они изменили стратегию, сосредоточили свои силы на «умиротворении» и укреплении захваченных районов, прежде всего в Южном Вьетнаме, надеясь использовать вьетнамцев в войне против вьетнамцев, войной питать войну. Они создали центральную марионеточную власть, организовали марионеточные войска, грабили богатства страны. Таким образом постепенно, расширяя захваченную территорию на Севере, противник добился преобладающего положения в большей части районов долины Красной реки. В те годы французский экспедиционный корпус был крайне рассредоточен, его силы распылены по тысячам крупных и мелких военных постов, охранявших захваченную территорию и контролировавших положение на местах.

Растущие военные и финансовые трудности побудили французских империалистов постепенно допустить империалистов США к вмешательству во внутренние дела Вьетнама.

С изменением стратегии врага мы взяли курс на расширение партизанской войны, превращение тыла оккупантов в наш фронт. Войска Сопротивления действовали рассредоточенно, отдельными ротами, углубляясь в тыл врага, развертывая там партизанское движение, создавая опорные базы и защищая народную власть. Это была всесторонняя, исключительно тяжелая в военном, экономическом и политическом отношениях война. Враг прочесывал местности — мы боролись против этих операций. Враг создавал марионеточные войска, насаждал марионеточные власти — мы укрепляли народную власть, боролись против марионеток, уничтожали предателей, вели пропаганду среди марионеточных войск с целью их разложения. Постепенно росли создаваемые нами крупные и мелкие партизанские базы. На военной карте, кроме свободных районов, стали обозначаться «красные районы», возникавшие в самом сердце врага. «Красные районы» непрерывно росли и укреплялись. Пядь за пядью освобождалась территория нашей страны даже в самом тылу врага. Здесь война не имела линии фронта в обыч-

ном понимании. Там, где был враг, там был и фронт, фронта как такового не было нигде, и он был повсюду. Перед нашей новой стратегией ставка противника «войной питать войну», использовать вьетнамцев в войне против вьетнамцев встретилась с многими трудностями и потерпела поражение.

Центр тяжести военных действий постепенно перемещался в тыл врага. В то же время непрерывно укреплялись освобожденные районы. В боях и сражениях крепла наша армия. По мере того как развивалось партизанское движение, росли местные вооруженные силы, мы могли формировать более крупные подразделения, части и даже соединения. В конце 1948 и начале 1949 г. мы уже стали проводить небольшие военные операции, причиняя врагу значительный ущерб. Империалисты уже начали бояться нас. Комиссия по расследованию положения дел во Вьетнаме, возглавлявшаяся генералом Ревером, в довольно пессимистическом тоне составила доклад о положении французских войск, придя в заключение к выводу о необходимости просить США усилить свою помощь.

★

В 1949 г. победоносно завершилась народная революция в Китае, возникла Китайская Народная Республика. Это величайшее историческое событие стало поворотной вехой в истории Азии и всего мира. Оно оказало огромное влияние на освободительную войну вьетнамского народа. Вьетнам вышел из вражеского окружения и географически соединился со странами социализма.

В начале 1950 г. Демократическая Республика Вьетнам была признана Китайской Народной Республикой, Советским Союзом и другими братскими странами. Состоявшийся в следующем году съезд Коммунистической партии Индокитая вынес решение о переименовании Компартии Индокитая в Партию трудящихся Вьетнама. Объединились фронты «Вьет-Минь» и «Льен-Вьет». В 1953 г. партия и правительство приняли постановление о проведении аграрной реформы в целях развития производства и усиления войны Сопротивления. Все эти мероприятия изменили обстановку в нашу пользу. Действительно, 1950 год ознаменовал собой новый поступательный шаг в развитии затяжной войны Сопротивления. Зимой этого года в боях за освобождение границы мы начали свое первое относительно крупное контрнаступление, в результате которого были освобождены провинции Као-банг, Ланг-сон, Лао-кай. Вслед за тем мы провели целую серию наступательных боев в долине Красной реки.

Потерпев поражения, противник должен был направить во Вьетнам генерала Делатр де Тасиньи. Американская военная помощь, соглашение о которой было подписано еще в 1950 г., непрерывно росла. Агрессивная война французских колонизаторов постепенно превращалась в войну, ведущуюся на «американские доллары и кровью французов». Это была поистине грязная война.

План генерала де Тасиньи, одобренный в Вашингтоне, заключался в том, чтобы создать прочную оборонительную линию в долине Красной реки с целью противостоять атакам наших войск и одновременно сконцентрировать свои войска, провести широкое прочесывание равнины и тем самым «умиротворить» свой тыл, создать условия для перехода в наступление на свободные районы и захвата инициативы. В октябре 1951 г. противник начал наступление на Хоа-Бинь. Наши войска немедленно предприняли ответную операцию (операция «Хоа-Бинь») с тем, чтобы, с одной стороны, сковать и уничтожить противника на фронте, а с другой, используя недостаточную бдительность врага, отдельными дивизиями ударить по его тылу за Красной рекой. Крупные партизанские базы были еще более расширены, была освобождена про-

винция Хоа-Бинь с населением около 2 млн. человек. Таким образом, план де Тасиньи провалился.

В 1952 г. наши войска успешно провели наступательную операцию на Северо-Западе, освободили обширные территории вплоть до Дьен-Бьен-Фу. В начале 1953 г. отряды вьетнамских добровольцев во взаимодействии с Освободительной армией Патет-Лао, проведя операцию «Верхний Лаос», освободили провинцию Сам-Ныа.

Из анализа военной обстановки того периода можно сделать следующий вывод: основным районом боевых действий являлся Северный Вьетнам, где в большинстве случаев происходили наиболее крупные сражения. К началу 1953 г. нашими войсками был освобожден почти весь горный район, составляющий ⅔ территории Северного Вьетнама. И хотя враг держал еще в своих руках Ханой и долину Красной реки, крупные города и важные пути сообщения, все же ⅔ сельской местности в его тылу принадлежали партизанским базам — нашим «красным районам». В Центральном и Южном Вьетнаме мы продолжали удерживать обширные освобожденные районы, расширяя в то же время крупные и мелкие партизанские базы на временно захваченной противником территории.

Военное положение значительно изменилось. Постепенно суживались районы, захваченные врагом. Основные опорные пункты Сопротивления, то есть освобожденные районы Северного Вьетнама, с каждым днем расширялись и укреплялись. Наши войска все время держали инициативу в своих руках. Теперь уже положение колонизаторов было тяжелым.

★

Французские империалисты с каждым днем все более втягивались в несправедливую, агрессивную войну. Несмотря на американскую помощь, которая составляла в 1950 и 1951 гг. 15% всех военных расходов французских оккупантов во Вьетнаме, в 1952 г.— 35%, в 1953 г.— 45%, а в 1954 г. возросла до 80%, положение французского экспедиционного корпуса уже было непоправимо. Осенью 1953 г. в связи с прекращением военных действий в Корее американские и французские империалисты попытались увеличить свои вооруженные силы в Индокитае и таким образом затянуть и расширить войну.

Они разработали «план Навара», имевший целью разгромить Народную армию, полностью захватить Вьетнам, превратить его в колонию и военную базу американо-французских империалистов. Выполнение этого плана намечалось осуществить в течение 18 месяцев. План носил также название «плана решительной войны Ланьеля—Даллеса».

Для осуществления его первой части генерал Навар сосредоточил более половины маневренных сил всего индокитайского фронта в Северном Вьетнаме, в том числе и новые подкрепления, прибывшие из Франции. Было начато наступление на освобожденный район и одновременно высажен парашютный десант в Дьен-Бьен-Фу, который противник надеялся превратить в плацдарм для дальнейшего наступления.

Враг старался концентрировать силы. Мы заставляли его распылять их, ведя непрерывные крупные бои в направлениях, где противник оказывался слабее. Вынуждая противника рассредоточивать свои силы, мы создавали благоприятные условия для наступления на Дьен-Бьен-Фу — наиболее мощную и, по мнению французского и американского генеральных штабов, неприступную систему укрепленных пунктов в Индокитае. Было решено наступать на противника в Дьен-Бьен-Фу. Здесь были сосредоточены главные силы нашей армии и мобилизованы народные массы в тылу врага, чтобы обеспечить победу над колонизаторами на фронте. В результате 55-дневного сражения вьетнамская Народная армия добилась самой крупной победы во всей истории Ос-

вободительной войны, полностью разгромив вражеские войска в Дьен-Бьен-Фу. Великая операция под Дьен-Бьен-Фу изменила положение во Вьетнаме и внесла решающий вклад в дело успешного завершения Женевского совещания.

В июле 1954 г. были подписаны Женевские соглашения и в Индокитае восстановлен мир на основе уважения суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. В связи с Женевскими соглашениями Северный Вьетнам — с населением свыше 13 миллионов человек — добился полного освобождения. Так мы достигли победы, завоеванной в результате почти вековой национально-освободительной борьбы и ее наиболее яркой страницы — девятилетней войны Сопротивления, полной многих жертв и лишений со стороны вьетнамского народа. Это было также позорное поражение франко-американских империалистов и их слуг. Но в настоящее время половина нашей страны еще не освобождена, ее население томится под гнетом американских империалистов и властей Нго Динь Дьема. Национально-освободительная борьба еще не окончена, она продолжается, и продолжается мирными средствами.

★

Освободительная война народных масс Вьетнама — война справедливая, так как она велась во имя независимости и единства Родины, передачи земли крестьянам и защиты их прав на землю, охраны завоеваний Августовской революции. Поэтому она являлась прежде всего войной народной, решающими вопросами которой были воспитание, мобилизация, организация и вооружение всего народа для участия в войне Сопротивления.

Необходимо было разбить врагов вьетнамского народа — империалистических агрессоров. Однако империалисты издавна находились в сговоре с феодалами и помещиками. Поэтому борьба против империалистов была неотделима от борьбы против феодалов. С другой стороны, в такой отсталой колониальной стране, как Вьетнам, где крестьяне составляют подавляющее большинство населения, народная война представляет собой в основном крестьянскую войну, проводимую под руководством рабочего класса. Вот почему мобилизация и организация всего народа являются главным образом мобилизацией и организацией крестьян. Здесь решающий вопрос — это земельный вопрос. Всесторонне анализируя освободительную войну, можно прийти к выводу, что она была по своей сущности национальной народно-демократической революцией, осуществлявшейся с помощью оружия; две основные и главные задачи этой революции состояли в том, чтобы, во-первых, свергнуть империализм, во-вторых, уничтожить класс феодалов и помещиков, причем первая задача являлась главнейшей.

Вьетнам, отсталая колониальная страна, только после революции обрел независимость и создал революционную власть. Его молодые вооруженные силы были еще плохо оснащены и не имели боевого опыта. Что касается врага, то хотя империалистическая Франция перенесла фашистскую оккупацию, тем не менее она сохранила в значительной степени свой экономический и военный потенциал и, кроме того, пользовалась активной поддержкой империалистов США. Итак, в материальных силах враг, несомненно, превосходил нас. В связи с этим Освободительная война должна была стать войной длительной и тяжелой; только при учете этого обстоятельства могли быть созданы условия для победы над врагом. Всякая поспешность в войне, упование на быструю победу явились бы крупными ошибками.

Предстояло глубоко усвоить стратегию затяжной войны, воспитать народ в духе понимания необходимости решать все вопросы собственными силами, сохранять и постепенно укреплять нашу армию, изматывать и

уничтожать врага, добиваться тысяч мелких побед на пути к крупной победе. Только при этих условиях можно было постепенно изменить соотношение сил, превратить нашу слабость в нашу мощь, добиться окончательной победы.

Партия с самого начала определила народный и затяжной характер войны и в ходе ее сумела, исходя из этих основных черт, решить основные проблемы войны Сопротивления. Правильное руководство партии привело наш народ к победе в войне Сопротивления.

★

С точки зрения военного руководства наша стратегия и тактика должны были стать стратегией и тактикой народной затяжной войны. Такая затяжная война обычно проходит ряд этапов: стратегической обороны, равновесия сил и стратегического контрнаступления. Фактически в зависимости от конкретных условий ход войны может изменяться и осложняться. Только в ходе затяжной войны мы сумели получить условия для развития своих политических преимуществ и преодолеть свою слабость в материальном отношении, превратить ее в мощь. Мы придавали большое значение принципу сохранения и укрепления своих сил; вступали в сражения лишь в том случае, если не сомневались в победе; старались добиваться ее ценой малых потерь, избегая рискованных операций. Мы должны были осуществлять лозунг: чем больше сражаться, тем становиться сильнее.

А для этого надо было выбрать соответствующие формы ведения военных действий, такие, которые поднимали бы героический боевой дух, чтобы на его основе преодолеть материальное превосходство врага. Основной формой сражений, в особенности в начальный период Сопротивления, стала партизанская война. На вьетнамском театре военных действий она принесла крупные успехи: партизанскую войну можно было вести в горах и в долинах, с хорошим оружием и с плохим, а когда оружия не было, отнимали его в бою у врага. Всюду, где был противник, население участвовало в партизанской войне. Каждый населенный пункт превращался в «сражающееся село»: в каждом уезде, в каждой провинции формировались местные войска, которые сражались под руководством партийных комитетов, народных властей и, взаимодействуя с войсками Народной армии, изматывали и уничтожали противника.

В дальнейшем, с ростом наших сил, партизанская война становилась маневренной, но все же в ней преобладал партизанский характер. На основном фронте — в Северном Вьетнаме — маневренная война стала в дальнейшем основной формой ведения боевых действий. В ходе развития партизанской войны, усиления маневренной войны Народная армия непрерывно росла и крепла, от боев взводами и ротами она переходила к боевым действиям силами полков и дивизий, а также к относительно крупным операциям с участием нескольких дивизий. Постепенно улучшалось и ее вооружение, главным образом за счет американского и французского оружия, отнятого у врага.

С военной точки зрения Освободительная война вьетнамского народа ярко продемонстрировала то, что Народная армия, будучи слабо вооруженной, но ведя справедливую войну и придерживаясь правильной стратегии и тактики, может одержать победу над современной армией империалистических захватчиков.

★

С точки зрения управления экономикой во время войны вопрос тыла в затяжной войне в такой отсталой сельскохозяйственной стране, какой является Вьетнам, был поставлен в виде создания опорных баз в деревне. Увеличение и охрана производства, развитие сельского хозяйства играли

исключительно важную роль не только для снабжения фронта продовольствием, но и для поддержания и постепенного улучшения жизненного уровня населения. Естественно, должна была решаться и проблема производства вооружения и боеприпасов.

Решающее значение в деле строительства опорных пунктов в деревне, укрепления тыла и усиления войны Сопротивления имела аграрная политика партии. Это антифеодальная задача революции. В колониальной стране национальный вопрос есть прежде всего вопрос крестьянский. Увеличение и усиление освободительных сил в войне Сопротивления были связаны в основном с вопросом о земле.

В результате Августовской революции были уничтожены феодальные порядки. Политика снижения арендной платы и долгового процента, проводимая народной властью, принесла первую пользу крестьянству. Земли империалистов и предателей Родины были конфискованы и переданы крестьянам; раздел общественной земли был проведен на более справедливых началах. Видя необходимость дальнейшего развертывания антифеодальной революции, партия приняла в 1953 г. решение о проведении аграрной реформы, не дожидаясь окончания войны. Несмотря на то, что в осуществлении реформы имелись недостатки, эта линия была правильной, принесла крупные успехи, дала крестьянам реальные выгоды, подняла энтузиазм народа и Народной армии в войне Сопротивления.

Благодаря правильной аграрной политике жизнь крестьян, несмотря на тяжелую военную обстановку, была улучшена не только в обширных свободных районах на Севере, но и в районах партизанских баз на Юге.

Освободительная война показала всю важность создания опорных баз в деревне, подтвердила неразрывную связь антиимпериалистических и антифеодальных задач в революции.

С политической точки зрения первостепенным вопросом в войне Сопротивления являлось обеспечение единства народа, мобилизация его сил на вооруженный отпор агрессорам. Это был также вопрос о едином национальном фронте в борьбе против империалистических агрессоров и их слуг — предателей Родины.

Наша партия одержала крупные успехи в организации единого фронта. Еще в трудные годы второй мировой войны она создала фронт «Вьетнам Док Лап Донг Минь». В тот период и на первых порах войны Сопротивления партия временно отложила осуществление лозунга аграрной революции, выдвинула лишь требование о снижении арендной платы и долгового процента. Тем самым удалось нейтрализовать часть помещичьего класса, привлечь на свою сторону патриотически настроенных людей из его среды. В первые дни после успешного завершения Августовской революции благодаря политике партии, направленной на создание широкого национального фронта, были нейтрализованы колеблющиеся элементы из среды феодально-помещичьего класса, ограничены подрывные действия клики «Вьетнам Куок Зан Данг».

В дальнейшем, с развитием войны Сопротивления, когда проведение аграрной реформы стало насущной необходимостью, наша партия обратила очень большое внимание на расслоение помещиков, проводя дифференцированную политику по отношению к различным слоям этого класса с учетом их политических настроений, на основе принципа уничтожения феодального землевладения.

Единый фронт добился крупных успехов также в области сплочения людей различных национальностей, различного вероисповедания.

Единый национальный фронт должен был стать широким фронтом. Во Вьетнаме ему предстояло объединить в своих рядах все силы, которые можно было объединить, нейтрализовать все силы, которые можно было нейтрализовать, расслоить все силы, которые можно было расслоить, направить острие борьбы против главнейшего врага революции — империа-

листических захватчиков. Этот фронт должен быть построен на основе союза рабочего класса и крестьянства, под руководством рабочего класса. У нас во Вьетнаме союз рабочего класса и крестьянских масс имеет свою историю, свои прекрасные традиции; это произошло потому, что только партия рабочего класса всегда была единственной политической партией, которая в любой обстановке решительно отстаивала национальную независимость; она была первой политической партией, которая выдвинула лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает» и решительно боролась за его осуществление. В первые годы войны Сопротивления, в связи с тем, что важность крестьянского вопроса нами недооценивалась, союзу рабочего класса и крестьянства также не уделялось достаточного внимания. Это было исправлено, в особенности после того, как партия взяла курс на проведение аграрной реформы и превращение крестьян в подлинных хозяев деревни. Ныне, с победой в войне Сопротивления, в результате проведения аграрной реформы и передачи земли крестьянам, в условиях, когда Партия трудящихся Вьетнама добилась независимости одной половины страны, союз рабочего класса и крестьянства с каждым днем укрепляется.

Освободительная война вьетнамского народа показала, что победа над сильным и жестоким врагом возможна лишь в том случае, если весь народ сплочен в прочном и широком едином национальном фронте, основанном на союзе рабочего класса и крестьянства. Только объединив весь народ, создав прочный и широкий единый национальный фронт, мы смогли нанести поражение врагу.

★

Освободительная война вьетнамского народа закончилась великой победой. Северный Вьетнам был освобожден, империалисты разбиты, класс феодалов уничтожен. Наш народ в Северном Вьетнаме ныне уверенно идет по пути строительства социализма, превращая Северный Вьетнам в прочную базу борьбы за объединение страны.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой потому, что она была справедливой войной, войной за независимость и единство Родины, за интересы нации, за интересы народа. Вот почему весь народ активно участвовал в ней, жертвовал всем во имя победы.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой потому, что у нас была революционная вооруженная сила народа — героическая Народная армия Вьетнама, построенная в соответствии с политической линией партии, обладающая высоким боевым духом, имеющая правильный стиль политработы, освоившая стратегию и тактику народной войны. Эта армия росла и мужала, вбирая в себя лучших представителей крестьян и рабочих, учащейся молодежи и революционной интеллигенции, вышедшей из патриотических политических организаций народных масс. Эта армия вышла из народа, стоит на страже интересов народа и борется под руководством партии рабочего класса.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой потому, что у нас был прочный и широкий единый национальный фронт, включающий все революционные классы, различные национальности, населяющие Вьетнам, всех патриотов страны. Этот фронт был создан на основе союза рабочего класса и крестьянства, руководящая роль в котором принадлежит рабочему классу и его партии.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой потому, что мы имели народную власть, созданную в период Августовской революции и укреплявшуюся с каждым днем. Это была власть союза революционных классов, главным образом союза рабочего класса и крестьянства, представляющая собой диктатуру народ-

ной демократии, по существу, диктатуру рабочего класса и крестьянства, осуществляемую под руководством партии. Эта власть мобилизовала и организовала массы на участие в войне Сопротивления, обеспечила реальные интересы народа не только в освобожденных районах, но и в партизанских базах, расположенных в тылу врага.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой благодаря вышеуказанным факторам, прежде всего благодаря тому, что руководство в войне осуществляла партия рабочего класса — Коммунистическая партия Индокитая, ныне Партия трудящихся Вьетнама. Партия использовала марксистско-ленинский метод анализа общественной обстановки и оценки нашего положения и положения противника, выдвинула основные задачи национальной, народно-демократической революции, взяла курс на вооруженную борьбу, выдвинула лозунг ведения затяжной войны, ориентировала народ на решение вопросов собственными силами.

Партия правильно решила вопросы создания Народной армии и руководства ею органами народной власти, единым национальным фронтом. Она воспитала народ и армию в последовательно революционном духе, нацелила их на затяжную и трудную войну, на борьбу до победного конца. Наша партия во главе с товарищем Хо Ши Мином — достойная партия рабочего класса, партия народа, партия нации. Президент Хо Ши Мин, вождь нашей партии и нашей нации,— человек, воплотивший в себе неукротимый дух и волю вьетнамского народа.

Освободительная война вьетнамского народа завершилась великой победой потому, что мы были не одиноки в борьбе. Нам оказывали поддержку прогрессивные народы всего мира, и прежде всего народы братских стран во главе с Советским Союзом. Победа вьетнамского народа неотделима от этой поддержки, от крупных успехов стран социалистического лагеря, от успехов национально-освободительного движения. Она неотделима от победы Советской Армии во второй мировой войне, от побед китайского народа. Нашу победу также нельзя отделить от сочувствия и поддержки прогрессивных народов всего мира, в том числе и французского народа, возглавляемого Французской коммунистической партией, народов стран Азии и Африки.

Победа вьетнамского народа является победой народа маленькой и слабой колониальной страны, не имевшей регулярной армии, поднявшейся на вооруженную борьбу против империалистического агрессора, обладающего современной армией, пользующегося помощью американских империалистов. Наша в прошлом колониальная страна создала и стойко защищала свой народно-демократический строй, вступила на путь строительства социализма. Это — одно из великих исторических событий национально-освободительного и революционного пролетарского движения в новых международных условиях после второй мировой войны, в период перехода от капитализма к социализму и разложения империализма. Освободительная война вьетнамского народа показала, что в современных международных условиях маленькая нация, поднявшаяся на решительную борьбу за свое освобождение, может одолеть любого врага и добиться окончательной победы.

Эта великая истина освещает нам путь и вдохновляет вьетнамский народ на борьбу за мир и социализм, за единство и независимость Родины. Этот путь, несомненно, приведет наш народ к новым победам.

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ БОРЬБЫ АВСТРИЙСКИХ РАБОЧИХ ПРОТИВ ФАШИЗМА (ФЕВРАЛЬ 1934 г.) *

Ене Костман, член ЦК Компартии Австрии

Двадцать пять лет тому назад, в начале февраля 1934 г., рабочие Франции и Австрии одновременно поднялись на борьбу, чтобы воспрепятствовать фашистскому государственному перевороту. Такое одновременное выступление было, конечно, случайным совпадением. Однако между происшедшими событиями имелась глубокая закономерная связь. Захват Гитлером власти в Германии в 1933 г. чрезвычайно усилил фашистскую опасность в Европе, прежде всего в странах, которые непосредственно граничили с германским государством. Наиболее реакционные круги западноевропейской буржуазии пытались использовать приход гитлеровцев к власти в Германии, чтобы подавить революционное движение в Европе и установить во всех странах неприкрытую, жестокую, насильственную диктатуру монополий и капиталистических концернов.

С другой стороны, разгул фашистских банд в Германии вызвал тревогу европейского пролетариата. Рабочие стали острее и глубже осознавать опасность фашизма и более решительно выступать против него. События февраля 1934 г. во Франции и Австрии являются одним из ярких проявлений борьбы международного пролетариата против фашистской реакции в канун второй мировой войны.

Но между февральскими событиями 1934 г. во Франции и Австрии имеются и большие различия. Их освещение и анализ не потеряли своей актуальности и по прошествии 25 лет. Во Франции рабочий класс выступил сплоченно, организовал всеобщую забастовку и провел мощные, массовые демонстрации. Тем самым ему удалось предотвратить фашистский переворот и заложить основу для развертывания широкого антифашистского движения единого народного фронта.

Австрийский же рабочий класс не смог воспрепятствовать установлению неприкрытой диктатуры так называемого австрофашизма. Участники февральских боев 1934 г. потерпели поражение. Режим фашистского хеймвера восторжествовал.

Почему же рабочий класс Франции одержал победу, а рабочие Австрии потерпели поражение? Французский пролетариат добился победы потому, что им руководила сильная Коммунистическая партия, обладавшая высоким авторитетом среди рабочих масс и прочно связанная с ними, выдвинувшая правильные лозунги, сумевшая сплотить рабочих — социалистов и католиков — в борьбе против фашизма, объединить в решающий момент все силы рабочего движения.

В Австрии же большая часть пролетариата находилась под влиянием социал-демократической партии, что объяснялось рядом исторических обстоятельств. Австрийские социал-демократы, умело прикрываясь революционными фразами, проводили на деле правую, реакционную политику. Этот наиболее опасный для того времени вид реформизма и ре-

---

* Статья написана по просьбе редакции журнала «Вопросы истории».

визионизма стал широко известен под именем «австромарксизма». Его особую коварность и утонченность в деле обмана рабочих масс неоднократно разоблачал В. И. Ленин [1].

Чтобы сохранить влияние на рабочий класс, дезориентировать его и воспрепятствовать переходу революционно настроенных рабочих в ряды Коммунистической партии, социал-демократические лидеры в своей Линцской программе (ноябрь 1926 г.), говорившей о завоевании государственной власти путем осуществления всеобщего избирательного права, заявили, что в случае, если буржуазия «вопреки ожиданиям» окажет противодействие превращению капиталистического общества в социалистическое, «рабочий класс был бы вынужден сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры» [2].

До февраля 1934 г. рабочий класс Австрии в своем подавляющем большинстве еще верил в то, что социал-демократическая партия Австрии «отличается» от социал-демократических партий других стран, готова всерьез добиваться социализма и «в случае необходимости» установить диктатуру пролетариата. Многие рабочие были убеждены в том, что социал-демократическая партия Австрии являлась «почти» коммунистической партией и считали, что правильно было бы осуществить «единство в рядах этой партии», чтобы объединить все революционные силы пролетариата.

Когда 12 февраля 1934 г. рабочие социал-демократы взялись за оружие, они все еще сохраняли веру в свою партию. Лишь в огне февральских сражений эти иллюзии у многих рабочих рассеялись, как дым. Бои 1934 г. и поражение австрийского пролетариата сделали очевидным банкротство австромарксизма, этой рафинированной разновидности реформизма и ревизионизма. История доказала, что реформизм и ревизионизм, под каким бы видом они ни выступали, могут привести лишь к одному результату: идеологическому разоружению, ослаблению и деморализации сил рабочего класса, его поражению и торжеству злейших врагов пролетариата и социализма. В этом уроке состоит огромное значение февральских событий 1934 г. для сегодняшних дней, когда современный ревизионизм зачастую использует «идейное наследство» австромарксизма.

★

В процессе фашизации Австрии большую роль сыграли межимпериалистические противоречия. Чрезвычайно уязвимое с военной точки зрения географическое положение страны (Австрия имела общие границы с Германией, Швейцарией, Италией, Югославией, Венгрией, Чехословакией и княжеством Лихтенштейн) и ее важные стратегические позиции в центре Европы сделали Австрию желанным объектом империалистических устремлений. Австрийская буржуазия сама принимала активное участие в происках империалистов, преследуя собственные цели, поскольку она никогда не могла примириться с потерей своего господствующего положения в Средней и Юго-Восточной Европе вследствие революции 1918 г. и крушения габсбургской монархии. Стремясь возвратить свое былое влияние и прежние территории, австрийская буржуазия после первой мировой войны неоднократно пыталась установить связь то с одной, то с другой империалистической группировкой, лавировала между ними. Однако в результате этой политики Австрия сама все больше попадала в тиски империалистических противоречий.

Германский империализм, как только он преодолел кризисный период первых послевоенных лет, устремил жадные взоры в первую оче-

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 6, 242—244.

[2] «Programm und Organisation der deutschösterreichischen Sozialdemokratie». Wien. 1927, S. 10.

редь на Австрию. Венгерские реваншисты также выдвинули претензии в отношении австрийской территории. Усиливались противоречия между Австрией и Италией из-за Южного Тироля, отделенного по Сен-Жерменскому договору (тем не менее часть австрийской буржуазии вскоре после захвата власти в Италии Муссолини стремилась в реваншистских целях заключить с ней союз). Франция и Англия также оказывали сильное воздействие на Австрию.

Влияние империалистических держав на Австрию обусловливалось их сильными экономическими позициями в этой стране. Франция и Англия контролировали наиболее крупные австрийские банки, Германия занимала командные позиции в горнорудной, металлургической и электротехнической промышленности, Италия — в судоходстве по Дунаю. Германский империализм имел прямую политическую агентуру в Австрии прежде всего в лице «великогерманской партии», к которой позднее присоединились антиклерикальный «Ландбунд» и австрийские нацисты. Западные державы опирались на значительные силы как внутри христианско-социальной партии, которая начиная с 1920 г. (за исключением коротких перерывов) выдвигала канцлеров, так и внутри социал-демократической партии. В то же время фашистский хеймвер и его главный представитель Штаремберг были орудием Италии. Муссолини непосредственно финансировал и снабжал оружием хеймвер и с его помощью оказывал все возраставшее давление на христианско-социальную партию.

В зависимости от ситуации на первый план выдвигалась то одна, то другая из этих трех главных сил. В 1922 г. в результате подписания Женевских протоколов англо-французское влияние стало доминирующим. Но уже в 1930 г. австрийское правительство предприняло попытку заключить таможенный союз с Германией, что, однако, ему не удалось осуществить вследствие вмешательства Франции.

После прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. противоречия сразу же заметно обострились. Австрия оказалась под прямым нажимом германских империалистов, которые теперь открыто стремились к аншлюсу. Поток германских нацистских газет и иллюстрированных изданий хлынул в Австрию. Австрийская национал-социалистская партия стала главной агентурой германского фашизма и милитаризма. Ею непосредственно руководил член германского рейхстага «имперский инспектор» Тео Хабихт. Военные организации партии — СА и СС — снабжались из Германии оружием и взрывчатыми веществами. Передачи радиостанции в Мюнхене ежедневно использовались для нападок на независимость Австрии. Из бежавших в Германию австрийских национал-социалистов был сформирован «Австрийский легион», которому предназначалась роль ударной группы в деле аннексии Австрии. Внутри австрийской буржуазии резко усилилась борьба между различными группировками. Часть буржуазии открыто вступила в союз с германским милитаризмом. Нацистская партия при этом систематически консолидировала все прогитлеровские силы в Австрии. В начале лета 1933 г. великогерманская партия, а также часть антиклерикального «Ландбунда» перешли под руководство гитлеровцев. Другая часть австрийской буржуазии, хотя и выступавшая за соглашение с Германией, но стоявшая вместе с тем за сохранение государственной независимости Австрии, ориентировалась на Муссолини, который хотел добиться для Италии господствующих позиций среди европейских держав, имевших реваншистские тенденции, и поэтому противился расширению границ Германии до Бреннера. После ряда государственных визитов австрийского канцлера Дольфуса в Италию и Венгрию в 1934 г. были подписаны так называемые римские протоколы, оформившие блок Рим — Будапешт — Вена. Это привело к тому, что непосредственная агентура Муссолини в Австрии — фашистский хеймвер — занял ключевые позиции и практически стал главной силой, определявшей по-

литику правительства. Дольфус открыто повел подготовку к установлению фашистской диктатуры в стране.

Центральный Комитет Коммунистической партии Австрии в середине 1933 г. следующим образом характеризовал международное положение страны и политику австрийской буржуазии: «Кризис версальской системы повысил значение маленькой Австрии как ключевой позиции между сферами интересов Франции, Германии и Италии. Кажущийся последовательным антигерманский курс (правительства Дольфуса. — *Е. К.*) не может затушевать того, что австрийская буржуазия остается верна своей политике лавирования, а в действительности мечется между группами держав. При этом влияние итальянского фашизма проявляется все сильнее. Фашистская диктатура в Австрии должна перебросить мост между фашистской Германией, с одной стороны, и фашистской Италией и Венгрией, с другой» [3].

★

С обострением внешнеполитических противоречий в Австрии углублялся и внутриполитический кризис. После провала попыток заключить таможенный союз с Германией великогерманская партия отказалась участвовать в правительстве христианско-социальной партии. Поскольку социал-демократы также находились в оппозиции, правительство Дольфуса располагало в парламенте большинством лишь в один голос. То, что это правительство вообще могло функционировать, объяснялось в значительной мере молчаливым согласием социал-демократических лидеров. Под тяжелым гнетом экономического кризиса, который нагляднее всего выразился в том, что в стране с 7-миллионным населением было 600 тыс. безработных, а также под влиянием все более усиливавшихся атак со стороны нацистской партии, которая начала применять методы террора, режиму Дольфуса ежедневно угрожал крах.

В этих условиях Дольфус и его сторонники, ориентировавшиеся на Муссолини, видели единственный выход из создавшегося положения в осуществлении фашистского государственного переворота, роспуске парламента и установлении неприкрытой диктатуры. Правительство использовало первый же предлог для достижения своих целей. 4 марта 1933 г. в связи с конфликтом в парламенте все три его председателя сложили свои полномочия. Правительство немедленно объявило, что парламент «сам себя распустил» и что власть перешла к правительству. 7 марта оно приняло решение о запрещении демонстраций и собраний и введении предварительной цензуры для всех органов печати. 1 мая были запрещены все манифестации, а улицы оцеплены воинскими частями. 26 мая была запрещена Коммунистическая партия, а немногим позднее и военная организация социал-демократической партии — «Республиканский шуцбунд». Деятельность социал-демократической партии и профсоюзов все более ограничивалась. Собрания этих организаций запрещались, а центральный орган социал-демократов из-за цензурных препон все чаще выходил в свет с большими белыми пятнами. В течение 1933 г. фашизация страны шла полным ходом.

Австрийский рабочий класс вполне мог отразить наступление фашизма. В тех условиях это почти целиком зависело от позиции социал-демократической партии. Она оказывала большое влияние на рабочий класс, ее организации насчитывали сотни тысяч членов. В лице «Республиканского шуцбунда» социал-демократическая партия располагала имевшей значительные склады оружия, подготовленной в военном отношении рабочей гвардией, численность которой достигала нескольких де-

[3] «Die Lage in Oesterreich und die Aufgaben der Kommunistischen Partei». «Rundschau». Basel. 4. August 1933, № 27.

сятков тысяч человек. Руководимые социал-демократами профсоюзы оказывали огромное влияние на коллективы предприятий. Социал-демократическая партия на последних парламентских выборах в 1930 г. достигла наибольшего успеха, получив 43% голосов. Она укрепила свои позиции также на выборах в ландтаги в 1932 году. Напротив, влияние ведущей правительственной христианско-социальной партии сильно упало, и его нельзя было компенсировать частичным укреплением откровенно фашистского хеймвера, находившегося в союзе с христианско-социальной партией. К тому же внутри буржуазии произошел раскол между руководимыми Дольфусом «отечественными» силами австрофашистов, которые являлись основой правительства, и национал-социалистами. Этот раскол принял такие размеры, что национал-социалистская партия в Австрии была запрещена.

Захват Гитлером власти в Германии и разгул гитлеровских банд, выступавших не только против Коммунистической, но также и против социал-демократической партии Германии, пробудили в австрийском рабочем классе стремления к усилению борьбы и сопротивлению фашизму. Широкое распространение получил лозунг «У нас не должно быть того, что происходит в Германии». Непосредственно после захвата Гитлером власти в Германии в Вене состоялась невиданная в истории страны мощная антифашистская демонстрация. Когда Дольфус 4 марта 1933 г. распустил парламент, широкие массы рабочего класса были твердо намерены нанести решительный контрудар. Эти настроения были настолько сильны, что руководство социал-демократической партии было вынуждено что-то предпринять. Карл Реннер, отставка которого с поста председателя парламента дала Дольфусу предлог для государственного переворота, назначил на 15 марта заседание парламента. Если бы было организовано широкое выступление масс в защиту этого заседания, Дольфус, без сомнения, был бы вынужден отступить. Но он знал, что руководство социал-демократической партии в действительности не хотело такого выступления, поскольку первой же реакцией правления партии на роспуск парламента был призыв «к спокойствию и благоразумию». Поэтому Дольфус объявил, что назначенное Реннером заседание он будет рассматривать как собрание, «о котором не было сообщено полиции», и следовательно, «недозволенное», и что в случае необходимости при помощи полиции он воспрепятствует его проведению.

Рабочие чувствовали, что теперь на карту было поставлено все. Поэтому они требовали от правления социал-демократической партии объявления 15 марта всеобщей забастовки и проведения массовой демонстрации пролетариата перед парламентом. 13 марта правление социал-демократической партии собралось для обсуждения этих требований. Предложение о выступлении было отклонено. Карл Реннер, руководитель правого крыла социал-демократии, ни при каких обстоятельствах не хотел борьбы. Представитель так называемого «левого» австромарксистского крыла, Отто Бауэр, не отважился начать активные действия.

Социал-демократ Отто Лейхтер в своей книге «Австрия в 1934 г.» [4], опубликованной под псевдонимом Пертинакс, рассказывает об аргументах Бауэра и Реннера на заседании правления партии. Эти аргументы ярко характеризовали капитулянтскую позицию лидеров социал-демократии, которые испытывали нажим со стороны рабочих, требовавших действий, и в то же время стремились избежать борьбы: «Необходимо готовиться к борьбе, но было бы неверным полагать, что нельзя избежать боевого выступления 15 марта. Было бы неверным вести превентивную войну, так как не произошло еще таких событий, которые действительно привели бы массы в ярость и возмущение...» [5].

[4] Pertinax. Osterreich 1934. Europa-Verlag. Zürich. 1935.
[5] Там же, стр. 182.

На деле же все обстояло как раз наоборот. Возмущение трудящихся достигло кульминационной точки, рабочие ждали лишь сигнала, но он не поступал. Заседание парламента продолжалось лишь несколько минут и было распущено прежде, чем появилась полиция. Это был бесславный конец парламента Первой республики, последовавший без борьбы. Отто Лейхтер писал о 15 марта 1933 г. в своей книге: «Этот день означал не только смерть парламента, но и тяжелый удар для широких рабочих масс. Не было такого места во всей Австрии, где рабочие, доведенные до отчаяния, не ждали бы, что вожди... позовут их. Рабочие не покидали своих квартир в ожидании призыва к освобождению» [6]. Шуцбундовцы явились в полном составе на свои сборные пункты, готовые пойти в бой во имя свободы. В самых отдаленных уголках Австрии рабочий класс ожидал того, что каждый момент может быть дан приказ. «Это была армия, которая ждала и ждала» [7]. Но ее социал-демократическое руководство, как огня, боялось революционной борьбы, вооруженного выступления рабочих. Оно искало компромисса с буржуазией против революционных рабочих.

Даже после этих дней социал-демократическая партия могла еще организовать выступление масс и преградить путь фашизму. В широких кругах беспартийных рабочих и рабочих социал-демократов тяжело переживалась горечь капитуляции. Рабочие и рядовые члены социал-демократической партии все еще питали иллюзии, что путем давления снизу им удастся заставить правление социал-демократической партии изменить свою политику или же по меньшей мере побудить Отто Бауэра вопреки сопротивлению правого крыла отдать приказ к выступлению. Однако все это так и осталось лишь ожиданием.

16 и 17 апреля 1933 г. состоялась чрезвычайная общеавстрийская конференция социал-демократической партии. К. Реннер открыто выска-

зался против выступлений. Главный оратор правления социал-демократической партии Даннеберг попытался выиграть время и удержать массы, заявив: «Если сейчас нетерпение многих тысяч пролетариев заставляет думать, что мы уже пропустили решающие часы, то я утверждаю противное: решение еще придет» [8]. Указывалось, что конференция вообще не может принять решение о выступлении. Отто Бауэр успокаивал рабочих надеждой на вмешательство западных держав. «Все еще возможно,— утверждал он,— что благодаря внешним обстоятельствам правительство сможет вернуться к конституции путем переговоров с социал-демократией» [9].

Этой надежде на готовность австрофашистов к переговорам большое значение придавалось и в последующие месяцы. На самом же деле такой готовности никогда не существовало. Как выяснилось теперь, она была придумана представителями правого крыла, причем главную роль при этом играл тогдашний председатель нижнеавстрийской организации социал-демократической партии, заместитель ландесхауптмана этой провинции Гельмер, «правая рука Реннера», ныне австрийский министр внутренних дел. Гельмер уверял членов правления партии, что благодаря хорошему контакту с Дольфусом он знает о готовности последнего при известных условиях к переговорам. Гельмеру удалось получить от правления социал-демократической партии полномочия на переговоры с Дольфусом.

В сентябре 1933 г., после нового посещения Муссолини, Дольфус объявил, что «время марксистского руководства народом и его развращения» прошло и он (Дольфус) полон решимости установить «авторитарное», то есть фашистское, правление. Одновременно Гельмер пред-

[6] Там же, стр. 186.
[7] Там же.
[8] «Arbeiterzeitung». Wien. 16. April, 1933.
[9] Там же.

ставил правлению партии следующие условия Дольфуса, при соблюдении которых последний якобы обещал отказаться по меньшей мере от роспуска социал-демократической партии: партия должна официально признать провозглашенные Дольфусом принципы «христианского сословного государства» (по итальянскому образцу), согласиться на роспуск парламента, практически прекратить свою деятельность и исключить из партийного руководства Отто Бауэра.

17 сентября совместное заседание правления социал-демократической партии и правления профсоюзов составило ответ на заявление Дольфуса. Вместо конкретных боевых решений оно выдвинуло четыре условия, при наличии которых рабочие должны были начать борьбу без специального решения руководства партии, а именно: в случае роспуска социал-демократической партии, роспуска профсоюзов, смещения с поста бургомистра Вены или опубликования фашистской конституции. Это были те «четыре пункта», в отношении которых правление социал-демократической партии надеялось, что до них дело не дойдет, если партия выполнит условия Дольфуса. Рабочий же класс воспринял эти «четыре пункта» как боевую программу.

Дольфус и его сторонники, однако, знали, что при осуществлении своих планов они могут не бояться какого-либо сопротивления со стороны социал-демократической партии. Американский историк Гулик в книге «От Габсбурга до Гитлера» писал относительно этих решений: «Руководители снова с успехом удержали от действий оппозицию, которая требовала применения быстрых мер, чтобы остановить контрреволюцию. Результатом было то, что правительство снова выиграло время и ослабило силу сопротивления рабочего класса» [10].

★

Теперь Дольфус мог идти на все. В январе 1934 г. для окончательных переговоров с ним в Вену из Италии прибыл товарищ министра иностранных дел Сувич. В конце января в Австрии была проведена мобилизация хеймвера, и фашистский переворот начался. Раньше всего под нажимом хеймвера выборное правительство провинции Тироль было заменено фашистским комитетом. При этом местный руководитель фашистов Штейдле заявил: «Теперь с парламентской игрой покончено, теперь мы начнем проводить чистку» [11]. 1 и 2 февраля были заняты партийные дома социал-демократической партии и произведены массовые аресты социал-демократических районных функционеров. 6, 7 и 8 февраля был совершен фашистский переворот в Верхней Австрии, Штирии и Бургенланде. 11 февраля главный орган реакции газета «Reichspost» опубликовала интервью с Дольфусом, в котором он говорил с присущей ему демагогией о программе фашистского переворота: «Мы сможем, по-видимому, уже в скором времени приступить к осуществлению наших планов. В последнее время верное отечеству население всех провинций во главе с преданными родине военными союзами снова со всей решительностью высказалось за мою программу. Всеобщим требованием является ее возможно быстрое выполнение. Опираясь на это требование населения, я позабочусь о том, чтобы перестройка государства была произведена возможно быстрее» [12]. Тогда же министр внутренних дел и руководитель хеймвера Фей объявил: «Завтра мы приступим к работе...» [13].

11 февраля Отто Бауэр получил телеграмму из Линца. Местные

---

[10] Ch. A. Gulick. Oesterreich von Habsburg zu Hitler. Fünf Bände. Danubia-Verlag. Wien. 4. Band, S. 227.
[11] «Neues Wiener Tagblatt», 5. Februar 1934.
[12] «Reichspost», Wien, 11. Februar 1934.
[13] Pertinax. Указ. соч., стр. 255.

шуцбундовцы сообщали ему о своем решении оказать вооруженное сопротивление фашистам, если последние попытаются захватить (такой налет ожидался) Партийный дом социал-демократической партии. Прибывший через несколько часов из Линца курьер пытался убедить Отто Бауэра призвать социал-демократическую партию к борьбе и объявить всеобщую забастовку. Шуцбундовцы хотели, чтобы Отто Бауэр, к которому они до последнего момента питали доверие, добился вопреки сопротивлению правого крыла принятия этого решения. Но даже в такой критической обстановке Отто Бауэр не дал своего согласия. Он заклинал шуцбундовцев Линца отказаться от выступления. Однако события нарастали. Когда на следующий день, 12 февраля 1934 г., вооруженные отряды полиции приблизились к Партийному дому в Линце, собравшиеся в нем шуцбундовцы открыли огонь. Так началась вооруженная антифашистская борьба. Она быстро распространилась на рабочие кварталы Линца.

Правительство немедленно мобилизовало против рабочих свои вооруженные силы. И хотя правление социал-демократической партии и правление профсоюзов знали о выступлении линцских шуцбундовцев, они не предприняли никаких действий, скрывая факты от рабочих масс. «Arbeiterzeitung» в этот день, ставший последним днем ее легального существования, поместила на видном месте статью советника венского муниципалитета от христианско-социальной партии Куншака, в которой он выступал за «примирение». Тем самым создавалось впечатление разрядки напряженности, в то время как кровь уже лилась!

Рано утром Дольфус уже дал распоряжение занять Партийный дом социал-демократической партии в Вене, сместить социал-демократического бургомистра столицы и назначить вместо него правительственного комиссара. Дольфус подписал распоряжение о роспуске социал-демократической партии, Свободных профсоюзов, а также всех других рабочих организаций, о конфискации их имущества и введении военно-полевых судов.

Создалась та самая обстановка, о которой говорилось в «четырех пунктах», когда рабочие должны были выступить, не дожидаясь дальнейших указаний правления социал-демократической партии. Однако «Arbeiterzeitung» даже в этот момент обманывала рабочий класс. Не поступало ни лозунгов, ни указаний, ни сообщений о действительном положении дел. Только после того, как просочились сообщения о боях в Линце, рабочие в остальных частях Австрии начали свое выступление.

В середине дня 12 февраля рабочие венской электростанции выключили ток. Остановились трамваи, станки также прекратили работу. Вся Вена внезапно затихла. Для части рабочих положение стало теперь ясным. Шуцбундовцы спешили на свои сборные пункты, которые находились главным образом в больших коммунальных квартирах. Некоторые из этих квартир были уже заняты полицией, хеймверовцами и солдатами. В других местах шуцбундовцам удалось своевременно получить оружие и подготовиться к борьбе.

Однако у правительства было преимущество перед рабочими в несколько часов. Все стратегически важные пункты были заняты правительственными и полицейскими частями. В большинстве случаев вооруженным шуцбундовцам вместе с коммунистами, а также другими рабочими не оставалось ничего другого, как с самого начала вести оборонительные бои в крупных жилых кварталах, в домах имени Карла Маркса, Энгельса, Гёте, Карла Либкнехта, в рабочем доме в Оттакринге и во многих других.

В отдельных случаях рабочие предпринимали попытки занять стратегически важные пункты, как например, крупнейший газовый завод в Вене. Однако железные дороги продолжали работать. Только в не-

скольких местах вооруженным рабочим удалось временно прервать сообщение. Центры, где велись бои, находились друг от друга на значительных расстояниях. Сообщение между ними по железным дорогам контролировалось правительством. Поэтому последнее могло почти беспрепятственно перебрасывать свои вооруженные силы из одного пункта в другой.

Рабочий класс был захвачен врасплох. Из-за неверной информации со стороны правления с.-д. партии среди рабочих до самого последнего момента царила полная неясность в отношении создавшегося положения, вследствие чего правительство смогло выиграть время и вынудить рабочих к обороне.

Тем не менее правительство было в критическом положении. Хотя отдельные центры сопротивления пали, а военные суды уже вынесли первые смертные приговоры и палачи приступили к работе, правительство не смогло овладеть положением. Вечером 12 февраля образовались новые центры сопротивления, а 13 февраля в борьбу включились рабочие многих других городов. Вскоре бои разгорелись и в провинции, прежде всего в рабочем городе Штейре, во всем верхнеавстрийском угольном районе Вольфсегг-Траунталь, в Граце, в металлургическом районе Штирии с центром в Леобене и во многих других местах.

Но в каждом центре сопротивления рабочие вынуждены были действовать на свой страх и риск; они не имели связи друг с другом, отсутствовало общее руководство борьбой. Выступив, шуцбундовцы оборонялись, а не наступали. Правление социал-демократической партии разбежалось. Отто Бауэр и военный руководитель шуцбунда Юлиус Дейч уже перешли чехословацкую границу. Реннер и Гельмер, которые даже в период начала боев сидели в приемной Дольфуса, чтобы «вести с ним переговоры», дали там себя арестовать. Под арестом они чувствовали себя более надежно, чем в гуще вооруженных рабочих, среди которых царило глубокое возмущение предательством со стороны руководства социал-демократической партии.

В провинции Нижняя Австрия, в центре которой находится Вена, среди социал-демократов с давних пор главенствовали Реннер и Гельмер, которые уже давно сделали местный шуцбунд неспособным к действиям. За исключением отдельных разрозненных выступлений в Нижней Австрии не было боев. Поэтому правительство смогло замкнуть Вену в кольцо, которое становилось все у́же, и подавить один за другим центры сопротивления, в ряде случаев с помощью артиллерии.

Четыре дня продолжалась борьба. Героизм почти 20 тыс. рабочих, взявшихся за оружие, не смог предотвратить поражения, виновниками которого были лидеры социал-демократов. Австрофашизм мстил самым жестоким образом. Военные суды выносили один смертный приговор за другим. Тысячи рабочих были брошены в тюрьмы. В сознании рабочих масс после 12 февраля 1934 г. произошел глубокий перелом. Многие тысячи рабочих — социал-демократов, в первую очередь активные участники февральских боев, извлекли урок из предательства и банкротства австромарксизма. Многие из них начали вступать в Коммунистическую партию, вставая на позиции марксизма-ленинизма.

В каком же положении находилась тогда Коммунистическая партия Австрии? Накануне и в дни февральских боев она была немногочисленной. В рядах Коммунистической партии насчитывалось в то время до трех тысяч человек. Но их борьба и работа в массах дала свои результаты.

Компартия сыграла значительную роль в развертывании борьбы; она вела энергичную кампанию за революционный выход из кризиса, призывала в те грозные дни австрийский пролетариат ко всеобщей политической стачке. Коммунистическая партия в февральские дни и после февральских боев проводила такую политику, которая открывала ей путь

к массам: коммунисты активно и самоотверженно боролись против фашизма в первых рядах австрийского пролетариата; компартия последовательно проводила политику единого фронта; она руководила борьбой в защиту и за восстановление свободных профсоюзов, шуцбунда, массовых организаций, в то время как социал-демократические лидеры бросили эти организации на произвол судьбы. Все это привлекло к Коммунистической партии симпатии и доверие масс.

После февральских боев в течение нескольких недель Компартия превратилась в нелегальную массовую партию, которая насчитывала уже тысячи активных членов и оказывала все большее влияние на массы рабочего класса.

Как известно, 25 июля 1934 г. Дольфус был убит гитлеровскими бандитами. Его преемник Шушниг через четыре года без борьбы капитулировал перед Гитлером и предал независимость Австрии. Австрофашизм, обосновывавший установление своей диктатуры необходимостью защиты независимости Австрии против угрозы германской аннексии, оказался неспособным отстоять независимость страны, стал ее могильщиком. Австромарксизм, эта утонченная разновидность реформизма и ревизионизма, который оправдывал свою политику ссылкой на то, что он является оплотом демократии, фактически предал страну, шаг за шагом отступал перед реакцией и принес рабочему классу поражение в борьбе против фашизма.

Вожди социалистической партии не учли уроков февральских событий 1934 года. Такие люди, как Реннер и Гельмер, порвали (в том числе и формально) последние связи с марксизмом.

Теперь некоторые круги в руководстве СПА сделали основой своей политики антикоммунизм, проповедуют враждебность по отношению к Советскому Союзу и другим странам социализма. В принятой в прошлом году программе СПА главный тезис сводится к тому, что эта партия является якобы защитницей и оплотом демократии. Но предыстория и история событий 12 февраля 1934 г. уже показали, что политика СПА не гарантирует защиты демократии, она лишь укрепляет реакцию. Недавние события вновь подтвердили это. Если австрийская народная партия после своего основания в 1945 г. долгое время не решалась изображать себя наследницей христианско-социальной партии Зейпеля и Дольфуса и отрицала всякую связь с ними, то теперь вследствие политики СПА народная партия чувствует себя снова достаточно сильной, чтобы открыто заявить о своей связи с реакционным прошлым. В руководстве АНП высказываются мнения, что народная партия не может отказаться от обязанностей, возложенных на нее «заветами Зейпеля и Дольфуса», и что эта ответственность велика и «никто не может ее избежать». Австрийская народная партия отклонила проведение официального празднества по поводу сорокалетия со дня провозглашения Австрийской республики, что вызвало сильное возмущение не только среди рабочих-социалистов, но и среди всех демократов и республиканцев. Однако центральный орган СПА, газета «Arbeiterzeitung» выступила с оправданием народной партии и в целях успокоения рабочих-социалистов писала 9 ноября 1958 г.: «Какой бы ни была сегодняшняя позиция австрийской народной партии по отношению к республике, это не монархизм».

Вскоре, однако, сделалось известным, что уже продолжительное время между Отто Габсбургом, с одной стороны, канцлером Раабом и министром внутренних дел Гельмером — с другой, ведется переписка относительно возвращения О. Габсбурга в Австрию, правда, вначале еще не в качестве «императора», а в качестве «политического деятеля». 7 декабря 1958 г. «Arbeiterzeitung» писала: «Мы, социалисты, говорим коротко и ясно, что не будем возражать против возвращения Габсбурга лишь в том случае, если он приедет без намерения потребовать уничто-

жить конституцию». Словно он может прибыть с какими-либо другими намерениями!

Тем не менее руководство СПА полагает, что нужно «чтить законы демократической республики, проявлять свободу мнений и терпимость также в отношении Габсбурга». При этом, конечно, каждому ясно, что Габсбург собирается прибыть в Австрию не как «частное лицо» и «республиканец», что он давно уже любимец агрессивных кругов США, под эгидой которых в настоящее время и «содержит двор» в аденауэровской Германии. В претензиях Габсбурга на прежние страны габсбургской монархии его покровители усматривают средство борьбы против социалистических стран Центральной Европы. Поэтому они пытаются снова переселить Габсбурга в Австрию, сделать его центром притяжения для всех антидемократических и антиреспубликанских сил в стране.

Руководители социалистической партии хотят скрыть от рабочего класса опасность, связанную с планами реставрации Габсбургов и с надеждами, которые возлагают на него империалистические агрессоры. Подобную же позицию занимают многие деятели СПА — О. Поллак, К. Чернец и др. и в отношении растущей угрозы Австрии со стороны усиливающегося германского милитаризма. Вместе с некоторыми реакционными политиками австрийской народной партии они не только отрицают и скрывают эту угрозу, но и открыто становятся на сторону Аденауэра, восторженно одобряют и поддерживают его политику, характеризуя ее как якобы «опору свободного (читай: капиталистического) мира против коммунистической опасности». Ясно, что такая политика не может принести ничего хорошего и что она полностью противоречит урокам, за которые австрийский рабочий класс заплатил кровью 12 февраля 1934 года.

ИСТОРИОГРАФИЯ

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ОТКРЫТИЙ

Академик М. Н. Тихомиров

Не приходится доказывать громадное значение письменности для культуры любого народа. Это особенно понятно нам, советским людям, видящим и живо ощущающим беспримерные достижения в культурном развитии в прошлом угнетенных народов царской России. Возрожденные к жизни Великим Октябрем, эти народы достигли ныне вершин культуры.

Одним из крупнейших событий в истории мировой культуры было создание славянского алфавита. Не случайно поэтому вопрос о начале славянской письменности давно уже занимает ученых всего мира, и прежде всего русских, украинских, белорусских, болгарских, чешских и румынских. Однако разрешение его до последнего времени затруднялось тем, что количество памятников, сохранившихся от ранних веков славянской письменности, очень невелико. К тому же многие из них не датированы, что порождает различного рода домыслы о том, когда и где появился данный памятник,— неизбежное следствие наших недостаточных палеографических сведений.

Изучение славянской письменности получило новый толчок, когда ученые обратились к материалам в виде различного рода надписей, которые долго оставались неизвестными и только в последнее время стали достоянием науки. Правда, еще акад. Ф. И. Успенский произвел раскопки болгарской столицы Абобы-Плиски, что дало громадный материал для истории начальной болгарской письменности[1]. Но надписи из Абобы-Плиски, опубликованные Ф. И. Успенским, были по преимуществу сделаны греческим алфавитом, а отдельные буквенные начертания, в какой-то степени напоминавшие славянские, остались неразобранными.

Тем большее значение имели новые изыскания на месте древней столицы Болгарии — Преславы, или Великой Преславы, опубликованные в интересной книге Веры Ивановой[2]. В этой книге с большой полнотой изучены древние надписи, преимущественно сделанные кириллицей, причем найденные не только в самой Преславе, но и в других районах Балканского полуострова. Особый интерес представляет надпись X в. на могиле Мостича, которая гласит: «Здесь лежит Мостичь черьгобыля, бывший при Симеоне царе и при царе Петре, восемьдесят лет, оставил черьгобыльство и все имение, был монахом и в том кончил жизнь свою».

Вольный перевод дает, быть может, неточное представление о надписи, поэтому в примечании привожу ее текст, сохраняя по возможности орфографию[3].

[1] Об Абобе-Плиске в недавнее время появилась брошюра Д. Кранджалова: Dimitr Krandžalov. Architektura budov a stavebni materiály v domnělé Plisce (Zvláštni otisk ze Sborniku Vysoké skoly pedagogické v Olomouci. Historic V. 1958).

[2] Вера Иванова. Надписът на Мостич и преславкият епиграфски материал. София. 1955. См. ее же. Два надписа от Асеновци. Баташовският и Врачанският («Известия на Българския археологически институт», XV. София. 1946).

[3] «Сьде лежитъ мостичь чрьгобыля бывыи при Симеоне цари и при Петре цари осмнуже десять летъ сы оставивъ чрьгобыльство и вьсе имение бысть чрьноризьць и въ томь сьврьши жизнь свою». Вера Иванова. Указ. соч., стр. 52.

В. Иванова подробно останавливается на палеографических особенностях надписи и убедительно показывает, что надпись на надгробной плите Мостича была сделана именно в X веке. «Мостич» — это личное имя, а не фамилия или прозвище. Автор указывает на возможное словопроизводство его от «место», «Местичь». По-русски «местичь» обозначает жителя города или селения. Вместе с тем В. Иванова отмечает и существование племенного названия «Мостичи» у лужичан, а также местное название «Мостисти» в Греции (провинция Ахайя), которая в свое время была заселена пришлыми славянами. Кажется, второе словопроизводство и должно быть признано более правильным, так как слово «местичь» появляется в наших источниках сравнительно поздно, да и в самой надписи погребенный назван Мостичем.

В. Иванова объясняет слово «чергобыль» (чрьгобыль) как название должности, указывая и на то, что титул или должность чергобыля упоминаются в византийских источниках. Это была военная должность. Самый термин, видимо, надо выводить из праболгарского языка. Вторая частица слова — «быль» — встречается и в староболгарских и в русских памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве», где говорится о черниговских «былях». В этом сближении надписи Мостича со «Словом о полку Игореве» надо, возможно, видеть еще одно напоминание о том, что древнерусский памятник конца XII в. не случайно говорит о Дунае, Траяне и Трояновой тропе. Это указывает на связи староболгарской и древнерусской письменности и фольклора.

В книге В. Ивановой мы найдем снимки, сделанные из других ранних славянских надписей, что само по себе ценно.

Надпись Мостича в Преславе явно перекликается с другой надписью, найденной в Добрудже, которой посвящена специальная статья Д. П. Богдана. Статья помещена в сборнике, издаваемом Ассоциацией славистов Народной Республики Румынии под общим названием «Романославика» («Romanoslavica») [4]. В 1958 г. было выпущено три тома этого сборника, посвященного IV международному съезду славистов. Нельзя не отметить, что румынское издание является ценным начинанием, показывающим, какая большая работа по изучению румыно-славянских связей ведется в Румынской Народной Республике. Можно только пожалеть, что Академия наук СССР до сих пор не начала (этот упрек относится одинаково и к Отделению исторических наук и к Отделению языка и литературы) издание подобного рода сборников. До сих пор даже не решен вопрос о том, нужен ли специальный журнал, посвященный истории, языку и литературе славянских стран. Обзор «Romanoslavica» не входит в мою задачу, поэтому я постараюсь осветить только те вопросы, которые имеют непосредственное отношение к теме данной статьи и получили отражение в названном сборнике.

Добруджинская надпись открыта румынским ученым Э. Комша при исследовании остатков укрепленного римского лагеря в селе Мирчеводе. Здесь был найден известковый блок с надписью 943 г., начало которой утеряно. Слепок с надписи был получен покойным академиком Б. Д. Грековым и передан мною по его поручению в Государственный исторический музей (в залах которого он, к сожалению, почему-то не выставлен).

Исследование Д. Богдана, посвященное этому камню, представляет собой глубокий палеографический и лингвистический анализ остатков надписи. К счастью, сохранилась дата ее составления: 6451 г. по византийскому летосчислению, то есть 943 год. Тщательный анализ, проведенный Д. Богданом, подтверждает, что надпись действительно относится к X в. и по своим начертаниям похожа на надписи в Преславе и на Гнездовскую надпись того же столетия, найденную Д. А. Авдусиным под Смо-

[4] «Romanoslavica». Тт. I—III. Бухарест. 1958.

ленском. В переводе и трактовке Д. Богдана надпись звучит следующим образом: «...против греков в 6451 году при Дмитрии Жупане» [5].

Автор считает, что она была сделана неким болгарским жупаном Дмитрием, который после победы, одержанной им, распорядился соорудить этот памятник. Вероятно, замечает проф. Богдан, речь идет о набеге мадьяр на византийцев через Фракию и Болгарию, имевшем место в апреле 943 г., о котором повествуют византийские летописи (стр. 94).

Соглашаясь с тем, что в надписи говорится о болгарском жупане Дмитрии, я позволю себе предложить некоторую иную трактовку обстоятельств возникновения надписи. Возможно, что имеется в виду тот поход Руси на Византию, который в русской летописи приурочен к 944 году. По свидетельству летописи, русский князь Игорь направился на Византию в ладьях и на конях вместе с союзными печенегами. Он достиг только Дуная и повернул обратно, получив дары от византийского императора. Правда, летопись упоминает и о мадьярском походе 943 г., но настаивать на точности хронологии летописей и хроник, да еще при разнице в один год, очень трудно. Нельзя не обратить внимания на то, что камень найден в Добрудже, где лежал обычный путь русских войск и печенегов, двигавшихся в Болгарию. Надпись, подобная Добруджинской, но только не на славянском, а на греческом алфавите, открыта также у берегов Дуная, в районе древней Силистрии или Дристра. Она была сделана при Феодоре Олгутракане, князе (комите) в Дристре. Добруджинская плита также найдена на севере Болгарии, подвергавшейся многократным нападениям печенегов и русских.

Какими бы ни были, однако, причины установления памятного камня в Добрудже, само его существование крайне показательно. Проф. Богдан совершенно прав, когда называет Добруджинскую надпись древнейшей датированной славянской надписью, сделанной кириллицей. Надписи в Преславе и Добрудже убедительно показывают, что кириллица была распространенным письмом в X столетии.

Открытия в области славянской эпиграфики вызвали появление новых трудов, ставящих своей задачей объяснить историю создания славянских алфавитов. Здесь прежде всего следует остановиться на исследованиях Е. Георгиева.

В своей книге «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» болгарский ученый доказывает, что кириллица возникла еще до Кирилла и Мефодия, «по тому же примеру, по которому создали свое письмо и финикийцы, и греки, и римляне». Кириллу же и Мефодию принадлежит создание глаголицы, а не кириллицы. «В то время, как Кирилл и Мефодий, а особенно Мефодий,— пишет Е. Георгиев,— распространяют глаголическую письменность в Моравии и Паннонии, после официального крещения Болгарии Борисом, некоторые из славяно-болгарских духовных лиц, возведенные Борисом в более высокий сан, с целью противостоять греческому влиянию, и знакомые со славянизированной греческой азбукой, которую теперь называем кириллицей, открывают ей широкий простор в болгарской церкви, в болгарских монастырях и болгарской культуре. Это письмо распространяется все быстрее и быстрее, и скоро Борис его делает официальным болгарским письмом. После смерти Мефодия его ученики переносят в Болгарию и глаголицу» [6].

Нельзя сказать, чтобы теория Е. Георгиева являлась совершенно новой, что, впрочем, отмечает и сам автор. Уже Шафарик предполагал, что глаголица была изобретена Кириллом и Мефодием, а кириллица, несмотря на свое название, не является произведением славянских перво-

[5] По возможности передаем эту надпись в орфографии подлинника: «...зи гьрецехь (в)ь лето 6451 (п)ри деимитре бъ ...жоупане». Д. П. Богдан. Добруджинская надпись 943 г. Палеографический и лингвистический очерк. «Romanoslavica». Т. I, стр. 93.

[6] Проф., д-р Емил Георгиев. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. Изд. Болгарской академии наук. София, 1952, стр. 83.

учителей. Такой же точки зрения придерживался и русский славист В. Н. Щепкин. Однако книга Георгиева обогащена большим количеством новых данных, до него еще полным образом не освоенных наукой. В частности, исследование Е. Георгиева убедительно свидетельствует о том, что кириллица была распространенным письмом уже в X веке. Автор обосновывает свой взгляд анализом славянских надписей и памятников X—XI веков. Он показывает широкое развитие кириллицы в Болгарии и близкую связь этого письма с греческим алфавитом, отмечая, что греческое мышление и греческий навык писания выявляется в основе некоторых букв.

Свою точку зрения на начало славянской письменности Е. Георгиев изложил и в других работах. Особенно интересен его труд, посвященный школам письменности в средневековой Болгарии[7]. В нем ставится и отчасти разрешается вопрос о характере болгарской письменности на примере ее крупнейших средневековых центров — Преславы и Охриды.

Свои взгляды на начало славянской письменности Е. Георгиев как бы суммировал в докладе («Расцвет славянской письменности в Болгарии в IX веке») на Берлинском совещании славистов[8]. Небольшие размеры доклада и отсутствие аппарата не позволили автору полностью аргументировать свои положения. В этом докладе автор особое внимание обратил на деятельность царя Бориса.

Для доказательства своей гипотезы о происхождении кириллицы Е. Георгиев привлекает как эпиграфические, так и литературные источники: сказания, жития и т. д. Автор рисует Болгарию IX—X вв. как страну с развитой письменностью и литературой, на что указывают произведения «черноризца Храбра» и Иоанна Экзарха. Обоснованным представляется и тезис о том, что развитие болгарской литературы было тесно связано с процессом феодализации. Об этом свидетельствуют уже самый факт принятия христианства и упорное сопротивление христианизации со стороны болгарских старшин, восставших против князя Бориса.

И все-таки вопрос о времени и причинах возникновения двух славянских азбук и глаголицы нельзя признать решенным и после появления трудов Е. Георгиева. Краткая глава о глаголице в его книге не удовлетворяет исследователя, тем более, что тексты, цитируемые в ней, говорят скорее о кириллице, чем о глаголице. Сам «черноризец Храбр» пишет, что Кирилл создал письмена отчасти «по чину греческих писмен», отчасти же «по словенстей речи». «По чину», то есть по порядку, или по образцу греческой азбуки, но с применением букв к славянскому языку. Нельзя согласиться с мнением Е. Георгиева, что жития Кирилла и Мефодия говорят именно о глаголице, так как речь идет о создании «новой» азбуки, а «новой азбукой может считаться только глаголица, поскольку кириллица настолько сходна с греческой азбукой, что болгарские книжники не стали бы приписывать создание кириллицы Константину-Кириллу». При всем своем сходстве с греческими письменами кириллица была и является особой, новой азбукой: значительная часть ее букв выражает звуки, которые греческая азбука не знала. Если придерживаться взгляда автора на значение термина «новая азбука», то всякая азбука, основанная на русском алфавите, в применении к нерусским народам также не должна считаться новой.

Не ясно также, почему создание кириллицы необходимо приписывать князю Борису. Ведь если ранние славянские надписи, допустим VII или VIII вв., до сих пор не найдены, то это еще не может являться доказательством, что их не существовало. Напомним о тех буквенных знаках,

[7] Емил Георгиев. Създаването на преславската и охридската книжовни школе в средневековна България. София. 1955.

[8] Das Aufblühen des slavischen Schrifttums in Bulgarien im IX. Jahrhundert (Vorträge auf der Berliner Slawistentagung. 11.—13. November. 1954. Akademie Verlag. Berlin. 1956).

которые были открыты в Абобе-Плиске. Среди них можно найти варианты некоторых славянских букв. И в надписях болгарских царей, выполненных греческими буквами, имеются слова негреческого происхождения, вероятно, не очень точно переданные греческими буквами.

Неразрешимые противоречия возникнут перед нами, если мы станем приписывать создание глаголицы Кириллу, а кириллицы — творчеству болгарских книжников IX века. Нам нужно будет ответить на вопрос, почему на протяжении веков глаголическая письменность удерживалась именно в Хорватии, тогда как глаголица и кириллица существовали одновременно в самой Болгарии и т. д.

Древние славянские авторы восторженно отзывались о деятельности Кирилла и Мефодия — создателях славянской азбуки. В русской летописи читаем рассказ о начале славянской письменности, восходящий к особому источнику, по крайней мере, XI века. Летописец пишет, что славянская грамота была создана в Моравии, «яже грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских». Что же это была за грамота, созданная в Моравии и одинаковая для Руси и Болгарии? Вероятно, кириллица. Сохранившиеся русские памятники, как правило, написаны не глаголицей, а кириллицей. Когда же были перепутаны названия двух азбук, когда глаголица сделалась кириллицей, а кириллица глаголицей? Этот и другие вопросы, естественно, возникают перед нами, но исчерпывающего ответа на них мы не получаем, в частности, и потому, что источники, рассказывающие о деятельности Кирилла и Мефодия, крайне противоречивы, глубокой же критики их мы еще не имеем. Каждый автор черпает из этих источников, в сущности, те сведения, которые согласуются с его гипотезами.

В пределах краткой рецензии трудно дать развернутую критику гипотезы Е. Георгиева. Отметим только, что некоторые особенности кириллицы заставляют связывать ее именно с деятельностью Кирилла, в частности, наличие в кириллице таких букв, как «ш», которую сам проф. Георгиев считает заимствованной из еврейского алфавита. Последнее легче всего объяснить миссией Кирилла в Хазарию, а не еврейским влиянием в Болгарии. Ссылки Е. Георгиева на библейские имена болгарских царей (Самуил и др.) столь же мало говорят о еврейском влиянии в Болгарии, как и библейские имена новгородских посадников и тысяцких в XIII—XV веках. В частности, имя Авраам (Абрам) принадлежало к числу самых распространенных в русской деревне и нашего столетия.

Критическое отношение к гипотезе Е. Георгиева, конечно, не означает, что она не заслуживает внимания. Автор поднял важные вопросы, связанные с началом славянской письменности, и дал им интересное решение. Будем ждать от этого неутомимого выдающегося исследователя ранней славянской письменности новых трудов.

Е. Георгиев в своих трудах ограничивается пределами Болгарии. Между тем трудно сомневаться в том, что славяне, жившие на территории Византийской империи (а мы знаем о большом количестве славянских поселений в районе Салоник), приняли христианство значительно раньше, чем болгары. Христианство же требовало применения письменности, так как без церковных книг нельзя было производить богослужение.

На славянские области Византийской империи как места создания славянской письменности и обращает внимание проф. И. Дуйчев. В своей статье он говорит о византийско-славянских отношениях и попытках создания славянской азбуки уже в первой половине IX века. И. Дуйчев правильно отмечает громадное значение славянского вопроса в Византийской империи. Приводим резюме его статьи: «Для византийских правителей приобщение к греческому языку, христианской вере и византийской культуре представляло одно из самых верных средств воздействия

на славян в пределах империи или вне ее границ. Эта политика ассимиляции применялась прежде всего к подданным империи — славянам — и дала хорошие результаты. Однако христианизация славян шла исключительно медленно или оказывалась поверхностной и недолговечной. Это происходило главным образом потому, что проповедь и богослужение велись на греческом языке и оставались более или менее непонятными для славянского населения.

Таким образом, византийские церковные и светские власти давно пришли к убеждению, что христианская проповедь и богослужение могут дать результаты только в том случае, если они будут совершаться на соответствующих национальных языках. Такое признание национальных языков привело, вполне естественно, и к признанию необходимости национальной письменности. Византийская империя не признавала вообще теории триязычия, не допускавшей национальные языки в христианскую проповедь и богослужение. Стремления приспособить греческую и латинскую азбуку к языку славян не привели к удовлетворительным результатам. В пространном житии Кирилла указывается, что попытки создания славянской азбуки производились во времена императоров Михаила II и Феофила, как и «многими другими», однако безрезультатно. Константин Философ—Кирилл создал первую оформленную славянскую азбуку — глаголицу, имея в виду христианизаторскую миссионерскую деятельность среди южных славян (то есть около 855 г., как следует толковать указания Черноризца Храброго). Однако обстоятельства заставили использовать ее прежде всего западными великоморавскими и паннонскими славянами. В своей работе над оформлением славянской азбуки Константин Философ, конечно, учел предыдущие попытки приспособления греческого письма как средства выражения славянской речи. Так, первая «устроенная» славянская азбука явилась делом одаренного филолога и знатока славянского и греческого языков, но в то же время утверждала опыт и достижения предыдущих поколений»[9].

Высказывания проф. Дуйчева ведут, как видим, в совершенно другую область, чем это делалось раньше,— в византийские владения на Балканском полуострове, где жили славяне. Громадное значение славянского элемента на этой территории видно уже из того, что славяне окончательно возобладали в Болгарии в IX в., когда болгары приняли христианство. Поэтому переносить центр тяжести только в пределы собственно Болгарии, полностью игнорируя славян Византийской империи, не представляется достаточно обоснованным. В сущности, миссия Кирилла и Мефодия исходила из мысли о необходимости вести церковную службу для славян на родном языке, без чего христианизация была бы крайне затруднена. Не надо забывать и того, что в пределах Византийской империи для славян были изданы особые законы. В. В. Васильевский, а вслед за ним и современные советские ученые отмечают, что такие византийские юридические памятники, как Эклога, отразили некоторые особенности славянской жизни. Поэтому статья проф. Дуйчева вызывает не только большой интерес, но и заново ставит вопрос о целом ряде памятников подобного типа, как, например, Закон Судный людем, который, по моему мнению, высказанному еще до появления статьи проф. Дуйчева, мог возникнуть в болгарской среде, но не обязательно в Болгарском царстве.

Новейшие труды болгарских ученых подводят нас к мысли о том, что письменность у славян, как и у других народов, не была плодом работы одного гениального творца и не могла появиться на пустом месте.

---

[9] И. Дуйчев. Въпросът за византийско-славянските отношения и византийските опити за създаване на славянска азбука през първата половина на IX век («Известия на Института за Българска история», № 7. София. 1957, стр. 264—265).

В этом смысле весьма интересна статья Ф. Реппа, дающая много материала для суждения о культурной обстановке, в которой развивалась деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии [10]. Становятся ясными и причины позднейшего торжества латинской письменности в пределах Чехии и Моравии. Впрочем, нельзя не пожалеть, что автор не учел некоторых русских работ, выпущенных даже в дореволюционное время, в первую очередь книгу проф. Суворова о следах западноевропейского влияния в русской письменности. Вопрос о западном, латинском влиянии на славянскую письменность имеет гораздо больший интерес, чем ему обычно придается. Вот почему и сопоставление некоторых славянских и германских памятников, проведенное Ф. Реппом, весьма полезно.

Широкое распространение славянской письменности в пределах Юго-Восточной Европы было фактом исключительного культурного значения. В этом смысле интересна статья П. Олтяну «О зачатках славянской культуры в северной Трансильвании и в Марамуреше» [11]. Автор убедительно показывает ту огромную роль славянской письменности, которую она сыграла в Трансильвании. Отметим в том же томе и ценную статью Вал. Костэкела «Общность терминологии «Русской Правды» и румынских средневековых памятников» [12].

Тщательное изучение надписей в соединении с археологическими и лингвистическими исследованиями многое объяснит в начальной славянской письменности. В связи с этим следует указать на пристальное внимание болгарских и румынских ученых к ранним славянским памятникам. Так, проф. Б. Ангелов напечатал краткое житие Кирилла Философа, имеющее большой интерес и требующее специального изучения [13].

В самом деле, многие источники по истории деятельности Кирилла и Мефодия до сих пор еще внимательно не изучены. Вероятно, этим объясняются странные противоречия, которые имеются в трудах ученых, иногда по-разному трактующих одно и то же известие. Возьмем для примера известие о том, что Константин (Кирилл) нашел в Херсоне евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами. Е. Георгиев считает эти письмена русскими, то есть принадлежащими русским, или восточным, славянам. Тогда становится понятным, каким образом Кирилл быстро овладел русским языком, на котором написаны были евангелие и псалтырь. Ф. Репп придерживается старого мнения, что Кирилл нашел готские письмена. Он исходит из мысли, что русскими в Крыму IX столетия могли быть только готы. Таким образом, Ф. Репп практически защищает так называемую готскую теорию происхождения Руси, не замечая того, какие серьезные и ошибочные выводы следуют из такого заключения.

Между тем почему нельзя допустить возможность существования в Крыму в IX в. несовершенных славянских письмен, выраженных хотя бы теми же греческими буквами? Ведь договоры русских князей с византийскими императорами говорят о заинтересованности Руси в делах Херсонеса («Корсунской страны»). К тому же, если даже признать невозможность существования «русской» славянской азбуки в IX в., то разве нельзя допустить наличия анахронизма в самом памятнике? Если евангелие и псалтырь были написаны готскими письменами, то возникает вопрос: каким образом за свое короткое пребывание в Крыму Кирилл усвоил готский язык, с которым он прежде не был знаком? Во всяком случае, нужно как-то более внимательно оценить достоверность изве-

[10] Deutsch-slavische Kultur-beziehungen auf dem Raume Österreichs vor Kirill und Method (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, 11.—13. November. 1954. Akademie-Verlag. Berlin. 1956).

[11] «Romanoslavica» T. I, стр. 169—197.

[12] Там же, стр. 73—87.

[13] Боню Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София. 1958.

стия об евангелии и псалтыри, которые были написаны русскими письменами в Крыму в IX в., основываясь и на археологическом материале. Ведь раскопки в Херсонесе обнаружили существование каких-то знаков на кирпичах и черепице, отчасти сходных с кирилловскими буквами, в частности с малым и большим юсами.

Чрезвычайный интерес к такому громадному культурному перевороту, каким явилась славянская письменность в кирилловском начертании, лежащая в основе русского, болгарского, украинского, белорусского, сербского алфавитов и долгое время лежавшая в основе первоначальной румынской письменности, заставляет с особым вниманием отнестись к начальному периоду славянской письменной культуры. Далеки от нас времена славянских первоучителей — Кирилла и Мефодия, малопонятны старинные сочинения русских и болгарских писателей, подобных Иоанну Экзарху или Илариону Киевскому, но «Слово о полку Игореве» уже близко и современным читателям как замечательное произведение средневековой поэзии.

Появление письменности на Руси было великим прогрессом, который в свое время отметил русский писатель XI в., составивший похвалу книжному учению и сравнивший книги с источниками мудрости. К сожалению, этими первоначальными источниками мудрости в настоящее время мы занимаемся чересчур слабо. Замечательные эпиграфические памятники, привезенные с Северного Кавказа два—три года тому назад, до сих пор остаются неизученными. Недавно я получил письмо от З. Р. Пчелиной, в котором рассказывается о том, что крест с надписью XI в. валяется разбитым на дворе Ставропольского музея, и т. д., и т. д.

Не пора ли Академии наук СССР серьезно подумать о русской эпиграфике? Работу по составлению корпуса Боспорских надписей на греческом и латинском языках возглавляет крупнейший специалист — акад. В. В. Струве. А кто стоит во главе славянской эпиграфики, кто ее направляет, кто ею интересуется? Вот тот вопрос, который хотелось бы задать соответствующим организациям. Неужели сейчас, в эпоху атомной энергии, реактивных самолетов, железных дорог и автомобилей, привезти плиту или крест с надписью труднее, чем в конце XVIII в., когда русская историческая наука впервые познакомилась со знаменитым тьмутараканским камнем?

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI в. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

В. Ф. Семенов

За последние годы история Англии XVI в. стала предметом особого внимания английских буржуазных историков. Ученые самых различных политических направлений — консерваторы, либералы, лейбористы — посвятили этой эпохе ряд крупных общих и специальных трудов. Работы Мэкки [1], Рауза [2], Вильямсона [3], Гаррисона [4], Биндофа [5], Ниля [6] и Эльтона [7] наглядно свидетельствуют об интересе к «тюдоровской Англии» [8]. XVI век привлекает к себе внимание английской буржуазной науки как период экономических, политических и культурных успехов Англии, как начало ее морского и колониального могущества, время победы над таким мощным врагом, как Испания Филиппа II. Самая династия Тюдоров, правившая в XVI в., приобретает в оценке названных историков черты династии королей-самодержцев, обладавших всей полнотой власти и уверенной рукой якобы ведших страну к «славе» и «процветанию». «Золотой век Тюдоров» — так характеризует историю правления этой династии один современный либеральный историк [9].

Классовый и политический смысл такого увлечения «тюдоровским периодом» вполне понятен. Он вытекает из современного положения Англии, международное значение которой в результате первой и особенно второй мировых войн значительно уменьшилось. Британская империя распадается на наших глазах. Все более возрастает зависимость английских правящих кругов от США. Желание подчеркнуть мощь и успехи Англии в прошлом, показать ее былое успешное капиталистическое развитие и раннее превращение в колониальную державу обнаруживает классовые идеологические цели современной буржуазной историографии.

В настоящей статье нам хотелось бы остановиться на трех политических проблемах истории Англии XVI в., которые особенно оживленно

---

[1] J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558. Серия «Oxford History of England». Oxford. 1952.

[2] A. L. Rowse. The England of Elizabeth. The Structure of Society. London. 1950 (reprint. 1951); его же. The Elizabethan Age. The Expansion of Elizabethan England. London. 1955.

[3] J. A. Williamson. The Tudor Age. Серия «A History of England in Nine Volumes». London. 1953. 2-е изд. 1956.

[4] David Harrison. Tudor England. Vol. I—II. London. 1953.

[5] S. T. Bindoff. Tudor England. London. 1950 (reprint. 1951).

[6] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581. London. 1953; его же. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. London. 1957.

[7] G. R. Elton. The Tudor Revolution in Government. Cambridge. 1953; его же. England under the Tudors. London. 1955 (reprint. 1956).

[8] Разбор некоторых из этих работ см. В. Ф. Семенов. Абсолютизм Тюдоров в новейшей английской историографии. «Ученые записки» Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Т. CIV. 1957.

[9] S. T. Bindoff. Tudor England, p. 1. Впрочем, выражение «золотой век» применялось и ранее, например, Тревельяном в его «Social History of England» (1942 и сл.), но Тревельян считал «золотым веком» время Елизаветы и Шекспира, то есть вторую половину XVI и начало XVII столетия.

дебатируются и подвергаются наиболее искаженной трактовке в современной английской буржуазной исторической литературе. Эти проблемы касаются, во-первых, английской экспансии XVI в., во-вторых, английского абсолютизма Тюдоров, в-третьих, развития английского парламента той эпохи, его первых конфликтов с королевской властью. Первый вопрос наиболее отчетливо освещен во втором томе исследования Рауза «Эпоха Елизаветы» с подзаголовком «Экспансия елизаветинской Англии» (1955); второй — в монографиях Эльтона «Тюдоровская революция в управлении» (1953) и «Англия под властью Тюдоров» (1956), третий — в книгах Ниля «Елизавета I и ее парламенты, 1559—1581 гг.» (1953) и «Елизавета I и ее парламенты, 1584—1601 гг.» (1957). Эти работы в основном мы и постараемся критически рассмотреть, привлекая по мере надобности и другие труды на данную тему, вышедшие в свет несколько раньше.

★

Вопрос о возникновении Британской империи является неизменным предметом исследований в английской исторической литературе. За последние десятилетия по этому вопросу выступал либеральный историк Вильямсон, автор монографий «Великобритания и империя» [10], упомянутой выше книги «Век Тюдоров» [11], «Эволюция Англии» [12] и др. В последнее время о колониальной политике много писал историк-лейборист Эльтон, в частности в своей работе «Англия под властью Тюдоров» [13].

Вильямсон и Эльтон, а до них и либеральный историк Тревельян изображали процесс колонизации в приукрашенном виде. Они старались доказать, что Англия приобретала колонии, как правило, «мирным путем» и будто бы всегда стремилась установить дружественные отношения с местным населением; факты открытого грабежа, насилия, завоевания обычно стыдливо замалчивались или смягчались либеральными историками. Рауз занимает позицию откровенной апологии колониализма. В эпоху крушения колониальной системы он вновь пытается поднять на щит колониализм и защитить его не только путем тенденциозного подбора исторических фактов о начальном процессе колонизации, но и путем построения своеобразной «теории», рассматривающей господство силы в качестве основного и неизменного якобы принципа международных отношений.

Уже в первом томе труда «Англия Елизаветы. Структура общества» Рауз изложил открыто свою националистическую концепцию, всячески преувеличивая экономические и политические успехи страны в XVI в. и затушевывая обострение классовых противоречий, столь характерное для той эпохи [14]. В своей характеристике тюдоровского общества главное внимание он сосредоточил на джентри — среднем и мелком предпринимательском дворянстве,— считая его самым энергичным и самым прогрессивным классом общества; по сравнению с джентри даже городская буржуазия у Рауза оттеснена на второй план; народные массы в расчет почти не принимаются, в частности крестьянство как бы заслоняется целиком его зажиточной верхушкой — богатыми йоменами, которые интересуют Рауза опять-таки прежде всего своей связью с джентри как резерв для пополнения круга предприимчивых джентльменов [15].

---

[10] J. A. Williamson. Great Britain and the Empire. London. 1945 (reprint. 1946).
[11] J. A. Williamson. The Tudor Age, 1953.
[12] J. A. Williamson. The Evolution of England. London. 1931; его же. A Short History of the Expansion. London. 1941.
[13] G. R. Elton. England under the Tudors.
[14] A. L. Rowse. The England of Elizabeth. The Structure of Society. См. особенно рассуждения автора по поводу «плодотворности» правительственного законодательства о пауперизме, стр. 335.
[15] Там же, гл. VI. Социальные классы, стр. 223 и сл.

Правление Елизаветы Рауз считает идеальным. Правительство было властным, авторитетным и одновременно популярным; оно обладало полным политическим суверенитетом как в области внешней, так и внутренней политики и в то же время как бы считалось со свободой подданных [16]. Но главное значение XVI в., по мнению Рауза, заключалось в экспансии Англии: «Конечным достижением елизаветинской Англии, ее наиболее прочным памятником была английская экспансия за моря... В этой экспансии обнаружились величайшее упорство, высокое мужество и предприимчивость англичан; это было подлинное единение страны, подлинно национальное дело...» [17].

Эта откровенная апология колониализма вскрывает истинные цели буржуазной историографии: восхваляя «героическое» прошлое британских колонизаторов, запятнавших себя кровью десятков и сотен тысяч покоренных людей, славить современный колониализм. В таких же целях делается несостоятельная попытка представить преступления кучки колонизаторов как общенародное дело. Ниже будет показано, что утверждения о «подлинном единении страны» в процессе колонизации не имеют ничего общего с исторической действительностью.

Во втором томе, «Эпоха Елизаветы. Экспансия елизаветинской Англии», автор специально занялся теоретическим обоснованием колониальной политики. Апология колониализма выступает в его рассуждениях совершенно открыто. Колониальная система, захват колоний рассматриваются Раузом как некое естественное, стихийное, «динамическое» движение, охватывающее в определенный момент всю нацию. «Движение (*в колонии.— В. С.*),— пишет он по поводу начавшейся экспансии Англии,— имело безличный характер, оно было непреодолимо, его можно сравнить по силе только с Ниагарским водопадом» [18]. По мнению Рауза, в этом движении «за моря» участвовали якобы все классы елизаветинской Англии, но ведущую роль играли представители джентри. Хоукинс, Дрейк, Кавендиш, Рэли и другие главари пиратов и колонизаторов были все «джентльмены» [19].

По поводу последнего заявления Рауза необходимо сделать разъяснение. Участие джентри в заморских экспедициях действительно имело место. Раннее капиталистическое перерождение английского дворянства, естественно, делало последнее союзником буржуазии в организации экспедиций и грабеже вновь открытых земель. Но можно ли сказать, что поисками морских путей и колоний в XVI в. была занята «вся Англия»? Поистине это остается на совести самого Рауза. Подавляющая масса английского населения в XVI в., состоявшая из крестьян и городских ремесленников, всецело жила интересами своей страны. Борьба за землю, в частности, пронизывала сельскую жизнь. Только позднее, в XVII и XVIII вв., английское крестьянство и ремесленники начали переселяться в колонии, в том числе в Северную Америку, но и тогда цели народных низов резко отличались от колонизаторских целей буржуа и дворян. Известно, какой беспощадной эксплуатации подвергались английские переселенцы со стороны судовладельцев, купцов, плантаторов-землевладельцев в колониях. Что же касается XVI в., то тогда народные массы вообще еще не эмигрировали в заморские страны. Туда направлялись лишь в качестве разведчиков представители буржуазии и джентри. Матросы участвовали в экспедициях как рабочая сила, но они были, естественно, лишь орудием, наемными рабочими «капитанов» и стоявших за ними «компаний»; относить их к категории «колонизаторов», конечно, никак нельзя.

Характерны, далее, сетования Рауза по поводу того, что Англия несколько запоздала в осуществлении своей колониальной политики. Но-

[16] Там же, стр. 261—262.
[17] Там же, стр. 28—29 («Пролог»).
[18] A. L. Rowse The Elizabethan Age. The Expansion of England, p. 3.
[19] Там же, стр. 159.

вый свет (Америка) к середине XVI в. был уже захвачен испанцами и португальцами. Франция не только получила соседнюю Бретань (которую Рауз считает «по праву» принадлежащей Англии, поскольку она является «Кельтской Британией»), но с 30-х годов начала проникать в Северную Америку. Англичане же начали свою экспансию лишь в последние три десятилетия XVI в., но зато проводили ее с величайшей энергией и упорством, добившись в короткое время «головокружительных успехов» [20]. С полным удовлетворением Рауз описывает похождения елизаветинских «королевских пиратов», их богатую добычу, «победы» над туземцами, даже работорговлю... В отношении последней особенно показательно рассуждение автора о судьбе негров. По мнению Рауза, хотя неграм приходилось и нелегко в их положении рабов, зато «они имели бо́льшую обеспеченность жизни, чем у себя дома, в условиях кровавых межплеменных войн и практиковавшегося в Африке людоедства...» [21]. В Вест-Индии же так остра была нужда в рабочей силе, что привоз рабов был якобы благодеянием для страны [22]. Рауз умалчивает, что тысячи негров погибали в дороге при переезде через Атлантический океан на судах работорговцев; ни слова не говорит он и о зверствах плантаторов-рабовладельцев. А между тем это общеизвестные факты.

В связи с англо-испанским военным конфликтом Рауз формулирует теорию «неизбежности войн». Войны, как и колониальная система, по его мнению, естественны и необходимы [23]. Несколько ниже Рауз прямо оправдывает и самую агрессию: «Энергия (общества. — *В. С.*) требует выхода, конфликта, агрессии, обороны, войны...» [24],— замечает он, впадая в стиль социологов биофизической школы.

В действительности войны представляют собою продолжение внутренней политики господствующих классов той или иной эпохи. Марксизм требует конкретного исторического изучения каждой войны в отдельности [25]. Характерно, что Рауз в общем хорошо разбирается в причинах военного столкновения Англии и Испании XVI в.— споре из-за колоний и морских путей — и только наводит тень на конкретные факты этой войны, говоря о таинственном «избытке английской энергии». В конце концов все эти рассуждения Рауза и других подобных ему теоретиков активной колониальной политики напоминают пресловутые фашистские «теории» борьбы за «жизненное пространство».

Не забудем, что поход испанской армады 1588 г. вызвал глубокий ужас в Англии. Смертельная опасность чужеземного завоевания вызвала патриотический подъем в народе. Английские моряки, в том числе и матросская масса, фактически своим мужеством спасли родину от угрожавшей ей серьезной опасности.

Рауз совершенно забывает об этой роли народных масс, и в характеристике англо-испанской войны конца XVI в. он лишь модернизирует исторические события, проводит параллель с наполеоновскими войнами и второй мировой войной. Вильям и Роберт Сесили напоминают ему своими действиями и речами Питта и Черчилля [26].

Осуждая Филиппа II за намерение поработить Англию (поход великой армады), Рауз в то же время целиком оправдывает разбойничьи набеги английских судов на испанское и португальское побережья, подчеркивая «гуманное» якобы поведение английских адмиралов в «противоположность фанатичным и жестоким актам» испанцев [27].

---

[20] Там же, стр. 158.
[21] Там же, стр. 174.
[22] Там же, стр. 174—175.
[23] Там же, стр. 238.
[24] Там же, стр. 238—239.
[25] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 271.
[26] A. L. Rowse. The Elizabethan Age. The Expansion of England, p. 240.
[27] Там же, стр. 308.

Рауз дает развернутую апологию колониальных войн и захватов. Он крайне высокомерно, по-расистски относится к жителям захватываемых территорий. Коренное население колонизуемых стран Рауза, по существу, не интересует. Автор сочувственно цитирует елизаветинских памфлетистов, утверждавших, что Северная Америка самим провидением была предназначена для завоевания англичанами [28]. Грубо-пренебрежительно относится Рауз и к ирландцам. «Эта варварская страна» [29], по его словам, вследствие «полного разложения, расстройства и упадка», отсутствия политического единства не была способна будто бы образовать какое-либо государство... Беспорядок, анархия в Ирландии, по мнению Рауза, давали англичанам полное право на ее порабощение. Героическое сопротивление ирландцев английским завоевателям Рауз считает «бесполезным бравированием» [30]. Он забывает при этом, что в свое время Англия в период раннего феодализма в течение столетий переживала процесс внутренних усобиц, смут, длительной политической раздробленности. Рауз предпочитает не вспоминать и того, как англичане на протяжении веков рядом запретительных мер систематически душили ирландскую торговлю и промышленность. Английские поработители уже при Елизавете и Якове I лишили ирландцев их лучших земель [31].

Такова концепция одного из современных реакционных английских историков, работы которого были встречены хвалебными рецензиями в буржуазной прессе [32].

В наше время колониальная система рушится. «Происходящий распад колониальной системы империализма является всемирно-историческим событием послевоенного периода» [33]. Казалось бы, теперь, в свете современных политических фактов, английские буржуазные историки должны были бы понять относительный, исторически временный характер колониализма. С другой стороны, им следовало бы заинтересоваться причинами поражения колонизаторов. Колониализм душит порабощенные народы, не дает им развиваться, грабит и эксплуатирует их. Он возбуждает против себя ненависть всех угнетенных, что в конечном счете рано или поздно приводит их к решительной борьбе против захватчиков и освобождению бывших колоний. Апологеты империализма не хотят учитывать этих уроков истории и продолжают прославлять колониализм.

Советские исследователи уделили известное внимание проблеме возникновения Британской империи. Можно назвать ряд статей А. С. Самойло по истории захвата англичанами колоний в XVII веке [34]. Довольно интенсивно наши ученые принялись изучать историю Ирландии XVI—XVII вв. (работы Ю. М. Сапрыкина [35] и Т. С. Осиповой [36]). В. В. Штокмар в специальном курсе посвятила ряд страниц колониальной политике Англии при Елизавете [37]. Но в общем советская литература на эту тему еще недостаточно велика. Создание крупных исследовательских тру-

---

[28] Там же, стр. 230—232.

[29] Там же, стр. 155.

[30] Там же, стр. 90—91.

[31] Там же, стр. 91. Уже в 1608 г. «шесть графств (Ирландии.— *В. С.*) из 32 были экспроприированы и ограблены». «Архив Маркса и Энгельса», Т. X, стр. 139.

[32] См. «The English Historical Review», «Revue historique» и другие журналы.

[33] Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. Госполитиздат, 1956, стр. 24.

[34] А. С. Самойло. Колониальный вопрос в дипломатии Кромвеля. «Известия» Академии наук СССР, серия истории и философии, Т. II, № 4, 1945; его же. Английские колонии накануне революции. «Вопросы истории», 1945, № 1—2; его же, главы на эту тему в книге «Английская буржуазная революция XVII в.». Тт. I—II. М. 1954.

[35] Ю. М. Сапрыкин. Английская колонизация Ольстера при Якове I. Сборник «Средние века». Т. VIII. 1956; его же. Поземельные отношения у ирландцев в XVI—XVII вв. «Из истории средневековой Европы». М. 1957.

[36] Т. С. Осипова. Английская агрессия в Ирландии и освободительная борьба ирландского народа. Сборник «Средние века». Т. VI. 1955.

[37] В. В. Штокмар. Очерки по истории Англии XVI в. Л. 1957.

дов, которые давали бы правдивую картину возникновения Британской колониальной империи, разоблачали современных буржуазных фальсификаторов кровавой истории колониализма, является одной из первоочередных задач советской исторической науки.

★

Проблема характера власти династии Тюдоров привлекает внимание многих английских историков. Реформация и секуляризация монастырей, подавление народных восстаний и одновременно расправа с феодальной католической оппозицией, напряженная и успешная борьба с Испанией — все это приводится как доказательство силы Тюдоров, их авторитета в противоположность последующим Стюартам. Ряд современных историков делает попытку связать политику Тюдоров с интересами новых растущих классов: предпринимательского дворянства (джентри) и городской буржуазии. Придерживаясь, по существу, традиционного идеалистического взгляда на государство как на якобы надклассовую силу общества, новейшие английские буржуазные историки, тем не менее, констатируют и даже подчеркивают эту связь династии с новыми общественными силами. И Рауз и Эльтон, в частности, признают связь династии Тюдоров с джентри и буржуазией Лондона. Но в противоположность марксистским взглядам на государство как на орудие определенных общественных классов они полагают, что государство лишь пользуется «услугами» этих классов, лавирует между ними, сохраняя полностью свое значение независимой политической силы, руководящей развитием общества в целом.

Иногда в работах современных буржуазных авторов, специализировавшихся на тюдоровском периоде, усиленно повторяется мотив исследователей XIX века о «народолюбии» Тюдоров, о будто бы патриархальном, «отеческом» характере их правления. В общей работе о тюдоровском периоде лейбористского историка Эльтона имеется даже специальный раздел — часть главы под наименованием «Paternalism»,— в котором под этим углом зрения рассматривается социальная политика Тюдоров [38].

Д. Мэкки также пытается найти «народные» черты в политике Генриха VIII[39], а Рауз представляет Елизавету защитницей бедняков, приводя в подтверждение одну из записей ее беседы с Вильямом Сесилем, в которой королева предлагала своему министру придерживаться принципа более пропорционального распределения налогов [40]. Все названные историки рисуют в виде «подлинно народных» (то есть проведенных якобы в интересах народных масс) такие мероприятия Тюдоров, как борьба с огораживанием и законодательство по вопросам пауперизма. По поводу законов о пауперах Рауз без всяких оговорок пишет: «Это было замечательное достижение елизаветинской администрации» [41].

В этих утверждениях верно лишь то, что династия Тюдоров была склонна к демагогическим приемам. И Генрих VIII и Елизавета старались представлять себя «друзьями народа», «покровителями бедняков». В статутах и прокламациях Тюдоров при желании можно разыскать немало таких громких заявлений. Но в действительности это были лишь ни к чему не обязывающие фразы. Тюдоры правили в интересах класса дворян, учитывая также в известной степени и интересы растущей буржуазии.

Политика секуляризации церковных имуществ, передача бывших монастырских земель дворянству на самых льготных условиях наиболее ярко

---

[38] G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 185—192.
[39] J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558, pp. 442—443.
[40] A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 335.
[41] Там же, стр. 355.

выявляют скрытые пружины тюдоровского государства. Аграрная политика династии — знаменитые статуты против огораживаний — имела в виду ограничить последние, но отнюдь не прекратить их [42]. С другой стороны, надо учитывать, что проведение статутов в жизнь встречало такое сопротивление на местах со стороны землевладельцев-дворян, что законодательство в значительной части оставалось на бумаге. Законы XVI — начала XVII в. о нищих были столь жестокими, что, как подчеркивал К. Маркс, оставляли впечатление своеобразной системы наказаний в отношении народных масс (за то, что их экспроприировали), а вовсе не реальной помощи [43].

Историки, пишущие так трогательно о тюдоровском патернализме [44], совсем забывают о многочисленных фактах прямой расправы Тюдоров с народными массами. Борьба Генриха VII с выступлением крестьян Йоркшира и Корнуэлла еще в 90-х годах XV в., разгром Генрихом VIII Благодатного паломничества на Севере в 1536—1537 гг., расправы правительства Эдуарда VI с народом при подавлении восстаний в Норфольке и Девоншире в 1549 г., свирепый террор Елизаветы в северных графствах в 1569—1570 гг. [45], удушение в самом зародыше заговора крестьян в Оксфордшире в 1596 г.— все эти факты с очевидностью свидетельствуют об эксплуататорском, классовом облике Тюдоров и разрушают до основания легенду о их «народолюбии», «отеческом», заботливом управлении, «благоденствовании пауперов» и т. д.

Однако вопрос о социальном базисе этой династии английскими буржуазными историками ставится, если так можно выразиться, лишь попутно. Главной в «проблеме Тюдоров» является у буржуазных авторов другая тема: существовал ли в Англии XVI в. абсолютизм, ограничены или не ограничены были Тюдоры в своем правлении.

Как ни странно, современные английские исследователи избегают самого термина «абсолютизм» в применении к Англии Тюдоров, хотя употребляют его в отношении других стран Европы того времени. Обычно они используют, подчеркивая своеобразие власти, термин «новая монархия» [46]. Иногда правление Тюдоров определяется просто как «сильная власть» [47], «авторитетная власть» [48], «полная власть» (imperium merum) [49]. Характерно, что даже историк-марксист А. Л. Мортон в книге «История Англии» обычно называет власть Тюдоров «новой монархией» и только в одном месте употребляет выражение «абсолютизм» [50]. Иногда английские ученые говорят о деспотизме, самовластии и жестокостях Тюдоров, в частности Генриха VIII.

Деспотизм Тюдоров резко подчеркивал в ранней литературе Мерримэн, автор биографии Томаса Кромвеля и издатель его писем [51], в

---

[42] В. Ф. Семенов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М. 1949, гл. III.

[43] См. К. Маркс. Капитал. Т. I, гл. 24. См. также В. Ф. Семенов. Пауперизм в Англии XVI в. и законодательство Тюдоров. Сборник «Средние века». Т. VI. 1951.

[44] Патернализм — буквально «отеческая политика».

[45] См. В. Ф. Семенов. Восстание на Севере (из истории крестьянских восстаний в Англии второй половины XVI в.). «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к 75-летию В. П. Волгина. М. 1955.

[46] J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1558. Первая глава этого сочинения так и озаглавлена: «The New Monarchy»; ср. A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 262; J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 71; D. Harrison. Tudor England. Vol. I, ch. II.

[47] J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 9.

[48] A. L. Rowse. The England of Elizabeth, p. 262.

[49] J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 404 — ch. XII «Imperium merum».

[50] A. L. Morton. A People History of England. London. 1951, p. 228; русский перевод. 1950, стр. 190.

[51] R. B. Merriman. Life and Letters of Thomas Cromwell. Vol. I—II. Oxford. 1902.

новейшей литературе — Вильямс [52] и Д. Гаррисон [53]. Но такая терминология встречает дружный отпор большинства других историков.

«Тюдоры обладали сильной властью, но ее нельзя назвать деспотизмом, так как деспотизм предполагает рабское повиновение. Тюдоры же правили на основании законов» [54],— пишет либерал Вильямсон. «Тюдоры обладали полным верховенством, суверенностью власти, и хотя их правление в некотором смысле было абсолютным, оно все же осуществлялось при помощи парламента» [55],— вторит ему консерватор Мэкки. Особенно категорически выступил против употребления термина «абсолютизм» в отношении Тюдоров Рауз. По его мнению, абсолютизм — явление чисто континентальное, к Англии не приложимое. Сохранение политических свобод и своеобразный политический баланс — равновесие правительства и новых, «энергичных» классов, представленных в палате общин,— вполне объясняют, с его точки зрения, такое политическое своеобразие Англии. «Елизавета прекрасно понимала это, но ее преемник Яков I не мог постигнуть данное явление своим узким французско-шотландским умом» [56],— замечает автор, считающий самую английскую революцию середины XVII в. «случайным» событием, вызванным... глупостью Стюартов — Якова I и Карла I [57].

Словом, наличие при Тюдорах парламента и стремление представителей этой династии, в том числе и наиболее деспотического из них — Генриха VIII, облекать террористические действия в легальные судебные формы дают английским историкам повод отмежевываться от континентального абсолютизма и «доказывать» национальную особенность английского строя как конституционного во все периоды, строго якобы законного, неабсолютистского и недеспотического. По существу, эта концепция — ее с полным основанием можно назвать юридической конституционной теорией — существовала и раньше — у историков-либералов XIX в., но в настоящее время она выступает еще более заостренно, особо подчеркивает исключительность и своеобразие политической эволюции островной Англии в противоположность континентальной Европе.

Наиболее характерной для современной английской буржуазной историографии по вопросу о Тюдорах является монография лейбористского историка Эльтона «Тюдоровская революция в управлении» [58], написанная на основании обширных документальных, в большей части архивных материалов государственных учреждений времен Генриха VII и Генриха VIII.

Общая точка зрения автора на развитие тогдашнего государственного аппарата сводится к следующему. В течение первой половины XV в., при Ланкастерах, королевская власть в Англии ослабла. Она сделала даже шаг назад по сравнению с временем Плантагенетов. Вместо начавшегося при Ричарде II отделения государственных учреждений от дворцового ведомства при Ланкастерах произошло снова смешение их с перенесением центра тяжести управления от общегосударственных органов к королевскому двору (King's household). С другой стороны, Тайный совет превратился при Ланкастерах в типичное собрание знати, не повышавшее, а уменьшавшее авторитет короля [59]. При Йорках и Генрихе VII мощь короны возросла, многочисленные конфискации земельных владений противников Эдуарда IV и Генриха VII во много раз уве-

---

[52] C. H. Williams. The Making of Tudor Despotism. London. 1935.

[53] David Harrison. Tudor England. Vol. I. London. 1953, p. 65 и сл. Гл. III — о Генрихе VIII — озаглавлена: «The Climax of Tudor Despotism».

[54] J. A. Williamson. The Tudor Age, p. 9.

[55] J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 363.

[56] A. L. Rowse. The England of Elizabeth, pp. 261—262.

[57] Там же, стр. 382.

[58] G. R. Elton. The Tudor Revolution in Government. Cambridge. 1953.

[59] Там же, стр. 19—20.

личили их материальные ресурсы [60]. Однако и эти короли продолжали, по существу, управлять государством в первую очередь при помощи дворцового аппарата. Королевский дворец по-прежнему оставался центром управления, только он приобрел больший авторитет и силу [61].

Таким же, по существу еще чисто средневековым принципом руководствовалось первое время и правительство Генриха VIII, включая период канцлерства кардинала Вулси. Но последний все же кое-что сделал для перенесения центра тяжести управления от дворца к центральным государственным учреждениям (канцлерство и казначейство). Вулси ввел отчетность в дворцовых доходах и расходах, произвел описи королевских земель, в результате чего был установлен известный министерский контроль над королевским хаусхольдом [62]. Он расширил права новых государственных судов: Канцлерского, суда Звездной палаты, Палаты прошений. В руках Вулси находились одновременно и нити внешней политики; он же фактически в качестве кардинала и папского легата стал во главе английской церкви. Сосредоточение в руках этого деятеля большого количества должностей, светских и духовных, связанных с внутренней и внешней политикой, централизовало в известной степени управление. Но все же двойственность его не была преодолена. Вулси только отчасти проник в «тайны» дворцового ведомства; королевский хаусхольд оставался еще как бы «государством в государстве»; особый личный секретарь короля вел дипломатическую переписку, в результате чего Вулси часто не сразу даже оказывался в курсе некоторых важных дипломатических событий [63]. Кроме того, его положение министра всецело зависело от короля. Стоило перестать быть фаворитом, потерять доверие Генриха VIII, и его политическая карьера была бы закончена [64].

Полный переворот в тюдоровском центральном управлении, по мнению Эльтона, произошел лишь при «бюрократическом министре» Томасе Кромвеле [65]. Кромвель сыграл, как утверждает Эльтон, исключительную роль в политическом развитии Англии. Автор подробно описывает, как постепенно поднимался вверх по служебной лестнице этот человек, получая в свои руки одну должность за другой и не забывая при этом о личном обогащении [66]. Он стал начальником управления королевских драгоценностей, казначеем-секретарем Канцлерского суда, канцлером казначейства, главным королевским секретарем и лордом-хранителем Малой печати [67].

Таким образом, в отличие от Вулси, функции которого ограничивались главным образом обязанностями канцлера, Кромвель сосредоточил в своих руках прежде всего контроль над государственным казначейством, то есть над финансами, и затем получил звание королевского секретаря, что, помимо близости к царствующей персоне, обеспечивало ему полноту власти в дипломатических делах. В качестве генерального викария короля по церковным делам он простер свою власть на английскую церковь и распоряжался новыми учреждениями, созданными в результате секуляризации церковных имуществ и имевшими также финансовый характер: Палатой прибылей, Палатой сборов первых плодов и десятины и др.,— хотя формально эти учреждения входили еще в дворцовое ведомство [68]. Фактически при всевластном министре казначейство превращалось в центральный финансовый орган государства, которому подчинялись и перед которым отчитывались финансовые органы дворца, хотя

[60] Там же, стр. 26.
[61] Там же, стр. 37.
[62] Там же, стр. 56—57.
[63] Там же, стр. 65—66.
[64] Там же, стр. 76.
[65] Там же, стр. 81—89.
[66] Там же, стр. 99—128.
[67] Там же, стр. 128—129.
[68] Там же, стр. 203—204.

полностью это подчинение произошло позднее: при преемниках Генриха VIII и окончательно при Елизавете [69].

Большие перемены испытала при Кромвеле должность королевского секретаря, приобретя функции государственного значения. Главный королевский секретарь вводился в состав палаты лордов как один из высших чиновников государства наряду с канцлером, лордом казначейства, великим чемберленом (министром двора) и другими высшими официальными лицами [70]. По мнению Эльтона, Кромвеля с полным основанием можно считать «первым премьером» в истории Англии [71]. Он фактически руководил и Тайным советом, окончательно при нем оформившимся как регулярно действующий, высший директивный орган, фактическое правительство государства [72].

Такова концепция Эльтона. Она выглядит довольно стройной и подкрепляется большим документальным материалом [73]. Бюрократизация центрального управления при Тюдорах автором показана убедительно. Однако нетрудно видеть и ряд существенных недостатков во взглядах лейбористского историка.

Главный из них состоит в том, что автор характеризует развитие тюдоровской централизации в полном отрыве от классовых, социальных сил. Государственный аппарат в изображении Эльтона — это какой-то особый, изолированный мир чиновников, развивающийся по своим собственным законам и тенденциям. Больше того, вся реформа управления приписывается целиком Кромвелю, который «гениально» якобы творил новые бюрократические формы, причем даже сравнительно мало показаны его ближайшие помощники.

Нельзя согласиться и с терминологией Эльтона — «тюдоровская революция в управлении». По существу, никакой революции в настоящем смысле этого слова при Генрихе VIII и Т. Кромвеле не было. Социальный базис тюдоровской монархии 30—40-х годов XVI в. не менялся. Старые центральные учреждения не только сохранили свои обычные названия, но и обычный круг подведомственных им дел. Они лишь получили некоторый общий высший по отношению к ним контроль, включились в единую правительственную систему.

Эльтон усматривает глубокую противоположность между правлением Вулси и правлением Кромвеля. Первый — еще целиком человек средневековья, второй — министр нового времени. Такое противопоставление преувеличенно, искусственно. Кромвель сам был учеником школы Вулси и, по существу, продолжал его традицию усиления королевского аппарата на основе ранее образовавшихся центральных учреждений средневековой Англии. Нельзя признать, что Томас Кромвель сумел завершить свою реформу. Громоздкость центрального аппарата, обилие параллельных ведомств, неустойчивость самого «первого министра», продолжавшего целиком зависеть от королевского фавора,— все это оставалось и при Кромвеле. И в дальнейшем, еще в течение десятков лет, Сесилям (Вильяму и его сыну Роберту) приходилось доделывать ту «тюдоровскую революцию в управлении», которую Эльтон целиком приписывает своему любимому герою.

Однако деятельность Кромвеля в качестве королевского министра свидетельствует и о том, что по сравнению со своим предшественником

---

[69] Там же, стр. 241, 251.
[70] Там же, стр. 302.
[71] Там же, стр. 299, 311—312.
[72] Там же, стр. 345—346.
[73] Следует иметь в виду, что Эльтон продолжал здесь разработку темы, начатой еще Пикторном и Ньютоном. (Kenneth Pickthorn. Early Tudor Government. Cambridge. 1934; A. P. Newton. Tudor Reforms in the Royal Household. «Tudor Studies». London. 1924).

он действовал более решительно, более уверенно и более целеустремленно. Две идеи особенно отчетливо выступают у Кромвеля: это полнота, неограниченность королевской власти, с одной стороны, и идея светского государства, не только не зависимого от церкви, но и полностью контролирующего ее,— с другой. Влияние реформации на политические взгляды Кромвеля, на его административные реформы совершенно очевидно [74].

Таким образом, Эльтону удалось конкретно показать процесс формирования тюдоровской бюрократии. Но что она собой представляла? Было ли это явление исключительное, присущее одной только Англии, как это старается изобразить Эльтон? Конечно, нет! Централизованный бюрократический аппарат Тюдоров типичен для европейских позднефеодальных государств и похож, в частности, своими существенными чертами на французский аппарат XVI века. Эльтон же нигде не проводит хотя бы частичного сравнения английских и французских центральных учреждений периода складывавшегося абсолютизма.

Следует отметить, что в советской литературе и учебниках иногда даже чрезмерно (и, во всяком случае, безоговорочно) противопоставляются друг другу французский абсолютизм как абсолютизм «бюрократического типа» и английский абсолютизм, «небюрократический» или с недостаточно развитым бюрократическим аппаратом. В свете новых фактов, приводимых Эльтоном, уже нельзя проводить столь безоговорочное противопоставление. Как видим, и в Англии центральный государственный аппарат XVI в. был достаточно развитым, сложным, унифицированным, даже разбухшим в отдельных своих, особенно многочисленных финансовых ведомствах.

По существу, исследование Эльтона объективно, помимо его воли и вопреки замыслам автора, самой логикой фактов доказывает на большом конкретном материале именно наличие в Англии XVI в. абсолютистского строя, так как создание большого централизованного чиновничьего аппарата управления, ответственного исключительно перед королем, и есть одна из основных черт абсолютизма.

Исторически сложившаяся диктатура дворянства использует централизованный аппарат в качестве средства принуждения, чтобы господствовать над массой трудящегося населения, прежде всего над крестьянством. Так было в XVI —XVII вв. в различных странах континента Европы, так же, по существу, дело обстояло и в Англии, хотя вследствие ее островного положения здесь не возникло большой постоянной королевской армии.

Однако Эльтон, собравший значительный материал по вопросу о развитии тюдоровской бюрократии, не делает такого, казалось бы, естественного вывода. Он придерживается традиционной либеральной точки зрения на английскую историю как на последовательно конституционную. Тюдоры, и в частности Генрих VIII, при котором происходили все эти административные перемены, рассматриваются им не как абсолютные монархи, а как типичные конституционные короли [75].

По существу, автор повторяет в своих выводах обычную либерально-конституционную концепцию английских историков. Обращает на себя внимание попытка Эльтона представить «конституционалистом» самого Томаса Кромвеля, которого и современники и большинство позднейших историков обычно считали приверженцем абсолютизма, творцом абсолютистской системы и одновременно ее жертвой, так как он был казнен Генрихом VIII [76].

Эльтону принадлежит несколько специальных статей о Т. Кромвеле,

---

[74] См. об этом J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 404 и сл., а также G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 160—162.

[75] G. R. Elton. England under the Tudors, pp. 165, 166.

[76] См., например, J. D. Mackie. The Earlier Tudors, p. 415; D. Harrison. Tudor England. Vol. I, pp. 97—98.

из которых интересна статья под заголовком «Политическое кредо Томаса Кромвеля» [77]. Автор стремится в ней доказать, что у Кромвеля была довольно отчетливо выраженная «конституционная теория». Его аргументы сводятся главным образом к тому, что Кромвель, как юрист, высоко ставил значение закона [78] (но во Франции теоретики абсолютизма были тоже юристы!), что он (Кромвель) был за созыв парламента, высоко ценил его роль [79] и полностью признавал обычную среди английских юристов XVI в. формулу: король осуществляет свою власть через парламент (the King in Parliament). Этот тезис часто встречается и в статутах, редактированных Кромвелем [80].

Однако доводы Эльтона неубедительны; современники, в частности находившийся в эмиграции родственник Генриха VIII принц-кардинал Поль, справедливо приписывали Кромвелю макиавеллистские взгляды, и Эльтон влияния Макиавелли не отрицает [81].

Но Макиавелли, как известно, был сторонником абсолютизма, и влияние его, несомненно, сказывалось во взглядах Кромвеля на короля как на высшую власть в стране. Особенно в этом отношении характерна преамбула одного из статутов 1533 г. (the Act in restrain of Appeals to Rome), написанная самим Кромвелем. Формулировка ее носит ярко выраженный абсолютистский характер: «Английское королевство управляется высшей главой и королем (by one Supreme Head and King), обладающим достоинством и королевской властью в масштабе императорской короны, которому вслед за богом все слои народа... как духовные, так и светские, обязаны естественным и покорным позиновением» [82]. О парламенте в этой фразе даже и не упоминается. Правда, в других статутах, например, в акте 1534 г. (the Act of Dispensations), формула о королевском верховенстве сочеталась с положением о парламенте (the Most High Court of Parliament), через который осуществлялась высшая королевская власть [83]. Но парламент здесь явно рассматривался как одно из государственных учреждений, высшее по функциям, но отнюдь не ограничивающее королевскую власть и не противопоставляемое короне.

Кромвель действительно учитывал значение парламента и не думал обходиться без него. Но он не стремился и расширить его права. Все внимание Кромвеля было направлено на усиление власти короля, которому парламент должен был всячески содействовать. Имеется один широко известный акт Кромвеля, которым парламентские права явно ущемлялись в пользу короля. Мы имеем в виду статут 1539 г., приравнивавший королевские прокламации по их значению к парламентским статутам. Хотя парламент и не возражал против своего «умаления» и даже «добровольно» санкционировал его, но выигрыш короля в данном случае очевиден, и усматривать в Кромвеле защитника парламентских прав не приходится.

Наконец, отношение самого Кромвеля к парламенту было довольно сложным. Правда, в свое время он являлся членом палаты общин; во время проведения реформации и секуляризации не без его совета Генрих VIII сохранял парламент в течение семи лет («реформационный парламент» 1529—1536 гг.). Далее был трехлетний перерыв. Парламент 1539—1540 гг. держал себя перед королем подобострастно. Нет оснований считать, что Кромвель стремился опереться на него, хотя оппозиция

[77] G. R. Elton. The political Creed of Thomas Cromwell. Transactions of the Royal Historical Society fifth series. Vol. 6. London. 1956, pp. 62—92.
[78] Там же, стр. 79.
[79] Там же, стр. 80—81.
[80] Там же, стр. 88—89.
[81] Там же, стр. 71—72.
[82] G. R. Elton. England under the Tudors, p. 161; J. R. Tanner. Tudor Constitutional Documents. London. 1951, p. 41.
[83] G. R. Elton. The Political Creed of Thomas Cromwell. Transactions..., pp. 88—89.

феодальной знати, возглавляемая герцогом Норфолькским и епископом Винчестерским Гардинером, делала в это время положение Кромвеля в Тайном совете все более шатким.

Трагический конец — арест в Тайном совете 10 июня 1540 г. и последующая казнь 28 июля — выявил общественную изолированность Кромвеля. Аристократия ненавидела его; Лондон не выступил в его защиту; на севере крестьянские массы даже приветствовали падение министра-еретика, с именем которого они связывали подавление движений 1536—1537 гг.; парламент, состоявший в своем большинстве из джентри, единогласно, не выслушав даже объяснений арестованного, вынес против него bille of attainder, то есть билль по обвинению в государственной измене с требованием смертной казни обвиняемому.

Растущие новые классы — джентри и буржуазия — энергично поддерживали Томаса Кромвеля, пока он проводил реформацию и секуляризацию, в которых они были кровно заинтересованы. Но развитие деспотизма и тирании Генриха VIII, орудием которого так открыто выступал Кромвель, в конечном счете вызвало протест в средних классах. Не выступая еще против самого короля, представители этих классов отказались поддерживать далее политику его фаворита.

Нам известна переписка Кромвеля, в частности его письма 1540 года. Ни здесь, ни в его предсмертных признаниях — нигде не видно, чтобы он когда-либо рассчитывал на помощь парламента в борьбе со своими противниками [84].

Томас Кромвель, конечно, не выступал против парламента, подобно Томасу Уентворту графу Страффорду, министру короля Карла I, так как такой ситуации — резкого конфликта парламента с короной — в середине XVI в. в Англии еще не было. Но Кромвель не являлся и поборником парламентской власти, сторонником расширения ее прав и привилегий. Целью его было возвышение короля, усиление королевского авторитета; на парламент же он смотрел скорее как на орудие королевской власти, как на одно из звеньев в такой системе управления, в которой гегемония и первенство не только юридически, но и фактически принадлежали королю, а не парламенту.

★

Важное значение имеет вопрос о взаимоотношениях короны и парламента в Англии XVI века. Последние работы Ниля посвящены специально проблеме развития парламента при Елизавете I (1558—1603). В книге «Палата общин при Елизавете» [85] дается общая характеристика организации парламента во второй половине XVI века. Автор выясняет обстановку и методы выборов, анализирует социальный состав палаты общин в разные сроки, останавливается на процедурах открытия и закрытия парламентов, выборов парламентом и последующего утверждения королевой парламентских спикеров и т. д. Нилю удалось показать, насколько активными, часто бурными бывали парламентские выборы в различных графствах, городах и бургах, какое оживление они вносили на некоторое время в затхлую атмосферу провинции.

Выборы носили узкоолигархический и классовый характер. В палату общин проходили преимущественно представители джентри; значительная часть депутатов фактически назначалась короной, министрами, крупнейшими лордами, беззастенчиво пользовавшимися системой «гнилых местечек», небольших городков (бургов), обладавших, несмотря на

---

[84] R. B. Merriman. Life and Letters of Thomas Cromwell. Vol. II. Oxford. 1902. Письма №№ 330—350 за 1540 год. См. особенно его письмо к Генриху VIII от 30 июня 1540 г.— The Crye for Mercye..., pp. 268—273.

[85] J. E. Neale. The Elizabethan House of Commons. London. 1949.

свое незначительное население, правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов [86]. Характерно, что в XVI в. дворяне представляли не только население графств, то есть сельскую массу страны, но и горожан [87].

Вторая и третья книги Ниля, «Елизавета I и ее парламенты, 1559—1581 гг.» и «Елизавета I и ее парламенты, 1584—1601 гг.» [88], дают конкретную историю деятельности каждого из десяти парламентов этой эпохи. В английской буржуазной литературе господствовало представление, что при Елизавете отношения короны и парламента были мирными, дружественными в противоположность кануну английской буржуазной революции 1640—1660 годов. Часто в этом смысле писали о «гармонии» отношений парламента с королевой. Конфликты между короной и парламентом, если и отмечались, то только в конце царствования Елизаветы: знаменитый спор между общинами и правительством о торгово-промышленных монополиях, продажей которых злоупотребляла корона. Но, отмечая этот факт, либеральные историки обычно концентрировали внимание не на самом развитии конфликта, а на его конце, на компромиссе.

Ценной чертой последних работ Ниля является то, что в них показан конфликт между парламентом и короной уже почти в самом начале царствования Елизаветы. Конфликт 1601 г. из-за монополий был, по существу, не первым, а последним, своего рода заключительным и притом наиболее серьезным из этих столкновений, вынудившим королеву пойти на уступки общинам. Выступления парламента против короны во второй половине XVI в. в противоположность его пассивности в конце XV и первой половине XVI столетия свидетельствуют, что парламент стремился закрепить свои права и ограничить права короны, претендовавшей на всю полноту власти.

Только во второй половине XVI в. конституционные идеи, в частности постулат о верховенстве парламента, начали получать свое выражение в требованиях палаты общин, на первых порах еще скромных и осторожных, но иногда бьющих по самому существу абсолютизма.

Вместе с тем борьба парламента и королевской власти показывает наличие абсолютизма в Англии XVI века. Рассмотрим вкратце основные факты этой борьбы.

Первый парламент Елизаветы — 1559 г.— прошел в общем спокойно, без конфликтов. Королева твердо вступила после некоторых колебаний на протестантский путь, согласилась с новым устройством английской епископальной церкви, приемлемым для подавляющего большинства английского дворянства и представителей наиболее крупной буржуазии.

После сессии, продолжавшейся три с половиной месяца, парламент в начале мая 1559 г. был распущен. Но характерно нежелание молодой королевы созывать его вновь. Если бы Елизавета и ее министры смогли сбалансировать государственный бюджет при помощи обычных доходов, то есть без парламентских субсидий, королева не стала бы собирать парламент вовсе или по крайней мере отодвинула бы его созыв на много лет [89]. Но правительство нуждалось в деньгах и в январе 1563 г. вынуждено было собрать новый парламент, который имел две сессии: в 1563 и 1566—1567 годах. Второй парламент оказался явно «непослушным». Именно здесь уже начала проявляться довольно бурно парламентская оппозиция, так как наиболее радикальные депутаты из джентри и буржуа-

---

[86] Там же, стр. 233.

[87] В парламенте 1584 г. из 462 членов палаты общин насчитывалось всего 77 горожан, остальные были рыцари, сквайры и джентльмены; в парламенте 1601 г. из 372 членов палаты 300 депутатов было от джентри. Там же, стр. 147, 148.

[88] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments. 1559—1581. London. 1953; его же. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601. London. 1957.

[89] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581, p. 85.

зии опасались католической реакции и стремились добиться назначения Елизаветой протестантского преемника. Не ограничиваясь вопросом о субсидиях (который правительство предложило парламенту разрешить возможно скорее), парламент «самовольно» занялся обсуждением проблемы престолонаследия, а также дальнейшей реформы английской церкви в более радикальном духе (искоренение «папистского идолопоклонства»).

Когда парламент собрался в конце сентября 1566 г., члены палаты общин заявили, что субсидии не будут даны палатой, пока королева не выскажется относительно ее замужества и назначения наследника. Один из депутатов потребовал в своем выступлении произвести расследование, на что были потрачены прежние субсидии; войну с Францией, которую вело тогда английское правительство, этот член палаты назвал «совершенно ненужной», начатой по капризу королевы [90].

Закрывая парламентскую сессию в январе 1567 г., Елизавета в своей речи заявила парламенту, что свобода, о которой заботятся его члены, не должна наносить ущерб короне. Конец речи Елизаветы Тюдор по стилю прямо напоминал последующие дебаты стюартовских парламентов [91].

Третий парламент был созван только в 1571 году. Он существовал менее двух месяцев и имел всего одну сессию. Парламент был также настроен весьма оппозиционно. Оппозицию представляли Йелвертон, Стрикленд, братья Поль и Питер Уентворты и др. Главные удары они направили против государственной англиканской церкви. Речь Стрикленда о злоупотреблениях епископов и о сохранении в англиканской церкви некоторых обрядов католического культа была произнесена в таком же страстном тоне, в каком позднее, в XVII в., стали выступать ораторы «пуританской оппозиции» при Стюартах [92]. Королева и ее министры остались крайне недовольны парламентом, и он был распущен [93].

Четвертый парламент, избранный в 1572 г. и имевший три сессии — в 1572, 1576 и 1581 гг.,— оказался, однако, не менее строптивым. Сессия 1572 г. была очень бурной. Заговор герцога Норфолькского и северных графов в 1569—1570 гг., связи сторонников Марии Стюарт с испанским королем в это же время, издание папой Пием V буллы против Елизаветы в феврале 1570 г. свидетельствовали о широком наступлении феодально-католической реакции. Члены палаты общин требовали принятия немедленных и самых решительных мер против герцога и Марии Стюарт и вообще против католиков. Политика правительства казалась им недостаточно энергичной. Наиболее крайние ораторы настаивали на немедленной казни Марии Стюарт. Так как Елизавета по ряду причин (среди них большое место занимали соображения внешней политики, и в частности отношения с Францией и Шотландией) отказывалась дать на это согласие, оппозиция выразила ей своего рода вотум недоверия [94].

На сессии 1576 г. остро был поставлен вопрос о свободе речи для членов парламента. Питер Уентворт заявил, что парламент, не обладающий свободой слова,— это не парламент, а насмешка над ним [95]. Последняя сессия, в 1581 г., проходила сравнительно спокойно.

Пятый и шестой парламенты (1584—1585 и 1586—1587 гг.) имели в своем составе много пуритан. Эти депутаты произносили яростные речи против Марии Стюарт, Филиппа Испанского, папы римского и др. Они требовали скорейшего суда над Марией Стюарт и ее казни, издания уголовных законов против католиков в Англии, проведения реформы англи-

---

[90] Там же, стр. 137.
[91] Там же, стр. 176; см. также «Английская буржуазная революция». Т. I. М. 1954, гл. II.
[92] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581, p. 194.
[93] Там же, стр. 237—238.
[94] Там же, стр. 276.
[95] Там же, стр. 319.

канской церкви в пуританском, кальвинистском духе. В 1585 г. был принят билль о безопасности королевы, которым, по существу, уже решалась судьба Марии Стюарт [96]. Елизавета продолжала еще колебаться [97], но парламент 1586—1587 гг. настоял на казни шотландской королевы.

По существу, удары парламента в это время были направлены еще против врагов самого абсолютизма: феодально-аристократической оппозиции и католицизма. Однако резкость предлагаемых парламентом мер смущала правительство, тяготившееся чрезмерным «рвением» и «навязчивостью» парламентской левой. «Союз протестантов всей Англии», который предлагала создать оппозиция официально для защиты личности королевы, внушал ужас правительству перспективой привлечения к «политике» народных масс [98].

В то же время Елизавета и подавляющее большинство ее окружения были настроены решительно против каких-либо реформ в английской церкви. Правительство считало церковный вопрос окончательно решенным, и архиепископ Уайтгифт, опираясь на поддержку королевы, повел решительную борьбу против пуританских конгрегаций. Попытки обоих парламентов — 1584—1585 и 1586—1587 гг.— добиться каких-либо новых церковных реформ успеха не имели.

Седьмой парламент Елизаветы (февраль — март 1589 г.) в связи с опасностью нападения Испании предоставил правительству громадные субсидии. Однако пуританские депутаты продолжали резко выступать против государственной епископальной церкви. Кроме того, парламент 1589 г., возможно, еще под впечатлением арестов депутатов в 1587 г., остро поставил вопрос о парламентских привилегиях [99].

Следующий, восьмой, парламент был созван только в 1593 году. Его депутаты также вспоминали о Великой хартии вольностей, требуя полной депутатской неприкосновенности. Парламентская оппозиция в 80-е годы пыталась формулировать принципы отношений короны к парламенту, определить прерогативы короны и привилегии парламента, противопоставить «короля, правящего по закону и с общего согласия», королю — тирану и деспоту. С другой стороны, в парламенте 1593 г. обсуждение субсидий проходило особенно бурно.

Девятый парламент (1597—1598 гг.) занимался экономическими вопросами (акт о земледелии, заметно ослабивший борьбу с огораживанием; акт о бедных (Poor Law), устанавливавший обязательное самообложение жителей прихода на содержание местных бедняков; петиция королеве о злоупотреблениях монополиями, жалуемыми придворным и всякого рода спекулянтам). Члены палаты общин уже в этом парламенте были крайне возбуждены вопросом о монополиях и требовали их отмены.

Последний, десятый, парламент (1601 г.) наиболее известен конфликтом Елизаветы с депутатами из-за торговли частными монополиями, которая практиковалась властями. Обещание королевы, данное предшествующему парламенту, «исправить положение» оказалось невыполненным. Палата общин отказывалась обсуждать вопрос о субсидиях, пока не будут отменены все монополии. Атмосфера в парламенте была накалена до крайности. 24 ноября парламентский комитет уже отредактировал новый билль, но в это время Елизавета сделала ловкий тактический ход. 25-го она прислала в палату общин письмо, в котором благодарила членов парламента за «быструю» подготовку билля о субсидиях (в действительности дело обстояло как раз наоборот!) и заявляла, что решила сама отменить все монополии и прекратить их практику в дальнейшем [100]. Через несколько дней действительно был издан ордонанс.

---

[96] Там же, стр. 378.
[97] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601, pp. 131—132.
[98] Там же, стр. 47—48.
[99] Там же, стр. 231.
[100] Там же, стр. 384.

Ниль и другие либеральные историки усматривают в этом акте доказательство «гармонии» между короной и парламентом [101]. На самом деле конфликт 1601 г., являвшийся очень серьезным, по существу, не был разрешен. При последующих королях династии Стюартов вопрос о монополиях снова встал в порядок дня, и споры вокруг него продолжались до самой буржуазной революции середины XVII века.

Вопрос о монополиях имел громадное значение не только в борьбе с финансовыми махинациями абсолютистского правительства. Его постановка означала требование буржуазией свободы предпринимательской деятельности, неприкосновенности частной собственности, защиты от произвольных феодальных поборов и грубого феодально-бюрократического вмешательства в экономику страны. В то же время остро ставился и конституционный вопрос о границах королевских прерогатив, то есть королевской власти, с одной стороны, и о привилегиях (то есть фактически тоже о власти), контроле, компетенции самого парламента как органа национального представительства — с другой.

Таким образом, материал, собранный и систематизированный Нилем в его трудах по истории елизаветинского парламента, представляет большой интерес и позволяет сделать важные выводы. Парламентская история Англии второй половины XVI в. фактически уже представляет собою введение в историю Английской буржуазной революции 1640—1660 годов.

Однако с методологической стороны исследование Ниля несостоятельно. Автор склоняется к точке зрения о «гармоничности» отношений парламента с короной в XVI веке. Споры парламента с королевой он представляет как бы спорами «в собственном доме», которые якобы обычно заканчивались полюбовным соглашением, «миром». В своем заключении к первому тому Ниль усиленно подчеркивает момент «взаимопонимания» и «взаимоподдержки» в отношениях королевской власти и парламента при Елизавете. «Диалог (буквально «перекликание» — antyphony) между королевой и общинами,— по мнению Ниля,— свидетельствовал о существовании глубокой гармонии между ними» [102]. Второй том заканчивается анализом речи Елизаветы перед десятым парламентом. Автор буквально воспевает панегирик в честь королевы [103]. В действительности в бурных выступлениях оппозиционных членов парламента и в раздраженных ответах королевы и ее министров на запросы членов палаты общин чувствуется не «гармония», а начало борьбы, зарождение большого политического конфликта, видны искры, зарницы, пламя будущей революции, будущего «Великого мятежа» 40-х годов XVII века.

Другой недостаток трудов Ниля — крайняя идеализация самой Елизаветы. Как и у Рауза, Елизавета наделена Нилем какими-то демоническими, необыкновенными, сверхчеловеческими чертами. Ее речи «священны», и автор всюду приводит их текст полностью [104]. Королева всегда во всем права; она ни в чем не ошибается, ее министры, члены Тайного совета и высшие придворные чины изображаются пешками, которыми она распоряжается как ей угодно. В действительности положение этой королевы было одним из самых сложных в истории английской короны: ей приходилось постоянно лавировать между различными группировками знати, считаться с Лондоном, вести сложную борьбу с самим парламентом, без финансовой помощи которого она не могла обойтись. Вместо показа обострившейся классовой борьбы, соперничества придворных группировок, отражавших в какой-то степени происходившие в стране социально-политические сдвиги, рост нового дворянства и сближение его с буржуазией, Ниль в своей истории парламентов лишь описывает, хотя и весьма живо и даже драматически, коллизии и столкновения между парламентом и ко-

[101] Там же, стр. 391.
[102] Там же, стр. 421.
[103] Там же, стр. 388—391, 437—438.
[104] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1559—1581, pp. 11—12.

роной, персонифицированной целиком в образе Елизаветы [105]. Само правительство не показывается в достаточной степени (его заслоняет королева). В то же время и живая связь парламента с местами — Лондоном, графствами — освещается весьма редко и лишь случайно.

Наконец, следует отметить, что политические взгляды Ниля в общем либеральны, но в ряде случаев читателю бросается в глаза консервативная тенденция автора. Это сказывается, например, в трактовке пуританизма, которому он определенно сочувствует. Часто Ниль радуется, когда Елизавета принимает репрессивные меры против пуритан [106]. Между тем пуританизм по сравнению с англиканизмом представлял собой, безусловно, прогрессивное явление. В дальнейшем пуританство сыграло громадную роль в подготовке буржуазной революции и руководстве ею. Неправ Ниль и с фактической стороны, когда утверждает, что к концу царствования Елизаветы пуританизм потерпел полное поражение [107]. Пуританское движение действительно было подавлено в результате правительственных репрессий, но оно не исчезло, и вскоре, при Якове I, пуритане выступили с еще большей активностью.

★

Проблема внутреннего политического развития Англии XVI в. отличается большой сложностью и трудностью изучения. Английский абсолютизм, конечно, был своеобразным. Его взаимоотношения с парламентом были неодинаковы на разных этапах. Исследование этого вопроса должно носить сугубо диалектический характер. Советским историкам особенно следует заострить внимание на социальной природе тюдоровского абсолютизма. Необходимо показать на конкретном материале, прежде всего на фактах социально-экономической политики тюдоровских правительств, насколько Тюдоры были реально связаны с новым дворянством и с растущей буржуазией. В то же время не надо забывать, что Тюдоры были правительством класса феодалов в целом. Было бы ошибкой считать, что тюдоровская династия целиком опиралась на новые классы — буржуазию и новое дворянство (это было достигнуто только в ходе буржуазной революции середины XVII в.). Но не менее грубым искажением являлось бы и представление о Тюдорах как об узкофеодальной династии, оторванной от буржуазии и нового дворянства (это означало бы полное приравнивание их к следующей династии — Стюартов).

Рассмотренные проблемы свидетельствуют о том, что названные выше исследователи привлекли обширный круг новых, ранее неизвестных, в значительной части архивных документов. Но с методологической стороны новейшая продукция английской историографии отличается крупными, существенными пороками. В ней продолжают господствовать традиционные буржуазно-либеральные представления о своеобразном, особом, якобы исключительном «конституционном» пути, которым будто бы всегда шла английская история: и в средние века и в новое время. Факты, не укладывающиеся в такую схему, английские буржуазные авторы вынуждены вследствие этого толковать превратно, делать отдельные выводы без достаточной аргументации, иногда в прямом противоречии с действительностью.

---

[105] Характерно самое заглавие двухтомной работы: «Елизавета I и ее парламенты...». Личность Елизаветы интересует историка не меньше, чем история парламента.

[106] J. E. Neale. Elizabeth I and her Parliaments, 1584—1601, pp. 278—287.

[107] Там же, стр. 325—326.

ИНВЕНТАРИ ИМЕНИЙ — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ

И. А. Воронков

До недавнего времени в распоряжении историков-полонистов было мало источников по истории сельского хозяйства и крестьянства феодальной Польши. Этим в значительной степени и объясняется слабая разработка в историографии многих вопросов аграрной истории Польского государства. Историки народно-демократической Польши проделали большую работу по восполнению этого пробела, издав ряд сборников по социально-экономической истории эпохи феодализма. Среди них большую ценность представляет публикация инвентарей Великой Польши XVI—XVIII веков [1]. Приведенные в этом издании материалы извлечены из великопольских гродских книг.

В гродских и земских книгах, особенно в первых, велись записи общественных документов и частноправовых актов. Когда с течением времени в них собралось множество исторических сведений, на них обратили внимание ученые. Ряд трудов польских историков посвящен процессу составления книг и организации канцелярии [2]. Некоторые работы дают оценку этих книг как исторического источника [3], отдельные исследования написаны на основе материалов, содержащихся в гродских и земских книгах. Наконец, издано несколько сборников источников, извлеченных из книг [4]. Однако пока опубликована незначительная часть материалов гродских и земских книг, хранящихся в архивах [5].

Материалы книг все еще явно неудовлетворительно использованы историками. Это объясняется, во-первых, тем, что буржуазные ученые занимались главным образом политической историей Польши, уделяя совершенно недостаточно внимания социально-экономическим отношениям. Во-вторых, работа над этим источником исключительно трудна (разнородность записанных фактов, хронологическая растянутость и др.). Нужны были коллективные усилия историков, чтобы преодолеть эти трудности.

Несколько лет тому назад Главное архивное управление Польши поставило перед коллективом архивных научных работников задачу выявить архивные материалы, содержащие сведения о польской деревне. В резуль-

---

[1] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. Wydł Władysław Rusiński. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Wrocław. 1955. «Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego w drugiej połowie XVIII wieku». Z ksiąg grodzkich wyboru dokonał i wydał Janusz Deresiewicz. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. T. I. Województwo Poznańskie. Wrocław. 1956. T. II. Województwo Gnieznеńskie. Wrocław. 1956. T. III. Województwo Kaliskie. Wrocław. 1957.

[2] S. Kutrzeba. Historia źródeł dawnego prawa polskiego. T. I. Lwów. 1925; O. Balzer. Kancelarie i akta grodzkie w wieku XVIII. Przewodnik naukowy i literacki. 1882; P. Dąbkowski. Palestra i księgi sądowe ziemskie i grodzkie w dawnej Polsce. Lwów. 1926; J. Bielecka. Organizacia i działalność kancelarii ziemskich i grodzkich Wielkopolskich XIV—XVIII w. «Archeion». 1954.

[3] См., например, предисловие О. Петруского и Л. Татомира к изд. «Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitei Polskiej z archiwum tzw. bernardyńskiego we Lwowie». T. I—XXV. Lwów. 1868—1935.

[4] Наибольшее количество их содержится в вышеупомянутых сборниках «Akta grodzkie i ziemskie...».

[5] По данным польских историков, в архивах Польши хранится свыше 15 тыс. книг.

тате было обнаружено большое количество новых источников, позволяющих исследователям приступить к разработке ряда вопросов истории польской деревни периода феодализма. В их числе видное место занимают инвентари (описи) имений.

Общая численность сохранившихся инвентарей достигает, по предположению польских ученых, 30—40 тысяч [6]. Большое количество их содержится в гродских и земских книгах; довольно много хранилось в бывших помещичьих имениях, а ныне находится в Главном архиве древних актов в Варшаве и в соответствующих воеводских и костельных архивах.

Инвентари составлялись в духовных, шляхетских, королевских и городских поместьях начиная с XV века. Раньше всего описи стали составляться в духовных имениях, затем в королевских и шляхетских. Наибольшее количество инвентарей относится к XVIII веку.

Содержание поместных описей с течением времени изменялось. Для XV—XVI вв. целесообразнее говорить лишь об инвентарных материалах, в которых отсутствовало еще полное описание имений. Чаще всего эти материалы содержатся в актах семейных разделов, актах продажи, закладов и аренды поместий. Начиная с XVII в. все чаще и чаще появляются инвентари с полным и систематическим описанием имений. Всего их насчитывается три типа. К первому относятся частные описи имений, составленные владельцами или арендаторами; ко второму — описи, имеющие характер ведомственных осмотров (визий), составленные двумя шляхтичами в присутствии судебного исполнителя. Третий тип — это описи присяжных воеводских комиссаров по случаю купли-продажи земельных владений. Подобные документы по-разному называются в источниках: инвентари (inwentarze), визии (wisie), реестры (regestry), состояние имений (stany dóbr), описи состояния имений (opisy stanu dóbr) и т. д. В Силезии инвентари назывались урбариями (urbariuszy; urbarzy). Написаны они преимущественно на немецком языке, хотя есть и на польском.

Не все данные описей являются полностью достоверными. К ним, как и к сообщениям других источников, надо подходить критически. Кроме того, инвентари не дают ответа на все вопросы при изучении социально-экономических отношений в польской деревне. Чтобы оценить значение и достоверность описей, следует знать, для чего они составлялись. Цели же и обстоятельства их составления были различны. Во-первых, инвентарная опись производилась при разделах имений, их продаже, сдаче в аренду, закладах, передаче в наследство и т. д. Надо полагать, что при заключении договоров о передаче поместий в аренду и при купле-продаже имений инвентаризация проходила тщательнее и отличалась большей достоверностью, так как в этом были заинтересованы обе стороны, которые осуществляли взаимный контроль; обстоятельно готовились также документы при разделах имений.

Во-вторых, часто составление инвентарей было связано с люстрацией (ревизией, осмотром) имений, реорганизацией их управления, попытками улучшения хозяйства, с проектированием или проведением реформ, целью которых было увеличение доходов владельца. Последнее обстоятельство играло важную роль при составлении описей во второй половине XVIII в. в связи с общим стремлением феодалов интенсифицировать сельское хозяйство. Надо учитывать, что при составлении инвентаря не всегда имелось в виду отобразить существующее в имении положение вещей. Нередко целью описи были установление нового порядка крестьянского землепользования и введение других повинностей.

Цели, которым должны были служить инвентари, способы и методы их подготовки влияли в той или иной степени на достоверность этих документов. Так, часть сведений о крестьянском землепользовании и семейных отношениях записывалась на основании опроса крестьян, которые

[6] «Historia Polski». T. I, cz. II. Makieta. 1955, str. 9.

относились к этому делу, надо полагать, с недоверием, хотя трудно установить, была ли информация крестьян необъективной. Неохотно крестьяне давали данные о числе и возрасте их детей [7]. Такая настороженность понятна, так как крестьяне не знали, для какой цели производились описи, и поэтому стремились кое-что скрыть. Можно предполагать, что крестьяне давали преуменьшенные данные о мертвом и особенно живом инвентаре, так как нередко тяжесть извозной, дорожной и некоторых других повинностей зависела не от размера надела, а от обеспеченности хозяйства лошадьми, волами, телегами.

Правда, не всегда крестьяне относились враждебно к составлению описей, тем более что в них часто отсутствовали рубрики о количестве членов семьи, скота, тягла и т. д. Кроме того, начиная с XV в., как известно, все время возрастали крестьянские повинности, особенно барщина. Поэтому крестьяне нередко сами добивались проведения новых описей, рассчитывая таким путем восстановить прежние, более низкие нормы повинностей. Однако это им, как правило, не удавалось. Лишь в отдельных случаях, по-видимому, под напором крестьян, из инвентарей исключались наиболее тяжелые повинности [8].

Достоверность инвентарных материалов зависела не только от показаний крестьян, но также от чиновников и служащих имений, составлявших описи. Они обязаны были детально знакомиться с каждой описываемой деревней и со всеми крестьянскими дворами. Далеко не все ревизоры соблюдали установленные правила. В результате в ряде инвентарей чиновники давали ложные, в той или иной степени недостоверные сведения. Не всегда при составлении описей измерялись земли, так как это требовало значительных расходов [9].

В имениях средней и мелкой шляхты делались, как правило, более точные и подробные описи, поскольку владельцы поместий имели возможность лично участвовать или осуществлять контроль при составлении инвентарей. Имеются также примеры тщательной подготовки подобных документов и в крупных имениях. Делалось это тогда, когда преследовалась цель улучшения хозяйства. Вообще следует отметить, что описи для хозяйственных целей делались более основательно во всех имениях вне зависимости от их размеров.

Терминология инвентарей затрудняет их использование. Например, встречаются следующие категории крестьян: кметы, полурольники, загродники, халупники и др. Однако, как мы увидим далее, эти определения не всегда соответствуют положению той или иной категории крестьян. Термины, обозначающие площадь крестьянских наделов и фольварковой запашки (ланы, роли, морги, загоны, стан и др.), а также меры объема имеют различные значения в зависимости от места и времени.

К числу других недостатков инвентарей как исторического источника следует отнести их схематизм. Жизнь польской деревни была значительно полнее, чем она отражена в этих документах.

По сравнению с бухгалтерскими счетами XVIII в. (rachunkami) инвентари дают общие сведения о фольварковых посевах и почти не сообщают конкретных данных о сборах хлеба, что затрудняет изучение вопроса об урожаях и рентабельности фольварочного хозяйства. Сведения же о посевах и размерах крестьянских наделов содержатся лишь в незначительном количестве документов.

В большинстве описей нет данных о дворовой челяди и ее положении. Далеко не во всех инвентарях сказано о составе крестьянских семей, о повинностях разных категорий крестьян, особенно коморников, о крестьян-

---

[7] J. Leskiewicz. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich dla badań historii wsi w Polsce w XVIII wieku. «Kwartalnik Historyczny», 1953, № 4, str. 366.

[8] Там же, стр. 367.

[9] Там же, стр. 368.

ском скоте, сельскохозяйственных орудиях и др. Не всегда указывается, кому принадлежал скот, орудия производства и т. д. — крестьянину или помещику.

В инвентарях много говорится о пустых и разрушенных домах крестьян, о разрушенных фольварковых постройках, о пустующих землях. Но, как правило, не дается прямого ответа на вопрос о причинах таких явлений. Об этом можно судить чаще всего только по косвенным данным.

При использовании описей надо помнить, что феодалы на практике нередко устанавливали более высокие нормы повинностей и податей, чем те, которые зафиксированы в документах. Об этом свидетельствуют, например, такие источники, как суплики и книги референдарских судов.

В большей части шляхетских инвентарей нет данных о податях и повинностях крестьян в пользу церкви и государства. Очень скудны по сравнению с материалами книг референдарских судов и суплик сведения описей о классовой борьбе крестьян.

Однако, несмотря на существенные недостатки, инвентари являются основным и весьма ценным источником для исследования социально-экономического развития сельского хозяйства Речи Посполитой в целом и отдельных ее районов в XVI—XVIII веках. Необходимо отметить, что при изучении социально-экономических отношений польской деревни этого периода нельзя ограничиваться только материалами инвентарей. Надо широко привлекать и другие источники, особенно книги референдарских судов, суплики, рахунки, а также мемуарную литературу, сочинения публицистов и другие. Только использование всех видов источников позволит воссоздать полную и правдивую картину состояния деревни Речи Посполитой.

Инвентари, будучи частноправовыми актами, состоят, как правило, из двух частей: описи имения и перечисления крестьянских повинностей. К наиболее типичным документам этого рода относятся такие, в которых описание деревни идет в следующем порядке: двор, его постройки, панские орудия производства и скот, крестьянские избы, жители деревни, скот и орудия, принадлежащие крестьянам и выданные им помещиками, повинности крестьян. Затем идет перечисление помещичьих полей, лугов и лесов, а в редких случаях — также и крестьянских наделов. Впрочем, эта схема не всегда соблюдалась.

Отдельные польские историки начали использовать инвентари при изучении сельского хозяйства Речи Посполитой еще в XIX веке. Например, в середине XIX столетия этот источник был положен в основу некоторых исследований Я. Т. Любомирского [10]. Кроме него, инвентарные материалы привлекались такими буржуазными историками, как И. Т. Барановский, Вл. Вечорек, А. Жабко-Потапович [11]. Однако широко описи были использованы только в работах Я. Рутковского [12].

Историки народно-демократической Польши уделяют много внимания выявлению, использованию и критической оценке инвентарей в качестве исторического источника. Об этом свидетельствуют, например, статьи В. Русиньского, Я. Лескевич и работа Я. Варенжак [13]. Однако до недавнего времени многие польские и особенно зарубежные ученые были лише-

---

[10] J. T. Lubomirski. Ludność rolnicza w Polsce od XVI do XVIII w. «Biblioteka Warszawska». 1858—1862; его же. Północno-wschodnie wołoskie osady. «Biblioteka Warszawska». T. IV. 1855.

[11] I. T. Baranowski. Z dziejów gospodarki rolnej w Polsce. Dobra puławskie pomiędzy I. a III rozbiorem. «Ekonomista». T. 2. 1907; Wł. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań. 1929; A. Zabko-Potapowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwe w W. Ks. Litewskim w XVIII w. Warszawa. 1929.

[12] J. Rutkowski. Studia nad położeniem włościan w Polsce w XVIII wieku. «Ekonomista». T. I. 1914; его же. Zagadnienie reformy rolnej w Polsce w XVIII w. na tle reform przeprowadzonych we wsiach miasta Poznania. Poznań. 1925.

[13] W. Rusiński. Uwagi o rozwarstweniu wsi w Polsce w XVIII w., «Kwartalnik Historyczny», 1953, № 2; J. Leskiewicz. Указ. соч.; J. Warężak. Osadnictwo kasztelanii łowickiej (1136—1847), cz. I. Lódz. 1952.

ны возможности сколько-нибудь широко использовать эти документы в своих исследованиях, так как издание их было поставлено совершенно неудовлетворительно. Большая часть публикаций относилась не к польским, а к украинским, белорусским и литовским землям [14]. Что касается польских земель, то подавляющая часть изданных описей относилась к духовным имениям [15]. Опубликовано также несколько инвентарей королевских имений [16].

Хуже обстояло дело с изданием инвентарей помещичьих и городских имений польских земель. В последней четверти XIX в. несколько ценных инвентарей шляхетских имений XVI—XVII вв. опубликовал В. Хоментовский [17]. После этого издание их надолго прекратилось. Спустя почти 70 лет к этой работе приступил коллектив историков народно-демократической Польши. В 1953 г. опубликовано три инвентаря имений Ленчицкой шляхты (1674 и 1727 гг.) [18]. Приняты меры по изданию описей малопольских земель. В 1956 г. вышел в свет первый том «Инвентарей шляхетских имений Краковского воеводства», охватывающий период с 1576 по 1700 год [19].

Несколько силезских инвентарей было опубликовано в XIX и первой половине XX века [20]. В 1956 г. польские историки приступили к систематической публикации инвентарей Силезии [21].

В последние годы наибольшее внимание польские ученые уделяли публикации документов, относящихся к Великой Польше. В 1955 г. Вл. Русиньский издал первый том «Инвентарей шляхетских имений Калишского повета» [22]. В нем имеется 450 описей XVI — первой половины XVIII века. Они извлечены из гродских книг Калишского повета и касаются 270 деревень, то есть 70% шляхетских деревень повета [23]. Некоторые деревни описывались повторно, что очень важно для исследователя.

В 1956—1957 гг. вышло из печати еще три тома инвентарей Великой

---

[14] «Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею». Тт. XIV, XXV, XXXV, XXXVIII. Вильно. 1887—1914; «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской». Тт. II, XX, XXI, XXVII, XXX, XXXI Витебск. 1871; «Археографический сборник». Т. I. Вильно. 1867; «Архив Юго-Западной России». Т. VI—VIII. Киев. 1886—1890; «Istorijas archivas». T. I. Kowno. 1934.

[15] B. Ulanowski. Inwentarz dóbr i dochodów biskupstwa Wrocławskiego z. r. 1534. A.K.H. T. X.; A. Mańkowski. Inwentarz dóbr biskupstwa Chełmińskiego z. r. 1614. Fontes. T. XXII; A. Mańkowski. Inwentarz dóbr kapituły Chełmińskiej z. r. 1605. Fontes. T. XXIII; E. Dlugopolski. Inwentarz dóbr biskupstwa Poznańskiego z. r. 1564; A. K. H. T. XV; L. Żytkowicz. Reviso bonorum episkopatus Wladislawiensis facta a. 1598. Toruń 1950; L. Żytkowicz. Reviso bonorum episkopatus Wladislawiensis facta a. 1582 Toruń. 1953; R. Mienicki. Inwentarze dóbr biskupstwa Chełmińskiego (1646, 1676). Toruń. 1955.

[16] K. Kościński. Inwentarze starostwa Człuchowskiego z r. 1746. «Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu». T. XI; A. Fostnacht. Inwentarze zamku, folwarku i młynów starostwa Sanoskiego z. r. 1558. Warszawa. 1948; G. Labuda. Inwentarze starostw Puckiego i Kościerskiego z XVII wieku. Toruń. 1954.

[17] W. Chomiętowski. Materiały do dziejów rolnictwa w Polsce w XVI i XVII w. Warszawa. 1876.

[18] «Teki archiwalne». T. I. Warszawa. 1953.

[19] «Inventarze dóbr ziemskich województwa Krakowskiego 1576—1700». Wybór z ksiąg relacyi grodu krakowskiego. Wyd. A. Kamiński, A. Kieblicka, S. Pańkow. Warszawa. 1956.

[20] A. Meitzen. Urkunden schlesischen Dörfer. «Codeks diplomaticus Silesiae». T. IV. Breslau. 1863; A. Werner. Chronik von Fridland u. Umgegend. Friedland. 1883; B. Kolbe. Auszug aus dem im Steuramte zu Glatz befindlichen Urbarium des Grafen Hans von Hardeck v. j. 1534. «Vierteljahrschrift f. Geschichte u. Heimathskunde d. Grafschaft Glatz». T. II. 1882/1883; его же. Urbarium der Graffschaft Glatz vom Jahre 1571 (там же. T. III. 1883/1884); T. Enden. Das Urbar der Stadt Cosel von 1532. Oberglogau. 1939; J. Chrząscz. Urbarium des Dorfes Schönwald bei Gleiwitz 1534. «Oberschlesische Heimat». T XVI. 1920; T. Konetzny. Urbare von Radoschau u. Chrost im Kreise Cosel. 1928; S. Macha. Aus dem Urbarium der Stadt Beuthen vom Jahre 1532. «Aus dem Beuthener Lande». R. II. 1925.

[21] «Inventarze dóbr zamkowych Opolsko-raciborskich z lat 1566 i 1567». Opracowali i przygotowili do druku Roman Heck i Józef Leszczyński. Wrocław. 1956.

[22] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. Wrocław. 1955.

[23] Там же, стр. XXI.

Польши [24], которые содержат 320 описей шляхетских имений Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств, составленных во второй половине XVIII века. Абсолютное большинство этих документов относится к имениям мелкой и средней шляхты. Такой состав материалов очень важен, так как история средне- и мелкопоместных шляхетских хозяйств до сих пор изучена значительно хуже, чем история крупнопоместных владений. В отличие от первого тома «Инвентарей Калишского повета» в трехтомнике опубликованы описи небольшого количества деревень Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств. Это в известной степени снижает ценность данной публикации. Кроме того, помещенные в ней документы охватывают очень короткий, хотя и важный период времени, что не позволяет исследователю проследить процессы, которые происходили на территории трех воеводств Великой Польши в XVI—XVIII веках.

При отборе материалов польские ученые преследовали цель обнародовать наиболее ценные инвентари, содержащие наибольшее количество сведений по истории как самих крестьян, так и их хозяйств. В связи с этим во многих опубликованных описях опущено или дано в сокращении описание двора, его построек и шляхетских посевов. Для данного периода, когда в распоряжении историков-полонистов имеется пока еще мало источников по истории крестьянства феодальной Речи Посполитой, такой метод подбора и публикации инвентарей является, возможно, правильным. Однако, думая о будущем, на наш взгляд, было бы более целесообразным воспроизводить все или хотя бы большинство описей каждого воеводства без сокращений. Такая публикация позволила бы дать более полную картину развития сельского хозяйства Великой Польши.

Ценность рецензируемого издания состоит прежде всего в том, что помещенные в нем документы, взятые в совокупности, охватывают большой и очень важный период времени в истории феодальной Польши. Это было время утверждения, развития и загнивания фольварочно-барщинной системы. Далее, опубликованные инвентари Калишского повета охватывают 70% шляхетских деревень, а трехтомник содержит опись ряда деревень всей Великой Польши. Такая широта источника позволяет воссоздать картину развития великопольской деревни и проследить изменения, происходившие в сельском хозяйстве и в положении крестьян в XVI—XVIII веках. На основе анализа опубликованных инвентарей исследователь может ответить на вопрос, как влияли фольварочно-барщинная система, войны и другие обстоятельства на состояние крестьянского хозяйства и сельского хозяйства в целом.

Рецензируемые источники содержат обширный материал о положении крестьян и их повинностях, о дифференциации крестьянства. Они позволяют установить, что с XVI по XVIII в. значительно ухудшилось положение крестьян, произошло обнищание деревни, резко уменьшилось количество хозяйств крестьян-кметов, то есть хозяйств, имевших в основном полные наделы земли, и увеличилось число малоземельных и безземельных крестьян, и, следовательно, сократилась площадь крестьянской надельной земли и возросли барская запашка и барщина, уменьшилось количество скота у крестьянства и т. д.

Как видно из инвентарей, в XVI и первой половине XVII в. в шляхетских имениях Калишского воеводства явно преобладали хозяйства крестьян-кметов; категорий безземельных крестьян до 30-х годов XVII в. еще не было [25]. Однако начиная с 30-х годов все чаще и чаще встречаются де-

---

[24] «Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego w drugiej połowie XVIII wieku». Tt. I—III. Wrocław. 1956—1957.

[25] Так, в деревне Суха в 1565 г. проживало 8 кметов и 4 огородника («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 14—15); в деревне Бендзехув—10 кметов и один огородник (1582 г.) (там же, стр. 42); в деревне Бронув — 6 кметов и 3 огородника (1595 г.) (там же, стр. 60); в деревне Пионтек Вельки — 6 кметов и 2 огородника (1604 г.) (там же, стр. 71); в деревне Лутыния — 4 кмета, один загродник, один

ревни, в которых кметы были уже в меньшинстве. В ряде инвентарей впервые появляются сведения о безземельных крестьянах (коморниках и халупниках) [26]. Инвентари позволяют проследить, как с середины XVII в. происходило резкое сокращение количества крестьян-кметов и увеличение числа малоземельных и безземельных крестьян. Упоминания о деревнях, в которых преобладали кметы, встречаются в документах второй половины XVII и XVIII в. очень редко. Появляются новые категории крестьян (полурольники, полследники, ратан), имевших еще значительные, но неполные наделы земли. Ими часто были обедневшие кметы. Во многих описях говорится о деревнях, в которых совершенно не было кметов и даже полурольников. Количество таких деревень все время увеличивалось. В инвентарях указанного времени начинают встречаться категории люзных людей, то есть полностью лишенных средств производства, не имевших постоянного места жительства и определенных занятий. Они устраивались на временную работу в имениях феодалов или в городах [27].

В рецензируемом издании исследователь найдет много сведений о количестве рабочего и другого скота и сельскохозяйственных орудий у разных категорий крестьян. Эти данные также свидетельствуют об обнищании великопольской деревни во второй половине XVII и первой половине XVIII в. и о дифференциации крестьянства. Если, например, в описях XVI и первой половины XVII в. постоянно подчеркивается, что кметы и даже огородники полностью обеспечены своим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, то документы второй половины XVII и первой половины XVIII в. говорят о полном отсутствии у многих кметов, полурольников, полследников и загродников своего рабочего и другого скота, сельскохозяйственного инвентаря или о недостаточности собственного скота и своих сельскохозяйственных орудий [28]. Инвентари второй половины XVIII в. свидетельствуют о некотором увеличении количества скота у крестьян, особенно у кметов. Крестьяне, не имевшие своего скота, пользовались обычно, как видно из источника, панским скотом.

Таким образом, данные описей о сокращении количества крестьянского скота и об отсутствии у многих кметов, полурольников и других крестьян собственного скота и сельскохозяйственных орудий дают исследователю основание сделать вывод, что во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. имелась уже далеко зашедшая дифференциация внутри каждой из категорий крестьянства. Ясно, что кметы, полурольники, полследники, загродники, лишившиеся своего скота и орудий производства, только формально продолжали принадлежать к этим категориям крестьян. Отметим, что в некоторых инвентарях второй половины

наемник и один корчмарь (1615 г.) (там же, стр. 75); в деревне Гать—7 кметов и 2 загродника (1620 г.) (там же, стр. 83—84).

[26] В деревне Ястрженбники в 1638 г. проживало 10 кметов, 6 загродников и 3 халупника («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I., str. 94); в деревне Седмирогов—11 кметов, 9 халупников, корчмарь, мельник, овчар (1642 г.) (там же, стр. 115); в деревнях Бронишевицы и Сухоржев—14 кметов, 6 огородников, 4 коморницы, 10 свободных халупников, корчмарь, 2 скотника и один дворовый сторож (1646 г.) (там же, стр. 120).

[27] В деревне Зберск проживало в 1659 г. 3 кмета, 3 загродника и 7 коморниц («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 136); в деревне Пруслин—полурольник, 2 халупника, 2 плотника и одна коморница (1679 г.) (там же, стр. 189); в деревне Вершхослав — 4 кмета, 3 полследника, 2 ратая, 3 огородника, 4 халупника (1679 г.) (там же, стр. 191); в деревне Яникув—3 загродника, 3 коморника, 2 люзных человека, корчмарь и колесник (1683 г.) (там же, стр. 204); в деревне Ленартовице — один кмет, 2 ратая, 10 халупников и мельник (1685 г.) (там же, стр. 216); в деревне Любиня Велька—13 халупников, корчмарь и коморница (1704 г.) (там же, стр. 298); в деревне Шимановице—4 полурольника, 3 халупника и 10 коморников (1717 г.) (там же, стр. 383—384); в деревне Чеканув— 2 кмета, один полурольник, 21 загродник, 7 халупников и 9 люзных людей (1726 г.) (там же, стр. 466—468); в деревне Сливнице — 8 полурольников, 5 халупников и 8 коморниц (1744 г.) (там же, стр. 673) и т. д.

[28] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. str. 138—139, 168, 208—209, 626, 651, 718, 719, 751 и др.

XVII — первой половины XVIII в. исследователь найдет конкретные данные о превращении разорившихся кметов в полурольников, загродников, халупников [29].

Исключительно богатый материал дает рассматриваемая публикация для изучения вопроса о податях и повинностях различных категорий крестьян. Инвентари свидетельствуют о том, что в Великой Польше существовали три формы феодальной ренты, из которых главной была отработочная, барщина, постоянно возраставшая. Основная ее тяжесть ложилась на крестьян в летние месяцы. Кроме барщины на полях, крестьяне, как видно из описей, были обременены и другими отработочными повинностями, вносили натуральные и денежные чинши, данины. Быстрее всего росла барщина у крестьян-кметов. Если во второй половине XVI в. большинство из них имело по 3—4 дня упряжной барщины в неделю, в середине XVII в. — по 5—6 дней, то уже в XVIII в. отработочная рента большинства кметов доходила до 10—12 и даже 18 дней в неделю [30]. Определенных норм феодальных повинностей для кметов и других категорий крестьян в Польше не существовало. Из источника можно видеть, как даже в одном имении у кметов иногда были разные нормы барщины. Как правило, для зажиточной части кметов, обеспеченных рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями, устанавливались более высокие нормы барщины [31].

Инвентари позволяют установить, что барщинная повинность загродников увеличилась в среднем в полтора — два раза на протяжении XVI—XVIII веков [32].

[29] Там же, стр. 389, 398 и др.

[30] Имеется в виду число человеко-дней с одного хозяйства в неделю.

[31] Например, каждый кмет деревни Рацендув выполнял в 1568 г. трехдневную барщину в неделю, а летом — восьмидневную («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 17). В деревне Турско Вельке кметы в жниво несли ежедневную барщину, а в остальное время года работали на барщине по 4 дня в неделю каждый (1599 г.). Кроме того, они несли извозную повинность и вносили пану по гривне денежного чинша, по две курицы и по полкопы (30) яиц (там же, стр. 67). В деревне Ястрженбники в 1638 г. каждый кмет выполнял пятидневную барщину в неделю, а в жниво — двенадцатидневную; кроме того, они пряли кудель и вносили такие же оброки, как и жители Турско Вельке (там же, стр. 94). Кметы деревни Едлец выполняли в 1714 г. двенадцатидневную барщину в неделю. Они также обязаны были посылать во время жатвы в течение трех дней по три человека на шарварк (дорожная повинность), мочить, мять, трепать лен и прясть кудель. Но отработочными повинностями дело не ограничивалось. С них взимался еще денежный чинш в 48 грошей в год со двора и, помимо этого, требовались еще приношения ко двору по две курицы и по полкопы яиц (там же, стр. 339—340). Кмет деревни Стоянув, не имевший своего тягла и коров, выполнял в 1739 г. восьмидневную барщину в неделю, а также отбывал сторожевую повинность, вносил две курицы и полкопы яиц и обязан был пасти стадо и стричь овец (там же, стр. 634—635). В деревне Данброшин зажиточный кмет, имевший своих четырех лошадей, нес в 1751 г. двенадцатидневную барщину в неделю, извозную и сторожевую повинности. Кроме того, он обязан был 6 раз в год выходить на толоки, пасти скот, прясть кудель, давать 4 курицы, 60 яиц и т. д. («Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. III, str. 1). В деревнях Козья Волица и Боржецички кметы, имевшие много скота и сельскохозяйственного инвентаря, выполняли в 60—70-х годах XVIII в. восемнадцатидневную барщину в неделю каждый (там же, стр. 128—130, 208—212).

[32] Так, загродники деревни Кучкув и Хржанув несли в 1569 г. по два дня барщины в неделю, вносили чинш и выполняли некоторые другие повинности («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 18, 22). Повинности загродников деревни Кренпы состояли в 1731 г. в работе на барщине по три дня в неделю, в уплате по 13 грошей денежного чинша и в приношении по две курицы (там же, стр. 526—531). Загродники деревни Закшин работали на барщине от св. Яна до св. Михаила по 5 дней в неделю, от св. Михаила до св. Мартина — по 4 дня и от св. Мартина до св. Яна — по 3 дня (1739 г.) (там же, стр. 628). В деревне Денбе загродники выполняли в 1742 и 1746 гг. по 3—4 дня конной и пешей барщины в неделю (там же, стр. 651). Однако были случаи, когда у загродников была в XVIII в. и более высокая норма барщины. Например, загродники деревни Хойна несли в 1715 г. двенадцатидневную барщину в неделю. Так как они были лишены возможности работать на себя, то им выдавалось определенное количество продуктов с панского двора. В сенокос они получали еще дополнительный паек (там же, стр. 364).

В то же время источник ставит исследователя перед фактом, что нормы барщины таких категорий крестьян, как полурольники, полследники, халупники и коморники, с середины XVII (время появления указанных категорий крестьян в инвентарях) и до конца XVIII в. не изменились. Полурольники и полследники выполняли в среднем по 5—8 дней конной и пешей барщины в неделю, халупники — по 3 дня и коморники — по 2 дня пешей барщины. Кроме того, полурольники, полследники и даже многие халупники несли и другие повинности, вносили чинши и данины [33]. На коморников обычно распространялась только барщинная повинность, так как у них, как правило, не было ничего, кроме своих рук. В связи с этим многие феодалы, как видно из инвентарей, выдавали коморникам на питание зерно и другие продукты, выделяли небольшие участки фольварковой земли для посева зерновых и других культур [34].

В истории аграрных отношений при феодализме важное значение имеет проблема привлечения рабочей силы в поместья. В некоторых инвентарях исследователь найдет данные о распространении в Великой Польше во второй половине XVII и в XVIII в. принудительного найма и об оплате наемного труда крестьян [35]. Этот наем распространялся обычно на халупников и коморников, то есть на те категории крестьян, которые исполняли относительно небольшую барщину.

В отдельных описях имеются сведения о податях различных категорий крестьян в пользу государства и костела. Однако проследить по этим источникам, как изменились с течением времени эти подати, очень трудно, так как данные о них встречаются редко.

Инвентари позволяют историку изучить вопрос о свободных крестьянах, наемниках, крестьянах-чиншевиках и окупниках, об олендрах и люзных людях. Положение этих категорий крестьян освещено в литературе очень слабо.

В описях второй половины XVI — первой половины XVII в. свободные крестьяне и наемники упоминаются довольно часто. Так, в деревне Твардув в 1610 г. проживало 4 наемника, Лутыния — один наемник (1615 г.), Бронишевицы и Сухоржев — 10 свободных халупников (1646 г.) [36]. Во второй половине XVII и первой половине XVIII в., особенно в последней четверти XVII и первой четверти XVIII в., сведения о свободных крестьянах встречаются в инвентарях редко. Во второй половине XVIII в. количество свободных крестьян, как видно из инвентарей, увеличивается. Основной повинностью одних свободных крестьян и наемников была барщина, других — чинш. Так, наемник из деревни Турско Вельке платил в 1599 г. три вердунки денежного чинша в год и в жниво выполнял двухдневную барщину в неделю. Два свободных халупника деревни Оценж выполняли в 1698 г. трехдневную барщину в неделю [37]. Таким образом, рассматриваемый нами источник свидетельствует о том, что свободные крестьяне и наемники Речи Посполитой в действительности никакой свободы не имели.

О крестьянах-чиншевиках в инвентарях до середины XVIII в. упоминается только один раз. Ими были кметы деревни Ястрженбники. В 1684 г. они не несли барщины, а платили по копе денежного чинша, доставляли по 6 кур, по полкопе яиц и по чвертни хмеля [38]. Крестьяне-окупники (имеются в виду земледельцы) и олендры в опубликованных инвентарях до середины XVIII в. не встречаются.

[33] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 166, 189—190, 327, 385, 424, 455, 645 и др.; «Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. I, str. 101 и др.; T. III. str. 141—142 и др.

[34] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 651, 723, 751.

[35] Там же, стр. 189—190, 212 и др. Подобные же сведения встречаются и в трехтомном сборнике инвентарей Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств.

[36] Там же, стр. 18, 22, 120.

[37] Там же, стр. 67, 257.

[38] Там же, стр. 212.

О люзных людях в описях имеется много сведений. Источник показывает, что их правовое и материальное положение было неодинаковым. Это были свободные и зависимые земледельцы и ремесленники; некоторые из них проживали в имениях временно, другие постоянно и т. д. [39].

В ряде описей исследователь найдет сведения о дворовой челяди и ее положении. В рецензируемом издании имеется значительный материал о сельских ремесленниках, их положении и повинностях. Источник позволяет установить, что среди них были зависимые и свободные, барщинники и чиншевики и т. д. [40].

Опубликованные инвентари содержат богатый материал о солтысах, мельниках и корчмарях. Документы показывают, что это была наиболее зажиточная часть сельского населения. Большинство солтысов, мельников и корчмарей состояло в XVI — XVIII вв. из свободных людей, чиншевиков и окупников, но были среди них и барщинники. Мельники и корчмари платили высокие денежные и натуральные чинши за мельницы и корчмы, что свидетельствует о их больших доходах. Кроме того, некоторые из них владели еще значительными земельными наделами. Солтысы также платили высокие чинши с земельных наделов, которые превышали обычно наделы кметов [41].

Окупники, то есть лица, получившие в результате окупа, составлявшего значительную денежную сумму, наследственное право на землю и движимое имущество, встречаются в рассматриваемом источнике до середины XVIII в. только два раза. В деревне Хоржев проживал мельник-окупник, который обязан был платить 76 тынфов денежного чинша в год, вносить 6 кур, 2 гусей и работать в жатву 18 дней на барщине [42]. Вторым

---

[39] Так, в числе 7 люзных людей деревни Воля Дрошевска в 1718 г. были портные и мельники. В деревне Чеканув в 1726 г. проживало 9 люзных людей, среди них — свободные и зависимые, ремесленники, овчары и корчмари (там же, стр. 467). В числе жителей деревни Котлин в 1740 г. был один люзный коморник (там же, стр. 643).

[40] Например, в деревне Ястрженбники в числе халупников в 1638 г. было 2 портных и кузнец (там же, стр. 94), в деревне Пруслин проживало в 1679 г. 2 плотника (там же, стр. 189), в деревне Гижалка — 4 ремесленника (1699 г.) (там же, стр. 266—267), в деревне Лезнова — 2 свободных ремесленника (кузнец и портной) (там же, стр. 561) и т. д. Кузнец и ткач деревни Гать платили феодалу в 1620 г. по 4 злотых денежного чинша (там же, стр. 84), в деревне Ястрженбники портные и кузнец обязаны были работать в жниво по два дня в неделю на барщине на панских харчах (1638 г.) (там же, стр. 95). Спустя 50 лет кузнец этой же деревни выполнял уже трехдневную барщину в неделю круглый год, портной — двухдневную барщину в жатву и однодневную в остальное время года (там же, стр. 212). Ремесленники деревни Гижалка обязаны были в жатву отработать на барщине по четыре недели, а в остальное время — работать во дворе по специальности, согласно контракту (там же, стр. 266—267). Свободный ткач деревни Едлец выполнял в жатву двухдневную барщину в неделю и обязан был вместе с другими жителями нести дорожную повинность (шарварк) (там же, стр. 339—340).

[41] В деревне Хружанув в 1569 г. проживал один мельник. Он платил феодалу чинш и нес восьмидневную барщину в год («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 22). Мельник деревни Ястрженбники обязан был давать феодалу 6 мальдров ржи в год, 8 кур, выкормить 2 панских свиней и выполнять извозную повинность (1638 г.) (там же, стр. 95). Обязанность корчмаря деревни Тшебова состояла в приготовлении пива и в работе на барщине в жатву в течение трех недель (1667 г.) (там же, стр. 166). Два мельника деревни Гремблев вносили в год по 10—21 гривен денежного чинша, по 4 курицы и обязаны были выполнять двухдневную пешую барщину в неделю (1670 г.) (там же, стр. 173). Два свободных солтыса деревни Каев платили только денежный чинш (1714 г.) (там же, стр. 346). Свободный мельник деревни Едлец платил 80 злотых денежного чинша в год и вчосил 6 кур и 6 гусей (там же, стр. 339—340). Мельник деревни Пивонице выполнял в неделю четырехдневную барщину, давал 150 корцев зерна и обязан был выкормить в год 8 панских свиней (1728 г.) (там же, стр. 502). Свободный корчмарь деревни Кренпы, немец по национальности, имел надел земли площадью в 8 моргов, огород, луг, 4 собственных лошади и 6 коров. Он платил 30 злотых денежного чинша в год. Один из мельников этой деревни имел 22 морга пахотной земли и 3 луга. Его повинность состояла в работе на барщине во время уборки в течение 14 дней и в уплате 164 злотых и 20 грошей денежного чинша (там же, стр. 530—531).

[42] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 370.

окупником был мельник деревни Турско Вельке. Он платил денежный чинш [43]. В инвентарях второй половины XVIII в. окупники среди солтысов, мельников и корчмарей и других жителей деревни встречаются очень часто. В то же время источник дает возможность установить, что в описях этого периода почти не упоминаются солтысы, мельники и корчмари, которые бы несли барщину в качестве основной феодальной повинности.

Сведения инвентарей о наличии почти в каждой деревне корчмарей позволяют сделать вывод о широком развитии винокурения в Великой Польше XVI — XVIII веков.

В ряде описей имеются сведения о состоянии рыбного хозяйства феодалов, о положении и повинностях рыбаков. Как видно из материалов, до середины XVII в. рыбное хозяйство в стране развивалось в целом успешно, а затем наступил длительный период полного его упадка. Основная повинность рыбаков состояла в доставке феодалу определенного количества рыбы [44].

Опубликованные инвентари содержат большое количество подробнейших данных о состоянии крестьянских жилищ и других крестьянских и помещичьих построек. Эти сведения, а также факты неиспользования пахотной надельной и фольварковой земли и лугов являются ярким свидетельством разорения крестьянства и в целом сельского хозяйства во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Например, в инвентарях XVI — первой половины XVII в. редко встречаются сведения о пустых, разрушенных, полуразрушенных и сожженных фольварковых и крестьянских жилых и других постройках, о нераспаханных землях. Зато описи второй половины XVII и первой половины XVIII в. буквально пестрят такими данными [45]. Особенно много нераспаханной земли, пустых, разрушенных, полуразрушенных и сожженных домов и других построек было в Великой Польше в первой четверти XVIII в., то есть во время Северной войны, и в послевоенный период [46].

Из документов следует, что одной из причин разорения крестьянства и упадка сельского хозяйства были войны. Однако основная причина общего упадка сельского хозяйства и разорения крестьянства состояла в господстве фольварочно-барщинной системы, в неимоверном усилении эксплуатации крестьян и других слоев трудящегося населения. Барщинно-фольварочная система к тому же сочеталась в Польше с политической анархией, которая во второй половине XVII — первой половине XVIII в. во многом способствовала подрыву экономики страны. В свете приведенных документов нам представляется неверным утверждение В. Д. Похилевича о том, что войны были основной причиной экономического упадка Польши (см. «Kwartalnik Historyczny», 1958, № 3, стр. 742—763).

В ряде описей второй половины XVII и особенно первой половины XVIII в. имеются сообщения о чрезвычайно низких урожаях на фольварковых полях [47].

Рецензируемое издание содержит материалы, показывающие, что во второй половине XVIII в. процесс дальнейшего разрушения сельского хо-

---

[43] Там же, стр. 496.

[44] Так, рыбак деревни Едлец обязан был давать каждую неделю по два оброка рыбы на 3 злотых (там же, стр. 339—340).

[45] В деревне Добрич в 1661 г. было три пустых халупы бывших кметов (там же, стр. 137—138), в деревне Бендзешин — 5 пустых крестьянских домов (1662 г.) (там же, стр. 147), в деревне Квиткув стояли пустыми в 1668 г. две крестьянские халупы (там же, стр. 164), в деревне Боруцин вся пахотная земля оставалась невозделанной (1661 г.) (там же, стр. 143). В деревне Завидовицы была нераспаханной в 1685 г. вся фольварковая земля (там же, стр. 217). В деревне Гать Повензова не были распаханы многие наделы крестьян (1700 г.) (там же, стр. 277).

[46] «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. str. 308—310, 313 319, 321, 324, 335—337, 341, 355, 371—375, 392—395, 406—407, 473—474, 584, 610—612, 660, 680—681, 716, 782 и др.

[47] Там же, стр. 159, 601—602, 645, 672, 675—676, 685, 700 и др.

зяйства приостанавливается и наблюдаются некоторые признаки восстановления деревни. Так, в инвентарях этого периода нет сведений о разрушенных и опустевших селах и фольварках, о нераспаханных полях, почти совершенно отсутствуют данные о пустых халупах и т. д. Правда, какого-либо заметного улучшения положения основной массы крестьянства не замечалось, но и прежняя нищета не выступала так ярко, как раньше. Восстановлению польской деревни во второй половине XVIII в. способствовали те прогрессивные мероприятия, которые проводились в Речи Посполитой как в области экономической, так и в отношении государственного строя (перевод части крестьян с барщины на денежный оброк, применение в некоторых имениях прогрессивных форм ведения хозяйства, ограничение политической анархии и др.). Эти мероприятия способствовали зарождению и развитию капиталистических отношений. Кроме того, важную роль в деле восстановления польской деревни играло то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. Польша не вела, как прежде, длительных и разорительных войн.

В значительном количестве документов имеются сообщения о площади фольварковой запашки и о тех сельскохозяйственных культурах, которые возделывались на помещичьей земле. Но, к сожалению, только в отдельных инвентарях есть данные о площади крестьянских наделов и об обеспечении различных категорий крестьян землей [48]. Но и эти факты дают возможность подойти к решению вопроса о земельной обеспеченности отдельных категорий крестьян. Инвентари позволяют установить соотношение между площадью фольварковой запашки и крестьянской наделной землей. В деревне Кренпы фольварковая запашка составляла 210 моргов и 6 прентов, крестьянские наделы — 299 моргов и один прент, в деревне Радлово — соответственно 103 морга и 8 прентов и 182 морга [49]. Однако проследить конкретно за изменениями площади фольварковой запашки и крестьянских наделов невозможно, так как в рассматриваемых документах нет по данному вопросу сведений за длительный период времени в отношении какой-нибудь одной деревни. О расширении фольварковой запашки и сокращении крестьянских наделов можно судить только по косвенным данным описей о резком сокращении количества наделов крестьян-кметов и увеличении числа крестьянских хозяйств с неполными наделами, малоземельных и безземельных крестьян. Факт расширения барской запашки подтверждается также сообщениями о росте барщины.

Во многих инвентарях имеются материалы о развитии панского животноводства. Они свидетельствуют о том, что в XVI — первой половине XVII в. эта отрасль помещичьего хозяйства была довольно развита [50]. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. происходит резкое сокращение поголовья панского скота.

---

[48] Такие сведения содержат, например, инвентари деревень Кренпы и Радлова за 1731 год. Кметы и полурольники деревни Кренпы имели наделы земли в размере от 16 моргов 3 прентов до 23 моргов каждый, огороды в размере 5 прентов, луга, на которых накашивали от 9 до 18 возов сена каждый. Загродники имели наделы площадью от 4 моргов 3 прентов до 9 моргов 5 прентов каждый, огороды — от 5 до 10 прентов, луга, на которых накашивали от 2 до 8 возов сена каждый. Коморники не имели ни наделов, ни огородов, ни лугов («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. str. 526—531). Кметы деревни Радлова владели наделами площадью от 23 до 39 моргов каждый; загродники — от 7 до 15 моргов (там же, стр. 540—543).

[49] Там же, стр. 526—531, 540—545, 552.

[50] Так, в деревне Хоцишевицы в 1565 г. было 168 панских овец, 21 голова рогатого скота, 7 лошадей, 13 свиней, 9 поросят, 48 гусей («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 11); в деревне Липе насчитывалось 38 голов рогатого скота, 200 овец, 10 лошадей, 17 свиней и поросят, 70 гусей, 37 кур (1606 г.) (там же, стр. 73); в деревне Магнушевицы — 50 голов рогатого скота, 500 овец и 15 гусей (1615 г.) (там же, стр. 78). В пяти фольварках Козьминского имения в 1642 г. было 2 683 панских овцы, 249 голов рогатого скота, 222 свиньи, 415 гусей, 364 курицы, а также козы, несколько десятков уток, индюшек, павлинов (там же, стр. 106—107).

В исторической литературе до сих пор слабо освещен вопрос о классовой борьбе крестьян в Польше в период феодализма. Рецензируемое издание позволяет в некоторой степени восполнить этот пробел. В ряде описей последней четверти XVII — первой половины XVIII в. встречаются сведения о классовом антагонизме в деревне, о широком распространении такой формы борьбы, как бегство крестьян. В инвентаре деревни Бернатки за 1681 г. сказано, что в результате систематических издевательств владельца имения над крестьянами один из них ушел из деревни, а другой тяжело заболел [51]. Документы первой половины XVIII в. буквально пестрят сведениями о беглых крестьянах [52].

В рассматриваемом издании имеется несколько описей небольших городов и местечек. Эти материалы позволяют определить количество жителей, число домов и ремесленников, узнать о податях и повинностях мещан. Основная повинность большинства мещан в XVI—XVIII вв. состояла в уплате денежного чинша.

Наконец, ценность опубликованных инвентарей состоит в том, что содержащиеся в них документы помогают исследователю выявить и проследить процесс разложения феодально-крепостнических отношений, возникновения и развития капиталистических. Об этом свидетельствуют прежде всего данные о наличии в Великой Польше во второй половине XVIII в. значительного количества крестьян, находившихся в той или иной степени за пределами барщинной системы. Это люзные люди, свободные, чиншевики, kontraktowi (жившие на помещичьих землях на договорных началах) и окупники, которые в инвентарях второй половины XVIII в. встречаются довольно часто [53].

Интересно отметить, что в инвентарях второй половины XVIII в. встречаются целые деревни, как, например, Стрыжево, где население состояло исключительно из окупников. И если в других деревнях, как свидетельствуют описи, крестьяне этой категории принадлежали, как правило, к зажиточной верхушке, то здесь среди окупников были крестьяне не только зажиточные, но и со средним достатком и бедняки. На 8 зажиточных окупников-кметов приходилось 9 полследников, 5 загродников и 2 коморника [54]. Кметы уплачивали по 20 и более талеров денежного чинша, полследники — по 9—15 талеров, загродники — по 6—11 талеров, коморники — около 20—30 злотых каждый. Кроме того, кметы, полследники и загродники вносили небольшие натуральные оброки (овес, гуси, куры, яйца). Размер натуральных чиншей зависел от категории крестьян и состояния хозяйства [55]. Ряд окупников эксплуатировал в своих хозяйствах труд свободных людей. Например, солтыс Цемер применял труд двух вольнонаемных девушек, в хозяйстве окупника Милка было занято три свободных работника [56].

---

[51] Там же, стр. 197.

[52] Там же, стр. 316, 342, 344, 346, 349—351, 355—356, 388, 430, 439, 561, 573, 601—602, 610—612, 637—638 и др.

[53] Так, в деревне Врублево проживало три зажиточных свободных окупника, среди них солтыс Казимир Цемер, имевший 4 собственных волов, 5 лошадей, 2 жеребят, 3 коров, 15 свиней и 90 овец («Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. I. str. 111). Его повинность в пользу феодала состояла в отработке 27 дней барщины в год, уплате 120 талеров денежного оброка, доставке копы яиц и 6 кур. Кроме того, он платил подушную подать в 24 злотых в год и отбывал дорожную повинность (там же). В деревне Палаево насчитывалось 45 окупников (там же, стр. 201—202); Млынков — 7 (там же, стр. 210); Енджеево — 17 (там же, стр. 396); Седлиско — 10 окупников (там же). В деревне Борженцички проживал окупный солтыс, имевший хороший дом и другие постройки. Он платил 76 злотых денежного чинша в год, вносил 6 кур, 2 гусей, 30 яиц, выполнял в жатву небольшую барщину и дорожную повинность (там же, т. III, стр. 210). В деревне Кромолице проживало 24 окупника, платившие в год каждый от 24 до 101 злотого денежного чинша, вносивших по 8 кур, 4 гуся, 60 яиц и исполнявших небольшие отработочные повинности (там же, стр. 276).

[54] «Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. I. str. 122—123.

[55] Там же.

[56] Там же, стр. 111.

Как известно, во второй половине XVIII в. в некоторых королевских, духовных и шляхетских имениях происходил перевод крестьян с барщины на чинш. В силу экономических условий в Великой Польше этот процесс был более заметным, чем в ряде других районов Речи Посполитой. Кроме того, на западных польских землях поселилось большое количество немецких, польских и других колонистов (именующихся в источниках часто голендрами, олендрами), которые платили главным образом денежный чинш. Однако до сих пор вопрос о крестьянах-чиншевиках и колонистах, так же как и об окупниках, очень слабо изучен вследствие узости документальной базы. Издание инвентарей, содержащих большое количество новых данных о значительном распространении в Великой Польше второй половины XVIII в. чиншевых отношений, охватывавших как целые деревни, так и отдельные крестьянские дворы, позволяет более широко поставить исследование этого вопроса. В описях содержатся обширные данные о положении и повинностях чиншевиков и колонистов [57].

В инвентарях второй половины XVIII в. можно найти значительное количество сведений о жителях деревни, проживавших на условиях договорных отношений с феодалами (контрактов). Ими были почти исключительно овчары, корчмари, мельники и некоторые зажиточные сельские ремесленники [58].

Однако источник свидетельствует, что абсолютное большинство крестьян Великой Польши во второй половине XVIII в. составляли еще крестьяне-барщинники.

Все четыре книги снабжены географическими указателями и картами Калишского, Познанского и Гнезненского воеводств и Калишского повета. На карты нанесены реки, нынешние уездные города, а также все населенные пункты, упоминающиеся в инвентарях.

К недостаткам публикации следует отнести отсутствие переводов единиц измерения на современные меры.

Документы, содержащиеся в рецензируемых томах, до сих пор не публиковались и не использовались исследователями. Выход в свет четырех томов инвентарей позволит историкам в значительной степени восполнить пробел в изучении аграрной истории Западной Польши, глубже осветить многие вопросы развития крестьянского хозяйства и положения различных категорий сельского населения.

Предпринятые польскими историками поиски архивных инвентарных материалов и их публикация — нужное и полезное для науки дело.

---

[57] Например, голендры деревни Дзевча Струг имели 8 волок земли. С каждой волоки они должны были платить в год по 69 злотых денежного чинша, отрабатывать по 10 дней барщины в год и приносить феодалу по 2 гуся и 4 курицы («Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. I, str. 176). Все олендры деревни Шамоты, за исключением одного, платили пану по 40 тынфов денег, отрабатывали по 4 дня пешей барщины в год каждый, приносили кур и возили по указанию панской администрации строительный лес. Подушная подать, уплачиваемая каждым из них, составляла 5 тынфов в год (там же, стр. 80). В деревне Зберск проживало 14 голендров, платившие вместе 540 злотых денежного чинша, 36 злотых поголовной подати и вносивших 18 кур и 18 вертелей овса (там же, т. III, стр. 54). В деревне Вылатково проживали чиншевики и олендры. Они уплачивали в год от 10 до 45 злотых денежного чинша каждый и отрабатывали от 3 до 12 дней упряжной или пешей барщины в год (там же, т. II, стр. 110—111).

[58] Так, в деревне Осек на договорных условиях жил мельник, плативший с мельницы 500 злотых денежного чинша («Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». T. III, str. 67). В деревне Богуславице также жил мельник на условиях контракта, плативший в год 130 злотых денежного чинша и работавший в жатву 20 дней на барщине (там же, стр. 90). В деревне Бродово было четыре жителя, находившихся с феодалом в договорных отношениях, и в числе их один корчмарь и один колесник. Они платили от 50 до 100 злотых денежного чинша в год каждый, вносили натуральные чинши и несли небольшие повинности (там же, стр. 281).

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КНЯЖЕСКОЙ (КОРОЛЕВСКОЙ) ВЛАСТИ В ЧЕХИИ

Франтишек Граус

Вопрос о княжеской власти, ее возникновении и характере — это прежде всего вопрос об экономическом и политическом развитии того или иного народа, о классах и классовой борьбе на ранней ступени исторического развития. Как известно, В. И. Ленин в своем труде «О государстве» указывал, что «государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого» [1]. Государство, пусть в самой примитивной, зачаточной его форме, было призвано служить в руках выделившихся господствующих классов орудием управления, подавления угнетенных классов, обеспечения господства над ними. Как известно, государственные формы были различными. На ранней стадии развития феодализма у европейских, в том числе и у славянских народов, как правило, возникавшие государственные образования принимали форму княжеств (королевств).

Вопрос о возникновении княжеской власти (в данном случае в Чехии) является далеко не простым. Он требует прежде всего анализа внутреннего социального развития чешского народа. Как известно, немецкая буржуазная историография пыталась доказать «неспособность» чехов на той стадии развития к образованию самостоятельного государства без помощи извне. Историки народно-демократической Чехословакии на основании документальных материалов убедительно показали ошибочность такой точки зрения.

В данной статье рассматриваются некоторые стороны этой проблемы, в частности вопросы происхождения, характера и значения власти государя, являвшиеся предметом обсуждения уже в средние века [2]. Известно, что государственная власть, периодически приходя в столкновение с духовными и светскими феодалами, применяла в своей борьбе не только военное и политическое, но также и идеологическое оружие — от толстых научных книг до памфлетов и листовок. Вспомним хотя бы споры XI в. в связи с так называемой инвеституpой. Полемика вначале между государем и папой, затем государем и сословиями наполняла историю средневековья.

Проследить за этой полемикой невозможно, так как она увела бы нас далеко в сторону от избранной темы. Бесспорно, что средневековая проблематика находит отражение и в современной историографии. Но проблемы, обсуждавшиеся учеными в средние века, все же отступили на задний план перед новыми вопросами, выдвинутыми этапом буржуазных отношений. Поэтому для наших целей достаточно рассмотреть в основных

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 438.

[2] Подробнее историография этого времени будет рассмотрена в статье: Fr. Graus. Několik poznámek ke středověkému učení o společnosti, которую предполагается опубликовать в журнале «Československý časopis historický» (далее ČsČH), 1959, № 2.

чертах течения в историографии начиная с XVIII в., когда в исторической науке стало заметно проявляться именно буржуазное направление.

Официальные теоретики абсолютизма вели происхождение королевской власти непосредственно от бога. Они следовали средневековому учению о том, что король является «воплощением бога» (rex imagio Dei) [3] на земле, его власть в государстве неограниченна и в своих действиях он ответственен только перед богом, а не перед кем-либо из своих подданных, даже если это представители дворянства. Этой концепции в историографии XVIII в. противостояло дворянское, «сословное» направление, утверждавшее, что государь — всего лишь представитель дворянства, ибо первоначально он был таким же дворянином, как и остальные. Государь стал королем лишь после того, как его избрали, облекли своим доверием дворяне, являющиеся опорой королевской власти. Такие взгляды имели свои средневековые и даже античные корни.

Буржуазия наступала рука об руку с королевской властью (еще основоположники марксизма показали историческую необходимость данного союза) и ее идеологами. Это проявилось и в историографии. Пока буржуазия была еще слаба и зависела от королевской власти, ее идеологи нападали на дворянство. Они отстаивали теории о том, что привилегии дворянства возникли в результате узурпации; лишь в незначительной мере эти привилегии были получены от короля, в подавляющей же части дворяне добились их «противозаконно» в период безвластия, либо правления слабых королей.

Как видим, исходным пунктом такой теории было абсолютистское представление о характере королевской власти. В классовом отношении этот тезис отражал слабость и незрелость буржуазии, которая еще не отваживалась открыто выступать против дворянства, но начинала свое половинчатое наступление под прикрытием королевской власти.

Однако положение изменилось, как только буржуазия усилилась настолько, что смогла перейти к открытым и прямым атакам. Теперь в попытках объяснить возникновение королевской власти она уже не исходила из того, что король первоначально имел в своих руках всю «полноту власти» (plenitudo potestatis), которую частично с течением времени присвоило себе дворянство. В основу новых теорий легли утверждения о первоначальном равенстве людей в том виде, в каком с ним познакомилось человечество XVIII в. из описаний путешественников о жизни так называемых дикарей. Образ «доброго дикаря» был идеализирован. В нем (конкретно прежде всего в индейцах) усматривался идеал человека, не испорченного цивилизацией, не знающего королевской власти и дворянства. Возникновение этих институтов — теперь уже и дворянства и королевской власти — объяснялось угнетением, насилием и узурпацией со стороны отдельных лиц в ущерб обществу [4]. Новое течение все более оттесняло то направление, которое видело идеал организации государства в Римской республике. И если эта идеология, как известно, сыграла еще значительную роль в период французской буржуазной революции, то в историографии она с самого начала отступила на задний план и в течение XIX в. совершенно исчезла. По утверждениям немецких буржуазных историков, древние германцы будто бы являлись идеалом верности, мужества, искренности и прямодушия и лишь позднее были испорчены коварными и хитрыми итальянцами и французами. С классовой точки зрения, однако, весьма важно отметить, что при перестройке на романтический лад буржуазная теория полностью утратила свое первоначально боевое, антифеодальное направление. Она стала открытым глашатаем примирения с фео-

[3] См. W. Berges. Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. «Schriften des Reichsinstituts für ältere deutsche Geschichtskunde». Bd. II. Leipzig. 1938, S. 32f.

[4] Впрочем, эти идеи имели своих предшественниц еще в средние века, когда подобные мысли также были довольно широко распространены. См. об этом указанную выше мою статью, которую предполагается опубликовать в ČsČH, 1959, № 2.

далами, столь характерного для истории европейской буржуазии XIX века. В то время как «добрый дикарь» французской литературы XVIII в. не понимал феодального разделения общества и своей «непонятливостью» разоблачал всю бессмысленность этого порядка, «добрый германец» по новой теории не только не помышлял ни о каком «бунте», но всегда верно служил своим господам [5]. Классовый характер и назначение так называемой «исторической правовой школы» (Historische Rechtsschule), которую я здесь прежде всего имею в виду, общеизвестны.

Аналогично тому, как романтика создала образ «доброго германца», она породила и тип «доброго славянина», который долгое время бытовал в историографии. Но между этими двумя образами, что весьма важно, было существенное различие. Под влиянием И. Г. Гердера в течение длительного срока господствовало представление о том, что первоначальные, древние германцы являлись воинственными людьми, легко «создавали государства», были привычны к повиновению и охотно поддерживали «авторитеты». Миролюбивые же и гостеприимные славяне якобы не знали никаких государственных авторитетов и прочных организаций. В течение XIX в. это представление, однако, было постепенно видоизменено, но многие из его первоначальных черт сохранились и в дальнейшем.

Пока речь шла о происхождении государственной власти у славян, представления о ней в различной степени варьировались. Например, для Киевской Руси большей частью принималась так называемая норманская концепция (то есть восточным славянам полностью отказывали в способности создавать государства). У чехов историки в большинстве случаев признавали некие самостоятельные зачатки власти государя, но обычно они подчеркивали влияние германцев на ее полное развитие и установление «государственных учреждений». Эта особенность заметна и в первой цельной чешской буржуазной концепции истории средних веков — «Истории» Франтишка Палацкого (1798—1876) [6]. По представлениям этого ученого, чехи с самого начала были «демократами», не знали никаких различий, кроме имущественных (весьма типичное буржуазное представление об «извечности» имущественного неравенства). Эта идиллия, по мнению Палацкого, была впоследствии нарушена тем, что в XIII в. чехи переняли у немцев «феодальные порядки», то есть те учреждения и институты, которые мы затем наблюдаем в Чехии XIV века. Последующая историография обычно принимала схему Палацкого, но постепенно ослабляла ее антинемецкую направленность, весьма заметную вначале.

Поскольку настоящая статья посвящена критике некоторых модных направлений в западногерманской историографии по вопросу о происхождении и начальном периоде княжеской власти, в мою задачу не входит изложение основополагающего вклада марксизма-ленинизма в научное решение данной проблемы, тем более, что все это известно советским читателям, так как именно советская медиевистика сделала большой шаг вперед в конкретном решении вопросов, связанных прежде всего с начальным периодом истории Киевской Руси. Я считаю необходимым лишь подчеркнуть некоторые принципиальные различия в концепциях, важные для понимания общественного значения современных теорий.

Классики марксизма раскрыли классовую основу государства и государственной власти. В. И. Ленин разработал учение о государстве. Таким образом, для историка-марксиста первейшее значение при исследовании вопроса имеет положение о классовом характере государства. Классовая функция последнего (государь рассматривается как представитель

---

[5] Эту эволюцию тип «доброго дикаря» проделал, однако, не только в Германии, но, как известно, и во Франции в послереволюционный период (см. известные романы Ф. Р. де Шатобриана, 1768—1848).

[6] Краткий обзор чешской историографии по древнейшему периоду истории см. Fr. G r a u s. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Díl. I. Praha. 1953, str. 7—39; Díl. II. Praha. 1957, str. 7—19.

класса) [7] является решающей, а вопросы компетенции отдельных составных частей государственного аппарата — второстепенными, хотя конкретное их изучение может существенно содействовать объяснению частностей. Это значит, что марксистская историография видит центр тяжести проблемы совсем не там, где буржуазная, которая сосредоточивает свое внимание почти исключительно на исследовании отношений между отдельными группами господствующего класса.

Следующее важное различие состоит во взглядах на происхождение неравенства между людьми. Ф. Энгельс, опираясь на данные науки о родовом обществе, в свое время ясно показал идеологические последствия такого открытия. Их поняла и буржуазная наука, и поэтому с самого начала она стала отрицать факт существования родового общества вообще. Чтобы проследить это направление, потребовалась бы специальная статья. В связи с нашей темой достаточно лишь констатировать, что в буржуазной историографии к концу XIX в. стал распространяться взгляд, согласно которому сословные различия существовали уже с самого начала истории европейских народов, было «открыто» так называемое «прадворянство» (Uradel). Социально-политический смысл данной теории понятен, и не нужно быть особенно проницательным, чтобы увидеть его.

Марксистская концепция принципиально отличается от буржуазных направлений также и тем (об этом ясно сказал еще К. Маркс), что она считает различия между германцами и славянами не первостепенным, а второстепенным фактором. Это означает, что исторический процесс определяется в первую очередь не тем, идет ли речь о германцах или о славянах, а развитием производительных сил и производственных отношений. Я обращаю внимание на этот известный факт потому, что длительное время историки пытались (и подобные попытки продолжаются и сейчас) именно в феодализме видеть некую «специфику» германцев. Только в самое последнее время буржуазная наука начинает оставлять эту концепцию, несостоятельность которой уже давно доказал К. Маркс.

Вернемся, однако, к краткому и по необходимости фрагментарному очерку эволюции взглядов буржуазной историографии на проблему возникновения и развития власти государя. Поскольку классовый характер любой государственной власти не учитывался, постольку историки считали, что вопрос о власти государя и государстве вообще может быть решен в результате изучения отдельных учреждений, их компетенции и взаимных отношений. Возникла специальная отрасль истории права, так называемая «Verfassungsgeschichte», которая должна была заниматься исследованием этой проблемы и дала в пору своего расцвета некоторые значительные труды [8]. Вскоре, однако, при изучении источников представители этого направления натолкнулись на препятствие такого характера, которое уже нельзя было преодолеть старыми способами.

Новая проблематика была поднята в книге Ф. Керна [9], указавшего на тот факт, что при традиционном способе изложения некоторые средневековые институты вообще не могут быть объяснены, и доказавшего это на примере средневекового права на сопротивление государю (Widerstandsrecht), которое позволяло отдельным дворянам (а в некоторых случаях и дворянству в целом) отказывать государю в повиновении. Если при

---

[7] При этом, однако, по моему мнению, необходимо избегать упрощений, нередко встречающихся у отдельных историков, которые, исходя из правильных предпосылок, стараются представить отдельных государей как простых «представителей» определенных общественных групп, забывая о том, что в некоторых случаях государи могли и действительно нередко играли значительную самостоятельную роль, выражая в то же время интересы господствующего класса.

[8] Имеются в виду прежде всего крупные работы: G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. I—VIII (3. Aufl. Kiel. 1880 n.); H. Brunner—Cl. v. Schwerin. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. I—II. (2. Aufl. 1906, 1928).

[9] F. Kern. Gottesgnadentum und Widerstandsrecht im früheren Mittelalter. Zur Entwicklungsgeschichte der Monarchie. Leipzig. 1914.

этом соблюдались точные формальности, то средневековое право не рассматривало такой поступок в качестве «бунта», а считало его законным средством, при помощи которого дворянин мог добиться осуществления своих требований.

Ф. Керн здесь действительно встретился с явлением, которое не могло быть объяснено традиционным учением, традиционной теорией буржуазной историографии. Это явление наглядно показало, что предполагавшегося точного ограничения отдельных учреждений в средние века не существовало. Не было и разделения на общественное и частное право (и аналогично на общественный и частный секторы в средневековой жизни). Короче, стало ясно, что основы, на которых зиждилось до сих пор учение, оказались ошибочными. Керн и его последователи были, в сущности, совершенно правы, когда отвергали перенесение на средневековье представлений о государстве историков XIX в., исходивших из точно определенной компетенции его отдельных составных частей. Но поскольку они не видели классовой сущности государственной власти, они не могли понять, что вследствие неразвитости отношений в средние века и противоречивости интересов отдельных феодалов, а главным образом вследствие типичной для средневековой жизни децентрализации, основывавшейся на феодальной экономике [10], предполагавшееся единство права и управления не могло даже развиться. Керн и его последователи стремились найти объяснение этому явлению в «пережитках» более древнего периода. Сам Керн различал еще два течения, которые будто бы повлияли на этот средневековый порядок: германское право сопротивления (germanisches Widerstandsrecht), имевшее свою основу в «германской» древности, и церковное право сопротивления (kirchliches Widerstandsrecht), то есть учение церкви о том, что «плохому» (понимай: непослушному церкви) владыке можно оказывать противодействие.

Как видим, теперь центр тяжести исследований переместился. Основное внимание оказалось прикованным не к вопросу об определении отдельных учреждений, а к проблеме того, какие древние «пережитки» сохранились в средневековье. Несмотря на весь интерес, который представляет данный вопрос, он остается второстепенным. В лучшем случае ответ на него может показать, какие факторы влияли на представление о королевской власти в средние века. Но его решение не может — это исключается самой постановкой вопроса — дать ответ на основную проблему, поскольку даже самым упорным защитникам теории преемственности, непрерывности должно быть ясно, что, например, между «королем» (rex) в «Германии» Тацита и «королем» (rex), скажем, XII в. имеется существенное различие. Иными словами, в то время как прежние исследователи искали — как это заметно проявилось и в новейшей буржуазной науке — решения основных вопросов на ложной дороге, новейшие исследователи оказались на «запасном пути», сосредоточив внимание, по существу, на второстепенных вопросах.

Вернемся, однако, к дальнейшей судьбе тезиса Керна и его последующему развитию. Как я уже подчеркнул, сам Керн различал два течения, которые будто бы решающим образом воздействовали на средневековые представления: германское и церковное,— причем он считал, что преобладала германская преемственность.

Дальнейшее развитие немецкой буржуазной историографии значительно продвинулось в этом направлении и постепенно почти полностью исключило влияние церкви как составную часть вопроса. В период фашизма, когда открыто проповедовался «германский культ», этот тезис, понят-

---

[10] На раздробленность при феодализме неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма. Весьма определенно на раздробленность при феодализме и отсутствие единообразия в праве обратил внимание Ф. Энгельс в письме Шмидту от 27 октября 1890 года.

но, должен был достигнуть своего апогея. Расизм, «доказывавший» превосходство нордической германской расы, мифические «узы крови», романтическая фантазия о «германской верности», вера в авторитеты и фашистский тезис о «вождизме» (Führertum) и его роли у германцев слились воедино и были посаженными отцами новых взглядов о характере средневековой королевской власти, учения о ее так называемом «сакральном» (священном) происхождении у германцев [11].

Это учение исходит из утверждения, что королевская власть у германцев (как и у многих других племен) своей первоначальной основой имела не власть (или даже классовое положение) владык, а будто бы их божественное положение, их особую наследственную власть в роде, происхождение которой современники объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Согласно этим взглядам, короли являются носителями священной наследственной власти (Erbcharisma), в ней основа их высокого положения.

Как видно с первого взгляда, речь здесь идет об ультрареакционном, а по своим предпосылкам и прямо фашистском учении. Псевдонаучный характер ему придавало то обстоятельство (которое старая буржуазная историография часто не замечала), что в средневековье среди простого народа действительно существовала некая «вера в короля». Все примеры этой народной веры были теперь интерпретированы как пережитки некоего «германского представления», будто бы пережившего столетия.

Такие взгляды сформулировал Отто Гефлер [12], который хотел доказать «германскую преемственность» вплоть до наших дней [13]. Политический смысл этого направления ясно проявился прежде всего в работе О. Бруннера [14], который не удовлетворился простым провозглашением «харизматической теории», а утверждал, и вполне серьезно, что отношения между государем и подданными, в сущности, определялись «германской верностью», упрекал сторонников прежней буржуазной концепции в безоружности перед марксизмом [15] и закончил, что весьма показательно, прославлением Гитлера [16]. Эти теории получили широкое распространение в немецкой специальной литературе периода, предшествовавшего окончанию второй мировой войны [17], проникнув и в обобщающий труд Г. Митайза, выдержавший несколько изданий и рассматриваемый в качестве некоего стандартного образца наряду с книгой Гебгардта [18] — обширного пособия по немецкой средневековой истории.

К сожалению, подобная бессмыслица не исчезла и после окончания второй мировой войны, хотя, само собой разумеется, ныне представители таких взглядов модифицируют и подправляют свои тезисы. С одной сто-

---

[11] Обобщенное изложение развития этого направления до сих пор отсутствует. См. некоторые замечания в книге: P. Koschaker. Europa und das römische Recht (2. Aufl.). München — Berlin. 1953.

[12] См. O. Höfler. Kultische Geheimbünde der Germanen. Bd. I. Frankfurt a. M. 1934 (2-й том не вышел); его же. Germanisches Sakralkönigtum. Bd. I. Der Runenstein von Röck und die germanische Individualweihe. Tübingen-Münster-Köln. 1952. (2-й том до сих пор не вышел). Суммарное изложение его взглядов дано в статье: O. Höfler. Das germanische Kontinuitätsproblem. «Historische Zeitschrift», 157—1938. S. 1—26.

[13] Так, например, он вполне серьезно считает, что можно отыскать следы этих влияний и у императора Франца-Иосифа I (1848—1916). См. O. Höfler. Der Sakralcharakter des germanischen Königtums (Das Königtum — seine geistige und rechtliche Grundlagen). Lindau — Konstanz. 1956, S. 89.

[14] O. Brunner. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter (Veröffentlichungen des Instituts für Geschichtsforschung und Archivwissenschaft in Wien. I. 3. Aufl. 1943).

[15] O. Brunner. Указ. соч., стр. 397, прим. 1.

[16] Там же, стр. 525 и сл.

[17] H. Mitteis. Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnszeitalters. (1. Aufl. 1940; 5. Aufl. 1955).

[18] B. Gebhardt. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. I. Frühzeit und Mittelalter. Herausgegeben von H. Grundmann. 8. Aufl. Stuttgart. 1954.

роны, теперь все «учение» разработано П. С. Шраммом [19], который серьезно считает, что можно постигнуть сущность средневековой королевской власти путем анализа ее знаков (так называемых insignii), с другой стороны — К. Г. Гауком [20]. У Шрамма германская теория, по крайней мере, отступает на задний план, хотя он и принадлежит к числу ее решительных защитников. Собственно разработка этой теории в настоящее время, разумеется в духе О. Гефлера, лежит на плечах его ученика К. Гаука.

О. Гефлер прибегал преимущественно к филологической (часто используя этимологию) и этнографической аргументации (безо всякой скрупулезности и щепетильности признавая сказания более позднего происхождения за подлинные, если они отвечали его концепции). В отличие от него Гаук более часто применял историческую аргументацию. Кроме того, он [21] (как и некоторые другие) [22] ссылался для подтверждения своих тезисов и на чешскую историю, правда, лишь мельком.

Я не могу дать здесь полный критический анализ данного направления. Хотелось бы только указать на его явно реакционный характер и проверить некоторые аспекты на примере истории средних веков в Чехии. Главная же критика должна основываться на изучении древней германской истории. Тем не менее настоящая статья, направленная на доказательство ложности попыток применения этой теории к чешской истории, в то же время может содействовать и разоблачению всего направления. В целом критика этого течения на примере европейской истории раннего феодализма будет дана мною в другом месте.

★

Приступая к изучению положения государя в средневековой Чехии под углом зрения намеченной проблемы, необходимо прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что решение ее сильно затруднено состоянием источников [23]. Очевидно, что исследование надо начать с вопроса о том, как произошла княжеская власть. Но в письменных источниках, относившихся к концу IX и к X в., встречаются указания на наличие уже в значительной мере развитой княжеской власти и следовательно, говоря о ее начальном этапе, нам придется иметь дело с гипотезами и выводами, построенными на археологическом материале. Таким образом, наши результаты в значительной степени будут носить гипотетический характер.

Если все же анализ некоторых чешских источников позволяет прийти к определенным выводам, то это возможно по следующим причинам. В хронике Козьмы Пражского сохранилось предание о возникновении княжеской власти в Чехии, относящееся по меньшей мере к началу XII века. Эта версия — одна из старейших в европейском масштабе [24].

---

[19] См. P. S. Schramm. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. «Schriften der Monumenta Germaniae historica», XIII, 1—3. Stuttgart. 1954—1956.

[20] В особенности: K. Hauk. Geblütsheiligkeit. (Liber Floridus. Mittellateinische Studien. Paul Lehmann zum 65. Geburtstag. St. Ottilien. 1950, S. 187—240); его же. Lebensnormen und Kultmythen in germanischen Stammes- und Herrschergenealogien. «Saeculum». VI. 1955, S. 188—223; его же. Herrschaftszeichen eines Wodanistischen Königtums. «Jahrbuch für fränkische Landesforschung». 1954, S. 9—66.

[21] См., например, K. Hauk. Geblütsheiligkeit, S. 206.

[22] См., например, W. Wegener. Die Lanze des heiligen Wenzel. Ein Versuch zur Geschichte der mittelalterlichen Herrschaftszeichen. (ZRG. Germ. Abt. 72—1955, S. 56—81).

[23] Обзор источников по этому периоду см.: F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Díl. I, str. 50—90.

[24] Очень древними, разумеется, являются отдельные «королевские предания», посвященные судьбам некоторых легендарных королей. С этой точки зрения чешские сказания заслуживают внимания потому, что они стремятся описать происхождение княжеской власти в Чехии вообще, а не только воцарение какого-либо определенного государя.

В период с XII по XIV в. действительно наблюдается в чешских источниках заметное стремление придать княжеской (а позднее королевской) власти некий священный, сакральный характер. В связи с этим возникает вопрос, как появилось такое стремление и чем оно подкреплялось. И в Чехии существовала народная вера в короля. Однако по сравнению с большинством остальных средневековых государств она не играла такой роли в революционном, особенно гуситском, движении, как в других странах. Эти факты оправдывают исследование выдвинутой проблемы, заставляя, однако, отказаться от строгой хронологической последовательности и изучать отдельные ее стороны в том порядке, в каком они отразились в наших источниках.

В развитой форме [25] чешское предание о королях мы встречаем в хронике Козьмы Пражского [26]. Автор сообщает, что в безлюдную, но плодородную страну однажды пришел Чех со своей дружиной и со своими божками (о причинах передвижения Козьма умалчивает). Он поднялся на гору Ржип, осмотрел страну и решил поселиться здесь со своими спутниками. В знак благодарности страну назвали после его смерти Чехией [27] (I, 2).

Первоначально жители ее жили скромно и честно, не знали частного имущества, обходились без судей и старост; споры решались наиболее почитаемыми в племени мужами [28]. Между ними особенно выделялся Крок, так что вскоре к нему стали приходить мужи со всей страны, чтобы он рассудил их. У Крока были три дочери, мудростью своей не уступавшие самым опытным мужам (I, 3). Старшую звали Кази, она знала лечебные свойства растений и умела применять их. Средняя — Тетка — научила людей суевериям и идолопоклонству [29]. Младшая, самая мудрая, именовалась Либуше. Она была целомудренна и благородна и заслужила упрека лишь в том, что являлась язычницей-прорицательницей, которая, впрочем, нередко правильно предсказывала будущее. После смерти отца ее сделали судьей над всем народом [30].

Но однажды между двумя знатными и богатыми мужами возник жаркий спор о границах их поля. Спорщики пришли к Либуше, и она рассудила их по праву и справедливости. Но тот, кто проиграл в споре, грубо оскорбил Либуше, отрицая за ней право быть судьею над мужчинами и горько сожалея о чехах, которыми управляет женщина. Либуше, оскорбленная, не дала, однако, волю чувству и, узнав, что народ требует «сильную руку», обещала взять себе в мужья того, кого выберет сам народ на следующий день своим господином. Ночью Либуше держала совет со

---

[25] В самой краткой версии сказание сохранилось в легенде Diffundente sole, с. 4, очевидно, еще от X в. (Издано В. Халоупецким: Prameny X. století. Legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile. «Svatováclavský sborník», II—2. Praha. 1939, str. 489). Более подробным является описание у так называемого Kristiána, с. 2 (издано Й. Пекаржем: Die Wenzels-und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Praha. 1906, str. 91—92). Датировка Kristiána до сих пор еще спорна. Я склоняюсь к мнению, что он относится к X веку. Важный вариант так называемой Беддецкой рукописи опубликовал Я. Людвиковский («Naše věda». XXVII — 1950, str. 167).

[26] Наилучшим изданием хроники Козьмы Пражского до сих пор является издание Б. Бретгольца в «Monumenta Germaniae historica, Scriptorum rerum Germanicorum». Nova series. II. Berlin. 1923 (далее «Monumenta...»).

[27] Козьма здесь следует широко распространенному в средние века приему — придумывать по названию племени лиц, носящих то же имя (heros eponimus).

[28] Как уже неоднократно отмечалось в литературе, описание Козьмы здесь составлено под влиянием представлений о «золотом веке».

[29] В данном случае проявилось одно из многих противоречий, содержащихся в изложении Козьмы (см. далее); идолы упомянуты по античному образцу уже у Чеха, в данном же случае введение идолов связано — по христианскому образцу — с одной особой, которая «совратила» народ.

[30] В рассказе о судейской деятельности Либуше нельзя, по моему мнению, усматривать какое-либо влияние матриархата, поскольку ей как судье предшествовали Чех и Крок, то есть мужчины.

своими сестрами-чародейками; о чем договорились они, осталось точно не известным, но результат виден по следующим словам: «Кто бы подумал, что себе в князья они призовут от плуга?» (I, 4) [31].

На другой день Либуше объявила народу, что́ в дальнейшем будет представлять из себя княжеская власть. Ввиду важности этого места хроники, цитирую его дословно: «Прежде всего легко князя посадить, но трудно посаженного сместить. Потому что в данный момент в вашей власти, возвысить его в князья или нет; но как только он будет возвышен, вы и все, что вы имеете, будет в его власти. Пред ним будут трястись, как в лихорадке, ваши колена и онемевший язык прильнет к небу. На его голос вы будете отвечать в великом страхе так: «Да, господин, да, господин»,— когда он простым кивком головы, без вашего мнения, того осудит, другого велит убить, одного прикажет посадить в тюрьму, другого — повесить на виселице. Одних из вас и из ваших, кого он пожелает, он сделает слугами, других крестьянами, одних плательщиками, других сборщиками налогов, одних палачами, других старостами, одних поварами, других пекарями, мельниками. Назначит он для себя и полковников, сотников, приказчиков, возделывателей виноградников и полей, а также жнецов, кузнецов оружия, кожевников и сапожников. Ваших сыновей и дочерей он призовет к себе на службу, а из вашего скота, из коней и кобыл либо коров возьмет себе по своему вкусу самое лучшее. Все, что вы имеете лучшего в деревнях, на полях, пашнях, лугах и в виноградниках, он возьмет себе на пользу» [32]. Но «простой народ» (vulgus ignobile) настойчиво продолжал требовать себе князя. После этого Либуше отрядила послов в деревню Стадице, сказав: там Пржемысл с двумя пестрыми быками пашет пар. Это новый князь (I, 5).

Когда послы стали колебаться, медлить, так как не знали дороги, Либуше велела им следовать за ее конем, который мог указать им путь (злые языки утверждали, что конь хорошо знал дорогу по тайным ночным поездкам Либуше в Стадице). Когда послы пришли в Стадице, они нашли там Пржемысла, пахавшего на волах. Послы сообщили ему о новом сане. Тут Пржемысл воткнул в землю кнут, которым он погонял волов, и послал волов туда, «откуда они пришли». Волы тотчас исчезли, и никто никогда больше их не видел. А кнут, который Пржемысл воткнул в землю, дал три побега с листьями и орехами [33]. Две ветви вскоре засохли, а одна все росла и крепла. Удивленным послам (которых Пржемысл угостил заплесневелым хлебом из лыковой сумки) он заметил, что побеги символизируют пржемыслов род. Ради Либуше всегда будет господствовать только один из Пржемысловичей (I, 6).

Затем Пржемысла, уже в княжеском одеянии, посадили на коня. Но, хорошо помня свое происхождение, он взял с собою лапти и велел их сохранить на будущее (еще при Козьме они хранились в Вышеграде). На вопрос, почему Пржемысл так поступает, князь ответил, что сделал так потому, чтобы его преемники «людей, им от бога доверенных, несправедливо не притесняли из высокомерия» [34] и запомнили, что все люди от природы равны [35]. Козьма вкладывает далее в уста Пржемысла суждения об изменчивости счастья; все эти сентенции были обычными в средневековой

---

[31] «Monumenta...», стр. 13; «Quis enim crederet, quod de aratro sibi ducem prerogarent?».

[32] «Monumenta...», стр. 14. Козьма здесь просто пересказал речь Самуила из библии (1. Sam., c. 8, 11-17). (Сравни: F. G r a u s. Dějiny venkovského lidu v době předhusitské D. I, str. 264 n.).

[33] Речь идет о варианте из агиографической литературы о быстро выросшей ветви. Насколько мне, однако, известно, этого варианта в легендах не встречается.

[34] «Monumenta...», стр. 17: «ne homines a Deo sibi commissos iniuste opprimant». И эту «речь» Козьма вкладывает в уста язычника!

[35] Там же, стр. 18: «quia facti sumus omnes equales per naturam».

литературе, откуда и черпал их Козьма (I, 7). Собственно описание происхождения Пржемысловичей заканчивается утверждением, что «этот муж, который поистине за свое мужество заслуживает называться мужем, опутал при помощи законов наше необузданное племя, укротил при помощи силы неукрощенный народ и превратил в зависимое состояние, которое его и ныне тяготит, а также издал все права, по которым наша земля управляется, сам, со своей Либуше» (I, 8) [36].

В начале следующей главы Козьма еще раз упоминает о том, как Либуше предсказала основание Праги и ее будущее [37].

Я намеренно подробно изложил содержание сказания о Пржемысле, полагая, что текст его многим неизвестен. Из остальных народных сказаний, передаваемых Козьмой, упомяну только те, в которых так или иначе характеризуется княжеская власть. Здесь необходимо привести прежде всего характеристику, какую Козьма дает преемникам Пржемысла (I, 9). По его словам, они «предавались обжорству и спанью, были невоспитанны и необучены и уподоблялись скоту, так что поистине противоестественно тело было им для роскоши, а душа в тягость» [38]. Следует сказать и о явно отрицательной характеристике князя Неклана (I,12), который изображен трусом [39], заставлявшим других воевать за себя.

От предыдущих сказаний по своему характеру отличается излагаемое Козьмой предание, относящееся к самому концу мифологического периода (I, 13). В борьбе чехов с врагами был взят в плен малолетний сын лучанского князя Властислава, павшего в бою. Чешский князь, охваченный милосердием, выстроил ему замок и оставил с ним его старого воспитателя Дурынка. Но Дурынк был «человеком не по-человечески преступным, из худших самый плохой и самый жестокий из всех хищников» (excedens hominem scelere vir pessimo peior et omni belua crudelior). Он совершил жестокое преступление, осуществив «подлость, которую уже давно в злом уме и злом сердце замышлял против жизни своего господина» [40]. Он выманил ребенка на замерзший пруд и, показывая ему рыбу, плававшую подо льдом, коварно убил его. Дурынк, «хуже отцеубийцы» (plus quam parricida), отрезал у своего господина голову и отнес ее князю в пражский град, похваляясь своим деянием и уверяя князя, что отныне тот может спать спокойно и не опасаться того, что молодой князь когда-нибудь отомстит за смерть отца своего. Но «ужаснулся князь, сердца старцев задрожали, забушевал взволнованный ропот. И отвернулся князь от проклятого дара и открыл уста, чтобы произнести такую речь: «Прочь с очей моих с этим твоим даром, ты, жалкий подлец! Твои преступления превышают всякую меру и прощение и не находят соответствующего отмщения. Для такого преступления нельзя придумать ни достойного осуждения, ни соответствующего наказания. Неужели ты думаешь, что если бы я захотел, то не мог бы сделать того, что сделал ты? Я мог убить своего врага, но ты — никогда своего господина. Грех, который ты совершил, больше того, что можно назвать грехом. Воистину тот, кто умертвил бы тебя или осудил на смерть, совершил бы не один, а двойной грех, потому что за двойной этот грех, что был бы ты умерщвлен и что ты убил господина, он свершил бы тройной грех. Но если ты и далее требуешь от нас какого-либо возмездия, знай, что дарую в качестве великой награды возможность выбрать из трех смертей одну, какую захочешь: спрыгнуть вниз головой с высокой скалы, либо на каком-либо дереве своими руками по-

---

[36] Там же.

[37] Снова обращает на себя внимание то обстоятельство, что Козьма вкладывает в уста языческой прорицательницы предсказание о двух христианских святых (!) — Вацлаве и Войтехе.

[38] «Monumenta...», стр. 21.

[39] Там же, стр. 26

[40] Там же, стр. 30.

веситься, либо преступную жизнь свою покончить своим мечом»[41]. Дурынк впоследствии повесился[42].

Этим преданием Козьма завершает рассказ о легендарном веке и 14-й главой первой книги начинает собственно историю Чехии, описывая первого христианского князя Борживоя. Но мы не пойдем дальше этого изложения и посмотрим, как в чешских сказаниях охарактеризована княжеская власть и нельзя ли найти здесь следы каких-либо «харизматических представлений». В жизнеописаниях перед нами ясно вырисовываются три части: сказание о Либуше и Пржемысле, миф о преемниках Пржемысла и, наконец, предание о Дурынке. Рассмотрим их.

Козьма с его изображением чешской «старины» возбудил значительное внимание в историографии[43], но мнения историков относительно достоверности приводимых им сведений диаметрально разошлись. На одной стороне выступили ученые, которые готовы были (исходя из романтических взглядов и предрассудков) поверить в некое «историческое ядро» легенд[44] и прежде всего отстаивали ту точку зрения, что Козьма в своей хронике сохранил для нас реальные народные сказания. Другую точку зрения защищали историки, предполагавшие, что Козьма сочинил жизнеописания князей (полностью или частично); они, не колеблясь, называли его фальсификатором[45], поскольку он-де выдавал собственные вымыслы за творчество «стариков», которых также выдумал.

Каково же состояние этой проблемы в настоящее время?

Теперь уже никто не пытается искать в сказаниях некое «историческое ядро», отражение действительных исторических событий. И Зд. Неедлы, который считает, что Козьма сохранил подлинные народные сказания, указывает на невозможность восстановить на основе сказаний какие-либо конкретные исторические события. Бесспорно, что со стороны вещественных фактов некоторые сведения Козьмы оказываются ложными. Так, археология доказывает несостоятельность представления о приходе чехов в безлюдную страну. Что же касается попыток идентифицировать персонажи жизнеописаний князей с историческими личностями, то они печально провалились.

Более сложным и до сих пор не полностью объясненным является вопрос, носят ли предания народный характер, или они обязаны своим возникновением фантазии Козьмы. Для решения этого вопроса необходимо заняться исследованием форм и функций сказаний.

Совершенно исключено, что в той форме, в какой сказание передано Козьмой, рассказ о Либуше и Пржемысле мог являться народным. Уже с беглого взгляда легко убедиться в том, что выражения, присущие преданиям, Козьма заимствовал у античных поэтов и из библии. Вряд ли кто-либо станет утверждать, что эта форма, которая скорее свидетельствует об «учености» Козьмы, была народная. Я уже обращал внимание, излагая содержание жизнеописаний князей, на то, что в рассказе Козьмы встречаются христианские понятия, которые совершенно несовместимы с описанием языческого периода. Эти черты, присущие изложению священника, вряд ли могут иметь место в языческой легенде. Козьма пользуется при изображении языческого периода (и «золотого века») также явно феодально-ленной терминологией. Если хотя бы бегло заглянуть в при-

---

[41] Там же, стр. 31.

[42] Сравни библейское сказание, согласно которому повесился и Иуда Искариотский.

[43] Краткий обзор литературы смотри в книге: F Graus. Dějiny venkovského lidu. Díl. I. exkurs I, str. 277 n.

[44] Далее всех в этом направлении зашел Г. Шрейер, который отождествил легендарного Пржемысла с Само. См. H. Schreuer. Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte der böhmischen Sagenzeit. «Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen». Herausgeber G. Schmoller. XX—4. Leipzig. 1902.

[45] Наиболее типично в статье А. Брюкнера. См. A. Brückner. Moudrá Libuše — mužem. «Naše doba». XI—1904, str. 660—664, 818—826.

мечания к критическому изданию, то не останется никаких сомнений в том, что форма жизнеописаний, в какой их преподносит Козьма, не может быть народной. Впрочем, сказанное относится не только к форме.

Классовый смысл сказания о Пржемысле в версии Козьмы можно выразить примерно так: народ обходился первоначально без государя и точных законов и жил в целом счастливо до тех пор, пока по собственному недомыслию не пожелал князя. Князь «укротил» народ и «поставил его в зависимое положение, от которого он и ныне страдает» [46]. Короче, в своем угнетении повинен сам народ. Он сам захотел быть покоренным и получил то, чего желал в своем безрассудстве и в своей надменности. Однако это содержание не народного, а явно антинародного сказания. То, о чем читаем мы здесь, представляет собой по классовому смыслу феодальную (либо «феодализированную») легенду.

Означает ли это, что Козьма сочинил всю легенду? Думаю, что нет. И прежде всего потому, что версия Козьмы изобилует противоречиями, которых в других местах его хроники мы не встретим.

Наиболее заметны, например, противоречия в четвертой главе первой книги, при описании Либуше. В одних случаях она изображается в качестве чистой и целомудренной, украшения женского рода, в других (на суде) — распутной женщиной: муж, проигравший спор, определенно не считал ее целомудренной, а Либуше ему не возразила [47]. Если добавить к сказанному еще «наговор», который Козьма поместил в шестой главе книги (конь Либуше знал дорогу по ночным поездкам к Пржемыслу), то создается впечатление, будто здесь изображены две Либуше. Такие же противоречия встречаются и при описании воцарения Пржемысла. С одной стороны, Либуше будто бы предоставляет народу право избрать князя [48] (послы сообщили Пржемыслу, что они его избрали), с другой — она точно указывает будущего князя [49] (то есть ею, а не народом, избран Пржемысл) и место, где его можно найти. Мало того, в то время как начальная часть описания построена на том, что Либуше была принуждена призвать Пржемысла, сам Пржемысл заявил послам, что инициатива исходила от Либуше [50].

Противоречия здесь настолько очевидны, что полностью исключают предположение о сочинении легенды самим Козьмой. В чистом вымысле нельзя встретить таких серьезных противоречий, и, действительно, в остальных частях хроники, где приводится собственное описание Козьмы, их нет. Ключ к решению задачи открывают те места хроники, которые указывают на то, что противоречия возникли в результате использования в преданиях более древних сказаний [51]. И в самих легендах текст Козьмы заставляет предположить, что он обработал более древние предания, сократив и адаптировав их, в результате чего и возникли противоречия.

В таком выводе нас убеждают еще два обстоятельства: 1. Тот бесспорный факт, что в жизнеописаниях князей встречаются элементы ми-

---

[46] Ср. «Monumenta...», стр. 18

[47] Козьма пишет, что Либуше возлежит в суде «ut est lasciva mollicies mulierum, quando non habet quem timeat virum» («Monumenta...», str. 11). Муж называет ее «femina rimosa», а Либуше сама утверждала: «femina sum, femina vivo» (там же, стр. 12).

[48] I, 4. «Monumenta...», стр. 12: «Ite nunc domum, ut que vos cras eligatis in dominum, ego assumam mihi in maritum».

[49] I, 4—5.

[50] I, 6 (там же, стр. 17); «Si doma vestra non adeo de hac re festinaret».

[51] Так, в предложении I, 3 (там же, стр. 8) одновременно утверждается, что воровство у древних чехов было неизвестно и что оно считалось самым тяжким грехом. Противоречие возникло в результате переписывания более древнего сказания (см. прим. 5 на стр. 8 издания Бретгольца). Аналогичным путем сложилось и другое противоречие: в одном месте (I, 2, стр. 7) говорится, что праотец Чех пришел в страну уже с божками, в другом (I, 4, стр. 10) — введение идолов приписывается сестре Либуше Тетке.

фов [52] (к ним следует отнести рассказ о волах Пржемысла, которые исчезают бесследно, ночные поездки Либуше [53] и многие другие примеры); 2. Схема всего жизнеописания, не отвечающая христианским представлениям, которые определенно были присущи священнику Козьме. Эта схема должна была бы иметь в центре внимания принятие христианства.

Все приведенные факты заставляют нас прийти к заключению, что Козьма обработал народные сказания, а кое-где, несомненно, и переделал их. Пытаться восстанавливать «первоначальные» сказания, их «народную» форму при абсолютном недостатке критериев — напрасная трата времени, поскольку каждая такая реконструкция целиком зависит от произвола историка. При изучении вопроса о характере княжеской власти в Чехии мы вынуждены исходить из версии Козьмы, но необходимо постоянно помнить, что это сложная в литературном отношении и обработанная версия.

Если поближе присмотреться к первому жизнеописанию Пржемысла, то легко установить, что в нем нет ни малейших следов «харизмата». Об этом лучше всего свидетельствует тот факт, что в легенде ни слова не говорится о происхождении Пржемысла. Не дает она сведений и о его предках. Известно лишь, что Пржемысл был «пахарем». Столь определенная характеристика встречается, впрочем, только у Козьмы. Две другие версии, явно более древние, «Diffundente sole» [54] и «Kristian» [55], лишены ее. Казалось бы отсюда, что «пахарь» — это только вымысел Козьмы и здесь скрывается даже некая антипржемысловская тенденция [56]. Однако этому противоречит несколько фактов: 1) Известно, что самое имя Пржемысл появилось в княжеском роде только в XII веке. Трудно представить, чтобы Пржемысловичи стали употреблять имя легендарного основателя рода лишь после того, как легенда приобрела антипржемысловский характер. 2) Представление о Пржемысле как пахаре засвидетельствовано уже в начале XII в. и, помимо Козьмы, в известном цикле фресок в Зноемской ротонде [57]. 3) Хроника Козьмы пронизана прокняжеской тенденцией, и трудно представить, чтобы автор, который во всем труде выступает в качестве защитника Пржемысловичей, сам сочинил бы в жизнеописании антидинастийную версию.

Как возникло представление о «пахаре», ныне уже нельзя установить. Тут могли сыграть роль и античные реминисценции о блаженном времени, когда государи еще сами пахали [58], и легенды, соединяющие решающие прогрессивные шаги в развитии человечества с каким-либо именем. Подобные соображения можно было бы продолжить. Но все эти рассуждения не ведут ни к какому положительному итогу. Для целей данной статьи достаточно установить, что в жизнеописании Пржемысла нет и следа каких-либо «харизматических представлений» и что версия Козьмы, без сомнения, не является первоначальной.

---

[52] На элементы мифологии обратил внимание еще в 1857 г. А. Гутшмид (A. v. Gutschmid. Kritik der polnischen Urgeschichte des Vincentius Kadlubek. AOG XVII, s. 321—322). Попытка реконструировать весь чешский «пантеон» по Козьме сделана в дилетантской в целом книге З. Календра (Z. Kalandr. České pohanství. Praha. 1947), которую нельзя принимать всерьез.

[53] К этому прямо побуждает выражение «equitatu phantasmatico» (I, 6, стр. 15)

[54] C. 4. ed. V. Chaloupecký. Prameny X. století. Legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile. «Svatováclavský sborník». II—2. Praha. 1939, str. 489.

[55] C. 2; ed. J. Pekař. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Praha. 1906, S 91—92. J. Ludvikovský. «Naše veda», XXVII. 1950, str. 167.

[56] Предположение В. Халоупецкого. См. указ. соч., стр. 175, 317—318, 386—389, а также его же. Přemyslovská pověst a Kristián. «Český Časopis historický». 1938, str. 327—328.

[57] См. из последних работ: J. Mašin. Románská nástěnná malba v Kapli sv Kateřiny ve Znojmě. «Umění». 1953, str. 31—41; J. Rampula. Latinský nápis v rotundě sv. Kateřiny ve Znojmě. «Zprávy pam. péče». 1953, str. 54—57.

[58] Plinius Hist. natur. XVIII, 4: «Quaenam ergo tantae ubertatis causa erat? Ipsorum tunc manibus imperatorum colebantur agri». О других параллелях см. статьи V. Tille.

Мы окажемся на более твердой почве, если поставим вопрос о том, какой отклик нашла легенда о Пржемысле в последующие века. Развитие феодальных представлений можно проследить как по различным версиям хроник [59], так и по конкретной реакции феодалов на эту легенду. Например, так называемый Далимил сетовал в начале XIV в. по поводу того, что Вацлав I выгнал из Стадице старых «наследников» и заселил деревню немецкими колонистами [60]. В том же столетии, сообщал хроникер [61], по истреблении Пржемысловичей, когда Тобиаш из Бехине, насмехаясь, предложил чешским феодалам избрать себе короля из крестьян деревни Стадице, они убили его. Хотя жизнеописание Пржемысла-пахаря было общеизвестно, оно, очевидно, не слишком приходилось по вкусу феодалам.

Но сказание, по-видимому, не было и народным. Об этом безошибочно свидетельствуют следующие факты. С именем Пржемысла не было связано народное представление о том, что государь когда-нибудь вернется и восстановит порядок [62] (это понятно в предании, согласно которому Пржемысл «укротил» народ); на всем своем протяжении сказание почти не изменяется и не обогащается — явление, типичное в литературно обработанных преданиях; нет никаких доказательств того, что в период феодализма предание действительно имело хождение в народе. «Народным» оно стало лишь у романтиков [63].

Но здесь уже надо упомянуть о двух обстоятельствах, важных для средневекового понятия о короле: так называемые «династические чувства» и народная вера в государя. Династическое понимание [64], жизненность которого заметно проявилась после истребления Пржемысловичей (1306), объяснимо феодальными представлениями о том, что государство является «наследством» определенного рода, подобно тому, как наследственны другие владения. Это толкование объяснимо также пробуждавшимся в средние века национальным чувством. Представление о наследственности династии не является особенностью лишь чешского средневековья. С ним мы встречаемся во всех странах (оно типично, впрочем, не только для средневековья: люди той эпохи, например, хорошо знали о нем из Ветхого завета). Не является особенностью и вера народа в короля [65], которая основывалась на том, что человек средневековья, не понимая классовой природы власти государя, замечал, что последний не раз вступал в споры с дворянами, и готов был видеть в государе «защитника права», укрощавшего высокомерных феодалов. Все это также не было чешской спецификой.

Определенный рубеж в понимании королевской власти в Чехии представляет правление Карла IV (1346—1378). Карл всемерно стремился усилить свою власть и окружить особу короля священным ореолом [66]. В своих попытках он исходил из древнего церковного учения, которое старалось усилить авторитет государя [67] и нашло отражение у чехов в хрони-

[59] V. Tille. Přemysl Oráč. «Časopis pro dějiny venkova». XV. 1928, str. 81—111.

[60] С. 81 «Fontes rerum bohemicorum» (далее — FRB). III, p. 171.

[61] Beneš Krabice z Veitmile (FRB, IV, str. 465).

[62] О королях в Чехии см. R. Urbanek. K české pověsti královské. «Časopis společnosti přatel stárožitnosti» 1915—1918, t. 23—26.

[63] Совершенно ошибочным было бы по распространению легенд в XIX в. судить об их «древней распространенности». О том, насколько быстро становились широко известными сказания, открытые историками, выразительно свидетельствует описание Ф. Палацкого (Fr. Palacký. Würdigung der alten böhmischen Geschichtsschreibers Prag. 1830, S. 111—112).

[64] Нам кажется, однако, что это «династическое понимание» — более позднего происхождения. Об этом, в частности, свидетельствуют рассказ Козьмы о роде Вршовичей (I, 34) и более древние упоминания о Славниковичах, которых, по-видимому, считали столь же способными к управлению, как и Пржемысловичей.

[65] См. Fr. Graus. Указ. соч. Т. II, стр. 227 и сл.

[66] Эта деятельность Карла до сих пор в целом не исследована. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о ней. Тем не менее хорошо известно стремление Карла к возвышению короны святого Вацлава.

[67] См. прим. № 1.

ке Козьмы при изображении Спитигнева и Бржетислава [68]. Вспомним, что для их характеристики хроникер употребляет явно агиографические черты. Во времена Карла проявились и следы «харизматического представления» о Пржемысловичах, а именно в хронике Мариньелы [69]. Эта работа совместно с мнимым описанием св. Вацлава как «святого крестьянина» послужила К. Гауку [70] основанием для утверждения о священном, божественном характере чешских государей. Но тезис этот совершенно несостоятелен. «Святой крестьянин» Вацлав существует лишь в фантазии, но не в источниках. К неверному выводу Гаука привела агиографическая схема о физическом труде святого князя при приготовлении гостии и вина к мессе, схема, которая к тому же получила развитие лишь позднее. Достаточно сослаться на довольно обширную литературу о св. Вацлаве, чтобы стала ясной полная несостоятельность представления о святом как о «крестьянине». Рассказ Мариньелы об орлах, которые летали вокруг Пржемысла, вообще не имеет никакой аналогии в чешских версиях сказания и, кроме того, сам Мариньела делает непроизвольное признание в конце своего рассказа, что это вымысел, который должен был объяснить, почему на старом гербе имелось изображение орлов (новым гербом стал лев). «Харизматический» характер легенды превращается при ближайшем рассмотрении в вымысел средневекового итальянского хроникера.

Выяснению действительного характера княжеской власти и того, как понимал ее народ, значительно больше способствуют характеристики, даваемые Козьмой. Как уже говорилось, Козьма вкладывает (по библейскому образцу) в уста Либуше явно отрицательную оценку княжеской власти как правления, основанного на грубом насилии. С таким представлением согласуется и приводимое в дальнейшем Козьмой описание (I, 19) (на этот раз оно относится уже к «историческому» периоду) насильственного введения по княжескому приказанию земской барщины.

Однако с этими явно отрицательными характеристиками княжеской власти [71] контрастируют некоторые другие места той же хроники: «речи» Яромира, Бржетислава и Фабиана. «Речь» слепого Яромира, в которой он представил народу нового князя, Бржетислава, помещена в конце первой книги (1,42) и, по существу, выражает современный церковный взгляд на власть государя. Вторая «речь», Бржетислава, которую Козьма «воспроизводит» в следующей книге (II, 13), касается введения в Чехии так называемого права первородства (primogenitura). Козьма здесь явно осуждает феодальную раздробленность страны, усилия отдельных Пржемысловичей править самостоятельно. Затем эта тенденция [72] достигает апогея в третьей книге, в «речи», вложенной в уста вышеградского бургграфа Фабиана (III, 29). Здесь в хронике отчетливо проявляются две линии в оценке власти государя: согласно одной, в ней проявляется насилие, другая усматривает в сильной власти единственный залог безопасности и мира.

Эти двоякие взгляды встречаются не только у Козьмы, где оба представления все же близки друг к другу [73], но и вообще обычны для средневековья [74]. В основе их лежат противоположные оценки власти народом и феодалами (следовательно, она имеет свою классовую основу), а также древние церковные традиции, поскольку в учении церкви оба направления переплетались в течение долгих столетий. Но если не уходить за рам-

[68] Козьма II, 16—17, III, 13.
[69] FRB. III, p. 524—525.
[70] K. Hauck. Geblütsheiligkeit (Liber Floridus, S. 106 ff.).
[71] По той же линии идет и характеристика власти германских королей, вложенная в уста Йиндржиха III (II, 8. Издание Бретгольца, стр. 94).
[72] Впрочем, она проявляется уже в сообщенной Козьмой легенде, в сравнении о трех ветвях, выросших из кнутовища Пржемысла.
[73] В первой книге, главы 8 и 9 (см. содержание их выше).
[74] См. статью: F. Graus. Několik poznámek ke středověkému učeni o společnosti, которую предполагается опубликовать в ČsČH. 1959, № 2.

ки чешской истории, то нужно сказать, что мы встретим эту двойственность не только у Козьмы, но и в житии князя Вацлава (святого), который в последующие века считался «патроном земли». С одной стороны, Вацлав изображен в житиях (так же, как Пржемысл-пахарь у Козьмы) как справедливый судья, даже как законодатель [75], с другой — он святой, который разрушал тюрьмы и виселицы, а будучи мертвым, специализировался на освобождении узников из заключения [76]. Эти тенденции выступают в отдельности на первый план как в житиях с феодальными, так и в преданиях с так называемыми народными мотивами [77]. Нас завел бы слишком далеко разбор этого двойного течения. Поэтому достаточно установить, что в древнейших чешских источниках встречается двоякая характеристика княжеской власти. Такая же двойственность обычна и для всей средневековой литературы. Однако ни в одном из этих двух направлений мы не находим даже самого отдаленного намека на «харизматический характер» власти государя.

Исследование первой части сказания о короле можно дополнить констатацией, что легендарный основатель династии Пржемысловичей обрисован не как воин, а как пахарь. В данном случае почти не имеет значения факт, в какое именно время в этой форме выкристаллизовалось предание. Существенным является то, что средневековье знало Пржемысла-пахаря, а не Пржемысла-воина. Впоследствии Пржемысл не стал ни патроном рода, ни патроном земли. Последним, как известно, сделался св. Вацлав. Характерно, что некоторые жития знают и Вацлава-воина [78].

Как показало изучение первой части цикла преданий, в них нельзя найти и следа какого-либо «харизмата».

Обратим теперь внимание на вторую часть сказания — рассказ о преемниках Пржемысла. Если попытаться обрисовать картину в целом, то придется заметить, что описание этих князей у Козьмы дано с явно отрицательных позиций [79]. Наиболее полно в этом смысле охарактеризован Неклан, которому Козьма уделяет больше места, чем остальным. Я не могу дать здесь подробный анализ всего этого материала. Лично мне представляется бесспорным, что в данном случае перед нами обработанные мифические элементы. Для наших же целей достаточно только установить, что государи изображены в легенде отрицательно, что Неклан описан как трус, и рассказ этот не только ни в какой мере не подкрепляет «харизматическую теорию», но и прямо отрицает ее. Отметим попутно, что и в этом отношении чешские предания не составляют исключения. Подобное же отрицательное изображение государя встречается и в немецкой литературе (наиболее четко в известном стихотворении Waltharius) [80], и во многих частях французского цикла о Карле Великом [81], где короли также изображены отрицательно, а нередко (подобно Неклану) и прямо как трусы.

Если исследование первых двух частей показало, что ни о каком «харизмате» не может быть и речи, то с третьей (заключительной) частью сказания дело обстоит несколько иначе. Здесь действительно встречают-

---

[75] Например, уже в житии Crescente fide, с. 5 (издание Халоупецкого, стр. 498) и в дополнениях ко второй старославянской легенде о св. Вацлаве, с. 5 (ed. J. V a š i c a. Sbornik staroslavanských literarních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile. Praha. 1929, str. 91—92), X—XI столетия.

[76] Уже в Crescente fide — translatio (FRB I, str. 183—190).

[77] См. F. G r a u s. Dějiny venkovského lidu v Čechán v době předhusitské. Díl. I, str. 67 nn.

[78] Например, у Kristiana с. 10 (издание Пекаржа, стр. 125), а у Козьмы за 1002 г., при изгнании поляков.

[79] См. примечания 38 и 39.

[80] Датировка стихотворения вновь оказалась спорной: оно относится к IX либо к X веку. См. обзор W. S t a m m l e r. — K. L a n g o s c h. Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. I, col. 527—532, IV, col. 776—788.

[81] См. J. B é d i e r. Les légendes épiques. Recherches sur la formation des Chansons de Geste. 2. ed. Paris. 1914—1921.

ся особые элементы, впрочем, типичные не только для положения государя, но и для положения феодалов вообще. Те черты, которые Козьма приписывает легендарному периоду, представляют собою отчетливую феодальную идеологию «верности», хорошо известную во всей Европе. Она проявляется и в других местах хроники [82]. Именно эта идеология и смешивается ныне с «харизматом». Поэтому следует остановиться на ней несколько подробнее.

Смысл писаний Козьмы виден с первого взгляда: убийство господина является наихудшим преступлением, которое может совершить человек. В чешских источниках это не новая идея. Она отчетливо проявляется уже в так называемом первом древнеславянском житии св. Вацлава (первая половина X в.) [83], где читаем, что каждый, кто поднимет руку на своего господина, уподобится Иуде, предавшему Христа [84]. Это провозглашение верности имеет старую церковную традицию [85], ее проповедником выступал идеолог феодалов — церковь.

Однако данная разработка Козьмы не является исключением в средневековой литературе. Она имеет свою аналогию и во французских рыцарских романах [86]. Представление о том, что измена господину — самое тяжелое преступление, которое может совершить человек, было необходимо феодальному обществу потому, что основа его власти была слаба. Как только феодалы добились права наследственности ленов, они стали господами в своих владениях, в известной мере независимыми от государей, и идеологи централизованной власти должны были всемерно стремиться представить «верность» в качестве священных уз, которые должны были связывать феодалов с их представителями в лице королей. Однако результаты не были слишком значительными, в чем нас убеждает средневековая история.

Козьма, который не раз в своей хронике [87] подчеркивает «верность» подданных князю, переносит, следовательно, в «легендарный век» идеал верности в том смысле, в каком его знало феодальное общество. Тем самым он как бы включает предания в общую линию развития средневекового феодального общества, как она выступает в источниках в Чехии [88]. Рассказ о Дурынке, с точки зрения проблемы, о которой идет речь, представляет интерес и потому, что в нем подчеркнута верность господину, а не какая-либо «харизма» государя. Мы сталкиваемся снова с полным отсутствием представления о королевской власти как о данной «сверху», представления, которое новое направление в буржуазной историографии пытается отыскать в далеком прошлом.

Если предшествующий анализ показал, что в старых чешских сказаниях нет и намека на «харизматический» характер княжеской власти, и, напротив, в них заметно проявляются мотивы, указывающие на то, что феодалы насильственным путем порабощали свободных людей, то для объяснения представления о полусвященном характере средневековой королевской власти следует обратиться к другому источнику. Это представление не может быть первоначальным, оно появилось в результате развития; оно не может иметь своей основы в народном понимании, а было внесено извне в народ.

---

[82] См., например, I, 34, 52; II, 4, 13, 22, и т. д.

[83] Обоснование моей точки зрения см. F. Graus. Указ. соч. Т. I, стр. 61 и сл.

[84] Text Voskotovsky (Vajs. Sborník, str. 15, 22).

[85] См., например, постановления англосаксского синода 786 г. (Monumenta Germaniae. Epistolae IV, p. 19—29); синода в Могучи в 847 г. (M. G. Capitularia II, № 248, p. 177); синода в Хоснальтхайме (M. G. Leges, 2, p. 557—588) и др.

[86] Например, убил (по легенде о Жирарде де Руссильоне) ленник сына своего господина; он хуже библейского Каина (Bédier. Указ. соч. Т. II, стр. 22).

[87] Сравни, например, рассказы о верном слуге Дворе (I, 34), о наказании изменника Пркоша (II, 11), восхваление Вратислава Лансем (II, 32) и др. В легендах восславляется верный поводырь св. Вацлава Подивен (см. и у Козьмы, III, 55).

[88] F. Graus. Lenní právo v Čechách. «Český lid». 39 roč. 1952, str. 67—73.

Я уже упоминал о церковном направлении, призванном служить усилению авторитета государя. Исследование этого направления завело бы нас слишком далеко. Мне хотелось бы лишь обратить внимание на тот факт, что именно в окружении Карла IV этот чисто церковный характер заметно выступает на первый план [89]. Больший интерес, однако, представляет другая черта, показывающая «веру» народа в короля, которую действительно в последующих столетиях средневековья можно наглядно наблюдать.

Как я уже подчеркивал, вера в короля (она проявлялась у народов всех средневековых государств) основывалась на том, что государь вступал в споры с отдельными феодалами, «защищая» при этом «право», становясь, таким образом, почти его символом. Укреплению этой веры способствовало то, что крупные феодалы (в особенности, государи) не были связаны прямыми отношениями с крепостными. С ними имели дело (и их непосредственно угнетали) низшие представители власти. Так возникало представление о том, что только феодалы плохи, государь же сам «добр» и ничего не знает об угнетении. Воплощение в действительности эта вера нашла спустя столетия в крестьянских восстаниях, когда крепостные обращались с «петициями» к государю, прося защиты от бесправия феодалов. Культ короля поддерживала и церковь, а ее учение было в средние века весьма реальной силой.

Все эти факторы способствовали тому, что вера средневековых крепостных в короля как в заступника бедных и угнетенных стала тормозом классовой борьбы [90], распыляя ее и мешая сплочению эксплуатируемых масс. Вспомним XIV в. с его французской Жакерией и восстанием Уота Тайлера в Англии. Повсюду крепостным были присущи иллюзии о государях, к которым они обращались и удовлетворялись их обещаниями, а в результате оказывались подло обманутыми. Вспомним и гуситское движение, хотя в нем эти иллюзии не имели той силы, как в движениях во Франции или в Англии. Тем не менее эти иллюзии были характерны и для истории Чехии, так же как и для других стран.

Было бы смешно упрекать средневековых крепостных в том, что они не распознали классового характера функций короля (государственной власти). Но если этого не делает историк, то это свидетельствует об его отсталости. Найти в проявлениях церковной пропаганды либо в подсознательной вере народной какое-либо «прастарое ядро», религиозно-священное происхождение королевской власти нельзя и потому, что эти черты определились в идеологии лишь в более поздний период. На данное обстоятельство я указывал на чешском примере.

Можно подвести итоги: «харизматическая теория» не соответствует историческим фактам. Она свойственна наиболее реакционному направлению в современной историографии. Научное исследование проблемы власти государя в средние века не только обязано обратить внимание на классовый характер государственной власти, но и должно непосредственно исходить из него.

Задача историка — научно объяснить развитие власти государя, показать реальные основы этой власти, ее конкретную классовую обстановку, но ни в коем случае не гнаться за некими «сакральными» химерами.

---

[89] Сравни выразительный упрек Бенеша из Вейтмиля (FRB, IV, str. 465) при убийстве последнего из Пржемысловичей, Вацлава III, где хроникер резко укоряет всех официальных лиц. «Credo, non invenient excusacionem, quia aut fuerent facti sceleris consii aut negligentes. Vere omnes filii mortis estis, qui non custoditis dominum vestrum, nec conservatis Christum Domini». Сравни, далее, F. G r a u s. Указ. соч. T. II, стр. 278.

[90] См. там же, стр. 277 и др.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОТНОШЕНИИ БАБЕФА К ДАНТОНУ

В. М. Далин

В нынешнем году исполняется двести лет со дня рождения Дантона, однако споры о его роли в период Великой французской буржуазной революции до сих пор не прекращаются. А. Матьез нанес сокрушительный удар «легенде» о Дантоне, созданной либерально-буржуазной историографией. Но нельзя, как нам кажется, полностью отрицать какую бы то ни было положительную роль Дантона даже на ранних стадиях революции.

В. И. Ленин в своих знаменитых «Советах постороннего», написанных накануне Октября, напомнил данную Марксом оценку Дантона как «величайшего в истории мастера революционной тактики» и призывал использовать в подготовлявшемся большевистской партией вооруженном восстании «великие заветы Дантона и Маркса» [1].

В этой связи приобретает большой интерес вопрос о том, как относился к Дантону в годы революции Бабеф, виднейший представитель революционной демократии во Франции конца XVIII века.

В 1925 г. в журнале «Annales historiques de la Révolution française» А. Матьез опубликовал неоконченное письмо Бабефа к Дантону. Это был единственный документ, по которому мы до сих пор могли судить об отношении Бабефа к Дантону.

«Мужественный Дантон! Я обращаюсь к тебе, как самому ревностному стороннику свободы; выражения, присущие рабству, не созданы для такого истинного гражданина, как ты.

Будет ли тебе принадлежать слава стать новым Антонием, напоминающим Бруту о его великом долге? О, мой друг, это слишком верно: Риму угрожают цепи, а ты спишь!.. Разве ты перестал быть Дантоном! Я предпочитаю верить, что это заслуженно прославившееся имя останется таким и впредь. Во время больших событий проявляется и большое мужество! Момент требует сильной души, способной сопротивляться всем ударам. Мне кажется, что только твоя способна на это возвышенное усилие. Мой друг, мой брат, родина находится на краю пропасти. Хотят распустить дистрикты! (On veut dissoudre les districts!) (Разрядка наша.— *В. Д.*) Кто не видит в этом роспуске полного уничтожения свободы? Кто будет охранять наши права? Как сказал недавно один превосходный публицист: «Кто предотвратит страшные последствия деспотизма, возникающего на развалинах старого? Наши должностные лица (municipaux) станут такими же надменными деспотами, которые будут править нами при помощи железных скипетров. Полиция является слишком самовластной администрацией, чтобы не вызывать подозрений. Отвечайте! В какой трибунал угнетаемые граждане обратятся со своими жалобами? Перед каким трибуналом будут они разоблачать злоупотребления властью и полномочиями, если дистрикты не будут бодрствовать?».

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 152, 153.

Недостаточно, мужественный защитник доброго дела, недостаточно!..» [2].

На этом обрывается письмо, подлинник которого хранится в Парижской муниципальной библиотеке. К какому периоду оно относится? Этот вопрос имеет немаловажное значение. А. Матьезу ответ на него казался «очень легким». На основании содержания письма, где затрагивался вопрос о ликвидации дистриктов, он предположил, что речь идет о жирондистском проекте конституции Кондорсе (февраль 1793 г.), в котором предусматривалось упразднение дистриктов. Матьез считал поэтому, что письмо должно быть датировано мартом — апрелем 1793 г., когда Дантон вернулся в Париж из Бельгии и началось обсуждение проекта Кондорсе.

Однако нам представляется, что в данном случае Матьез ошибся.

Прежде всего следует напомнить факты из биографии Бабефа. В середине февраля 1793 г. он приехал в Париж, спасаясь от судебного преследования. Первые дни целиком были заняты хлопотами, составлением петиций, хождениями к министру юстиции; едва ли тогда у Бабефа оставалось время для изучения проекта Кондорсе. Когда же Бабеф обратился весной 1793 г. к конституции, все его внимание было сосредоточено на критике якобинского проекта. И Бабефа интересовал прежде всего основной вопрос — о собственности, а не второстепенный тогда вопрос о дистриктах.

В то же время в жизни Дантона март 1793 г.— это самый острый момент, когда его политический авторитет в демократических кругах Парижа был более всего подорван из-за его близости к Дюмурье. Было бы странно, если бы в такое время Бабеф апеллировал в столь восторженных выражениях к Дантону.

Но независимо от изложенных выше соображений датировка А. Матьеза кажется сомнительной еще и потому (и это главное), что для Парижа весной 1793 г. вопрос о дистриктах потерял всякий интерес, так как они были ликвидированы в столице летом 1790 года. Тогда действительно это был острейший вопрос политической борьбы в Париже, вызвавший ожесточенное столкновение между наиболее демократическими дистриктами, в первую очередь Кордельеров, и буржуазно-аристократическим муниципалитетом Байи — Лафайета. В то время, в июле — октябре 1790 г., к этой борьбе парижских дистриктов Бабеф имел самое прямое, непосредственное отношение.

После возвращения в октябре 1789 г. на родину, в Руа, Бабеф в выступлениях против муниципальной олигархии использовал опыт парижских дистриктов. В проекте речи, датированном 2 января 1790 г., он подробно останавливался на демократических принципах организации парижских дистриктов, которые «удержали за собой право собираться, когда они этого захотят, принимать решение, когда им это угодно, и превращать его в муниципальный закон, если оно имеет за собой большинство дистриктов». Парижские дистрикты являлись, по мнению Бабефа, главной гарантией против опасности «аристократизации сената». Не будь дистриктов, «первый город королевства представлял бы собой... печальное зрелище стада рабов» [3].

Когда вслед за столкновением между муниципалитетом и дистриктом Кордельеров, взявшим под свою защиту Марата в декабре 1789 — январе 1790 г., встал вопрос о ликвидации дистриктов, Бабеф решительным образом высказался за их сохранение. В письме к патриотам Перонна 27 марта 1790 г. он сообщил о петиции 60 парижских дистриктов (поданной в муниципалитет 23 марта), в которой отстаивалось

---

[2] «Une lettre de Babeuf». «Annales historiques de la Révolution française», 1925, p. 488.

[3] Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 323, 27 В I.

их существование в старом виде (en permanence active). «Париж,— писал Бабеф,— подает провинции пример: каждый у нас будет стремиться подражать столице. Вот еще одна петиция, которую должны составить мы и наши перонпские братья; покажем пример, и пусть вся провинция следует за нами... Нужно, чтобы гражданин всюду имел бы определенное место, где бы он мог изложить свое мнение о том, что он считает необходимым для своей родины» [4].

25 мая 1790 г. Бабеф был арестован в Руа по требованию акцизного суда и доставлен в парижскую тюрьму Консьержери. Он немедленно начал борьбу против генеральных откупщиков (fermiers généraux) и добился освобождения не только своего, но и всех арестованных в Париже участников сожжения застав 12—14 июля 1789 года. Не ограничиваясь этим, Бабеф стремился активно участвовать в политической жизни столицы.

Находясь в тюрьме, Бабеф, не довольствуясь использованием газеты Марата, пытался издавать собственный орган — «Journal de la Confédération». Разумеется, редактировать и издавать газету в тюремном заключении было делом затруднительным. Бабеф осторожно намекал на это в письме владелице типографии: «Трудность состоит в том, что редактор находится в таком положении, что он совершенно лишен возможности вести переговоры о печатании и продаже иначе, чем через посредников, которые уже грубо обманули его при выпуске № 1. Но в ближайшие 4—5 дней он сумеет с вами встретиться» [5]. Расчеты Бабефа не оправдались: он был освобожден только в августе. В тюрьме Бабеф успел подготовить четыре номера газеты. Только два из них увидели свет, но в его архиве сохранились рукописи всех номеров и их черновики. Они показывают, что, кроме борьбы против генеральных откупщиков, в центре внимания «Journal de la Confédération» в июле 1790 г. стоял вопрос о парижских дистриктах — как раз тот вопрос, которому посвящено письмо Бабефа, опубликованное Матьезом.

Уже в рукописи второго номера ему отведено много места. Сторонник неограниченного народного суверенитета, Бабеф видел в дистриктах основную форму подлинной демократии. Он в это время скептически относился к возникшей после революции представительной форме правления, которая, по его мнению, фактически лишала народные массы возможности непосредственно влиять на политику. Вот почему Бабеф особенно ценил парижские дистрикты, где граждане сохранили возможность «думать, говорить, действовать», еще не потеряли привычки и вкуса к политическим дискуссиям и имели возможность контролировать своих представителей. «Сравните,— указывал он,— успехи, которых уже добился деспотизм в провинциях, где народ уже представлен только муниципальными учреждениями, с той свободой, которая еще сохранилась в Париже, где существование дистриктов до сих пор сохраняло за каждым гражданином какое-то право самому принимать прямое участие в общественных делах» [6].

После почти полуторагодичного горького опыта борьбы с муниципальной олигархией в Руа Бабеф напряженно искал форму, которая обеспечила бы «прямое народоправство». Парижские дистрикты и казались ему искомой формой народной демократии. «Старайтесь возможно реже быть представленными и возможно чаще будьте своими собственными представителями» — таков вывод Бабефа в № 2 его газеты. Исходя из этого кардинально важного для него принципиального положения, он страстно боролся за сохранение дистриктов. Не удивительно поэтому, что рукопись № 3 «Journal de la Confédération» почти целиком

---

[4] Там же, 37 B I.
[5] Там же, 58 B IV.
[6] Там же.

посвящена данному вопросу. Это видно уже из заголовка: «Превосходные черты патриотизма в дистриктах Кордельеров и Назарет. Великая заинтересованность свободы в сохранении дистриктов. Страшная опасность, от которой только они ежедневно нас спасают» [7].

Бабеф горячо приветствовал решение дистрикта Кордельеров, его петицию 25 мая Парижскому муниципалитету о необходимости сохранения дистриктов по крайней мере до 25 июля, и подобные же постановления дистрикта Назарет. «Нужно,— заявлял он,— чтобы дистрикты не только сохранились до 25 июля, но чтобы они вообще никогда не соглашались с роспуском. Их повседневный надзор является палладиумом свободы, единственным подлинным оплотом конституции. Только их организация может обеспечить права народа, и, если их не будет, большинство граждан лишится подлинного суверенитета; представители добьются независимости и даже превосходства над своими доверителями... Приближается подходящее время для проявления патриотизма, вот уже 14 июля, время, когда осуществляются лучшие подвиги во имя свободы; вы не можете сделать ничего лучшего для ее обеспечения, чем завоевать непрерывность заседаний дистриктов, которым мы так обязаны, которые являются школой гражданственности, или, если угодно, ареной, на которой всегда с успехом борются против тирании» [8].

Трудно не заметить полного совпадения между ходом мыслей Бабефа в «Journal de la Confédération» в июле 1790 г. и содержанием его письма к Дантону. Выделенная нами строка в письме Бабефа: «Хотят распустить дистрикты!» — повторяет первую строку третьего номера газеты — «Дистрикты будут распущены!!!... О, французы!» [9]. Нам представляется совершенно очевидным по самому содержанию письма, что только в июле 1790 г., когда внимание Бабефа было сосредоточено на борьбе за сохранение парижских дистриктов, и могло быть написано опубликованное А. Матьезом письмо.

Но есть еще одно подтверждение нашего предположения. На обороте черновика, по-видимому, непроизнесенной речи Бабефа «Франция под игом деспотизма», относящейся к первому, раннему периоду революции, написаны две фамилии — Дантон и Вернье [10]. Набросок не датирован. Однако в данном случае установить время составления записи нетрудно. Вернье был членом финансового комитета Учредительного собрания. В июле 1790 г. он опубликовал «Новый план финансов и налогов». Этот вопрос живейшим образом интересовал Бабефа — автора «Постоянного кадастра». Нет ничего удивительного в том, что, ознакомившись с книгой Вернье, Бабеф (как видно из сохранившегося в архиве черновика письма) 27 июля 1790 г. обратился к нему с письмом [11]. Интересно, что примерно в это же время (4 августа) на доклад Вернье от имени финансового комитета обратил внимание Бабефа и его поручитель при освобождении граф Лораге [12].

Имя Вернье никогда больше не привлекало к себе внимания Бабефа, оно не встречается в его бумагах. Можно с полной уверенностью утверждать, что обнаруженная нами запись фамилий Вернье и Дантона относится к июлю 1790 г., то есть к тому времени, когда писалось и письмо к Вернье и статья о дистриктах в «Journal de la Confédération». Все эти совпадения, конечно, не случайны. Они дают нам основание датировать и письмо Бабефа о сохранении дистриктов июлем 1790 года.

Вопрос об установлении правильной даты может показаться маловажным. Однако для биографии Бабефа он имеет серьезное значение.

---

[7] Там же, 53 B I; 55 B I.
[8] Там же, 53 B I.
[9] Там же.
[10] Там же, 61 B IV.
[11] Там же.
[12] Там же, 43 B V.

Время написания письма прежде всего позволяет судить о том, насколько правильно разбирался Бабеф во всей сложной политической обстановке Франции. Видеть в Дантоне вождя радикальной парижской демократии в марте 1793 г. мог бы только провинциал, живший еще воспоминаниями 10 августа 1792 года. Но обращение к Дантону в июле 1790 г., признание его уже тогда наиболее ярким представителем парижской демократии свидетельствуют о большой политической проницательности Бабефа, его превосходной осведомленности, умении правильно оценивать обстановку, трезво взвешивать качества отдельных людей. В потоке парижской прессы 1789 г. Бабеф сразу же выделил Марата; точно так же из массы политических деятелей в 1790 г. он остановился на Дантоне.

У нас, к счастью, сохранился еще один отзыв Бабефа о Дантоне, на этот раз точно датированный и не оставляющий никакого сомнения в правильности нашего предположения. 14 декабря 1790 г., после освобождения Бабефа из Консьержери, директория департамента Соммы отменила решение об избрании его членом генерального совета дистрикта на том основании, что приказ об его задержании до сих пор не отменен. Протестуя против этого решения департамента, Бабеф указывал, что никакие приказы о задержании не могут быть препятствием к избранию гражданина на какой-либо пост, если он отвечает всем требованиям, поставленным конституцией. 26 декабря он писал: «В соответствии с этими принципами лучшие патриоты государства, против которых, как и против меня, развращенными аристократическими судами были изданы приказы о задержании, не могли быть из-за этого лишены своих прав гражданина. Г-н Дантон, председатель дистрикта Кордельеров, против которого издал приказ гнусный суд в Шатле, остается, тем не менее, председателем дистрикта Кордельеров и украшением (ornement) наиболее патриотических и достойных уважения собраний столицы»[13] (разрядка наша.— *В. Д.*).

Этот отзыв Бабефа чрезвычайно любопытен как показатель отношения к Дантону в 1790 г. наиболее передовых демократов тогдашней Франции. Но этот отзыв относится к председателю дистрикта Кордельеров, к союзнику Марата. К союзнику — пусть временному — Дюмурье Бабеф так обращаться не мог; не случайно после 1790 г. в бумагах Бабефа мы не находим ни одного упоминания о Дантоне. Вопрос о дате не кажется нам поэтому проявлением педантизма. Правильное его решение проливает свет на взаимоотношения между Дантоном и Бабефом.

[13] Там же, 76 B I.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История СССР

СБОРНИКИ СТАТЕЙ, ИЗДАННЫЕ К 40-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ УНИВЕРСИТЕТОМ

К 40-летию Октябрьской революции вышли десятки документальных сборников, монографий, воспоминаний, посвященных истории Октября. Среди них видное место занимают сборники статей, подготовленные различными учебными заведениями. Нужно отметить, что активное участие вузов, и в частности кафедр истории СССР и истории КПСС университетов, в подготовке и выпуске исторической литературы заслуживает внимания и поддержки. В настоящее время исторические кафедры наших вузов имеют все возможности, чтобы широко развернуть научную работу и публикацию монографий, коллективных трудов, сборников, которые служили бы не только учебными пособиями для студентов, но и являлись бы значительными научно-исследовательскими трудами.

★

В связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции Московским государственным университетом были изданы два сборника, подготовленные кафедрой истории СССР советского периода [1] и кафедрами истории КПСС [2].

Рассмотрим вначале сборник, составленный на кафедре истории СССР и озаглавленный «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». В девяти статьях этой книги освещен ряд вопросов из истории борьбы нашего народа за утверждение и упрочение Советской власти, за осуществление первых социалистических преобразований. В сборнике говорится о революционизирующем влиянии Октябрьской революции на зарубежное рабочее движение.

Статьи, как правило, носят исследовательский характер. Они посвящены малоизученным в исторической литературе вопросам. Это делает сборник значительным и интересным. Многие конкретные выводы и наблюдения авторов являются свежими и оригинальными, вносят ряд важных уточнений в представления о некоторых сторонах исторического процесса. Введенные в научный оборот архивные материалы представляют большую ценность.

В большинстве статей обстоятельно раскрыта роль трудящихся масс как подлинных творцов истории, освещена деятельность как руководителей партии и государства, так и рядовых борцов революции в губерниях и уездах, на фабриках и заводах. К сожалению, в работах, посвященных созданию органов хозяйственного управления, авторы не использовали в полной мере имеющиеся сейчас возможности для конкретного освещения роли рядовых пролетариев, выдвигавшихся партией к руководству национализированной промышленностью.

Обязательным элементом каждого исследования является наличие историографического анализа, раскрывающего достоинства и недостатки работы, проделанной предшественниками. Ряд статей рецензируемого сборника содержит более или менее развернутые историографические обзоры. Но этот принцип выдерживается не всегда. Так, В. И. Бессонова не упоминает о работах Н. М. Катунцевой и других по истории рабочих факультетов; И. С. Яжборовская ничего не сообщает о трудах польских и советских историков по избранной ею теме; совершенно не дает историографии исследуемого вопроса А. Х. Клеванский.

[1] «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. Редакционная коллегия: доц. М. И. Стишов, доц. Б. Г. Верховень, канд. ист. наук М. И. Хейфец. Изд-во Московского университета. 1957. 377 стр. Тираж 7 000. Цена 21 руб. 25 коп.

[2] «В борьбе за победу Октября». Сборник статей. Редакционная коллегия: проф. Н. С. Шевцов, проф. Д. И. Надточеев и доц. А. В. Корнилов. Изд-во Московского университета. 1957. 444 стр. Тираж 5 300. Цена 12 руб. 15 коп.

В сборнике есть неточности в сносках, имеются опечатки, в отдельных случаях приводящие к искажению смысла. Так, в таблице на стр. 92 указано, что в Московской губернии в 1918 г. было 63 уезда. На самом же деле — и это подтверждается итоговыми данными, приведенными в тексте,— их было всего 13. На стр. 362 вместо слов «зарубежная историография» напечатано «буржуазная историография», и в этот раздел включена марксистская историческая литература.

Таковы некоторые общие замечания о сборнике в целом.

Сборник открывается работой Е. Н. Городецкого «Из истории Петроградского Военно-революционного комитета» (стр. 26—54). История Петроградского ВРК неоднократно находила отражение в печати. Большинство авторов обращало внимание на деятельность ВРК по руководству вооруженным восстанием. В этой связи представляет интерес попытка Е. Н. Городецкого показать деятельность Военно-революционного комитета прежде всего в области организации продовольственного снабжения города, обеспечения работы промышленности, борьбы с саботажем, контрреволюцией, спекуляцией и т. д. Однако в статье имеются некоторые пробелы и фактические неточности, мешающие правильному пониманию истории Петроградского ВРК.

Исключительный интерес представляют материалы о личном участии В. И. Ленина в работе Военно-революционного комитета. Ряд данных, в частности документы, опубликованные в журнале «Исторический архив» (1957, № 5), показывают, что вождь революции и после победы вооруженного восстания принимал непосредственное участие в деятельности ВРК. Между тем Е. Н. Городецкий совершенно не освещает этого вопроса.

Упрекнув одного из авторов работ о Петроградском Военно-революционном комитете, И. Г. Дыкова, за отсутствие в его трудах характеристики организационной структуры ВРК (стр. 9), автор, в сущности, и сам не восполняет этого пробела. Е. Н. Городецкий отвергает соображения о численном составе ВРК, высказанные И. Г. Дыковым (66 человек), но названная им цифра (40 человек) приводится без всяких доказательств (стр. 10).

Е. Н. Городецкий показывает, как по мере укрепления нового государственного аппарата Военно-революционный комитет терял характер универсального и чрезвычайного органа. Но некоторые конкретные стороны взаимоотношений ВРК с Совнаркомом остаются невыясненными. Так, не показаны проявления параллелизма в деятельности ВРК и СНК на последнем этапе работы ВРК. Это сказалось, например, при рассмотрении вопроса о согласованности действий штаба Петроградского военного округа и ВРК. В данном случае Военно-революционный комитет, превышая свои полномочия, предлагал Совнаркому отменить один из приказов главнокомандующего Петроградским военным округом [3].

Автор правильно отмечает, что история ликвидации ВРК представляет большой интерес, однако он не дает нового материала по этому вопросу. Имеются в статье и фактические ошибки. На стр. 21 В. Р. Менжинский называется народным комиссаром финансов. На самом деле 30 октября 1917 г. он был назначен временным заместителем наркомфина [4]. Под датой 15 ноября 1917 г. Д. П. Боголепов упоминается как заместитель наркомфина, хотя на этот пост он был назначен лишь 17 ноября [5].

М. И. Стишов в работе «О некоторых особенностях образования военно-политического союза рабочего класса и крестьянства в условиях Сибири и его роли в разгроме колчаковщины» (стр. 55—81) поднимает на примере Сибири чрезвычайно важную проблему своеобразия складывания союза рабочего класса и крестьянства в разных районах страны. Автор указывает, что этот процесс при действии общих закономерностей во всероссийском масштабе имел на местах свои специфические черты (стр. 56). Исходя из того, что особенности образования союза рабочего класса и крестьянства зависели прежде всего от уровня и характера экономического развития, от соотношения классовых сил, М. И. Стишов анализирует социально-экономические отношения в сибирской деревне. Он отмечает колебания сибирского среднего крестьянства и последовательно прослеживает изменение его настроений, поворот в сторону Советской власти, на путь решительной борьбы с интервентами и белогвардейцами. Автор хорошо показал руководящую роль рабочего класса и деятельность партийных организаций Сибири, непосредственно руководимых ЦК РКП(б).

---

[3] См. «Документы Великой пролетарской революции». Т. I. М. 1938, стр. 282.

[4] «Декреты Советской власти». Т. I. М. 1957, стр. 581.

[5] Там же, стр. 583.

Однако в статье не дано развернутой характеристики значения Сибири в общей борьбе Советского государства с интервентами и белогвардейцами. Следовало бы также точно определить, какие районы взял М. И. Стишов для своего исследования. Ведь географически понятие «Сибирь» нередко трактуется по-разному. Огромные национальные районы (Якутия, Обский север) также охватываются понятием «Сибирь», однако автор оставляет в стороне вопросы борьбы за власть Советов в этих районах. Некоторые положения статьи слабо подкреплены фактами. Так, правильно отмечая, что на настроения сибирского крестьянства огромное влияние оказало хозяйничанье иностранных захватчиков, М. И. Стишов не приводит имеющихся конкретных материалов, разоблачающих грабительскую политику иностранных империалистов в Сибири в период ее оккупации белогвардейцами и интервентами.

История создания первых хозяйственных органов Советской власти, особенно на местах, весьма слабо освещена в нашей литературе. Работы И. А. Гладкова, В. А. Виноградова, П. И. Лященко, А. Л. Гормана и других рассматривают эту проблему лишь в самой общей форме. Поэтому советский читатель с интересом встретит статьи В. З. Дробижева «Образование Советов народного хозяйства в Московском промышленном районе (1917—1918 гг.)» (стр. 82—111) и В. Я. Лаверычева «Создание центральных государственных органов управления текстильной промышленностью в 1918 г. (из истории «Центротекстиля»)» (стр. 112—147).

Обе статьи на основе новых обширных материалов раскрывают решающую роль рабочих масс в хозяйственном строительстве, показывают ход революционной ломки и использования Советской властью буржуазных органов регулирования промышленности, состав и структуру первых советских хозяйственных организаций.

Вместе с тем некоторые вопросы, поднятые авторами, нуждаются в уточнении. Так, В. З. Дробижев, поставив перед собой задачу показать образование совнархозов в Московском промышленном районе, произвольно исключил две губернии (Орловскую и Смоленскую), входившие в этот район (стр. 83). Характеризуя удельный вес района в общероссийском промышленном производстве, автор использует данные 1912 г. (стр. 84). Он игнорирует хорошо известные изменения, которые произошли в Московском промышленном районе за годы первой мировой войны[6]. Констатируя факт создания в мае 1918 г. Московского областного совета народного хозяйства (стр. 101), В. З. Дробижев не выясняет его роль и место в руководстве хозяйственной жизнью. Поэтому вывод статьи о том, что создание Московского облсовнархоза «имело большое значение в деле коренного изменения руководства промышленной жизнью всего района» (там же), повисает в воздухе.

Есть отдельные неточности и в статье В. Я. Лаверычева. Например, для подтверждения плохой работы «Центроткани» до Октябрьской революции (стр. 117) автор цитирует то место из доклада В. П. Ногина на 1-м Всероссийском съезде текстильщиков, где говорится о послеоктябрьском периоде. Для читателя остается неясным, как политические события, «связанные с Брестским миром», могли задержать юридическое оформление «Центротекстиля» (стр. 125).

Одному из частных, но весьма существенных вопросов культурного строительства посвящена работа В. И. Бессоновой «Создание и развитие рабочих факультетов в 1919—1921 гг.» (стр. 148—178). Используя интересный фактический материал, автор раскрывает роль и значение рабфаков в революционной перестройке высшей школы, в подготовке новой, советской интеллигенции. Нельзя не согласиться с выводом В. И. Бессоновой о том, что «рождение и развитие рабочих факультетов — одно из ярких проявлений революционного творчества народных масс в области культурного строительства, возможного лишь в условиях советской демократии — демократии высшего типа, установленной в результате победы Октябрьской революции» (стр. 149).

В. И. Бессонова показывает не только значение и успехи рабфаков. В соответствии с исторической правдой она рассказывает об огромных трудностях, стоявших на пути нового дела, о сопротивлении реакционной профессуры, о тяжелых бытовых условиях, в которых жили и учились первые рабфаковцы.

Статья В. И. Бессоновой не лишена и ряда недостатков. Отдельные ее положения слабо подкреплены фактическим материалом, например, утверждение о том, что к концу второго года работы рабфаков большинство профессоров и преподавателей из-

[6] См. «Фабрично-заводская промышленность в 1913—1918 гг.», «Труды Центрального статистического управления». Т. XXVI, вып. 1, 2. М. 1926.

менило свое первоначально отрицательное отношение к ним (стр. 173). Не всегда удачно объясняются некоторые явления, характеризующие те или иные стороны деятельности рабфаков. Так, неубедительны рассуждения автора о том, почему первоначально процент рабочих среди рабфаковцев был невелик (стр. 160). Нечетко изложен и вопрос о задачах пролетаризации высшей школы. Вначале В. И. Бессонова заявляет, что «при создании новой, советской высшей школы главной задачей являлась ее демократизация». (Отметим в скобках, что эта формулировка вообще является крайне неудачной. Демократизировать надо было старую школу, что являлось необходимым условием ее превращения в новую, советскую школу.) При этом под «демократизацией» автор понимает и обновление студенческого состава и изменение содержания всей работы высшей школы, а затем, без необходимых объяснений, переходит к конкретным фактам борьбы за пролетаризацию высшей школы, впервые употребляя этот термин (стр. 151).

Опубликованные в рецензируемом сборнике статьи И. С. Яжборовской «Великая Октябрьская социалистическая революция и польское рабочее движение» (стр. 179—218) и А. Х. Клеванского «Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии (1918—1920 гг.)» (стр. 219—259) освещают яркие страницы революционной борьбы польских и чехословацких трудящихся, развернувшейся под воздействием Октябрьской революции.

Разумеется, статьи И. С. Яжборовской и А. Х. Клеванского не претендуют на всестороннее освещение революционного движения в Польше и Чехословакии в изучаемый период, и было бы неправильно упрекать авторов в том, что они оставили вне поля зрения многие вопросы. Однако они обошли некоторые проблемы, имеющие прямое отношение к избранным темам. Авторы должны были хотя бы кратко рассмотреть вопросы экономического и социального развития польских и чехословацких земель к 1917 г., раскрыть соотношение классовых сил, степень сознательности и организованности пролетариата и т. д. Без этого нельзя разобраться в развитии событий, понять причины успехов и неудач революционного движения.

За сорок лет существования Советской власти вышло в свет огромное количество работ, посвященных истории Великой Октябрьской социалистической революции. Давно уже назрела насущная необходимость в создании научной историографии Великого Октября, которая бы проследила и оценила большой и сложный путь, проделанный советской исторической наукой в этой области. Статья М. Е. Найденова «Великая Октябрьская социалистическая революция в освещении советской (русской) исторической литературы» (стр. 259—314) является в целом удачной попыткой дать научный анализ литературы по истории Октября.

Автор поступил правильно, ограничив свое исследование определенными рамками, подвергнув анализу лишь исследовательские и научно-популярные книги на русском языке, отказавшись от рассмотрения журнальных статей, исторических введений к документальным публикациям, диссертаций и, наконец, всей литературы, изданной на языках народов СССР. Следует, правда, заметить, что и при таком ограничении круг вопросов, поставленных в статье, оказался настолько широким, что не все они нашли достаточно полное и глубокое освещение. М. Е. Найденов, безусловно, прав, поставив вопрос о необходимости издания научной библиографии, охватывающей публикации документов и материалов, мемуарную и исследовательскую литературу. Следовало бы лишь отметить, что первые шаги в этом направлении уже сделаны Государственной публичной исторической библиотекой [7].

Положительной стороной статьи М. Е. Найденова является раскрытие огромного значения ленинских работ для изучения истории Октябрьской революции. Вывод о том, что гениальные труды В. И. Ленина заложили методологические основы исследования истории революции, обстоятельно аргументирован автором. Он дает принципиально правильную оценку исторической литературы по истории Октября на различных этапах ее развития вплоть до последних лет. На протяжении всей статьи автор прослеживает, как советская историческая наука боролась против различных фальсификаторов истории Октябрьской революции, как в ходе этой борьбы наши ученые все более углубленно и всесторонне разрабатывали различные стороны данной проблемы. В работе дана

[7] «Великая Октябрьская социалистическая революция». Библиографический указатель документальных публикаций. М. 1957.

правильная оценка серьезных недостатков нашей исторической литературы, связанных с культом личности И. В. Сталина.

Однако отдельные конкретные положения и выводы автора в ряде случаев требуют уточнения, а иногда являются спорными. Нельзя, например, согласиться с утверждением М. Е. Найденова о том, что литература по истории Октября, вышедшая с 1921 по 1926 г., «совсем не была такой обильной, как это иногда изображают, что она насчитывает немногим более десятка популярных очерков и хроник... да с десяток сборников» (стр. 284). На самом деле лишь по истории Октябрьского вооруженного восстания в Москве можно назвать более десяти сборников и книг, опубликованных в этот период [8]. Говоря о юбилейной литературе, вышедшей в 1927—1928 гг., автор не указывает одну из самых серьезных работ того времени по истории Октября — «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве» (М.-Л. 1927). Дело, конечно, не в том, что не упомянута та или иная книга, а в том, что данные очерки в значительной мере характеризуют тогдашний уровень исторической науки. На стр. 295 автор, критикуя М. Н. Покровского по вопросам истории Октябрьской революции, отсылает читателя к работе последнего — «Борьба классов и русская историческая литература». Но дело в том, что здесь М. Н. Покровский вообще не касается Октябрьской революции. Материал, разбираемый автором, взят из книги М. Н. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX—XX вв.» (М. 1924).

Едва ли правильна также оценка М. Е. Найденовым брошюры А. Чебарина «Октябрьские дни 1917 года в Москве» (М. 1939) как первой серьезной работы о победе революции в Москве (стр. 308). При всех своих достоинствах книга имеет научно-популярный характер. Кроме того, ей присущи общие недостатки, свойственные литературе того времени.

Важной и ответственной теме посвящена статья Б. Е. Штейна «Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924 гг.» (стр. 315—364).

Б. Е. Штейн подвергает анализу зарубежную литературу, вышедшую в 1917—1924 гг. и затрагивающую вопросы истории Октябрьской революции и гражданской войны. Он группирует ее по основным направлениям: реакционно-буржуазное, правосоциалистическое, прогрессивно-демократическое, революционно-марксистское. Правда, иногда автор злоупотребляет классификацией по тенденциям, направлениям, группам и даже группировкам. Это запутывает порой и его самого, приводит к нечеткости в терминологии. Так, на стр. 316 Б. Е. Штейн говорит о наличии двух основных тенденций — буржуазной и марксистской, на стр. 317 перечисляет четыре основных направления, а на стр. 348 термин «тенденция» употребляет применительно к революционно-марксистской и прогрессивно-демократической историографии.

Большое внимание Б. Е. Штейн уделяет разбору брошюры Р. Люксембург «Русская революция». При этом он правильно, в соответствии с ленинской оценкой, отмечает слабые и сильные стороны этой работы. Однако в своей статье автор не отметил то обстоятельство, что до настоящего времени вокруг брошюры Р. Люксембург не прекращается идейная борьба. Ревизионисты разных мастей пытаются использовать эту работу в своих антисоветских целях, выпячивают и раздувают отдельные ошибки Р. Люксембург, в то же время замалчивая ее в целом положительную оценку Октябрьской революции, не говоря об эволюции взглядов Р. Люксембург и исправлении ею допущенных ошибок. Такие попытки предприняли, в частности, польские ревизионисты из печально-знаменитого журнала «Попросту», правые социал-демократы в Италии, председатель английского фабианского общества Д. Д. Г. Коул в брошюре «Капитализм в современном мире» и другие.

Б. Е. Штейн критикует клеветнические писания буржуазных авторов о Брестском мире. Однако неправильно сводить вопросы советской внешней политики данного периода только к Бресту. Автору следовало бы подвергнуть критике буржуазных историков именно за то, что они обходят важнейшие направления внешней политики Советского государства, стремятся отрицать ее коренные, принципиальные отличия от внешней политики царской России.

Известно, что дипломированные лакеи

---

[8] Автор, в частности, не упоминает такие издания, как «Октябрьские дни в Москве и районах». М. 1922; «От Февраля к Октябрю». М. 1923; «Октябрьское восстание в Москве». М. 1922; Е. Игнатов. Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г. М. 1925, и др.

империализма с первых дней Октябрьской революции ведут яростную клеветническую кампанию против Советского государства, зачастую пытаясь придать своим злопыхательским упражнениям наукообразную форму. Прямой долг советских историков — неустанно разоблачать буржуазных фальсификаторов, вскрывать их махинации, показывать всю антинаучность их взглядов, тщетность попыток очернить великие деяния советского народа. Вместе с тем советская историческая наука должна учитывать идеологическую борьбу в зарубежной историографии, объективно оценивать попытки прогрессивных, хотя и немарксистских, историков разобраться в событиях Октября, глубоко изучать работы зарубежных революционных, марксистских историков и политических деятелей.

Таковы вкратце достоинства и недостатки рецензируемого сборника, который в целом займет немаловажное место в ряду книг, вышедших к сорокалетию Великого Октября.

А. Я. Грунт, Ю. А. Поляков

★

Изданный Московским государственным университетом к 40-летию социалистической революции сборник статей работников кафедр истории КПСС гуманитарных, естественных и исторического факультетов «В борьбе за победу Октября» содержит исследования по отдельным вопросам борьбы Коммунистической партии за победу социалистической революции в нашей стране. Некоторые работы (П. Б. Жибарева, Ю. В. Воскресенского, В. И. Кузьмина, Ф. И. Ермакова) посвящены проблемам социалистического строительства в послеоктябрьский период или общим вопросам партийного строительства (А. Г. Шпынова). Мы остановимся лишь на статьях, освещающих деятельность КПСС в период подготовки и проведения Октября.

Достоинство рецензируемого сборника состоит в том, что большинство его статей написано на новом архивном материале, аргументированно и убедительно раскрывает роль Коммунистической партии в Октябрьской революции.

Сборник открывается статьей Н. С. Шевцова «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 3—17). Эта статья является фактически передовой в книге. Затронутые в ней вопросы освещены правильно, однако автора следует упрекнуть в том, что он не сделал глубоких выводов и обобщений из фактического материала, представленного в сборнике, не сказал о том новом, что в целом вносит эта книга в историческую науку. Автор не дал также развернутой характеристики роли Коммунистической партии в организации и проведении рабочим классом и беднейшим крестьянством социалистической революции, не показал особенностей стратегии и тактики КПСС в борьбе за подготовку и проведение Октября. Эти недостатки снижают значение вводной статьи.

К числу удачных можно отнести работу А. П. Холоповой «Большевизация Московского Совета в 1917 г.» (стр. 145—183). В ней показано коренное противоречие между интересами рабочих и солдатских масс Москвы, с одной стороны, и соглашательской политикой эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета рабочих депутатов — с другой. Опираясь на все возраставшее недовольство масс, большевики настойчиво, шаг за шагом усиливали свое влияние в Московском и районных Советах рабочих депутатов. За май 1917 г. было переизбрано 25% депутатов Московского Совета, в результате чего большевистская фракция выросла к 1 июня до 205 чел. (стр. 151); к концу июля из 10 районных Советов шесть находились под безраздельным влиянием большевиков (стр. 171).

Автор исследует процесс большевизации Московского Совета, начиная с апрельского политического кризиса и кончая переходом руководства в Совете к большевикам 5 сентября 1917 года. К сожалению, А. П. Холопова не придерживается определенной периодизации при изложении данных вопросов, хотя приводимый ею материал дает возможность сделать это. Как известно, первый период борьбы за Советы охватывает время от марта до начала июля 1917 года. Он совпадает с мирным периодом развития революции. В это время большевики, имея меньшинство в Советах, настойчиво боролись за освобождение рабочих и крестьян от влияния соглашателей и буржуазии, за осуществление лозунга «Вся власть Советам!». В статье «О двоевластии» В. И. Ленин писал: «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону; пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторон-

ники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии» [1]. Иначе говоря, Советы могли тогда мирным путем установить свою власть.

Второй период борьбы коммунистов за большевизацию Советов охватывает время от июльских дней до разгрома корниловщины. Многие Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, тогда утратили власть. Она сосредоточилась в руках контрреволюционной буржуазии. Двоевластие кончилось, и стало невозможным мирное осуществление лозунга «Вся власть Советам!». Сняв на некоторое время этот лозунг, большевики не вышли, однако, из Советов и продолжали вести борьбу за массы, за изменение состава и политики Советов. Возрождение революционных традиций Советов началось с их перевыборов, которые дали в конечном итоге перевес большевикам. Завершился этот период принятием 31 августа Петроградским Советом и 5 сентября 1917 г. Московским Советом большевистских резолюций по текущему моменту.

Третий период — от разгрома корниловщины до установления власти Советов в результате победы Октябрьского вооруженного восстания. К октябрю свыше 500 уездных и губернских Советов высказались за большевистский лозунг «Вся власть Советам!», который тогда мог быть осуществлен лишь путем вооруженного восстания. Став большевистскими, Советы установили диктатуру пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством.

А. П. Холопова правильно показывает формы и методы борьбы большевиков за завоевание на свою сторону Московского Совета. Но при этом она почти не приводит имен рабочих и коммунистов, действовавших в Московском Совете. Не говорится в статье и о выступлениях рабочих депутатов на заседаниях Совета. О настроении трудящихся масс можно судить лишь по приведенным в статье резолюциям рабочих собраний. Автор недостаточно проанализировал и влияние в Совете фабрично-заводских комитетов Москвы.

Значительный интерес представляет статья Я. Е. Белоусова «Московские большевики в период триумфального шествия Советской власти (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.)» (стр. 255—274), в которой исследуется деятельность Московской партийной организации в первые месяцы Советской власти. На основе фактического материала, причем в значительной мере нового, автор показывает строительство советского аппарата в Москве, объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, борьбу против саботажников из среды чиновников, против буржуазии и ее эсеро-меньшевистской агентуры, против правых и капитулянтов. Я. Е. Белоусов подчеркивает, что Коммунистическая партия в борьбе с саботажем опиралась на творческую самодеятельность, активность и инициативу масс (стр. 266). К сожалению, это важное положение не подкреплено фактами.

Тема обязывала автора показать героическую борьбу московских рабочих под руководством Коммунистической партии за установление Советской власти в пределах Московской области и в других районах страны. Но эта проблема в статье освещена лишь в общей форме, без достаточного привлечения документальных источников.

Работа В. А. Приставкина «Коммунистическая партия — организатор разгрома контрреволюционного левоэсеровского мятежа в Москве» (стр. 275—305) содержит ряд новых фактов и материалов, показывающих борьбу московских коммунистов за разгром левоэсеровской авантюры, руководящую роль В. И. Ленина в ликвидации попыток левых эсеров вырвать власть из рук пролетариата и беднейшего крестьянства. Автор сумел в ряде мест отойти от трафаретного изображения событий, доходчиво и живо раскрыть ход борьбы в Москве за упрочение власти Советов.

В. И. Ленин придавал огромное значение вовлечению работниц в революционную борьбу. Статья А. Т. Барулиной «Работа Петроградской и Московской парторганизаций среди женщин-работниц (март — октябрь 1917 г.)» (стр. 184—207) и посвящена этой малоисследованной теме. А. Т. Барулина показала основные формы и методы деятельности большевиков Петрограда и Москвы по руководству экономической и политической борьбой работниц. Большевики проводили женские митинги и собрания, добивались преодоления буржуазного и соглашательского влияния среди работниц, вели борьбу с буржуазной женской организацией «Союз равноправия». Автор рассказывает об активной деятельности среди женщин выдающихся дея-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 21.

телей большевистской партии Н. К. Крупской, К. И. Николаевой, К. Н. Самойловой, В. Слуцкой, Инессы Арманд и других. Статья содержит обширный фактический материал, в большинстве своем новый, на основании которого А. Т. Барулина сделала вполне обоснованные выводы.

Интересной по замыслу и материалам является работа З. В. Ждановской и Д. К. Михалутиной «Н. К. Крупская в период Великого Октября (апрель — декабрь 1917 г.)» (стр. 232—254). В ней освещается роль Надежды Константиновны в подготовке социалистической революции в России, в строительстве нового, советского государственного аппарата, в частности в создании Государственной комиссии по просвещению, явившейся зародышем Народного комиссариата просвещения, где Н. К. Крупская возглавляла отдел внешкольного образования.

Таковы положительные стороны этих статей сборника. К сожалению, приходится отметить, что ряд работ других авторов, представленных в рецензируемой книге, написан значительно слабее.

В статье А. Я. Утенкова «Роль военной организации большевиков в укреплении союза рабочего класса и трудового крестьянства (март — октябрь 1917 г.)» (стр. 82—118) несколько преувеличен революционный характер губернских и уездных съездов крестьянских депутатов, проходивших весной и летом 1917 года.

Как известно, в мае — июне 1917 г. состоялось много губернских и уездных съездов крестьянских депутатов, и они под влиянием эсеров вопреки интересам крестьян нередко принимали решения в духе эсеровской программы. Крестьянский съезд Енисейской губернии, заседавший 20—29 июня 1917 г., отметил стремление трудового крестьянства к скорейшему, прочному, всеобщему, справедливому миру, без аннексий и контрибуций, но вместе с тем заявил, что, пока объединение всех трудящихся не достигнуто, основным долгом трудового народа революционной России является самая активная защита страны. Съезд призвал также к поддержке Временного правительства и одобрил вхождение в него так называемых социалистов[2]. По аграрному вопросу съезд высказался за конфискацию всех помещичьих, монастырских, церковных земель без выкупа и вознаграждения, за распределение земли по трудовой и потребительской норме; однако он отметил, что все эти меры должны проводиться лишь через Учредительное собрание, и, по сути дела, осудил самочинные захваты земли крестьянами[3]. Такие же решения приняли крестьянские съезды Петроградской губернии 11—12 мая 1917 г., Пермской губернии 15—19 мая 1917 г., Елабужский уездный съезд Вятской губернии, Веневский уездный съезд Тульской губернии и другие[4].

Разумеется, подобные решения не отражали действительного положения в деревне и принимались съездами лишь в силу того, что эсеры имели большинство на них. В селах становилось все больше и больше крестьян, которые отказывались ожидать до Учредительного собрания решения земельного вопроса. Число захватов помещичьих земель, лесов, рабочего скота и инвентаря возрастало с каждым месяцем. Инициаторами крестьянских выступлений, как правило, были солдаты-фронтовики из бедняков, нередко рабочие помещичьих имений.

Статья В. М. Злобиной «Из истории создания политической армии Октябрьской революции (апрель—сентябрь 1917 г.)» (стр. 119—144) посвящена рассмотрению основных моментов большевистского руководства выступлениями масс в период трех политических кризисов в стране — апрельского, июньского и июльского. К сожалению, автор не привлек нового фактического материала для подтверждения своих выводов.

В. М. Злобина недостаточно глубоко раскрыла объективные причины выступления масс в период апрельской, июньской и июльской демонстраций. Так, об апрельской демонстрации она пишет: «Питерские рабочие, возглавляемые большевистскими организациями, 20 и 21 апреля вышли на улицу с красными знаменами и выразили гневный протест против ноты Временного правительства о продолжении империалистической «войны до победного конца»...» (стр. 121). И далее: «Апрельская демонстрация... обнаружила силу и сознательность народа, разбирающегося в сложной

[2] Газета «Наш голос» (Красноярск) № 78, 28 июня 1917 года.

[3] «Наш голос» № 79, 29 июня 1917 года.

[4] Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОР и СС ЛО), ф. 112, д. 1, лл. 71—76; газета «Народная воля» № 1, 24 июня 1917 г.; Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОР и СС МО), ф. 5030, оп. 1, д. 9, лл. 90, 94.

политической обстановке» (стр. 123). Примерно так же описывается и возникновение июньской демонстрации. Лишь при освещении июльских событий автор подчеркнул, что «рост недовольства народных масс деятельностью буржуазного правительства привел к стихийно возникшей демонстрации рабочих, солдат и матросов 3—4 июля 1917 г.» (стр. 131).

Глубокий анализ объективных причин возникновения трех политических кризисов в стране, роли Коммунистической партии в это время мы находим в ленинских работах. В статье «Три кризиса» В. И. Ленин писал: «Общая причина, общий источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен — особенно, если посмотреть на них в их связи, как повелевает смотреть на политику наука. Нелепо и думать, что три кризиса такого рода могли бы были быть вызваны искусственно». В основе их лежало «выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и ее правительства»[5], вызванные гнетом крупного капитала. Характеризуя роль партии в период апреля — июля 1917 г., В. И. Ленин указывал, что «тогда было стихийное возбуждение, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля)»[6]. Большевики направляли стихийные выступления масс по подлинно революционному пути.

Статья А. Е. Ишевского «Создание военной организации при ПК большевиков (февраль — март 1917 г.)» (стр. 48—81) посвящена одному из важнейших вопросов деятельности большевистской партии в борьбе за армию и флот. Автор показывает две противоположные линии работы в армии — эсеро-меньшевистскую, имевшую целью подчинение солдатских масс власти Временного правительства, и большевистскую, развязывавшую революционную энергию солдат и направлявшую ее на дальнейшее развитие революции. Эти противоположные линии в статье освещаются на материалах деятельности солдатской секции Всероссийского совещания Советов и военной организации при Петроградском комитете партии.

Однако в этой в целом содержательной и интересной статье также имеется ряд недостатков. Слабо представлены большевики — военные работники. Автор не называет даже А. Д. Садовского и А. Н. Падерина, принимавших активное участие в оформлении «приказа № 1» Петроградского Совета. Кстати, и самый этот приказ, закреплявший победу Февральской революции в армии, не получил в статье должной оценки. Неточно сформулировано А. Е. Ишевским положение о сущности двоевластия. Он пишет: «Передача Советом власти в руки буржуазного правительства не изменила реального соотношения сил в пользу буржуазии. Реальная сила осталась на стороне революции» (стр. 61). Ошибочность этой фразы состоит в том, что она как бы снимает вопрос о существовании двоевластия и снижает отрицательное значение добровольной уступки Советами власти Временному правительству, которая ослабила позиции революционных классов.

Автор утверждает, что руководящие органы партии в России в февральско-мартовские дни 1917 г. не смогли якобы воспринять ленинскую тактическую установку о борьбе на два фронта — против буржуазного Временного правительства и против социал-шовинизма мелкобуржуазных партий (стр. 68). Такая постановка вопроса неправильна. Хорошо известна та борьба, которую вели большевики против меньшевиков и эсеров, против Временного правительства, рассматривая его как буржуазное, империалистическое. Достаточно ознакомиться с документами Бюро ЦК партии, чтобы убедиться в этом. Так, в резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) от 4 марта 1917 г. сказано: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)»[7]. В резолюции Бюро ЦК партии от 22 марта 1917 г. дана развернутая характеристика Временного правительства как неспособного решить революционные задачи. Ему противопоставлялись Советы, готовые в определенный момент осуществить всю полноту власти. Однако был выдвинут и ошибочный тезис о контроле над

---

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 151.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 179.
[7] «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М. 1957, стр. 19.

действиями Временного правительства [8]. Что касается отношения к социал-шовинизму меньшевиков и эсеров, то и здесь большевики не делали в февральско-мартовские дни каких-либо уступок мелкобуржуазным соглашателям, прежде всего в вопросе о войне, считая ее империалистической и при Временном правительстве. Другое дело, что некоторые большевики ошибочно допускали возможность давления Советов на Временное правительство, чтобы тем самым добиться от него заключения мира. Однако эти ошибки не могут дать автору основания для его вышеприведенного неправильного утверждения.

Вызывает удивление и то, что А. Е. Ишевский цитирует материалы Всероссийского совещания Советов в марте 1917 г. по архивным источникам, хотя они давно уже опубликованы в книге «Всероссийское совещание Советов в 1917 г.», изданной еще в 1927 году.

Е. К. Попова в статье «Формы и методы политической работы большевиков в массах (июль — октябрь 1917 г.)» (стр. 208—231) ограничила политическую деятельность коммунистов устной и печатной пропагандой, которая хотя и играла существенную роль в завоевании трудящихся, но все же далеко не исчерпывала всех форм политической работы нашей партии в массах. Ведь в эти месяцы большевики активно действовали в различных организациях рабочих, солдат, крестьян. Большевики руководили стачками, экономической и политической борьбой рабочего класса, самоотверженно боролись в Советах, фабзавкомах, солдатских комитетах, непосредственно на фабриках и заводах, в селах и деревнях, в частях армии и флота. Именно там лежал центр тяжести политической работы партии в массах, и достойно сожаления, что эти факты не получили должного отражения в статье Е. К. Поповой.

К числу общих недостатков сборника следует отнести недостаточно продуманную тематику. Так, две статьи — А. Е. Ишевского и А. Я. Утенкова — посвящены, по существу, одному и тому же вопросу. Между тем роль рабочего класса как ведущей силы социалистической революции в сборнике в полной мере не освещена, ибо те разрозненные сведения, которые имеются в некоторых статьях, например В. М. Злобиной (о рабочем движении, о стачках и демонстрациях рабочих), не дают общей картины экономического положения пролетариата России в 1917 г., его роли в завоевании победы социалистической революции. В сборнике нет статей о партийном строительстве хотя бы в пределах Москвы и Московской области. Между тем до сих пор не исследованы состояние партийных организаций в этом районе в марте 1917 г., их рост, борьба за чистоту рядов большевистской партии, за разрыв организационных связей с меньшевиками и др.

Несмотря на то, что большинство статей написано на конкретно-исторические темы, их авторы в ряде случаев избегают называть имена многих деятелей партии, активных работников того времени. Так, в содержательной статье Т. Б. Замараевой «Нелегальная большевистская печать в борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую (1914— март 1917 г.)» (стр. 18—47) упомянуты большевистские деятели только Москвы и Петрограда, а по ряду других организаций никаких имен нет. А. Я. Утенков много говорит о работе солдат в деревне, но не приводит ни одной фамилии солдата или матроса. Безликость исторического процесса присуща и другим работам.

Не всегда выдвигаемые в статьях положения подкрепляются фактами. Вот один из примеров. А. Я. Утенков пишет: «На основе решений Всероссийской конференции большевики в тылу и на фронте повели еще более энергичную работу по большевизации солдатских масс. Создавались все новые и новые большевистские партийные ячейки в воинских частях, организационно укреплялись уже существующие организации. В особенности большая организационная и пропагандистско-разъяснительная работа развернулась в прифронтовых районах» (стр. 102). Однако автор не привел примеров этой работы, не сопоставил данных о положении на отдельных фронтах, в отдельных районах и т. д. В разных статьях часто повторяются одни и те же факты и положения, что свидетельствует о недостаточной редакторской работе. Авторы порой не ссылаются на литературу, из которой они заимствуют цифры, описания событий, отдельные выводы и т. д.

Рецензируемый труд свидетельствует о том, что в МГУ на кафедрах истории партии ведется серьезная научная работа. Книга принесет определенную пользу всем изучающим историю Великой Октябрьской социалистической революции и историю КПСС.

Д. А. Коваленко

[8] См. там же, стр. 106.

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР *

После XX съезда КПСС деятельность советских историков значительно активизировалась, в результате чего появился ряд новых учебников, учебных пособий, исследований по истории СССР, сборников документов, посвященных 40-летию Великого Октября. Опубликованы первые обобщающие коллективные труды по истории Узбекской, Таджикской, Киргизской и Казахской республик в советский период, монографии, освещающие борьбу за установление и укрепление Советской власти в Грузии, Армении, Азербайджане, и многие другие работы.

На Украине в 1957 г. было издано свыше 50 монографий, сборников статей и документов о борьбе украинского народа за установление Советской власти. Наиболее значительными из них являются: сборник статей «Більшовики України в боротьбі за перемогу Жовтневої революції і встановлення Радянської влади», выпущенный Институтом истории партии при ЦК КП Украины, трехтомник документов «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине» и ряд других трудов.

Серьезное значение имеет вышедший в 1957 г. коллективный труд Института истории Академии наук Украинской ССР «История Украинской ССР» (т. II), охватывающий период с 1917 по 1957 год. Это первая попытка дать систематическое изложение истории Украинской ССР начиная от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Авторы второго тома «Истории Украинской ССР», как отмечается в предисловии, поставили своей задачей на конкретных фактах показать героическую борьбу украинского народа за установление Советской власти, против белогвардейцев, украинской буржуазно-националистической контрреволюции и иностранной военной интервенции, раскрыть великие достижения трудящихся республики в социалистическом строительстве, показать, как они преодолевали трудности, стоявшие на пути к победе социализма, и как украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза строит коммунистическое общество.

В книге наряду с уже известными в исторической литературе фактами в научный оборот введено немало новых документов и материалов центральных государственных и партийных архивов Москвы, Киева, Харькова, областных архивов УССР, использованы сборники документов, статистические материалы, периодическая пресса, воспоминания и т. д.

Авторам удалось в основном правильно показать роль народных масс Украины в борьбе за победу социалистической революции, за разгром интервентов, белогвардейцев и буржуазных националистов в годы гражданской войны, за построение социализма, за победу над фашистской Германией и империалистической Японией в период Великой Отечественной войны, за восстановление народного хозяйства и строительство коммунизма в послевоенное время. На страницах рецензируемого издания упоминается много имен участников событий — рабочих, крестьян, солдат, матросов, партийных, советских и военных работников, которые под руководством Коммунистической партии и Советской власти решали судьбы Октябрьской революции, строительства социализма и коммунизма в нашей стране.

Трудящиеся Украины в период иностранной военной интервенции и гражданской войны познакомились с различными политическими партиями и на собственном опыте убедились в том, что только КПСС и один из ее боевых отрядов, КПУ, являются подлинными выразителями интересов народа. Все же другие политические партии оказались антинародными, действия их были направлены на свержение власти рабочих и крестьян и реставрацию капитализма под той или иной вывеской. Не случайно в ходе гражданской войны и борьбы с интервентами эти партии одна за другой разоблачили себя как враждебные трудящимся массам.

В книге правильно освещена борьба рабочего класса Украины под руководством Коммунистической партии против украинских меньшевиков, эсеров, социалистов-федералистов, самостийников и других. В ходе борьбы за установление и укрепление Советской власти коммунисты Украины шаг за шагом завоевывали на свою сторону ту часть украинского крестьянства и мелкобуржуазных слоев городского насе-

---

* «Історія Української РСР». Т. II. Академія наук Української РСР. Інститут історії. Редакційна колегія: С. М. Белоусов, П. С. Загорський, М. І. Супруненко (головний редактор), Ф. П. Шевченко. Київ. 1957.

ления, которая сначала шла за буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Мелкобуржуазные националистические партии, как и общероссийские партии меньшевиков и эсеров, являлись партиями прислужничества буржуазии, ее орудием по обману народных масс. Авторы справедливо подчеркивают, что мелкобуржуазные партии, по сути дела, прокладывали путь к установлению военной диктатуры буржуазии.

Большое место в книге отведено показу роли ЦК ВКП(б) и В. И. Ленина в создании Украинского Советского государства, в организации КП(б)У, в налаживании правильных, дружественных отношений между РСФСР, УССР и другими братскими народами нашей страны. История украинского народа освещается авторами в тесной связи с историей русского и других советских народов. На фактическом материале освещается история развития дружбы народов СССР, охарактеризован рост интернационального сознания украинского народа, его патриотизм в борьбе за победу социализма и независимость социалистической Родины. Нерушимая дружба народов нашей страны — одна из важнейших движущих сил развития советского общества — сложилась на основе осуществления ленинской национальной политики.

Положительным является то, что авторский коллектив в значительной мере преодолел распространенный в обстановке культа личности субъективистский подход к освещению отдельных явлений общественно-экономического развития Украины. Авторы не приукрашивают исторических событий, не затушевывают трудности, а, наоборот, показывают всю сложность борьбы украинского народа, руководимого Коммунистической партией, за победу революции, за построение социализма. В работе сделана попытка раскрыть закономерности общественно-экономического развития Украины в советский период, проанализировать изменения в соотношении классовых сил на отдельных этапах революции и социалистического строительства.

В соответствии с марксистскими принципами периодизации общественного развития и современными требованиями исторической науки книга делится по этапам развития советского общества на семь частей. Каждая из них, в свою очередь, включает несколько разделов. Имеются хронология важнейших событий, а также географический и именной указатели. В томе помещено свыше 130 иллюстраций и карт. Все это помогает лучше ориентироваться в опубликованных материалах и обогащает содержание рецензируемого труда.

★

Остановимся коротко на отдельных главах, их достоинствах и недостатках. Первая часть рецензируемого тома посвящена подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции и установлению Советской власти на Украине; в ней разоблачаются лживые утверждения буржуазных историков о том, будто бы на Украине не было объективных предпосылок для социалистической революции. На большом фактическом и документальном материале показано, что общественно-экономическое развитие на Украине, как и в России, вело к социалистической революции как закономерному и неизбежному результату единого исторического процесса в стране. Социалистическая революция на Украине была неотъемлемой частью пролетарской революции во всей России.

Центрами высокоразвитой промышленности и концентрации основных пролетарских масс на Украине являлись Донбасс, Харьков, Екатеринослав. Эти районы играли важную роль в революционной борьбе не только на Украине, но и в общероссийском рабочем движении. В других районах промышленность была развита гораздо меньше; это, в свою очередь, влияло на размах и глубину революционного движения в том или ином районе.

На Украине был более высокий, чем в остальных губерниях Европейской части страны (за исключением Северного Кавказа и Дона), процент кулацких хозяйств при наличии огромной массы сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты. Кулачество являлось опорой буржуазно-националистических и мелкобуржуазных партий и социальной базой многочисленных банд на Украине, принесших неисчислимые бедствия трудящимся.

Рабочие и крестьяне Украины страдали не только от эксплуатации помещиков и капиталистов, от политического бесправия, но также и от национального гнета. Это до крайности накаляло обстановку и вызывало рост национально-освободительного движения. Украинская буржуазия вместе с мелкобуржуазными националистическими партиями путем обмана сумела создать Центральную раду и использовать на пер-

вых порах в своих антинародных целях борьбу украинского народа за свободу и независимость. Контрреволюционная деятельность украинской националистической буржуазии и ее агентуры — украинских эсеров, меньшевиков и др.— была одним из серьезных препятствий в борьбе трудящихся Украины за установление и упрочение Советской власти.

Авторы правильно отражают эти трудности и особенности борьбы на Украине. Раскрывая значение победы социалистической революции в России для судеб Украины, они показали, как под влиянием идей Октября украинские рабочие и крестьяне постепенно убеждались в контрреволюционности Центральной рады (где главную роль играли меньшевики и эсеры), пытавшейся сохранить нетронутыми буржуазно-помещичьи порядки, все настойчивее и организованнее выступали под руководством коммунистов, возглавляемых В. И. Лениным, за установление Советской власти на Украине.

Упорная борьба большевистских организаций обеспечила резкое изменение в соотношении сил на Украине в пользу социалистической революции. Преодолев огромные трудности, украинский народ установил диктатуру пролетариата и создал свое суверенное социалистическое государство, провозгласив его образование на I Всеукраинском съезде Советов. Между Российской и Украинской советскими республиками были установлены самые тесные, братские отношения. Совет Народных Комиссаров, возглавляемый В. И. Лениным, оказывал всестороннюю помощь Украинскому советскому правительству в организации быстрейшего разгрома буржуазно-националистической контрреволюции и в социалистическом строительстве.

В тот период большую работу на Украине проводили В. А. Антонов-Овсеенко, К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, Н. И. Подвойский, Ф. А. Сергеев (Артем), В. П. Затонский, Ю. М. Коцюбинский, А. Г. Шлихтер, С. В. Косиор, А. С. Бубнов, Д. З. Мануильский, В. Я. Чубарь и многие другие известные деятели Коммунистической партии.

Следует, однако, отметить, что некоторые вопросы в этой части книги не раскрыты с достаточной полнотой и требуют уточнений и доработки. Правильно показывая контрреволюционную сущность буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и созданной ими Центральной рады, авторы не отметили происходившую от февраля до сентября 1917 г. консолидацию сил буржуазии и помещиков, о чем свидетельствовало возникновение союзов земельных собственников, различных организаций промышленников и финансистов. В книге ничего не сказано о такой реакционной силе, как украинская кадетская партия. Все буржуазно-помещичьи организации, в том числе и кадетская, действовали в союзе с Центральной радой, которая на Украине проводила ту же политику, что и буржуазное Временное правительство. Авторы не подчеркнули, что украинские меньшевики (УСДРП) и украинские эсеры при поддержке общероссийских организаций меньшевиков, эсеров, бундовцев и других мелкобуржуазных партий проложили дорогу оккупантам и гетману к власти, то есть к установлению открытой военной диктатуры буржуазии.

Освещая вопросы классовой борьбы на Украине в то время, авторы мало внимания уделили деятельности рабочих организаций, фабзавкомов и других, не дали анализа характера и динамики роста стачек, форм и методов рабочего контроля в промышленности. На наш взгляд, в книге надо было бы шире показать роль партийной организации Донбасса в подготовке и проведении социалистической революции на Украине. Рабочий класс Донбасса прошел прекрасную школу пролетарской борьбы под руководством большевиков. Из его рядов вышли многие руководящие работники Коммунистической партии.

Говоря о крестьянском движении на Украине, авторы не приводят сводных статистических данных о росте крестьянских выступлений, не анализируют форм и методов борьбы крестьянства в марте — июне 1917 года. На основе нескольких примеров работы большевиков Донецкого и Харьковского районов среди крестьян авторы приходят к выводу о ее успехах в целом. Это, конечно, преувеличение. На самом деле значительная часть партийных организаций Украины, особенно аграрных областей, не сумела развернуть широкой работы среди крестьян из-за ее недооценки, отсутствия единого краевого партийного центра и по ряду других причин. С. И. Гопнер, работавшая тогда в Екатеринославе, в своих воспоминаниях писала: «Самым важным недочетом... надо считать наше игнорирование работы среди крестьянства» [1].

[1] «Летопись революции», 1927, т. 2(23), стр. 28.

Недооценка работы среди крестьян некоторыми партийными организациями Украины ослабляла союз рабочего класса и крестьянства, позволяла буржуазии, националистическим и мелкобуржуазным партиям усиливать свое влияние в деревне. В результате там дольше, чем в других местах, сохранялось известное влияние эсеров, с которыми большевикам пришлось вести упорную борьбу за крестьянство.

Отмечая, что революционная борьба рабочих и крестьян находила горячий отклик в армии, авторы не показали работы большевистских военных организаций Юго-Западного и Румынского фронтов, а также Черноморского флота по завоеванию солдатских масс на свою сторону. В связи с этим не вскрыто и то, что на Украине явно оказались недоиспользованными те огромные революционные силы, которые имелись на этих фронтах и в Черноморском флоте.

Ликвидация самодержавия не принесла трудящимся России национального освобождения. Великодержавная империалистическая политика, проводившаяся буржуазным Временным правительством, вызвала рост национально-освободительного движения угнетенных народов России, в том числе и украинского. Правильно показав причины национально-освободительного движения на Украине и его особенности, авторы осветили борьбу большевиков за пролетарское решение национального вопроса, вскрыли ошибки ряда руководителей партийных организаций, недооценивавших его важности. Однако, говоря о двух противоположных течениях в национальном вопросе — рабоче-крестьянском и буржуазно-националистическом,— они не дали четкого разграничения между ними. Отсутствует критика грубейших ошибок и извращений в национальном вопросе, допускавшихся тогдашним председателем Киевского комитета Г. Пятаковым, отстаивавшим полуменьшевистские позиции в вопросе о победе социалистической революции на Украине, проявлявшим великодержавный шовинизм. Можно было назвать и Е. Бош, которая на Апрельской конференции 1917 г. выступала против права наций на самоопределение.

Допускали ошибки в национальном вопросе и некоторые руководители Харьковской, Одесской и Екатеринославской организаций. Например, ряд работников Екатеринославской парторганизации, входивших в состав Совета рабочих депутатов, хотя и требовал установления в городе Советской власти, все же не выступил против предложения, выдвинутого украинскими социал-демократами, о признании Центральной рады краевой властью.

Авторы «Истории УССР» не исследовали причин сравнительной слабости партийных организаций на Украине, отсутствия единого партийного и краевого центра Советов в тот период. Ряд большевистских организаций на Украине в 1917 г. вопреки решениям VII (Апрельской) конференции долго сохранял организационные связи с меньшевиками. Освещая те или иные события и говоря об общих исторических процессах для всех народов СССР, авторы нередко забывают наряду с этим освещать и то особенное, что имело место на Украине. Это не помогает вскрывать всех сложностей и особенностей в работе парторганизаций и в борьбе народных масс за победу и упрочение Советской власти. Процесс размежевания с меньшевиками в этих организациях происходил медленно и завершился в Николаеве в августе, а в Полтаве, Елисаветграде, Херсоне, Бердянске, Бахмуте и некоторых других городах только в сентябре 1917 года. Это ослабляло силы большевиков в борьбе за массы, за победу социалистической революции на Украине.

Говоря о деятельности украинских Советов рабочих и солдатских депутатов, авторы акцентируют внимание только на положительных сторонах их работы, не вскрывают недостатков, не дают оценки соглашательской политики меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов в ряде Советов. На примере выборов в Харьковский Совет в августе 1917 г. в книге сделана попытка показать полную победу большевиков над врагами трудящихся. Между тем состав этого Совета свидетельствует о том, что большевики имели менее ⅓ голосов против ⅔ голосов меньшевиков и эсеров [2]. Необходимо обстоятельнее исследовать вопрос о борьбе за большевизацию Советов, уточнив в ряде мест вопрос о фактическом взятии власти Советами, как, например, Харьковским, рядом Советов Донбасса и др., тем более, что к 40-летию Октября опубликовано немало материалов по данной проблеме.

---

[2] «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 — апрель 1918». Т. I. Сборник документов. Киев. 1957, стр. 561.

Авторы утверждают, что якобы все трудящиеся Украины в эти месяцы стояли на позициях пролетарского интернационализма. С этим положением нельзя согласиться, ибо оно не отражает действительности не только в период с марта до июня 1917 г., но и вплоть до Октября. Национальную программу большевистской партии сознательно поддерживало тогда подавляющее большинство рабочих, особенно кадровых, передовая часть сельскохозяйственного пролетариата и деревенской бедноты и часть середняков, главным образом из солдат и особенно фронтовиков. Но значительная часть трудящихся крестьян в дооктябрьский период в силу своей политической неопытности еще верила демагогическим обещаниям буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и организаций. Эти крестьяне, а также мелкобуржуазные массы городов и местечек были завоеваны на сторону большевиков лишь в ходе революционной борьбы.

Украинский народ внес большой вклад в дело разгрома иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Авторы уделили значительное внимание этим незабываемым историческим событиям. В книге раскрыта руководящая и вдохновляющая роль Коммунистической партии и ее Центрального Комитета в организации разгрома интервентов и внутренней контрреволюции на Украине. Отчетливо показана деятельность вождя большевистской партии, основателя первого в мире социалистического государства В. И. Ленина, систематически и всесторонне помогавшего трудящимся Украины в борьбе за установление и укрепление Советской власти. Возглавляя Советское правительство, В. И. Ленин непосредственно вникал во все стороны жизни партии и государства, руководил всей грандиозной работой по строительству Советской республики и защите ее от внешних и внутренних врагов, пристально следил за борьбой украинского и других народов против белогвардейцев и интервентов.

История Коммунистической партии Украины как одного из боевых отрядов КПСС неразрывно связана с именем В. И. Ленина. Он стоял у ее колыбели, направлял работу I съезда КП(б)У, состоявшегося в июле 1918 г. в Москве, неоднократно принимал представителей украинских большевистских организаций, внимательно и всесторонне обсуждал с ними важнейшие вопросы партийного строительства. I съезд КП(б)У сыграл огромную роль в определении дальнейшей судьбы украинского народа. На этом съезде большевистские организации объединились в Коммунистическую партию Украины, построенную на незыблемых идеологических, теоретических и организационных принципах, разработанных великим Лениным.

Торжественный пленум ЦК КП(б)У, собравшийся в связи с 40-й годовщиной Коммунистической партии Украины, 7 июля 1958 г. писал в ЦК КПСС: «Голодная и нищая, забитая и бесправная Украина долгие годы стонала под гнетом помещиков, капиталистов и жандармов. Только Ленин, партия коммунистов, которые подняли трудящихся на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, дали нашему народу богатырские крылья, вывели его на широкий и светлый путь свободы и счастья» [3].

В книге хорошо показано, как трудящиеся Украины в ответ на отеческую заботу ЦК РКП(б) и В. И. Ленина горячо поддерживали все мероприятия партии и Советского правительства, направленные на разгром интервентов, белогвардейцев и буржуазных националистов. Однако при освещении истории гражданской войны допущен ряд неточностей, оговорок и, главное, то, что не вполне учтены положения, высказанные в третьем томе «Истории гражданской войны в СССР» и в ряде других работ, выпущенных за последние годы и написанных в большинстве своем на новых материалах. Все это необходимо учесть и поправить при переиздании книги.

Вторая часть книги в целом написана хорошо, на основе большого документального материала, однако и она имеет ряд недостатков. Так, нет четкой характеристики политики партии и Советской власти по отношению к середняку в годы гражданской войны. Следует отметить, что некоторые украинские историки ошибочно считали, будто на Украине осуществлялась тогда политика нейтрализации среднего крестьянства, а не союза с ним. Авторы обошли этот вопрос. В ряде мест они говорят о союзе рабочего класса с крестьянством (стр. 147, 148, 177 и др.), но речь идет о союзе со всем крестьянством, а не со средним. По нашему мнению, надо было шире раскрыть трудности борьбы за Советскую власть, причины длительных колебаний середняка в период гражданской войны, показать, как партия, преодолевая трудности,

---

[3] «Правда», 7 июля 1958 года.

укрепляла союз рабочего класса со средним крестьянством на Украине в свете решений VIII съезда РКП(б).

Характеризуя вопросы военного строительства, авторы не сказали о создании трех украинских советских армий, на базе которых позже были сформированы 12-я, 14-я и некоторые части 13-й армии, сыгравшие важную роль в разгроме интервентов и внутренней контрреволюции. В книге нет сведений о работе военной промышленности на Украине, поэтому может сложиться впечатление, будто трудящиеся вооружались только за счет общероссийского военного производства. На самом же деле известно, что наряду с огромной помощью оружием и боеприпасами со стороны русских рабочих значительную роль в 1918—1920 гг. играли работавшие на оборону в короткие периоды существования Советской власти на Украине Шосткинский пороховой, Луганский патронный и другие заводы, руководимые местными совнархозами.

При изложении военных событий 1918—1919 гг. слабо изучена роль войск Южного фронта в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции на юге Украины. Повествуя о разгроме Деникина (стр. 164—165, 169—171), авторы ничего не сказали о плане борьбы против Деникина, утвержденном ЦК РКП(б) в июле 1919 г., о решении сентябрьского Пленума ЦК партии по военному вопросу, о постановлениях ЦК РКП(б) от 15 октября и 14 ноября, вносивших уточнения в эти планы.

В последнее время в литературе вопрос о плане разгрома Деникина освещен по-новому [4]. Однако авторы этого не учли и, по существу, уклонились от раскрытия данной проблемы. Объясняя роль Колчака в период второго похода Антанты, они не подчеркнули, что Колчак был тогда второй по значению силой и его окончательный разгром совпал с разгромом Деникина.

Много места авторы уделили восстановительному периоду на Украине (1921—1925 гг.). Они показали борьбу украинского народа под руководством Коммунистической партии за успешное восстановление разрушенного народного хозяйства, улучшение международного положения, расширение экономических и культурных связей со всеми странами. Экономическое положение Украины после окончания гражданской войны характеризуется на фоне тяжелого положения всей Советской страны. Народному хозяйству республики был нанесен серьезный ущерб, так как ее территория была ареной ожесточенных сражений с многочисленными врагами.

На большом фактическом и документальном материале, в значительной степени новом, в книге освещены трудности хозяйственного и политического характера, показано, как их пытались использовать внутренние и внешние враги Советской власти: иностранные империалисты, белогвардейцы, эсеры, меньшевики, анархисты и буржуазные националисты, организовавшие ряд заговоров, белогвардейских и кулацких мятежей, создававшие тайные контрреволюционные организации. Все они защищали интересы украинской буржуазии и кулачества, а некоторые из них были агентурой международного империализма и действовали в его интересах. На средства империалистических государств эти организации объединяли остатки разгромленных белогвардейцев и создавали новые банды (стр. 220—222, 236, 238).

Как известно, бандитизм развился на Украине в период интервенции и гражданской войны, но и после ее окончания он еще некоторое время приносил много вреда народному хозяйству и трудящимся республики. В 1921 г. на Украине еще действовали десятки банд, среди которых особенно выделялись банды Мордалевича, Орлика, Махно, Каленика, Маруси.

Правильное руководство Коммунистической партии, осуществившей переход к нэпу, позволило в короткие сроки еще более укрепить союз рабочего класса с крестьянством, ликвидировать бандитизм, восстановить народное хозяйство страны.

Значительное место в книге уделено такому выдающемуся событию в жизни украинского народа и всех народов нашей Родины, как образование Союза Советских Социалистических Республик. Вдохновителем и организатором этого исторического акта были Коммунистическая партия и ее вождь В. И. Ленин. Украинский народ одним из первых поддержал ленинскую идею создания СССР. Большевики Украины были активными участниками борьбы против великодержавных шовинистов и местных буржуазных националистов, выступавших против объединения Советской Украины с другими республиками.

Образование СССР явилось триумфом

[4] См. Н. Кузьмин, С. Найда, Ю. Петров, С. Шишкин. О некоторых вопросах истории гражданской войны. «Коммунист», 1956, № 12.

ленинской национальной политики, победой над буржуазным национализмом всех оттенков, имело огромное значение в преодолении хозяйственной разрухи и быстром подъеме народного хозяйства на основе экономического объединения республик. Образование СССР дало возможность противостоять враждебному капиталистическому миру и построить социализм.

В третьей части книги, по нашему мнению, надо отметить следующие недостатки. Говоря о трудностях восстановления народного хозяйства после гражданской войны, авторы правильно указывают на большие разрушения в городе и деревне в связи с тем, что Украина являлась ареной ожесточенных боев, приводят сведения (стр. 218—219), подтверждающие размеры этих разрушений. Однако они неполно освещают вопрос о состоянии промышленности и железнодорожного транспорта в начале восстановительного периода. Суммарные данные, приведенные в книге, без характеристики отдельных отраслей промышленности не дают всей картины развития народного хозяйства Украины. На стр. 258 сообщается, что в 1925—1926 гг. крупная промышленность приблизилась к довоенному уровню и важнейшим достижением в этот период было значительное развитие тяжелой индустрии. Такая формулировка может создать впечатление, что тяжелая индустрия тоже достигла довоенного уровня. Однако в действительности было не так: тяжелая промышленность тогда еще серьезно отставала. Это видно и из цифровых данных, приведенных на следующей, 259-й странице. Недостаточно изучена история производственных совещаний, которые в те годы приобрели большое значение. Мало сведений приведено в книге об успехах государственной и кооперативной торговли.

Характеризуя культурное строительство (глава VIII), авторы ничего не сказали об использовании буржуазных специалистов в первые годы социалистического строительства, неполно осветили вопросы культурного строительства, создания кадров советской интеллигенции, культурно-просветительной работы в массах, национализации частных библиотек, кинотеатров, коллекций картин и других культурных ценностей и использования их для народа, развития гуманитарных и других наук, деятельности Украинской академии наук.

Показывая своеобразие системы среднего и высшего образования на Украине по сравнению с РСФСР, авторы недостаточно ясно обосновали, чем же вызывалась такая система. Не говорят они также о положительных сторонах и недостатках этой системы. Безусловно, следовало бы подчеркнуть, что в этой системе было много хороших сторон, приближавших среднее и высшее образование к жизни, к производству и сельскому хозяйству. Мало говорится о столь важном этапе культурной революции, как ликвидация неграмотности и малограмотности, о значении художественной самодеятельности в повышении культурного уровня трудящихся.

В книге раскрывается историческая необходимость социалистической индустриализации страны в целом и Украинской советской республики в частности, ее решающее значение в создании материально-производственной базы социализма и коммунизма, в укреплении обороноспособности Советского Союза. Авторы показали, какое место занимала Советская Украина в осуществлении политики социалистической индустриализации в СССР: в 1927 г. она давала 60% союзной добычи марганцевой руды, 75% железной руды, 70% угля и 70% чугуна (стр. 298). В книге отмечено, что рабочий класс Украины, руководимый КП(б)У, опираясь на всестороннюю помощь и поддержку ЦК ВКП(б), преодолевая огромные трудности, успешно боролся за осуществление ленинского плана построения социализма, за социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства республики.

Грандиозные изменения в эти годы произошли и в жизни миллионов украинских крестьян, в развитии сельского хозяйства. В первой пятилетке была осуществлена сплошная коллективизация и на ее основе ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество. Авторы правильно отмечают, что большую помощь в осуществлении социалистической реконструкции сельского хозяйства оказали крестьянству совхозы, прокатные пункты и особенно машинно-тракторные станции.

Определенный интерес представляют страницы, посвященные истории возникновения в 1928 г. первой машинно-тракторной станции в СССР — в совхозе имени Т. Г. Шевченко, Одесского округа (стр. 330—331).

Проведение коллективизации на Украине требовало огромных усилий со стороны партийных организаций и государственных

учреждений, так как влияние кулаков, буржуазных националистов на украинское крестьянство в ряде случаев еще заметно ощущалось. В связи с этим на Украине длительное время сохранялись комитеты незаможных селян (комнезамы), объединявшие беднейшее и среднее крестьянство и являвшиеся верными помощниками Коммунистической партии в осуществлении социалистических преобразований в деревне. Используя архивные материалы, авторы показали роль комнезамов в осуществлении коллективизации сельского хозяйства на Украине, ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и разгроме буржуазных националистов (стр. 336—337). Глубокие изменения в жизни украинского народа происходили в условиях преодоления огромных трудностей и ожесточенной классовой борьбы. Авторы не преуменьшили их, осветив упорную борьбу партии против троцкистов, правых капитулянтов, буржуазных националистов, пытавшихся сорвать строительство социализма.

В результате коренных изменений в экономике и культуре, происшедших за годы довоенных пятилеток, в СССР в целом, в том числе и на Украине, изменилась классовая структура общества, были ликвидированы эксплуататорские классы, общество стало социалистическим. Советская Украина стала могучей индустриально-колхозной державой в братской семье советских народов. Авторы показывают, что ведущей и направляющей силой социалистического строительства на Украине была Коммунистическая партия Советского Союза и один из крупнейших ее отрядов — КПУ. Авторы вполне закономерно много места отводят вопросам разработки новых конституций СССР и УССР, закрепивших величественные победы советского народа.

Однако и эта часть книги не лишена недостатков. Например, не на всех этапах ярко раскрываются вопросы украинского государственного строительства, создания партийных, советских, хозяйственных и других кадров, вовлечения в государственную работу, в хозяйственное и культурное строительство миллионов трудового населения, забота партии и Советской власти о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. В работе не всегда достаточно ярко разоблачается борьба с буржуазно-националистической контрреволюцией на Украине и особенно на поворотных этапах развития.

Слабо раскрыта история развития украинской промышленности в годы предвоенных пятилеток, мало освещаются новые формы и методы вовлечения рабочих в дело развития социалистического производства (общественные смотры в местной печати, конкурсы на лучшего рабочего и т. д.), борьба рабочих за источники накопления средств для проведения социалистической индустриализации, в частности борьба за строгий режим экономии, снижение себестоимости, рентабельность.

В «Истории УССР» нет анализа роста численности промышленных предприятий, количественных и качественных изменений состава рабочего класса, изменения культурно-технического уровня рабочих и т. д.

Крупным упущением авторов является, на наш взгляд, отсутствие характеристики общих черт и специфических особенностей формирования и развития украинской социалистической нации, занимающей важное место в братской семье советских народов.

Авторы приводят много фактического материала о культурном строительстве в предвоенные годы, но не делают обобщений и выводов. Следовало бы более обстоятельно охарактеризовать процесс создания советской интеллигенции, в частности работающей в области идеологии — истории, литературы, искусства и т. д. Явно недостаточно освещены вопросы развития украинской художественной литературы и искусства. Авторы ограничились перечислением имен отдельных писателей и художников. В книге не показана острота идеологической борьбы в эти годы.

В шестой части книги освещаются события военных лет. По призыву партии и правительства украинский народ вместе со всеми народами СССР поднялся на борьбу против гитлеровских захватчиков. Авторы подробно рассказывают о перестройке промышленности на военный лад, о работе сельского хозяйства на оборону, о мобилизации всех сил страны на защиту Родины. Народные массы Украины внесли большой вклад в победу над врагом. В рядах Советской Армии украинцы составляли 20%. Широко развернулась на Украине партизанская война в тылу врага. Многочисленные факты опровергают лживые утверждения буржуазных фальсификаторов (Типпельскирха, Гудериана и др.) о том, что украинский народ якобы не боролся активно в годы войны против гитлеровских захватчиков.

В книге приводятся примеры самоотвер-

женного труда украинских рабочих в тылу, на предприятиях Урала и Сибири. Так, И. Звертайло, С. Яременко, А. Семиволос выполняли от 24 до 45 норм за смену (стр. 571). Авторы называют многих других украинцев — передовиков производства, которые совершенствовали технологию, добивались увеличения выплавки стали, добычи угля и т. д., передавали рабочим Урала, Сибири и других областей свой богатый производственный опыт и одновременно сами учились у местных рабочих.

Авторы правильно указывают, что предприятия, эвакуированные из угрожаемых районов, на новых местах были быстро восстановлены и через короткое время начинали выпуск продукции. Но причины этих успехов, по существу, не раскрыты. Надо было конкретнее сказать о той всесторонней помощи, какую оказали местные партийные организации предприятиям при размещении эвакуированного оборудования, в строительстве новых заводов, в создании нормальных бытовых условий для приехавших рабочих.

Специальный раздел посвящен партизанской борьбе. Авторы на многочисленных примерах героизма партизан, подпольных партийных организаций показывают самоотверженность украинского народа в его борьбе против фашистских захватчиков и их буржуазно-националистической агентуры, бывших кулаков и других врагов трудящихся масс. Однако ряд цифр, характеризующих партизанское движение, требует уточнения. Например, на стр. 562 указывается, что партизаны пустили под откос 154 эшелона противника, на 564-й стр. приводится другая цифра — 148 эшелонов, хотя речь здесь идет в обоих случаях о боевых действиях одних и тех же отрядов за один и тот же период. Говоря о партизанском крае, авторы не сообщают о нем самых необходимых данных.

Временная оккупация Украины немецко-фашистскими войсками, злодеяния гитлеровцев нанесли народному хозяйству колоссальный ущерб. В книге перечислены города, села, колхозы, совхозы, культурные учреждения, разрушенные или уничтоженные врагом. Однако авторы не дали обобщающих цифр, которые показали бы общую картину убытков, причиненных гитлеровцами Советской Украине, а они исчислялись в 285 млрд. рублей [5]. Если бы такой ущерб понесло любое, даже крупное капиталистическое государство, оно не смогло бы своими силами подняться на ноги и попало бы в кабалу к империалистическим хищникам.

Советский общественный и государственный строй, дружба народов, братская помощь украинскому народу со стороны русского и других народов СССР обеспечили быстрое восстановление народного хозяйства.

В книге отмечается, что новым этапом борьбы советских народов, в том числе и украинского, за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму явились исторические решения XX съезда КПСС и их осуществление на практике. Претворяя в жизнь постановления XX съезда, украинский народ добился дальнейших успехов.

Недостатком последней части книги является перегрузка ее цифровыми данными, которые можно было в значительной степени сократить, оставив только самые необходимые. Много использовано второстепенного материала, не имеющего прямого отношения к теме. Творческая деятельность трудящихся часто иллюстрируется просто перечислением фамилий, без раскрытия героических дел этих людей. Вообще следует сказать, что над обобщением материала, освещающего события послевоенных лет, авторам следовало бы поработать побольше.

★

Подводя итоги, надо отметить, что авторский коллектив создал ценный научный труд по истории Украинской ССР, нарисовал правдивую картину грандиозных изменений на Украине за годы Советской власти.

В книге правильно показано, что эти успехи стали возможны только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, героической борьбы и созидательной деятельности народа, руководимого Коммунистической партией.

История украинского народа, как и других народов нашей страны, за годы Советской власти убедительно свидетельствует о великих преимуществах социалистического строя перед капиталистическим. Социализм обеспечил расцвет советского патриотизма украинского народа, что нашло свое выражение в его героических подвигах как в мирное время, так и в годы Великой Отечественной войны.

Авторы на многочисленных фактах пока-

[5] Журнал «Коммунист Украины», 1957, № 12, стр. 8.

зывают читателю, что только боевая, марксистско-ленинская партия, умеющая правильно определять политический курс и проводить его на практике, могла привести народ к решению сложнейших задач социалистического строительства. Именно Коммунистическая партия Советского Союза и один из ее боевых отрядов, КПУ, являются организаторами и вдохновителями великих побед украинского народа.

История украинского и других народов нашей страны свидетельствует о великом значении ленинской национальной политики, на основе которой сложилась их нерушимая дружба. Опыт истории учит, что путь братского единства русского, украинского и других народов является единственно правильным. В 1954 г. с огромным патриотическим подъемом украинский, русский и все другие народы нашей страны отметили как национальный праздник 300-летие воссоединения Украины с Россией. Дружба и социалистическое сотрудничество народов нашей страны, их братская взаимопомощь являются основой побед в строительстве коммунизма.

В книге поставлены и по-новому освещены многие проблемы, представляющие серьезный интерес для научных работников, преподавателей, студентов и широкой советской общественности. Ее научный уровень станет значительно выше, если при переиздании будут преодолены неровности в изложении материала по отдельным главам, дано обстоятельное обобщение приводимых фактов и устранено различие стилей авторов. Думается также, что необходимы историографические справки по отдельным разделам и возможно более полная библиография, которая поможет читателям глубже изучить ту или иную проблему.

Следовало бы дать портреты знатных людей Украины, снабдить книгу картами, характеризующими размещение производительных сил и выполнение пятилетних планов, устранить отдельные неточности в хронологической таблице.

В целом новый труд, на наш взгляд, следует оценить положительно. Его выпуск — серьезное достижение украинских историков, важное событие в идейной жизни Украины.

А. П. Алексашенко, В. С. Василенко, А. Я. Костенко

Д. В. ПАВЛОВ. *Ленинград в блокаде (1941 год)*. Воениздат. М. 1958. 164 стр. Цена 4 руб. 60 коп.

Героическая оборона блокированного Ленинграда, второго по величине города Советского Союза, крупнейшего промышленного центра страны с населением, уже в 1939 г. составившим 3 200 тыс. чел.,— беспримерное событие в истории войн. Защитники города — армия и гражданское население — проявили исключительное мужество и стойкость. В этом сказалась сила партийного руководства и те замечательные качества советских людей, которые КПСС воспитала в них за годы Советской власти.

Жизни Ленинграда в тяжелейшие дни его истории посвящено немало статей, брошюр и книг. Большинство из них носит популярный, часто очерковый характер. Исследовательские работы по этому вопросу написаны А. В. Карасевым [1] и Ф. И. Сиротой [2]. Материал о жизни Ленинграда во время войны читатель найдет и в сборнике, подготовленном Ленинградским институтом истории партии [3]. Имеющиеся же немногочисленные монографии о блокаде города освещают лишь отдельные вопросы и не дают представления о совокупности условий жизни и деятельности ленинградцев в тот период [4].

Рецензируемая работа Д. В. Павлова является монографическим исследованием,

---

[1] А. В. Карасев. Ленинград в период блокады (1941—1943 гг.). Журнал «История СССР», 1957, № 2.

[2] Ф. И. Сирота. Военно-организаторская работа Ленинградской организации ВКП(б) в первый период Великой Отечественной войны. Журнал «Вопросы истории», 1956, № 10.

[3] «Героический Ленинград. 1917—1942». Сборник статей. Л. 1943.

[4] С. Ф. Эдлинский. Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Исторический очерк. М. 1957; Н. Худякова. За жизнь ленинградцев. Л. 1958, и др.

охватывающим ряд вопросов героической защиты блокированного города, делающим новый значительный шаг в изучении истории Ленинграда в период Великой Отечественной войны. Автор сам являлся активным участником обороны Ленинграда. Он с начала осады города и до конца января 1942 г. был уполномоченным Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города. Это обстоятельство наложило известный отпечаток на книгу. Ее своеобразие заключается в том, что в основу труда положены, за отдельными исключениями, не архивные или литературные источники, а сохранившиеся у автора записи и документы, а также личные впечатления.

Центральное место в книге занимает освещение продовольственного положения армии и города в самый трудный период его героической обороны. Однако значение работы выходит за рамки этого важного вопроса, который рассматривается в тесной связи с ходом военных действий и транспортными условиями. В монографии приведен интересный материал о деятельности партийных и советских организаций города, о героическом поведении населения, даны сжатые, но яркие характеристики ряда ленинградских партийных, военных и гражданских работников тыла и фронта. В этой связи надо особо отметить включенные в книгу записи некоторых выступлений А. А. Жданова. Читатель найдет в рецензируемой работе такие сведения о жизни осажденного Ленинграда, которые нельзя почерпнуть ни из документов, ни из имеющейся литературы.

Изложение Д. В. Павловым материала отличается последовательностью и свидетельствует о хорошем знании всей обстановки в городе, знании, которое, к сожалению, не всегда имеется у историков, пользующихся главным образом архивными материалами. Монография сочетает достоинства научного труда с увлекательным, порой захватывающим изложением на первый взгляд такого специального вопроса, как обеспечение блокированного города продовольствием. На конкретном материале автор показывает величие бессмертного подвига ленинградцев, воспитанных и руководимых Коммунистической партией.

Книга состоит из восьми разделов. В первом из них рассматривается военная обстановка в период, предшествовавший началу блокады Ленинграда в сентябре 1941 года. Во втором — наряду с военными действиями характеризуется деятельность партийных и советских организаций по обеспечению электроэнергией, сохранению водопровода и канализации, поддержанию порядка в осажденном городе. 8 сентября 1941 г., после захвата противником Шлиссельбурга, Ленинград был блокирован с суши, а движение судов с Ладожского озера по Неве было парализовано. Автор описывает организацию порта в бухте Осиновец (севернее Шлиссельбурга), сыгравшего важную роль в снабжении блокированного города. Стойкости и самоотверженности ленинградцев способствовала политическая работа, проводившаяся партийными организациями среди населения. Внимание читателя, несомненно, привлечет рассказ о созванном городским комитетом партии собрании актива, обсудившем вопросы положения города в связи с разрушениями, остановкой заводов, ухудшением питания населения, а также запись автора о выступлении А. А. Жданова на этом собрании (стр. 38—39).

В последующих шести разделах рассматривается продовольственное положение Ленинграда в тесной связи с ходом военных действий, работой по строительству дорог и обеспечению коммуникаций, что в условиях осады имело решающее значение для снабжения города. Эти разделы являются в книге основными.

Продовольственный вопрос — одна из наиболее серьезных проблем военной экономики, а его успешное разрешение — важное условие победы в современной войне. В неимоверно трудных условиях благодаря руководству Коммунистической партии и преимуществам социалистического строя Советская страна успешно справилась с решением продовольственного вопроса, что явилось составной частью экономической победы СССР.

Продовольственное положение в городах, подвергавшихся блокаде, конечно, не характерно для всей страны, но оно заслуживает пристального внимания исследователя, ибо в значительной мере определяло всю жизнь города и ход событий на прилегающих фронтах. Для снабжения гражданского населения страны правительство выделяло так называемые рыночные фонды продуктов, направлявшиеся в розничную сеть и предприятия общественного питания для продажи в порядке нормирован-

ного снабжения. Продовольственное снабжение населения осажденного Ленинграда отличалось важными особенностями. Здесь рыночные фонды особо не выделялись. В условиях блокады все продовольственные ресурсы для снабжения как армии и флота, так и населения необходимо было сосредоточить в одних руках — в распоряжении Военного совета Ленинградского фронта, устанавливавшего нормы снабжения населения и войск.

В стране, помимо государственного снабжения, существовали и другие источники получения продуктов питания городским населением, в том числе колхозный рынок. В блокированном же Ленинграде такая возможность исключалась. Даже картофель с огородов жителей пригородных районов сверх нормы, установленной для личного потребления, подлежал сдаче государству. Для колхозников, имевших посевы картофеля на приусадебных участках, норма потребления была установлена в 15 килограммов на человека. Полностью подлежал сдаче государству и семенной фонд картофеля (стр. 48—49). Таким образом, государственное снабжение являлось в период блокады не только основным, но и почти единственным источником получения продовольствия.

Вследствие этих особенностей в рецензируемой книге наряду со снабжением гражданского населения рассматривается также и довольствие армии, а данные о нормах снабжения по карточкам, порядке зачета талонов при пользовании общественным питанием, о состоянии запасов, фактической выдаче продовольствия и другие материалы освещаются с большой полнотой, с учетом каждого изменения норм, порядка и т. д. Подобный материал в таком объеме публикуется и исследуется впервые. Автор, анализируя обстановку, показывает причины пятикратного сокращения нормы выдачи хлеба и условия, позволившие начиная с 25 декабря 1941 г. увеличивать эту норму.

В книге показаны титанические усилия ленинградских партийных и хозяйственных органов, политических, хозяйственных и военных руководителей, продовольственных и транспортных работников, медиков, ученых и всего населения по изысканию дополнительных ресурсов питания. В горкоме партии под руководством его секретаря П. Г. Лазутина, обладавшего глубоким знанием технологии пищевого производства, сосредоточивалась организационная и оперативная работа в этой области. Работники горкома энергично поддерживали активность граждан, вносивших многочисленные предложения, вникали в технологию производства различных суррогатов, помогали предприятиям в их выработке (в частности, пищевой целлюлозы). Городской комитет выделил несколько сот коммунистов, которые по заданию Военного совета искали продукты питания в подвалах, вагонах, «во всех щелях огромного города» (стр. 54). Эти меры несколько ослабили страшный голод и позволили спасти многие сотни тысяч человеческих жизней.

Автор приводит данные о составе хлеба, выдававшегося в Ленинграде во время блокады: с 15 сентября 1941 г. хлеб выпекался из 52% ржаной муки и 48% примесей — овсяной, ячменной, соевой и солодовой муки (стр. 50), с конца ноября хлеб выпекался еще с большим процентом разных примесей. «Хлеб на вид был привлекательный, белый, с румяной коркой, на вкус — горьковато-травянистый. Целлюлозная мука придавала белизну хлебу и одновременно горьковатый вкус. Конечно, пищевая целлюлоза — это не отруби, не жмых и даже не мельничная пыль, но в сочетании с другими примесями она все же была полезной» (стр. 53). В этот период — с 20 ноября по 24 декабря 1941 г.— норма выдачи хлеба была, как известно, самой низкой за все время блокады: 250 г по рабочей карточке и 125 г по карточкам служащих, иждивенцев и детей. По последней норме получало хлеб ⅔ населения города. Это объяснялось тем, что из-за отсутствия сырья и недостатка электроэнергии многие промышленные предприятия не работали. При вынужденной остановке заводов и фабрик условия не позволяли сохранить рабочим их нормы — они сокращались вдвое (стр. 67). Однако на всем протяжении блокады хлеб выдавался населению регулярно и в полной норме. Прочитав рецензируемую книгу, читатель поймет, каких огромных усилий стоило обеспечение этих выдач.

В декабре 1941 г., то есть в период самой низкой нормы выдачи хлеба, остальные продукты отпускались не всегда и не полностью. Но если даже исходить из полных норм, то и тогда суточный паек составлял от 1 087 калорий у рабочих и инженерно-технических работников до 466 калорий у снабжаемых по норме иждивенцев (стр. 109).

Фактический уровень всего питания едва ли превышал эту голодную норму, поскольку других источников продуктов, кроме государственного пайка, почти не было. Эти цифры говорят сами за себя. (На территории СССР, не охваченной военными действиями, питание городского населения даже в самом тяжелом в продовольственном отношении 1942 г. не опускалось ниже 2 555 калорий в среднем на взрослого едока в сутки, а затем существенно повысилось.)

Несомненный интерес представляет материал о хранившихся в Ленинграде запасах продовольствия и о частичной их гибели на складах имени Бадаева. Этих вопросов автор касается в нескольких местах своей работы (стр. 25, 44, 48). Он указывает, что зерно, мука и сахар к началу блокады непредусмотрительно хранились в 2—3 местах. 8 сентября 1941 г. в результате массированного налета вражеской авиации возникло 178 пожаров. Особенно сильным был пожар на складах имени Бадаева, построенных из дерева. Огонь бушевал здесь более пяти часов. Сам факт гибели продовольствия на этих складах хорошо известен, и о нем упоминается в нашей литературе [5].

Что касается количества погибших продуктов питания, то цифры об этом до сих пор не приводились, однако указывалось, что эти потери серьезно ухудшили снабжение города, резко уменьшили запасы продовольствия. Такая оценка при отсутствии точных данных создавала впечатление, что ущерб от пожара был весьма велик и, может быть, имел даже решающее значение. Опубликованные теперь сведения, напротив, свидетельствуют о том, что «за весь период блокады фашистам не удалось нанести серьезного ущерба запасам продовольствия...» (стр. 48). На складах имени Бадаева погибло 3 тыс. т муки и не более 700 т сахара. Сведения, приводимые в других местах книги, позволяют уяснить масштаб этих цифр. По действовавшим в то время нормам погибло муки в количестве полуторадневной потребности и сахара в размере расхода на 3 с половиной дня. Эти данные говорят о том, как важна цифровая характеристика явлений в историко-экономических исследованиях и к каким неверным выводам может привести вынужденная замена ее эпитетом, не подкрепленным расчетами.

Огромное значение в героической обороне Ленинграда имела связь осажденного города со всей страной. В суровые дни блокады советские люди напряженно следили за мужественной борьбой ленинградцев, всячески стремились помочь им. Коммунистическая партия и Советское правительство принимали меры к тому, чтобы установить надежную связь блокированного города со страной, обеспечить его всем необходимым. Битва за коммуникации является одной из интереснейших страниц славной ленинградской эпопеи. Поэтому естественно, что и в рецензируемой книге этому вопросу уделено много внимания.

Блокада города началась 8 сентября 1941 года. Через два месяца, 8 ноября, моторизованные части противника овладели Тихвином — важным железнодорожным пунктом. С этого момента Ленинград можно было снабжать только через станцию Заборье, расположенную в 160 километрах восточнее Тихвина. Для перевозки грузов из Заборья требовалось проложить через топи и лесные чащи автодорогу протяженностью в 200 километров к юго-восточному берегу Ладожского озера. Оттуда по льду грузы надо было переправлять на другую сторону озера, в Осиновец, для доставки в Ленинград. Срок строительства дороги был определен в 15 дней, а всех запасов муки было на 24 дня, причем часть этого количества находилась на юго-восточном берегу Ладожского озера, в Новой Ладоге. Запасы других продуктов колебались в пределах от 9- до 22-дневных норм снабжения, из них только сахар хранился целиком в Ленинграде; остальные же продукты частично также находились в Новой Ладоге (стр. 104). В это наиболее тяжелое время истинное продовольственное положение города знали только несколько человек.

Вследствие недостаточно низкой температуры зимняя дорога на Ладоге долго не устанавливалась. Запасы в городе иссякали. Военный совет решил сократить с 8 ноября нормы выдачи хлеба и мяса войскам, не уменьшая и без того скудного пайка гражданского населения. Но вскоре пришлось дважды (13 и 20 ноября) сократить норму выдачи хлеба и гражданскому населению, хотя хлеб был почти единственным продуктом питания.

22 ноября началось движение машин по

---

[5] Ф. И. Сирота. Указ. соч., стр. 29; А. В. Карасев. Указ. соч., стр. 15—16 (кстати сказать, даты налета у Павлова и у Карасева расходятся).

льду, но он был еще тонок. За 9 дней перевезли грузов меньше двухдневной потребности. На 1 декабря запасов хлеба в городе оставалось только на 6 дней. Пришлось использовать аварийные запасы, находившиеся на кораблях в районе Кронштадта. Через 3 дня после окончания строительства дороги, 9 декабря, советские войска овладели Тихвином. Это спасло от голодной смерти многие тысячи людей, ибо пропускная способность построенной автодороги не могла обеспечить потребность города даже по самой низкой, голодной норме.

С 22 декабря установилась зимняя дорога через Ладогу. Среднесуточный завоз стал превышать дневной расход. Хотя город и фронт продолжали питаться за счет текущих поступлений, Военный совет, исходя из обстановки, повысил с 25 декабря нормы суточной выдачи хлеба с 250 до 300 г для рабочих и со 125 до 200 г для служащих, иждивенцев и детей. Даже незначительное увеличение нормы подняло настроение населения.

Д. В. Павлов правильно поступает, когда на стр. 128 и 131—133 отмечает погрешности, допущенные Н. Чуковским в романе «Балтийское небо» и Е. Федоровым в книге «Ледовая дорога» в освещении вопроса о продовольственном снабжении населения Ленинграда и транспортировке грузов. Но еще более необходимо было отметить недочеты нашей научной или научно-популярной литературы, чего, к сожалению, автором не сделано.

Так, на стр. 44 работы «Героическая оборона Ленинграда» (Л.-М. 1945) сказано, что с ноября 1941 по март 1942 г. норма выдачи хлеба повысилась со 125 до 400 г и с 250 до 500 г (о какой категории населения идет речь, не указано). Эти данные повторяются и на стр. 66 книги «Музей обороны Ленинграда» (Л. 1948).

В действительности нормы выдачи хлеба в таких размерах были установлены уже с 11 февраля 1942 г., то есть на месяц раньше: рабочим — 500 г, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — 300 граммов.

Еще более серьезное расхождение с данными Д. В. Павлова имеется в выпущенном Лениздатом в 1957 г. сборнике «Город великого Ленина», где на стр. 110 указывается, что бойцы и командиры на передовой линии получали по 300 г хлеба, во всех остальных войсках выдавали 150 граммов. Д. В. Павлов же приводит самую низкую норму выдачи хлеба, установленную с 20 ноября 1941 г. и составлявшую для войск первой линии 500 г, для тыловых частей — 300 граммов. Следовательно, норма выдачи хлеба была значительно выше указанной в сборнике. В конце января 1942 г. хлебный паек войскам был увеличен (стр. 78, 79 рецензируемой книги).

Д. В. Павлов рисует правдивую картину тяжелой обстановки, в которой находился блокированный Ленинград, и невероятных испытаний, выпавших на долю его населения. Автор пишет, например: «Работники коммунального хозяйства и здравоохранения, ежедневно объезжая улицы и переулки, подбирали трупы, заполняя ими кузова грузовых машин... Команды МПВО взрывали землю и во вместительные могилы опускали десятки, а иногда и сотни трупов, не зная имени погребенных» (стр. 111). Автор называет цифры погибших в Ленинграде от голода: в ноябре 1941 г. — 11 085 и в декабре того же года — 52 881 человек (стр. 110, 111); однако он не приводит общую цифру умерших от голода ленинградцев. Между тем, согласно акту Ленинградской городской чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Ленинграде и его пригородах, в городе умерло от голода 632,3 тыс. человек. Это в 38 раз больше количества погибших среди гражданского населения от бомбежек и артиллерийских обстрелов (16,7 тыс. чел.).

В этой связи представляют интерес и материалы, опубликованные С. Л. Гаухманом[6]. По данным терапевтической клиники 1-го Ленинградского медицинского института, смертельные исходы в конце 1941 и в январе 1942 г. достигали 85% к общему числу поступивших в клинику больных дистрофией. При этом пораженные этой болезнью составляли в декабре 1941 г. 70%, а в январе 1942 г.— 85% всех поступивших в клинику.

Все эти цифры свидетельствуют о тягчайших преступлениях кровавого фашизма, возрождению которого содействует милитаристская политика реакционных кругов Западной Германии, поощряемая монополиями США, Англии и Франции.

Отметим также, что вовсе не освещены Д. В. Павловым известные факты привоза

[6] С. Л. Гаухман. Изменения частоты и клинической картины внутренних заболеваний в Ленинграде в военное время. Сборник «Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации». Т. II. М. 1948, стр. 49.

в город продовольствия партизанами и колхозниками, сумевшими пробраться через линию фронта из оккупированной зоны.

Говоря о принципах установления дифференцированных норм снабжения населения в СССР, автор выдвигает на первое место признак «возрастных групп населения», а затем уже «важность и характер выполняемых работ» (стр. 58). С этим вряд ли можно согласиться, так как в карточной системе при установлении норм снабжения продовольствием возрастной признак учитывался в меньшей мере, чем производственные условия, игравшие первенствующую роль. Что касается дифференциации по возрастным группам, то она вовсе не касалась взрослого населения. Карточки же для детей до 12 лет выдавались *по единой норме без дифференциации* для отдельных возрастов. Советское государство, проявляя огромную заботу о детях, вводило для них различные дополнительные или повышенные нормы (например, для детских домов, в пионерских и школьных лагерях, при получении питания из молочных кухонь и др.). Однако вследствие недостатка продовольственных ресурсов снабжение большинства детей ограничивалось карточной нормой.

Недочеты рецензируемой книги носят частный характер и не затрагивают ядра работы, которое представляет основной исследовательский интерес. Монография Д. В. Павлова является ценным вкладом в научную литературу по военной экономике и истории героической обороны Ленинграда. Мимо расчетов и материалов автора не сможет пройти ни один исследователь, изучающий историю блокады города. Вместе с тем книга ярко рисует мужество и стойкость населения героического города, огромную организаторскую деятельность партийной организации Ленинграда.

У. Г. Чернявский

А. А. ЗИМИН. *И. С. Пересветов и его современники.* Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. Изд-во АН СССР. М. 1958. 488 стр. Тираж 2 000 экз. Цена 29 руб. 60 коп.

Рецензируемая книга является плодом долголетнего труда, итогом исследования А. А. Зиминым жизни и деятельности выдающегося русского публициста XVI в. И. С. Пересветова, творчество которого не раз вызывало горячие споры среди историков и филологов. Появлению монографии предшествовали научная публикация наиболее полного собрания сочинений Пересветова [1], а также ряд статей автора, освещавших многие важные проблемы социально-экономической, государственной и общественно-политической жизни России в XVI веке.

Работе предпослано краткое, но содержательное введение, в котором дается сжатый очерк социально-экономического и политического строя России середины XVI века. В первой части монографии рассматриваются главные направления русской общественно-политической мысли того времени. Изучению биографии, анализу общественно-политических взглядов и выявлению места И. С. Пересветова в истории общественно-политической мысли России XVI — начала XVII в. посвящена основная (вторая) часть работы. После небольшого заключения дана аннотированная библиография изданий сочинений и изучения творчества И. С. Пересветова. К книге приложен подробный указатель имен.

Несмотря на то, что в названии книги, в заголовках отдельных разделов и в тексте в качестве хронологических рамок исследования постоянно фигурирует середина XVI в., А. А. Зимин начинает изложение фразой: «Настоящая работа посвящена изучению русской общественно-политической мысли конца 40—50-х годов XVI в.» (стр. 3). Автор поступил правильно, избрав для анализа именно этот период, представляющий собою новый этап реформационного движения на Руси, время возникнове-

[1] См. рецензию на эту публикацию А. Л. Сакетти и Ю. Ф. Сальникова «О взглядах И. Пересветова». «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 117—124; см. также рецензию А. И. Клибанова в журнале «История СССР», 1957, № 3, стр. 204—208.

ния «рабьей ереси» Феодосия Косого, кризиса осифлянской публицистики и постепенного слияния осифлян с умеренным крылом нестяжателей. Вместе с тем это были годы активных выступлений трудящихся масс против гнета эксплуататоров (восстание 1547 г.), ожесточенной борьбы с церковной идеологией, освящавшей власть феодалов над крепостными. Если добавить, что это было время крупных внешнеполитических событий в жизни Русского государства, то станет ясным, что автор взял для исследования десятилетие, когда общественно-политические взгляды проявлялись наиболее отчетливо, когда существовало поразительное разнообразие красок и оттенков не только в различных направлениях, но и в произведениях отдельных мыслителей, когда выступила целая плеяда одаренных публицистов, страстно отстаивавших свои предложения о преобразовании Русского государства. Во что вылились эти проекты, какие новые формы государственной и общественной жизни пришли на смену старым — все это окончательно определилось лишь в 60—70-е годы XVI в., представляющие собою самостоятельный этап в развитии русской общественной мысли, который лежит за пределами рецензируемого исследования.

Целесообразность именно такой периодизации сомнения не вызывает. Узость хронологических рамок не является недостатком рецензируемой работы, а напротив, составляет ее достоинство; она позволила автору углубить свой анализ, дать более развернутую и всестороннюю характеристику общественно-политических явлений того времени, показать сложный переплет различных течений в общественной мысли и нарисовать яркую картину идейной жизни Русского государства середины XVI века.

Обратимся к источникам исследования А. А. Зимина. Несомненной заслугой его является привлечение свыше тридцати списков отдельных сочинений Пересветова, выявленных в архивах Москвы и Ленинграда. Автор использовал и так называемую полную редакцию (музейный вид) сочинений Пересветова, дающую наиболее отчетливое представление о его взглядах. Исследуя общественно-политическую мысль 40—50-х годов XVI в., А. А. Зимин анализирует все важнейшие политические, государственные, церковные и литературные памятники того времени: «Летописец начала царства» (рассматриваемый им как памятник официальных политических идей), «Домострой» (анализируемый автором в связи с общественно-политическими взглядами Сильвестра), «Стоглав» и «Повесть о царице Динаре» (изучаемые в главе «Публицистика воинствующих церковников»), произведения Ермолая-Еразма, старца Артемия, Матвея Башкина, Зиновия Отенского и т. д. Не вызывает возражения тот факт, что за пределами внимания автора остались многие памятники церковно-учительной и проповеднической литературы того времени, представляющие интерес лишь с точки зрения церковно-исторической (а чаще даже богословской). Те же произведения церковной литературы, которые имели более общее значение (например, документы, связанные с делом старца Артемия, его послания, «Послание многословное» и «Истины показание» З. Отенского и т. д.), весьма тщательно разобраны и проанализированы в монографии.

Но если можно согласиться с мнением А. А. Зимина о ненужности исчерпывающего анализа некоторых публицистических сочинений (таких, как жития, отчасти «Стоглав» и «Домострой»), то вызывает возражения сознательный отказ автора от использования в качестве источников произведений устного народно-поэтического творчества. Он пишет в предисловии: «Памятники народного творчества ввиду специфичности этого литературного жанра в данной работе не изучаются» (стр. 4). Правда, в заключении А. А. Зимин оговаривается, что «в произведениях устного творчества мы находим поэтический ответ народа на волнующие вопросы того времени» (стр. 453). На наш взгляд, исследователю, вооруженному знанием конкретно-исторических фактов, хорошо разобравшемуся во всем многообразии общественных воззрений эпохи, безусловно, следовало привлечь также этот богатейший и единственный в своем роде источник, тем более, что, как отмечает сам автор, «при всей неразработанности методики исследования памятников народного творчества все же ряд произведений можно приурочить к середине XVI века» (там же).

Нет смысла доказывать, что общественно-политическая мысль той эпохи проявлялась не только в громоздких и многословных церковных «Посланиях», малопонятных сочинениях церковных авторов и даже не только в острых по содержанию и доходчивых по форме челобитных И. С. Пересветова, но и в мудрой пословице, героической песне, величавой былине, задушевной сказке. По существу, из поля зрения А. А. Зимина (если не считать 35 страниц, посвя-

щенных «рабьему учению» Феодосия Косого) совершенно выпала народная мысль.

Можно, конечно, изучать историю социально-экономических отношений без привлечения фольклорного материала. Можно заниматься отдельными проблемами политической и государственной истории России, анализируя только актовый и летописный материал. В этих случаях никто не упрекнет автора в узости источниковедческой базы. Но нельзя исследовать историю общественно-политической мысли, не привлекая в качестве источника устное творчество народа.

«Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины,— говорившиеся нараспев, под звон струн, о славных подвигах богатырей, защитников земли народа,— героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой, почитанием отцов и дедов»[2].

А. А. Зимин понимает, что «умная и глубокая народная мысль, яркое и образное народное слово все более проникают на страницы трудов наиболее выдающихся представителей общественной мысли» (стр. 453). Он говорит о важности изучения фольклорных произведений для анализа деятельности Ермолая-Еразма, для характеристики языка Пересветова и т. д. Но его монография еще раз показала, что стоящая перед историками задача создания методики изучения фольклорного материала как исторического источника до сих пор не решена. И не вина, а беда автора, что он не привлек для своего исследования ни песни о взятии Казани, ни сказки о Борме-Ярыжке, о Горшене, ни пословицы,— он не смог этого сделать потому, что произведения народного творчества как исторический источник, за ничтожными исключениями, по сути дела, еще не проанализированы.

Рецензируемая монография представляет собою ценный вклад в исследование истории идеологической борьбы в Русском государстве в середине XVI века. Автор попытался выяснить классовую сущность и специфические черты русского реформационного движения и в целом успешно справился с этой задачей.

Для современной реакционной буржуазной литературы характерно резкое противопоставление Востока Западу в отношении их культурного развития. Так, некоторые историки утверждают, что в допетровской Руси почти безраздельно господствовало церковно-схоластическое мировоззрение, основанное на византийском православии. А. А. Зимин на большом конкретно-историческом материале опровергает этот тезис. В его исследовании показано, как в ходе усиливавшейся классовой борьбы в середине XVI в. в Русском государстве (как и в других европейских странах) происходило постепенное высвобождение общественной мысли из церковной оболочки. Одну из характерных особенностей русского реформационного движения автор видит в слабости городских элементов, которая объяснялась относительной неразвитостью русского города по сравнению с западноевропейским. Кроме того, на Руси значительно большее участие в этом движении принимали представители дворянства, такие, например, как вольнодумец сын боярский Матвей Башкин.

Следует также отметить, что А. А. Зимину удалось избежать идеализации церковных деятелей, возглавлявшихся митрополитом Макарием. В нашей исторической литературе до сих пор имеется тенденция изображать Макария как одного из идеологов и вдохновителей реформ середины XVI века[3]. А. А. Зимин показывает, что воинствующие церковники выступили против ряда реформ правительства Ивана Грозного с реакционных позиций подчинения государства церкви.

Серьезная монография А. А. Зимина не во всех своих частях одинаково полна. Правда, подзаголовок работы («Очерки») дает автору право одни ее разделы сделать более полными, другие сократить. Очень подробны главы, посвященные Пересветову; объем некоторых из них можно было бы сделать меньше (например, параграф «Редакции сочинений Пересветова».

---

[2] А. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 14. М. 1950, стр. 161.

[3] См. И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.-Л. 1958.

После выхода в свет «Сочинений И. С. Пересветова» и помещенного там археографического обзора повторная публикация данного материала вряд ли была целесообразна). Другие разделы, особенно первой части книги, нуждаются в более основательной аргументации, ибо они недостаточно убедительны. Так, приходится принимать на веру утверждение автора о близости Ал. Адашева к Шигалею (стр. 37), а также о близости основного текста «Домостроя» к «Наказанию Анфиму» (стр. 57). Слишком мало фактов приведено в подтверждение клерикального характера «Повести о Динаре»; точка зрения А. А. Зимина продолжает оставаться спорной, а мнение академика М. Н. Сперанского — неопровергнутым; неясно, в частности, почему вторую редакцию повести автор считает первичной (стр. 106).

Слабо обоснована в книге мысль о том, что «Повесть о Петре и Февронии» создал Ермолай-Еразм, а не безвестный муромский книжник XV века. Бездоказательно звучит утверждение, будто старец Артемий предпочитал книги священного писания святоотеческой литературе (стр. 165). Даже и во второй, гораздо более аргументированной части монографии встречаются досадные недомолвки. Вскользь говорится, например, о том, что историческим прототипом патриарха Анастасия — героя одного из сочинений Пересветова — был митрополит Макарий (стр. 395). Анализируя связь сочинений Пересветова с предшествовавшей ему публицистической традицией, А. А. Зимин так и не выяснил, была ли известна Пересветову «Повесть о Дракуле» или предшествовавшие исследователи заблуждались на этот счет (стр. 413—414).

Встречаются в монографии также и спорные места и оценки, нередко расходящиеся с уже известными высказываниями историков и филологов. Таковы характеристика Пересветова как мыслителя-гуманиста, вопрос о влиянии на взгляды Пересветова идеи «Москва — третий Рим» и т. д. Но спорные места, на наш взгляд, не являются недостатком книги. И не они вызывают у читателя возражения. Сомнительны те натяжки, которые выдаются автором иногда даже за аргументы. Так, гипотезу В. В. Ржиги о Ермолае-Еразме, как возможном авторе «Повести о Петре и Февронии», А. А. Зимин принимает как аксиому. Он не только сам присоединяется к этому мнению, но и защищает его, не приводя, однако, при этом каких-либо новых существенных доказательств. Или, например, говоря на стр. 417, что И. С. Пересветов, возможно, был знаком с Максимом Греком, автор на стр. 420 уже пишет: «Взгляды Пересветова, быть может, даже создавались под идейным воздействием Максима Грека»,— а на стр. 428 А. А. Зимин уже вполне определенно утверждает, что «Пересветов в какой-то мере был знаком с Максимом Греком, учителем Андрея Курбского», ссылаясь на § 1 главы 2 и § 3 главы 3 своей же работы. Правда, бóльшую часть своих новых оценок А. А. Зимин выдвинул в предположительной форме, которая должна, по его замыслу, подчеркнуть известную их гипотетичность.

Структура монографии, на первый взгляд, может показаться нелогичной. Сначала в ней речь идет об официальных политических идеях; затем автор излагает взгляды воинствующих церковников, далее он переходит к характеристике социально-экономических воззрений Ермолая-Еразма (хотя и остававшегося на позициях господствующего класса феодалов, но вместе с тем относившегося с несомненным сочувствием к народным массам) и, рассмотрев реформационно-еретические движения середины XVI в. (старец Артемий, Матвей Башкин), заканчивает исследование анализом взглядов идеолога плебейских масс Феодосия Косого. После такого последовательного анализа течений русской общественно-политической мысли середины XVI в.— от правительственных до плебейских — А. А. Зимин вновь возвращается к идеологии дворянства и рассматривает творчество Пересветова. Известная непоследовательность в этом есть, но автор был вправе именно так построить свою работу: выделение исследования взглядов Пересветова в самостоятельную часть книги, хотя и нарушило общий ход изложения, но зато помогло шире и обстоятельнее показать своеобразие, а наряду с этим и историческую обусловленность творчества И. Пересветова.

Очерковая структура книги потребовала, с одной стороны, массу примечаний, а с другой — не избавила автора от довольно большого количества повторений. В этом, на наш взгляд, основной недостаток построения книги.

Ценность рецензируемой монографии, написанной с глубоким знанием вопроса, повышается еще и тем, что А. А. Зимин

снабдил свое исследование обширной аннотированной библиографией. Он включил в нее все, что имеет прямое или косвенное отношение к Пересветову.

В своей монографии А. А. Зимин критически относится к иностранным работам, умело их анализирует, вскрывая ограниченность и несостоятельность буржуазной историографии. Рецензируемое исследование является в этом смысле хорошо продуманным и умело нанесенным ударом по реакционной зарубежной исторической науке.

Аннотированная библиография воспринимается читателем не как простое приложение, а как органическая часть книги, тесно связанная со всем предшествующим изложением; она подкрепляет содержащийся в работе анализ (особенно историографические разделы). Необходимо поэтому приветствовать, во-первых, наличие такой библиографии, а во-вторых, известный сдвиг в работе Издательства АН СССР, в прошлом редко соглашавшегося включать в свои издания справочно-библиографический аппарат.

А. А. Зимин делит свою библиографию на три части: первая — издания текстов, вторая — монографии, учебники, статьи и рецензии; третья — неопубликованные диссертации. Однако для удобства пользования некоторые разделы библиографии следовало сделать самостоятельными. Например, во втором разделе целесообразно было бы выделить, во-первых, описания рукописей, содержащих сочинения Пересветова (№№ 2, 3, 8, 10, 12, 14, 15, 55), поскольку эти работы, как правило, отличаются от научно-исследовательских статей и книг; во-вторых, сведения, помещенные в библиографических и био-библиографических словарях (Большая Советская Энциклопедия, Брокгауз и Ефрон и др.— №№ 11, 19, 24, 81, 101, 174, 198). Затрудняет пользование библиографией и то, что рецензии помещены отдельно от рассматриваемых в них книг; автор должен был после упоминания книги хотя бы в аннотации отослать читателя к имеющимся рецензиям.

Не раскрыты в библиографии псевдонимы (например, № 19 Р-в В.— Рудаков Василий Егорович; № 24 С-кий В.— Срезневский Всеволод Измайлович). Сделано это только в указателе имен. В ряде случаев приведены лишь названия коллективных работ (№№ 62, 81, 97, 101, 107, 108, 118, 136, 160, 162, 174, 185—188, 194—198, 212, 226, 230), в то время как установление авторства не требовало особых усилий.

Книга снабжена именным указателем, составленным Е. В. Юрченко. Составитель проделал большую работу по выявлению дат рождения и смерти исследователей, писавших о Пересветове. Имена имеют краткую, но вполне достаточную аннотацию; лишь в некоторых случаях она отсутствует (например, см. Иван Есманович, Рей Миколай, Исаак Сирин, очень много неаннотированных имен под фамилией «Пересветов», хотя содержание книги позволяет многих из них определить). Иногда аннотации не дают классовой характеристики лица (к примеру, Пересветов Николай — послух). Отдельные аннотации просто неверны. Так, под «Петром, литературным героем» (?!) следует разуметь муромского князя Петра, в иночестве Давида, бывшего героем древнерусской «Повести о Петре и Февронии». Петр и Феврония названы в указателе просто «литературными героями», в то время как Динара — «легендарной дочерью грузинского царя Александра Мелека», а Дракула — «молдавским господарем». Но все это частные погрешности, которые не меняют общей высокой оценки рецензируемой монографии.

Советская историческая наука получила новый фундаментальный труд. Перед нами работа, основанная на тонком, скрупулезном анализе, монография, в которой ценны как текст, так и примечания, где сосредоточены интересные источниковедческие наблюдения. Читатель получил книгу, автор которой сделал несомненно удачную попытку рассмотреть развитие общественной мысли 40—50-х годов XVI в. как закономерный процесс со всеми присущими ему противоречиями, борьбой и столкновениями различных направлений.

Л. Н. Пушкарев

Всеобщая история

ЦЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ *

Великие успехи китайского народа в социалистическом строительстве укрепляют положение Китайской Народной Республики как могучей, независимой и миролюбивой державы. Руководящими принципами внешней политики Народного Китая являются пролетарский интернационализм, братское сотрудничество со странами социалистического лагеря и мирное сосуществование со всеми другими государствами независимо от их общественного строя.

Империалисты США, делающие ставку на реакционные силы гоминьдана, не хотят мириться со своим поражением и отказываются признать Китайскую Народную Республику. Политический и экономический бойкот Китая, попытки заставить и другие страны занять такую же позицию, поддержка обанкротившейся гоминьдановской клики и военные провокации в районе Тайваньского пролива — вот те средства и методы, которые применяют США в отношении КНР.

Стремясь оправдать эти средства и методы, направленные к дальнейшему обострению международной напряженности, американские империалистические круги и их пропагандистская машина не скупятся на всевозможные клеветнические измышления как о внутренней, так и о внешней политике Китая. Этой цели служат распространяемые реакционной американской печатью вымыслы о якобы агрессивном характере китайской внешней политики, об угрозе «для интересов безопасности США», которую якобы представляет братский союз Народного Китая и СССР [1].

Убедительным ответом всем фальсификаторам истории внешней политики КНР являются успехи Китая на международной арене, рост его международных связей и авторитета. Об этих достижениях свидетельствует, в частности, «Сборник договоров Китайской Народной Республики», первые шесть томов которого изданы недавно Министерством иностранных дел КНР.

Это — первое издание важнейших международных договоров и соглашений КНР. Оно представляет собой большой интерес потому, что в нем представлен ряд документов, которые до сих пор не были опубликованы в китайской печати. В каждом из томов документы сгруппированы по разделам: политические, пограничные, экономические вопросы, культурные, научно-технические связи, сотрудничество в области сельского хозяйства, почтовая связь и военные вопросы. Внутри раздела материалы расположены по странам в хронологическом порядке. Однако некоторые документы экономического характера, имеющие большое политическое значение, помещены в первый раздел.

Во всех томах, исключая первый, имеются приложения, в которых собраны материалы неправительственного, полуофициального характера. Как и основная часть документов сборника, они сгруппированы по разделам: экономические, военные вопросы, проблемы сотрудничества в области рыбного промысла.

Помимо оглавления, где указана дата подписания документа, в конце каждого тома помещен в хронологическом порядке список материалов, содержащихся в нем.

Всего в шести вышедших томах «Сборника договоров Китайской Народной Республики» опубликовано свыше 300 документов, среди которых договоры и соглашения, протоколы, конкретизирующие те или иные положения этих договоров и соглашений, совместные заявления и коммюнике о переговорах государственных деятелей и правительственных делегаций, ноты по вопросам осуществления публикуемых в сборнике соглашений, письма, которыми обменивались общественные учреждения Китайской Народной Республики с организациями стран, не имеющих официальных отношений с Китаем.

---

* «Чжунхуа жэньминь гунхэго тяоюэцзи» («Сборник договоров Китайской Народной Республики»). Пекин. Издательство «Фалюй чубаньшэ». Тома: I (1949—1951 гг.). 1957. 187 стр.; II (1952—1953 гг.). 1957. 414 стр.; III (1954 г.). 1958. 207 стр.; IV (1955 г.). 1958. 288 стр.; V (1956 г.). 1958. 422 стр.; VI (1957 г.). 1958. 342 стр.

[1] Howard L. Boorman, Alexander Eckstein, Philip E. Mosely and Benjamin Schwartz. Moscow-Peking Axis. New York. 1957; Robert C. North. Moskow and the Chinese Communists. Stanford. 1953.

К большинству документов имеются примечания. Они указывают дату ратификации и вступления в силу либо дату пролонгации того или иного документа.

Все содержание публикации ярко свидетельствует о замечательных успехах миролюбивой внешней политики китайского народа и о провале империалистических планов международной изоляции КНР.

★

В первые два тома, охватывающие 1949—1953 гг., в основном включены документы, относящиеся к связям КНР со странами социалистического лагеря. Это был период, когда молодое народно-демократическое государство восстанавливало свою подорванную многолетними войнами национальную экономику. Развязанная в середине 1950 г. американским империализмом агрессия против корейского народа была одновременно и войной против китайского народа. Заокеанские монополии пытались использовать трудности восстановительного периода в Китае для осуществления своих захватнических планов. Полчища интервентов рвались к границам КНР. Это был трудный период в жизни освобожденного китайского народа, в его борьбе за независимость и суверенитет своей Родины.

Советский Союз и другие государства лагеря мира и социализма, первыми признавшие КНР, оказали китайскому народу братскую и бескорыстную помощь. Особенно большую роль сыграл Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, подписанный в Москве 14 февраля 1950 года. Этот договор закрепил издавна существовавшие дружественные отношения между китайским и советским народами и положил начало тесному сотрудничеству двух стран. Текстом договора открывается первый том.

Тогда же, 14 февраля 1950 г., одновременно с Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР были заключены соглашения: о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем (т. I, стр. 3), о предоставлении Советским Союзом кредита Китайской Народной Республике в 300 млн. американских долларов из расчета 1% годовых для оплаты поставок из СССР (т. I, стр. 45). Этот кредит обеспечил КНР возможность получения советских металлоизделий, промышленного оборудования и сырья, что в условиях экономической блокады Китая, проводимой империалистами, имело большое значение для восстановления народного хозяйства страны.

Международное значение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и соглашений, заключенных 14 февраля 1950 г., исключительно велико. Они являются незыблемой основой всестороннего развития политического, экономического и культурного сотрудничества двух великих социалистических держав. Правительство и народ КНР усматривают в этом договоре и соглашениях проявление искренней, бескорыстной дружбы со стороны Советского Союза, гарантию успешного восстановления и развития народного хозяйства своей страны и упрочения народно-демократического строя. «Новый китайско-советский договор и соглашения,— сказал Мао Цзэ-дун на заседании Центрального народного правительственного совета КНР 11 апреля 1950 г.,— практически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза, дали нам надежного союзника» [2].

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи включает взаимные обязательства Советского Союза и КНР совместно противостоять империалистической агрессии на Дальнем Востоке. Поэтому он представляет собой также крупный вклад в дело укрепления мира. В 1957 г. по случаю 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей, Государственный совет КНР и ЦК КПК направили поздравительную телеграмму Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР и ЦК КПСС, в которой указывалось: «Объединение наших двух стран в прочный союз не только в значительной мере усилило превосходство социалистического лагеря, но также нанесло серьезный удар по агрессивной политике и политике войны, проводимой империалистическими кругами» [3].

Советско-китайское торговое соглашение от 19 апреля 1950 г., полный текст которого помещен в первом томе (стр. 47), сыграло большую роль в восстановлении народного хозяйства Китая. По этому соглашению, заключенному на условиях равноправия и братского сотрудничества, Китайская Народная Республика начала получать советское промышленное оборудование и дру-

---

[2] «Жэньминь жибао», 14 апреля 1950 года.
[3] «Правда», 6 ноября 1957 года.

гие товары, поставляя взамен в Советский Союз различные виды своей продукции. На основе этого соглашения ежегодно, на протяжении 1950—1957 гг. подписывались советско-китайские протоколы о товарообороте и платежах, полные тексты которых также включены в рецензируемое издание.

Хотя первое советско-китайское соглашение о научно-техническом сотрудничестве было подписано в 1954 г., Советский Союз и до этого оказывал Народному Китаю научно-техническую помощь. Она осуществлялась путем посылки советских специалистов в Китай и китайских товарищей в Советский Союз, где они проходили практику на предприятиях. Значительную роль в подготовке высококвалифицированных технических кадров для народного хозяйства Китая играет соглашение между правительствами Китайской Народной Республики и СССР об обучении китайских граждан в высших учебных заведениях нашей страны, заключенное 9 августа 1952 г. (т. II, стр. 179). По этому соглашению Советский Союз обязался помочь Китаю подготовить кадры собственных специалистов для самых различных областей экономического и культурного строительства.

Различные документы, собранные в первых двух томах, показывают, как развивались и крепли связи КНР со всеми странами социалистического лагеря. В издании приведены тексты торговых соглашений с Чехословакией — 14 июня 1950 г., с Германской Демократической Республикой — 10 октября 1950 г., с Венгрией — 22 января 1951 г., с Польшей — 29 января 1951 г. и т. д. В результате осуществления торговых соглашений между КНР и братскими социалистическими странами вырос их удельный вес в общем объеме внешней торговли Китая. Так, если в 1950 г. он составлял 26% всего внешнеторгового оборота страны, то в 1951 г. возрос до 61%, а в 1952 г.— до 72% [4].

Уже на протяжении 1951—1952 гг. были заключены соглашения КНР о культурном сотрудничестве с Польшей, Венгрией, ГДР, Румынией, Чехословакией, Болгарией, а также о научно-техническом сотрудничестве с Чехословакией.

Торговая блокада КНР, навязанная американскими правящими кругами капиталистическим государствам Европы и некоторым странам Азии, привела лишь к новым осложнениям на мировом капиталистическом рынке, ухудшила экономическое положение буржуазных стран. Поэтому торгово-промышленные круги ряда государств все более решительно выступают за развитие экономических связей с Китаем. Несмотря на давление со стороны США, некоторые японские предприниматели уже в июне 1952 г., как это видно из материалов второго тома, заключили первое торговое соглашение с Китайским комитетом содействия развитию международной торговли. 21 сентября 1952 г. было подписано трехстороннее торговое соглашение между КНР, СССР и Финляндией, а 4 октября того же года заключено межправительственное торговое соглашение КНР с Цейлоном. Основанные на принципах полного равенства и взаимной выгоды, эти соглашения пробили брешь в американской системе эмбарго на торговлю с Китаем.

Из материалов второго тома мы видим, что в 1950—1953 гг., когда США, развязав агрессию против Кореи, обострили международную обстановку, КНР не только с готовностью пошла на развитие торговых отношений со всеми государствами Европы и Азии, но и активно боролась за мир и безопасность на Дальнем Востоке. Это показали прежде всего переговоры о перемирии в Кэсоне, а затем в Паньмыньчжоне. Настойчивые миролюбивые усилия правительств Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики, поддержанные Советским Союзом и всеми миролюбивыми государствами, вынудили в конце концов агрессоров прекратить военные действия. Заключенное в Паньмыньчжоне 27 июля 1953 г. соглашение о перемирии в Корее (текст его приведен во втором томе) явилось победой миролюбивой политики китайского и корейского народов, победой всего прогрессивного человечества. Оно показало, что Китай является могучим государством, без участия которого невозможно урегулировать важнейшие международные вопросы.

★

Война в Корее, развязывая которую империалисты США и их пособники рассчитывали помешать мирному строительству в Китайской Народной Республике, не принесла агрессорам желаемых результатов. Несмотря на трудности этого периода, китайский народ к концу 1952 г. успешно завершил восстановление своей экономики.

[4] «Внешняя торговля стран народной демократии». М. 1955, стр. 89.

На этой основе страна приступила к осуществлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1953—1957 гг.). Экономические успехи КНР, ее борьба за прекращение кровопролития в Корее и Индокитае и ослабление международной напряженности способствовали росту международного авторитета Китая и быстрому развитию его экономических и политических связей, в первую очередь со странами Азии и Африки. Это можно проследить по документам, включенным в третий и четвертый тома. Они охватывают 1954—1955 гг. — период Женевы и Бандунга, когда мирные усилия Советского Союза, Китая и других миролюбивых стран привели к ослаблению международной напряженности.

В ноябре 1953 г. правительство Индонезии заключило соглашение о торговле с КНР (т. II, стр. 33); 22 апреля 1954 г. такое же соглашение было подписано между Китаем и Бирманским Союзом (т. III, стр. 133). 29 апреля 1954 г. в Пекине было подписано соглашение между КНР и Индией, которое привело к урегулированию вопроса о связях Тибетского района Китая с Индией.

Как известно, англо-американские империалисты пытались превратить Тибет в «яблоко раздора» между Китаем и Индией, подстрекая последнюю выступить против мирного разрешения тибетского вопроса. Однако правительство Индии избрало иной путь. Оно признало неотъемлемость территории Тибета от Китая и начало переговоры с правительством КНР относительно урегулирования некоторых вопросов дипломатических, торговых и культурных связей между двумя соседними государствами. Эти переговоры завершились подписанием вышеупомянутого соглашения, которое открыло путь для расширения торгово-экономических связей между КНР и Индией через Тибетский район (т. III, стр. 1).

Самый факт публикации этого соглашения, являющегося, казалось бы, торговым договором, в разделе политических материалов третьего тома «Сборника» говорит об особом значении этого документа. В нем впервые были сформулированы пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимные выгоды и мирное сосуществование (там же). Эти принципы, как известно, легли в основу взаимоотношений между КНР и Индией, а позднее получили широкое международное признание.

Участие представителей КНР в работе совещания министров иностранных дел в Женеве (апрель — июль 1954 г.) явилось новым поражением империалистических кругов США, стремившихся изолировать Китай на международной арене. Итоги Женевского совещания свидетельствовали о том, что решение спорных международных вопросов, и прежде всего непосредственно касающихся Азии, может быть достигнуто только при условии участия в переговорах Китайской Народной Республики. Заключительная декларация совещания (текст ее приводится в третьем томе) подтверждает основные принципы восстановления мира в Индокитае и содержит рекомендации всем участникам Женевского совещания, касающиеся достижения в ближайшее время политического урегулирования в этом районе Юго-Восточной Азии (т. III, стр. 14).

Стремясь к смягчению международной напряженности, созданной в Азии агрессивной политикой США и других империалистических держав, правительство Китая придает большое значение установлению личных контактов между руководителями различных стран. Так, еще 28 апреля 1954 г., выступая на Женевском совещании, премьер Государственного Административного Совета КНР Чжоу Энь-лай заявил: «Правительство Китайской Народной Республики считает, что страны Азии должны проконсультироваться с целью предпринять путем соответствующих взаимных обязательств совместные усилия для сохранения мира в Азии» [5]. Непосредственным результатом этой мирной инициативы явился визит Чжоу Энь-лая в Индию и Бирму. Переговоры между главами правительств КНР и Индии в конце июня 1954 г. в Дели завершились подписанием 28 июня совместного заявления, подтвердившего пять принципов мирного сосуществования. В заявлении было высказано пожелание правительств КНР и Индии о том, чтобы эти принципы стали международно-правовой нормой, так как только в таком случае «они явятся прочной основой мира и безопасности, а опасения и беспокойство, существующие в настоящий момент, уступят место чувству уверенности» (т. III, стр. 8).

29 июня 1954 г. было опубликовано совместное заявление глав правительств КНР

[5] «Сборник документов Женевского совещания». Пекин, 1954, стр. 16.

и Бирманского Союза о переговорах в Рангуне (т. III, стр. 13), в котором пять принципов мирного сосуществования признавались в качестве основы китайско-бирманских отношений.

Твердое и неустанное стремление китайского народа, занятого осуществлением грандиозных задач первого пятилетнего плана, к обеспечению мира и всеобщей безопасности, нашло свое выражение в совместных декларациях правительств КНР и СССР по вопросам советско-китайских отношений, международного положения и об отношениях с Японией, опубликованных 12 октября 1954 г. в результате переговоров правительственных делегаций обоих государств в Пекине. Эти документы свидетельствуют о полном единодушии сторон по всем вопросам взаимоотношений между СССР и КНР и оценки международной обстановки. Правительства Советского Союза и Китая решительно осудили действия западных держав, и прежде всего США, направленные на обострение напряженности на Дальнем Востоке, и разработали конкретную программу укрепления мира и безопасности, подчеркнув, что оба правительства «приложат все усилия для того, чтобы содействовать урегулированию неразрешенных международных проблем, в том числе проблем, касающихся Азии» (т. III, стр. 9).

Советско-китайские переговоры 1954 г. и заключенные в результате их соглашения явились важным шагом в дальнейшем развитии политических, экономических и культурных взаимоотношений между Советским Союзом и Народным Китаем. Объем советско-китайской торговли неуклонно растет. Сократив несколько импорт советских металлоизделий, Китай увеличил ввоз из СССР комплектного оборудования, а сам начал поставлять в нашу страну в больших размерах продовольственные товары и сырье для промышленности.

Расширяются и укрепляются торговые и экономические связи Китайской Народной Республики со всеми социалистическими странами. Об этом свидетельствуют ежегодно перезаключаемые соглашения о товарообороте и платежах с Польшей, Болгарией, Румынией, Чехословакией и другими государствами, тексты которых публикуются в «Сборнике договоров Китайской Народной Республики». Народно-демократические государства Восточной Европы поставляют в КНР оборудование и материалы для промышленных предприятий, машины и аппаратуру, химикалии и сырье. В свою очередь, страны народной демократии получают из Китая промышленные изделия, руды, сырье для химической и текстильной промышленности, продукты сельского хозяйства, резиновые изделия, чай и другие товары.

Что касается общего объема торговли КНР с Советским Союзом и странами народной демократии, то о нем можно судить по следующим данным. Так, если взять уровень товарооборота Китая со странами социалистического лагеря в 1952 г. за 100, то в 1954 г. он составил уже 160, а в 1955 г. — 208[6]. Все более широкое развитие получает научно-техническое сотрудничество между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, основанное на советско-китайском соглашении о научно-техническом сотрудничестве, заключенном 12 октября 1954 года. Различные документы, публикуемые во II—IV томах рецензируемого издания, показывают, как развивались и обогащались формы экономического и культурного сотрудничества КНР со всеми странами народной демократии Европы и Азии.

Стремясь помочь корейскому народу скорее залечить раны, нанесенные трехлетней войной, и упрочить его международное и внутреннее положение, правительство КНР 23 ноября 1953 г. заключило соглашение с правительством Корейской Народно-Демократической Республики об экономическом и культурном сотрудничестве. Одновременно китайское правительство решило передать в дар корейскому народу все материалы и средства, предоставленные ему Китаем между 25 июня 1950 г. и 31 декабря 1953 г. в порядке оказания помощи, и дополнительно предоставить КНДР (на протяжении 1954—1957 гг.) 800 млн. юаней на восстановление и развитие народного хозяйства страны. Китайская Народная Республика обязалась также оказать правительству КНДР помощь в восстановлении и строительстве железных дорог, в подготовке квалифицированных рабочих и инженерно-технических специалистов (т. II, стр. 3—6). Это соглашение заложило прочный фундамент братского сотрудничества и взаимной помощи китайского и корейского народов и ускорило подъем экономики и культуры обеих стран.

Успешно развивается также сотрудничество КНР с Демократической Республи-

[6] «Развитие экономики стран народной демократии Азии (обзор за 1955 г.)». М. 1956, стр. 139.

кой Вьетнам и Монгольской Народной Республикой. Эти соседние с КНР страны, как видно из материалов «Сборника», получают от китайского народа большую и разностороннюю помощь. 24 декабря 1954 г. был подписан китайско-вьетнамский протокол о помощи КНР в восстановлении железных дорог ДРВ. Посетившая в июне — июле 1955 г. Пекин вьетнамская правительственная делегация вела переговоры по политическим и экономическим вопросам. Правительства Китая и Вьетнама подчеркнули необходимость полного осуществления Женевского соглашения по вопросу об Индокитае и подтвердили свое стремление к установлению дружественных отношений со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования (т. IV, стр. 3—6). Правительство КНР выразило готовность помочь вьетнамскому народу в восстановлении и развитии его экономики и для этой цели решило ассигновать 800 млн. юаней, обязалось оказать Вьетнаму техническую помощь (там же).

25 декабря 1955 г., во время посещения КНР правительственной делегацией Германской Демократической Республики, между обеими странами был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве. Обе стороны обязались оказывать друг другу всевозможную экономическую и научно-техническую помощь. Этот договор, как указывалось в преамбуле, должен служить в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций целям сохранения и обеспечения мира в Азии и Европе (т. IV, стр. 7).

Придавая решающее значение развитию и укреплению братских связей китайского народа со странами социалистического лагеря, правительство КНР в то же время стремится нормализовать и улучшить свои отношения с капиталистическими государствами, а также с государствами Азии и Африки, вставшими на путь самостоятельного развития и играющими, как это показала Бандунгская конференция, все более важную роль в международных делах. На протяжении 1955 г. и в дальнейшем КНР установила и расширила экономические, политические и культурные связи со многими странами Азии и Африки.

Самый факт созыва Бандунгской конференции стран Азии и Африки свидетельствовал о сплочении стран Востока в борьбе против колониализма и новых агрессивных войн. Принимавшая участие в работе этой конференции китайская делегация во главе с Чжоу Энь-лаем много сделала для достижения взаимопонимания между представителями стран с различными социально-экономическими системами, объединенных общим стремлением к освобождению от колониального гнета империализма, стремлением к независимости и миру. Об успехах Бандунгской конференции говорит заключительное коммюнике от 24 апреля 1955 г., текст которого опубликован в четвертом томе «Сборника».

Ряд документов этого тома свидетельствует о дальнейшем развитии торгово-экономических связей КНР со странами Азии в духе решений Бандунгской конференции (см., например, китайско-бирманский торговый протокол от 29 декабря 1955 г.). Новым моментом явилось установление торговых и экономических связей КНР с арабскими странами. После Бандунгской конференции государственные деятели Египта побывали в Китае. В результате переговоров между правительствами обеих стран 22 августа 1955 г. в Пекине было подписано первое китайско-египетское торговое соглашение. Обе стороны взаимно предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования (т. IV, стр. 123). Заключение китайско-египетского торгового соглашения, в соответствии с которым КНР начала импортировать египетский хлопок — основной продукт национальной экономики страны, — имело для Египта большое значение.

★

В течение первой пятилетки социалистические преобразования в Китайской Народной Республике были уже в основном осуществлены. Значительные успехи были достигнуты в государственном, экономическом и культурном строительстве. Претворение в жизнь заданий первого пятилетнего плана способствовало созданию прочной базы индустриализации, основой которой явилось развитие тяжелой промышленности. Помощь, оказанная КНР Советским Союзом и странами народной демократии, явилась одним из важных факторов, способствовавших успешному выполнению первой пятилетки. Характеризуя эту помощь, Чжоу Энь-лай в докладе на VIII съезде Коммунистической партии Китая указывал: «В период восстановления народного хозяйства и в период первого пятилетнего плана развития народного хозяйства наша страна во всех областях получала огромную и искреннюю помощь со стороны Советского Союза, а также большую помощь брат-

ских стран. Такая помощь содействовала преодолению нами многих трудностей, позволила нашей стране довольно высокими темпами двигать вперед дело социалистического строительства»[7].

5 июля 1956 г. между СССР и КНР было заключено соглашение о культурном сотрудничестве, предусматривавшее всестороннее развитие между двумя странами связей в области науки и техники, образования, литературы и искусства, здравоохранения, печати, радио, спорта и т. д. (т. V, стр. 152). Одним из конкретных примеров огромных возможностей, открывающихся перед двумя великими соседями в научном использовании их природных богатств на основе дружественного сотрудничества, явилось также советско-китайское соглашение о совместных исследованиях в бассейне реки Амур с целью строительства электростанций, улучшения судоходства и развития рыболовного промысла.

Успешно укрепляются торговые связи КНР со всеми государствами социалистического лагеря. Наиболее важной статьей импорта КНР из Советского Союза и стран народной демократии является комплектное оборудование и машины. За период первой пятилетки импорт оборудования и материалов для промышленных предприятий вырос более чем в 6 раз[8]. Одновременно Китай увеличивает экспорт в Советский Союз сельскохозяйственных продуктов, различных руд и металлов, а также изделий легкой промышленности. «Мы обязаны снабжать братские страны необходимыми для их строительства многими видами сельскохозяйственной продукции, продукции скотоводства, минеральным сырьем и некоторыми видами машин, оборудования и промышленной продукции, — говорил на VIII съезде КПК Чжоу Энь-лай.— Нам необходимо прилагать усилия для увеличения производства или соответствующей экономии в потреблении этих видов продукции внутри страны, чтобы обеспечить снабжение братских стран этой продукцией»[9]

Развитие братских экономических и культурных связей КНР с Советским Союзом и другими государствами социалистического лагеря представляет собой пример международных отношений нового типа, основанных на взаимном уважении, полном равноправии и бескорыстной, всесторонней помощи друг другу в целях достижения общего подъема. Важнейшей особенностью этих отношений является принцип взаимопомощи. За период 1954—1957 гг. Советский Союз передал Китайской Народной Республике свыше 5 тыс. комплектов технической документации по капитальному строительству, производству различного рода машин и оборудования и технологическим процессам. По документам, полученным из Советского Союза, спроектировано и построено 159 промышленных объектов, освоен или осваивается выпуск 326 новых видов продукции.

Со своей стороны Китай передал СССР около 500 комплектов технической документации и свыше 600 образцов саженцев, семян и сельскохозяйственных продуктов[10]. Значительный интерес, в частности, представляет документация по сборным железобетонным оболочкам при сооружении фундаментов и мостовых опор, широко применяемых в КНР. Использование китайских методов позволило нам удешевить стоимость и сократить сроки строительства, отказаться от трудоемкого и дорогостоящего кессонного способа при строительстве гидротехнических сооружений. По китайской документации производятся исследования препаратов народной медицины, методов лечения и т. д. Некоторые из материалов о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве помещены в пятом томе.

Успешно развивается научно-техническое и культурное сотрудничество КНР со странами народной демократии. Значительная часть документов по этому вопросу также опубликована в соответствующих разделах «Сборника». В соответствии с многочисленными соглашениями о научно-техническом и культурном сотрудничестве китайский народ получает от братских стран бескорыстную помощь в развитии различных отраслей экономики и культуры.

В свою очередь, большую помощь Китайская Народная Республика оказывает странам народной демократии. Так, Албании переданы образцы семян риса для почв с малой влажностью. Особенно важное значение имел экспорт из Китая промышлен-

---

[7] «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М. 1956, стр. 164.

[8] «Развитие экономики стран народной демократии Азии (обзор за 1956 г.)». М. 1957, стр. 183.

[9] «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», стр. 164—165.

[10] «Промышленно-экономическая газета», 7 января 1959 года.

ных товаров и машин в страны народной демократии Азии, которым Китай оказал и продолжает оказывать безвозмездную экономическую и техническую помощь в широких масштабах.

29 августа 1956 г. между Китайской Народной Республикой и Монгольской Народной Республикой было подписано соглашение об оказании Монголии в 1956—1959 гг. экономической помощи на общую сумму 150 млн. рублей (т. V, стр. 144). Эта помощь предназначалась для промышленного строительства, развития сельского хозяйства и культуры.

Стремясь к смягчению международной напряженности, правительство КНР придает большое значение установлению личных контактов между руководителями разных стран, что способствует улучшению взаимопонимания. Одним из ярких примеров в этом отношении явился дружественный визит премьера Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лая в одиннадцать стран Азии и Европы в конце 1956 — начале 1957 года

7 января 1957 г., во время пребывания Чжоу Энь-лая в Москве, состоялись переговоры между правительственными делегациями Советского Союза и КНР. В советско-китайской Декларации, посвященной итогам переговоров и опубликованной 18 января (т. VI, стр. 10), подчеркивалась решимость обеих стран добиваться укрепления мира на основе мирного сосуществования путем ликвидации замкнутых военных группировок и создания системы коллективной безопасности, разоружения и развития делового сотрудничества между всеми странами. Отмечая усилившуюся подрывную и провокационную деятельность агрессивных кругов против социалистических стран, Декларация провозглашала, что дальнейшее укрепление единства и сотрудничества социалистических стран на основе ленинских принципов пролетарского интернационализма приобретает в современных условиях особо важное значение.

После переговоров с Советским правительством Чжоу Энь-лай посетил еще ряд других братских стран. О плодотворных результатах его переговоров свидетельствуют совместные заявления правительств КНР и Польши, КНР и Венгрии, продемонстрировавшие наличие общей точки зрения в оценке международного положения и мер, необходимых для ослабления международной напряженности. Оба эти заявления помещены в шестом томе «Сборника».

Дальнейшему сплочению социалистических стран содействовало также подписание 27 марта 1957 г. в Пекине Договора о дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Чехословакией, текст которого включен в шестой том (стр. 40). Этот Договор, как указывается в преамбуле, служит укреплению мира во всем мире и явится гарантией «безопасности народов Китайской Народной Республики и Чехословацкой Республики, а также народов Европы и Азии». Обе договаривающиеся стороны согласились о необходимости дальнейшего укрепления экономического сотрудничества между ними и проведения консультаций с целью осуществления мероприятий, которые содействовали бы укреплению мира в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Тома пятый и шестой рецензируемого издания, охватывающие 1956—1957 гг., включают тексты целого ряда совместных политических заявлений правительств КНР и стран Азии. 18 февраля 1956 г. в результате визита государственных деятелей Камбоджи в Китай было опубликовано совместное китайско-камбоджийское заявление о соблюдении пяти принципов мирного сосуществования (т. V, стр. 15). После посещения в августе 1956 г. КНР правительственной делегацией Лаоса правительства обоих государств также заявили о необходимости соблюдения пяти принципов и развития экономических и культурных связей между КНР и Лаосом (т. V, стр. 13). На протяжении второй половины 1956 г. были подписаны и опубликованы совместные заявления о переговорах премьера Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лая с правительственными делегациями Пакистана (23 октября), Бирмы (20 декабря) и других стран. Эти заявления сыграли серьезную роль в укреплении мира и развитии сотрудничества стран Азии.

Установление нормальных, дружеских взаимоотношений КНР с рядом соседних государств опрокинуло расчеты империалистов, которые после победы народной революции в Китае вынашивали планы превращения территории этих стран в плацдарм для новых актов агрессии против китайского народа. Большое значение имела нормализация китайско-непальских отношений. 20 сентября 1956 г. в Катманду было подписано соглашение об укреплении дружественных отношений между КНР и королевством Непал, о торговле и сообщении

между Тибетским районом Китая и Непалом. Одновременно между двумя правительствами состоялся обмен нотами по некоторым вопросам китайско-непальских отношений. Эти соглашения, заключенные на основе пяти принципов мирного сосуществования, разрешили ряд вопросов китайско-непальских отношений (т. V, стр. 4—11).

Расширились и укрепились экономические и торговые связи КНР со странами Азии и Африки. Вопреки американской политике эмбарго правительство Камбоджи 24 апреля 1956 г. заключило с Китаем соглашение о торговле и платежах (т. V, стр. 105); 3 ноября 1956 г. было подписано китайско-индонезийское торговое соглашение (т. V, стр. 55); 3 июля 1957 г. — китайско-сирийский протокол о продлении и внесении изменений в соглашение о торговле и платежах от 30 ноября 1955 г. (т. VI, стр. 161); 28 июля 1957 г. было заключено соглашение о торговле с Афганистаном (т. VI, стр. 139), возобновившее издавна существовавшие китайско-афганские торговые связи; 30 декабря — китайско-суданское коммюнике о торговых переговорах (т. VI, стр. 72). На долю стран Азии и Африки приходилось около 16% всего внешнеторгового товарооборота КНР в первой пятилетке [11].

Уже сами по себе поставки китайских машин, промышленного оборудования и потребительских товаров в государства Азии и Арабского Востока и экспорт товаров из этих стран в КНР способствовали подъему экономики и жизненного уровня населения слаборазвитых стран. Наряду с этим, как мы видим из материалов «Сборника», правительство КНР заключило с рядом азиатских стран соглашения по вопросам научно-технического (Индонезия) и культурного сотрудничества (Египет, Сирия), а также соглашения об оказании некоторым государствам финансово-экономической (в некоторых случаях безвозмездной) помощи. Такая помощь, не оговариваемая никакими условиями, была предоставлена КНР Камбодже и Непалу. По китайско-камбоджийскому соглашению, заключенному 21 июня 1956 г., предусматривалось, что Китай окажет помощь Камбодже материалами и товарами на сумму 800 млн. реалов (то есть около 8 млн. ф. ст.), а также предоставит техническую помощь в строительстве ряда промышленных объектов (т. V, стр. 109—111). По китайско-непальскому соглашению от 7 октября 1956 г. Непал получил экономическую помощь от КНР в размере 60 млн. индийских рупий (т. V, стр. 32). Экономическая и техническая помощь со стороны Китая позволила этим странам начать строительство ряда промышленных предприятий, важных ирригационных и гидротехнических систем. 19 сентября 1957 г., одновременно с заключением нового китайско-цейлонского соглашения о торговле и платежах (т. VI, стр. 203), было подписано соглашение о предоставлении Китаем Цейлону безвозмездной помощи в размере 75 млн. цейлонских рупий для проведения работ по обновлению каучуковых плантаций (т. VI, стр. 208).

★

Вопреки политике торгового эмбарго и блокады КНР, проводимой американскими правящими кругами, уже с весны 1955 г. заметно оживились китайско-японские торговые отношения. Несмотря на отсутствие межправительственных торговых соглашений, представители японских деловых кругов продолжают развивать свои контакты с Китайским комитетом содействия развитию международной торговли. 4 мая 1955 г. в Токио было заключено третье китайско-японское торговое соглашение. Однако, несмотря на рост товарооборота после 1953 г., как указывалось в совместном заявлении Китайского комитета содействия развитию международной торговли и Японской парламентской лиги содействия развитию японо-китайской торговли, из-за отсутствия межправительственного соглашения объем японо-китайской торговли не достиг еще нормального уровня (т. V, стр. 404).

Растет торговля КНР с капиталистическими странами Западной Европы, где в деловых кругах также зреет недовольство политикой эмбарго, проводимой под давлением США. 19 февраля 1956 г. в Пекине были подписаны протоколы о платежах между Китайским комитетом содействия развитию международной торговли и французской экономической делегацией, что способствовало налаживанию связей внешнеторговых организаций КНР с французскими компаниями (т. V, стр. 405—406). Продолжали развиваться и укрепляться китайско-финляндские экономические отношения, о чем свидетельствует целый ряд документов, помещенных в пятом томе «Сборника» (см., например, соглашения о торговле между КНР и Финляндией от 8 августа 1955 г. и от 31 июля 1956 г.). 13 сентября

[11] «Peking Review», 1958, № 16, стр. 13.

1956 г. был заключен протокол между Китайским комитетом содействия развитию международной торговли и Австрийским обществом по торговле между Востоком и Западом. В конце 1957 г. с Китайской Народной Республикой установили официальные экономические отношения Швеция (8 ноября) и Дания (1 декабря), заключившие соответствующие соглашения. Тексты соглашений опубликованы в шестом томе.

Характерно, что частные компании стран Западной Европы, заключающие торговые соглашения с внешнеторговыми организациями КНР, требуют от своих правительств, чтобы они не чинили препятствий выполнению этих соглашений. Так было, например, при заключении соглашения между Китайским комитетом содействия развитию международной торговли и Западногерманским комитетом по экономическим связям с Востоком (т. VI, стр. 323).

Правящие круги США, несмотря на развитие внешнеторговых связей и рост международного авторитета КНР, продолжают проводить свою агрессивную политику непризнания Китая. Они являются главными виновниками такого нелепого положения, когда великая мировая держава — КНР — остается вне Организации Объединенных Наций, а законно принадлежащее Китаю место в ООН занимают представители чанкайшистского охвостья. Однако еще в 1954 г., в ходе Женевского совещания министров иностранных дел, когда представители США и КНР оказались за одним столом, между ними была достигнута договоренность о проведении двусторонних переговоров по вопросам репатриации американских граждан из Китая в США и китайских — из США в Китай. Этот вопрос обсуждался на нескольких встречах китайских и американских представителей, происходивших в июне 1954 года.

С августа 1955 г. в Женеве начались китайско-американские переговоры на уровне послов. По вопросу о репатриации гражданских лиц стороны приняли 10 сентября 1955 г. согласованное решение (текст его опубликован в четвертом томе «Сборника»). Оно предусматривает, что американским гражданам в КНР и китайским в США будет предоставлено право вернуться на родину так быстро, как они того пожелают (т. IV, стр. 1). Что касается выполнения этого соглашения, то хорошо известно, что правительство КНР, стремясь к улучшению отношений с США, предоставило возможность всем американским гражданам, изъявившим желание вернуться на родину, покинуть Китай (задержано только несколько американцев, совершивших уголовные преступления). Американские же власти до сих пор еще всячески препятствуют возвращению на родину нескольких тысяч китайцев-эмигрантов.

Самый ход дальнейших китайско-американских переговоров на уровне послов в Женеве свидетельствовал о том, что американские правящие круги, начав под давлением мирового общественного мнения эти переговоры, вовсе не стремились к нормализации взаимоотношений с Китаем. США отказались обсудить ряд конструктивных предложений китайской стороны и пытались навязать правительству КНР такое соглашение, которое односторонне отвечало бы лишь интересам американских агрессивных кругов, давая им возможность продолжать незаконную оккупацию китайского острова Тайвань и поддерживать международную напряженность на всем Дальнем Востоке, чтобы тем самым помешать китайскому народу в его мирном, созидательном труде.

Однако планы международных империалистических сил, возглавляемых США, оказались несостоятельными. За годы первой пятилетки китайский народ при братской помощи Советского Союза и других стран социалистического лагеря заложил прочную базу индустриализации страны. На состоявшейся в мае 1958 г. второй сессии VIII съезда Коммунистической партии Китая была разработана всесторонняя программа дальнейшего социалистического строительства и выдвинуты грандиозные задачи технической и культурной революции. Народ единодушно подхватил призыв партии «Догнать и перегнать Англию по производству основных видов промышленной продукции». Эти планы начали успешно претворяться в жизнь в ходе борьбы широких народных масс за большой скачок в промышленности и сельскохозяйственном производстве, развернувшейся в Китае в 1958 году.

В середине 1958 г. правящие круги США развязали серию военных провокаций в районе Тайваньского пролива. Это новое вмешательство американской военщины во внутренние дела китайского народа явилось угрозой миру на Дальнем Востоке и на всем земном шаре.

Твердая решимость 650-миллионного китайского народа, поддержанного всеми миролюбивыми силами человечества, отстоять целостность и суверенитет Китайской На-

родной Республики заставила агрессивные империалистические силы отступить. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев в послании президенту США Эйзенхауэру писал, что нападение на Китай — это нападение на Советский Союз [12]. Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лай в речи на приеме по случаю 9-й годовщины образования КНР отметил, что ключевым моментом в ликвидации напряженности и опасности войны в районе Тайваньского пролива является не так называемое «прекращение огня», а немедленное прекращение Соединенными Штатами игры с огнем и вывод ими всех своих вооруженных сил с Тайваня, Пэнхуледао и из района Тайваньского пролива [13].

Советский народ, как и все народы стран социалистического лагеря, полностью поддерживает справедливую борьбу китайского народа за восстановление законных прав Китайской Народной Республики на Тайвань и другие прибрежные острова.

Советский народ продолжает оказывать все более широкую экономическую помощь китайскому народу в его борьбе за индустриализацию Китайской Народной Республики. Новым важным звеном в дальнейшем укреплении и расширении плодотворного, взаимовыгодного экономического сотрудничества и братской помощи между двумя странами явилось экономическое соглашение от 7 февраля 1959 года [14].

Укрепление и расширение братского союза и дружбы между двумя великими социалистическими государствами и коммунистическими партиями Советского Союза и Китая являются основой мощи всего социалистического лагеря, оплотом мира во всем мире. «Марксизм-ленинизм тесно сплачивает воедино обе наши страны и все социалистические государства,— говорил в своем выступлении на XXI съезде КПСС Чжоу Энь-лай.— Народы наших двух стран являются самыми близкими соратниками, прошедшими через длительные испытания. У нас общая судьба, наши интересы едины. Тесная дружба народов наших двух стран вечна и нерушима» [15].

XXI съезд принял грандиозную программу коммунистического строительства в Советском Союзе, осуществление которой еще более укрепит позиции Советского государства и всей мировой социалистической системы, приведет к росту и укреплению миролюбивых сил во всем мире.

★

Публикуемые в «Сборнике договоров Китайской Народной Республики» документы еще раз свидетельствуют о тех колоссальных исторических сдвигах, которые произошли в жизни 650-миллионного китайского народа. Внутренние и международные успехи Народного Китая, укрепляющие силы всего социалистического лагеря, опрокинули агрессивные расчеты американских империалистов. Они (как это видно из материалов меморандума государственного департамента США по вопросу о КНР) полагали, что непризнание Китая «затруднит проведение его внешней политики» [16]. Однако эти планы не оправдались, ибо, несмотря на происки международных империалистических сил, КНР сейчас имеет дипломатические отношения более чем с 30 странами, в которых проживает около половины населения земного шара. Торговые связи Китая охватывают почти весь мир.

«Сборник договоров Китайской Народной Республики», изданный Министерством иностранных дел КНР, несомненно, представляет большой интерес для историков-международников, занимающихся проблемами внешней политики Китая — могучей и миролюбивой социалистической державы.

Б. П. Гуревич, Е. Д. Степанов

[12] «Правда», 9 сентября 1958 года.
[13] См. «Правда», 1 октября 1958 года.
[14] См. «Правда», 8 февраля 1959 года.
[15] «Правда», 29 января 1959 года.
[16] «New York Times», 10 августа 1958 года.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

ОБСУЖДЕНИЕ ИТОГОВ РАБОТЫ ИНСТИТУТОВ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И КИТАЕВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР ЗА 1958 год

В декабре 1958 г. на совместных заседаниях бюро Отделения исторических наук, ученых советов институтов востоковедения и китаеведения АН СССР были заслушаны отчеты о научно-исследовательской работе этих институтов за прошедший год.

Деятельность крупнейших центров советского востоковедения развивалась в направлении дальнейшего осуществления решений XX съезда КПСС, подвергшего серьезной критике отставание в изучении важнейших проблем современного Востока. В 1958 г. были созданы труды о распаде колониальной системы империализма и национально-освободительной борьбе народов Востока, значительно увеличилось число исследований по современной тематике и повысился их научный уровень.

С отчетом о деятельности Института востоковедения выступил заместитель директора института Р. А. Ульяновский.

Докладчик отметил, что центральной темой исследований коллектива востоковедов в отчетном году была проблема распада колониальной системы империализма, пути завоевания и укрепления политической и экономической самостоятельности стран Востока. Р. А. Ульяновский привел некоторые цифровые показатели, характеризующие деятельность института. Если в 1956 г. было издано 24 работы (объем — 499 печатных листов), в 1957 г.— 32 (объем — 444 печатных листа), то в 1958 г.— уже 72 исследования объемом в 955 печатных листов (в том числе 10 трудов по экономике, 18— по филологии, 30 — по истории, 14 публикаций и справочников по Ирану, Сирии, Афганистану, Таиланду, Турции и другим странам). Резко увеличилось число опубликованных монографий (43, объемом в 560 авторских листов).

Наибольших успехов советское востоковедение добилось за последние годы в изучении истории национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Институт востоковедения издал серию монографий, среди которых следует упомянуть такие коллективные исследования, как «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака», «Народное восстание в Индии в 1857—1859 гг.», а также книги Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 г. в Корее», А. Б. Давидсона «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации», «Крестьянское движение в Японии после второй мировой войны» и др. История национально-освободительных движений занимает значительное место в ряде крупных работ, находящихся сейчас в печати: «Новейшая история Индии», «Очерки новой и новейшей истории Монголии», «Очерки новейшей истории Японии».

Докладчик отметил, что в исследованиях, изданных в прошлом году, дан анализ важнейших исторических событий в жизни народов Азии и Африки в период общего кризиса капитализма, учтены особенности расстановки классовых сил, дана характеристика экономических и политических позиций национальной буржуазии и свойственных ей колебаний. Однако все еще недостаточно глубоко освещаются такие вопросы, как противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией, классовое расслоение крестьян, роль национальной буржуазии в эксплуатации крестьянства, связь национальной буржуазии с иностранным капиталом, политические партии буржуазии, их идеология, стратегия и тактика на современном этапе, их отношение к социалистическому лагерю, к международному коммунистическому и рабочему движению. Докладчик обратил внимание на отсутствие фундаментальных работ по истории арабского национально-освободительного движения, по курдской проблеме. Исследования, рассматривающие историческое развитие стран Юго-Восточной Азии, только появляются. Особенно мало издали наши ученые работ по истории стран Африканского континента.

Перед советскими востоковедами стоит неотложная задача изучения новых методов политического, экономического и культурного проникновения империализма, особенно американского, в страны Востока. Однако в этом направлении сделаны только первые шаги. Р. А. Ульяновский подчеркнул, что нужны монографии, анализирующие историческое прошлое и настоящее колониальной системы, ее особенности в странах Азии и Африки, процесс ее распада.

Докладчик отметил недостаточную разработку ряда важных и актуальных проблем Востока: положения рабочего класса и рабочего движения в странах Востока и др. Несмотря на появление книг по этим вопросам, до сих пор не изучены особенности в положении рабочих, связанные с вступлением крупнейших стран Востока на путь суверенного развития. Чтобы преодолеть данный недостаток, в институте организована специальная научно-исследовательская группа, которая займется изданием соответствующих трудов.

В ближайшие годы институт должен подготовить ряд монографий по аграрным отношениям на Востоке. В послевоенный период наблюдалось серьезное отставание в изучении этого вопроса, проявившееся не только в сужении объема исследований, но и в неправильной оценке изменений в аграрном строе Востока, которые были вызваны буржуазными реформами в Японии, Индии, Египте, Бирме и других странах. В запланированных трудах будут отражены требования крестьян, а также борьба рабочего класса за гегемонию в революционном движении.

Докладчик обратил особое внимание на то, что изменения, происходящие в настоящее время в аграрных отношениях на Востоке, заставляют исследователей переходить от изучения помещичьего землевладения и господствующей роли феодальных пережитков к рассмотрению процесса классовой дифференциации внутри крестьянства, проблем капиталистической эволюции земледелия.

В докладе подчеркивалось, что необходимо покончить с недооценкой исследования национального вопроса на Востоке. После выхода в свет монографии А. М. Дьякова «Национальный вопрос в Индии» у нас не появилось больше ни одной работы такого характера. Между тем развитие капитализма в ряде стран Азии и Африки требует углубленного изучения процесса складывания наций, оказывающего огромное влияние на формы и методы освободительной борьбы.

В истекшем году были подготовлены и изданы первые труды по истории и экономике стран Африки. Однако это только начало разработки разнообразной тематики истории, этнографии, географии, экономики и филологии этих стран.

Р. А. Ульяновский проанализировал деятельность Института востоковедения в области филологии, которой занимаются отдел восточных языков и сектор публикации памятников. Необходимо серьезнее поставить изучение языков, особенно народов Индии, Юго-Восточной Азии и Африки, усилить теоретические обобщения, поднять научный уровень публикуемых работ, перейти от описания к глубокому марксистскому анализу восточной литературы. Эти задачи встают с особой остротой в связи с состоявшейся в 1958 г. в Ташкенте конференцией писателей стран Азии и Африки, которая убедительно подчеркнула значение литературы, как мощного идеологического оружия в борьбе против колониализма.

Докладчик отметил, что в целях активизации работы в области восточной филологии необходимо усилить координацию работы Института востоковедения, институтов языкознания и мировой литературы, академий союзных республик, обществ дружбы, союзов писателей, издательств.

В докладе указывалось на нетерпимое отставание в изучении философской мысли, истории религий, современных течений общественной мысли и искусства стран Востока. Несмотря на то, что Институт востоковедения с одобрения бюро Отделения приступил к организации специального сектора философии и истории религий на Востоке и рассчитывает в ближайшие годы расширить свою деятельность в этой области, уже сейчас академические институты философии, искусствоведения и истории материальной культуры должны активизировать исследование восточной философии, религии и искусства.

Докладчик остановился на задачах советского востоковедения в связи с предстоящим в августе 1960 г. в Ленинграде XXV международным конгрессом востоковедов. До этого советские востоковеды проведут с участием зарубежных ученых Всесоюзное совещание по восточной филологии, конференцию востоковедов, совещания индологов, иранистов, тюркологов, арабистов, африканистов. Институт предполагает специально издать к конгрессу свыше

300 работ. Одним из важных условий подготовки востоковедов к конгрессу должна явиться координация научной деятельности востоковедных учреждений и институтов Баку, Ташкента, Тбилиси, Сталинабада и других городов Советского Союза.

В прошлом году по сравнению с 1957 г. Институт востоковедения расширил свои международные связи. Советские востоковеды участвовали в работе международных конференций и совещаний в Париже, Мюнхене, Лахоре (Пакистан), Галле (ГДР) и Будапеште. Увеличилось число научных командировок в страны Востока. Научные сотрудники института (44 человека) побывали в истекшем году в длительных и краткосрочных командировках в КНДР, ДРВ, Индии, Бирме, ОАР, Афганистане, Эфиопии и других странах, совершенствуя свои знания и расширяя научные связи и контакты с учеными и учреждениями стран Востока.

В заключение докладчик сказал, что научные работники востоковедческих учреждений не должны обольщаться успехами, достигнутыми после XX съезда КПСС. Востоковедение все еще отстает от предъявляемых к нему требований. Для успешного развития востоковедческой науки необходимо и дальше повышать ее партийность, расширять фронт исследовательских работ, углублять их характер, темы и направления, базировать каждое историческое произведение на критическом анализе первоисточников, решительно преодолевать остатки догматизма и начетничества, вести с позиций марксизма-ленинизма борьбу против буржуазной историографии. Советские востоковеды должны глубоко заниматься проблемами современности.

Содоклад комиссии по отчету дирекции был зачитан А. П. Базиянцом. В нем говорилось, что Ученый совет института правильно направил усилия научного коллектива на разработку важнейших проблем современного востоковедения. Комиссия отметила некоторое улучшение работы Ученого совета и созданных при нем секций. Это особенно относится к группам по рабочему и коммунистическому движению, по аграрным преобразованиям. Однако если экономическая секция провела две важные дискуссии о государственном капитализме, об аграрных преобразованиях в капиталистических странах Востока, то историческая секция не сумела организовать ни одной научной дискуссии.

А. П. Базиянц коснулся некоторых досадных промахов, допущенных при аттестации старших научных сотрудников, недостатков в работе института, особенно в отношении контроля за выполнением заданий по проблеме «История востоковедной науки», и в частности по изданию избранных произведений покойного академика В. А. Гордлевского.

Комиссия указала на ряд недочетов в работе отделов института. Было обращено внимание на то, что в отделе Дальнего Востока в перспективных планах почти отсутствуют темы по вопросам идеологии и культуры; сектор Монголии занимается вопросами, далекими от современности; слаба связь между секторами. Комиссия высказала мнение о целесообразности создания самостоятельного отдела стран народной демократии Востока.

В содокладе подверглась критике деятельность отдела Индии и Пакистана, в частности за то, что некоторые научные сотрудники этого отдела нарушили сроки сдачи плановых работ. Особенно большую тревогу вызывает положение в отделе стран Ближнего и Среднего Востока, который, по существу, не имеет должного руководства. Серьезные замечания вызвало у комиссии состояние дел в отделе языков народов Востока, где еще недостаточно укреплены некоторые участки (особенно по семитским языкам и языкам народов Африки).

По отчетному докладу дирекции института и содокладу комиссии развернулись оживленные прения.

Кандидат экономических наук Л. Д. Ватолина, одобрив основные положения доклада Р. А. Ульяновского, высказала пожелания об улучшении организации научных командировок, активизации исследования экономики стран Востока.

Кандидат исторических наук И. Я. Златкин посвятил свое выступление работе сектора Монголии. Он отметил, что научные сотрудники сектора должны больше обращать внимания на современные проблемы. И. Я. Златкин говорил также о том, что Издательство восточной литературы нуждается в серьезной помощи со стороны дирекции института и бюро Отделения, в первую очередь в расширении полиграфической базы.

Академик М. Н. Тихомиров с удовлетворением отметил значительные успехи Института востоковедения, достигнутые в 1958 г., особенно в сравнении с двумя предыдущими годами. Он призвал советских востоковедов заняться изданием уникаль-

ных рукописей и ценных исторических памятников, а также публикацией архивных документов XVI—XVII вв., которые дают богатый материал по некоторым странам Востока. В этой связи М. Н. Тихомиров высказался за более тесное сотрудничество востоковедов с историками СССР. Он обратил внимание на то, какой огромный интерес для ученых представляет изучение высказываний арабских авторов о славянах и Древней Руси.

Академик В. В. Струве в своем выступлении отметил, что история Древнего Востока в истекшем году не занимала должного места в работе института. По его мнению, в последние годы ослабло внимание советских ученых к вопросам периодизации истории Древнего Востока. В. В. Струве призвал усилить разработку проблем Древнего Востока, основываясь на более глубоком изучении первоисточников. В. В. Струве поддержал предложение М. Н. Тихомирова об издании не только зарубежных, но и отечественных памятников, находящихся в советских книгохранилищах и музеях.

Доктор экономических наук А. Ю. Шпирт говорил о необходимости установления более тесных связей между экономистами и историками при исследовании основных проблем востоковедения.

Доктор филологических наук Г. П. Сердюченко охарактеризовал состояние филологической работы в институте. За три года были созданы новые отрасли восточного языкознания: началось изучение языков народов Юго-Восточной Азии, Африки, национальных меньшинств Южного Китая. Отдел восточных языков подготовил сборник, посвященный языкам Южного Китая и Южной Азии; предполагается выпустить серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки. Г. П. Сердюченко рассказал также об организации при институте специальной группы по разработке вопросов теории языкознания на материале восточных языков.

Кандидат исторических наук А. З. Зусманович отметил, что отдел Африки самый молодой в институте и он еще серьезно отстает в изучении важнейших экономических и политических процессов, происходящих на Африканском континенте. За прошедшие два года сотрудники отдела подготовили пять работ, которые освещают вопросы социально-экономического развития народов Африки, их борьбы против колониализма, обострения империалистических противоречий в этом районе в период распада колониальной системы. Оратор говорил о необходимости активизировать работу отдела, которому нужно оказать помощь. Он поддержал предложение Л. Ю. Шпирта о создании в отделе двух секторов: истории и экономики стран Африки.

А. С. Тверитинова остановилась на работе библиотеки, которая в настоящее время не в состоянии обеспечить все требования, предъявляемые научным коллективом института. Вновь поступающая в Советский Союз востоковедная литература распыляется между четырьмя библиотеками: библиотекой Ленинградского отделения Института востоковедения, ФБОН, восточным отделом библиотеки АН СССР в Ленинграде и библиотекой Института востоковедения. А. С. Тверитинова поддержала предложение ряда выступавших товарищей (И. Я. Златкина и др.) о создании при Институте востоковедения АН СССР Центральной востоковедной библиотеки, что позволило бы улучшить комплектование литературы по странам Востока и усилить библиографическую работу, которая страдает существенными недостатками.

Кандидат исторических наук В. В. Балабушевич предложил издавать на иностранных языках наиболее интересные исследования института.

О. К. Дрейер рассказал о трудностях в работе Издательства восточной литературы, которые возникают в результате неритмичности сдачи рукописей для печати. По мнению О. К. Дрейера, настало время перейти от издания малообъемных работ и брошюр, от которых также не следует отказываться, к выпуску крупных монографий, что должно найти отражение в планах института. В выступлении О. К. Дрейера обращалось также внимание на неудовлетворительное качество материалов, сдаваемых институтом в издательство, которое в прошлом году возвратило авторам на доработку 15 исследований.

Председательствовавший на заседании член-корр. АН СССР А. А. Губер в своем заключительном слове отметил, что Институт востоковедения за истекший год сделал большой шаг вперед в разработке ряда актуальных проблем современности. Он поддержал предложения об увеличении издания монографических исследований, о ритмичности поступления рукописей в издательство, об улучшении работы библиотеки института, о выпуске трудов советских во-

стоковедов на иностранных языках. А. А. Губер заявил, что обсуждение деятельности института было полезным и позволит ликвидировать имеющиеся недостатки. На заседании было принято постановление, одобряющее отчет дирекции, и определено, что первостепенной задачей института является продолжение углубленного изучения современного положения в странах Востока, повышение качества публикуемых работ. Внимание сотрудников института было обращено на необходимость развертывания исследований в области идеологии Востока, проведения целеустремленной подготовки к XXV международному конгрессу востоковедов.

★

На совместном заседании бюро Отделения исторических наук и Ученого совета Института китаеведения АН СССР с отчетным докладом о научно-исследовательской деятельности института выступил его директор А. С. Перевертайло.

Докладчик отметил, что Институт китаеведения уже сложился как научно-исследовательское учреждение. К концу отчетного периода здесь насчитывалось 135 научных сотрудников; создана библиотека со 100 тыс. единиц хранения. В 1958 г. научный коллектив подготовил 34 книги общим объемом около 600 печатных листов, из них 14 вышли в свет, в том числе монографии Г. В. Астафьева «Интервенция США в Китае и ее поражение (1945—1949 гг.)», В. А. Масленникова «Экономический строй Китайской Народной Республики», В. И. Глунина «Третья гражданская революционная война в Китае», академика Н. И. Конрада «У-цзы. Трактат о военном искусстве».

В истекшем году закончена работа над очерками по новейшей истории Китая, а также над книгой Ю. И. Березиной «Топливно-энергетическая база Китайской Народной Республики», сборником статей «Борьба Коммунистической партии Китая за социалистическую идеологию», исследованиями А. Е. Лунева о политическом строе КНР, В. И. Данилова о роли Объединенной лиги в революции 1911—1913 гг. в Китае и др.

Вместе с тем докладчик сообщил, что остались невыполненными несколько запланированных работ: например, сборники по грамматике китайского языка, об экономическом и культурном строительстве в национальных районах КНР.

План этого года предусматривает сдачу в издательство 20 рукописей объемом свыше 500 печатных листов. Среди них докладчик выделил монографии В. И. Глунина «Социалистическая революция в Китае», Г. В. Астафьева «Социалистическая индустриализация Китая», а также несколько сборников статей об экономическом и культурном строительстве в КНР. В этом году поступит в издательство китайско-русский словарь (т. 1), очерки истории общественной мысли в Китае в новейшее время, первый том документов о русско-китайских отношениях (XVII в.) и т. д. Коллектив института продолжает работу над такими крупными исследованиями, как «Общественный строй и государственное устройство КНР», «Внешняя политика и международные отношения КНР», «Распространение марксизма в Китае», «Очерки истории Китая в эпоху империализма».

А. С. Перевертайло остановился на недостатках в работе института и его Ученого совета. Он признал, что последний еще не стал подлинным центром научной деятельности. Наблюдается отставание в исследовании истории общественной мысли в Китае, его культуры, экономического развития, международных отношений, истории русско-китайских отношений, публикации памятников культуры и т. д. Неудовлетворительно поставлено в институте изучение и критика буржуазной китаеведческой литературы.

Докладчик подчеркнул, что необходимо более углубленно освещать актуальные проблемы социалистического строительства в КНР и делать широкие теоретические обобщения.

В отчетном году расширились внешние связи института. Шестнадцать научных сотрудников побывали в Китайской Народной Республике. В порядке научного обмена китайские ученые Сюй Ди-синь, Хоу Вай-лу, Ху Хоу-сюань приезжали в Москву. Они оказали большую помощь научному коллективу института.

Докладчик привел некоторые факты, свидетельствующие об установлении контакта между сотрудниками института и китаеведами в странах народной демократии. Развитию международных связей с учеными-китаеведами за рубежом будут способствовать созываемая в 1959 г. в Москве китаеведческая конференция, а также подготовка к XII международной конференции синологов, которая состоится в этом году в Кембридже.

На заседании от имени общественных ор-

ганизаций института выступил с содокладом Л. Н. Новиков. Одобрив общие выводы и предложения дирекции, он обратил внимание на недостатки в области планирования и координации научной деятельности в институте.

Л. Н. Новиков говорил о том, что некоторые работы остались невыполненными (например, «Перевод и исследование философского трактата Чжуанцзы», порученные Л. Д. Позднеевой, сборник «Государственное, экономическое и культурное строительство в национальных районах КНР», «Вопросы грамматики современного китайского языка»). К тому же планом не предусмотрено время, необходимое для обсуждения подготовленных рукописей на заседаниях секторов и для авторской доработки. Неравномерно планируется также сдача готовых материалов, что затрудняет работу секторов, Ученого совета и издательства.

Недостатки планирования усугубляются отсутствием должного контроля за выполнением плановых заданий. Опыт прошедшего года, говорит содокладчик, требует также улучшения координации деятельности секторов. Целесообразно было бы создать межсекторскую группу по изучению КНР (в первую очередь, закономерностей и особенностей социалистического строительства), в задачу которой входили бы координация разработки тем, исследование их силами сотрудников различных секторов, обсуждение наиболее важных работ и проведение научных дискуссий.

Критические замечания были высказаны в адрес Ученого совета института, который, по мнению общественности, еще не стал организатором научных дискуссий и наполовину состоит из лиц, редко посещающих заседания.

Доклад и содоклад вызвали оживленные прения. Доктор филологических наук Б. К. Пашков охарактеризовал состояние изучения истории русско-китайских отношений. Он считает обязательным ввести в институте изучение маньчжурского языка.

К. М. Черемисов говорил о необходимости организации сектора тибетоведения.

В. И. Данилов отметил недостатки в области планирования работы, предложил изменить структуру института, в частности объединить секторы государственного строительства и истории, так как они разрабатывают смежные или идентичные темы по истории КНР. Он поддержал предложение о создании межсекторских групп по изучению ряда общих проблем современного Китая.

В выступлении кандидата исторических наук Р. В. Вяткина обращалось внимание на необходимость более глубокой разработки вопросов международных связей КНР и советско-китайских отношений. Он призвал к установлению тесного творческого сотрудничества с китаеведами Ленинграда.

Кандидат экономических наук И. А. Лысенко требовал улучшить организацию своевременного получения из Китая вновь вышедшей литературы, а также пополнения фонда библиотеки. По его мнению, следует активизировать работу отдела информации с тем, чтобы секторам оказывалась действенная помощь.

Кандидат исторических наук Л. И. Думан отметил, что коллектив должен приступить к составлению семилетнего плана научно-исследовательской деятельности института. В этой связи он поставил вопрос о расширении теоретической работы и поддержал предложение Л. Н. Новикова о создании межсекторских групп по важнейшим проблемам истории и экономики Китая.

Доктор исторических наук С. Л. Тихвинский призвал научных сотрудников развернуть серьезную подготовку к Всесоюзной конференции китаеведов. Он подчеркнул, что институт должен преодолеть в ближайшее время отставание в области критического изучения буржуазной историографии, вести активную борьбу по разоблачению буржуазной фальсификации истории Китая и советско-китайских отношений.

Доктор филологических наук И. М. Ошанин заметил, что на секторе языка плохо поставлено изучение общетеоретических вопросов языкознания, литературы китайских авторов по этой теме, что в планах работы сектора необходимо предусмотреть коренное улучшение информации о выходящей в Китае и других странах литературе по китайской филологии и лингвистике.

Председательствовавший на заседании член-корр. АН СССР А. А. Губер в своем выступлении говорил о том, что Институт китаеведения за короткое время своего существования оправдал себя как самостоятельная научно-исследовательская организация. Увеличилось число опубликованных книг, намечен обширный план изданий на 1959 год. Однако в этом плане упущен ряд важных проблем истории Китая XIX века. Отсутствует в работе института должная

критика буржуазной китаеведческой литературы. Необходимо, подчеркнул А. А. Губер, обратить серьезное внимание на изучение буржуазной синологии, извлекая из нее полезные сведения, но вместе с тем решительно выступая против фальсификаторов истории, пытающихся очернить Китай и советско-китайские отношения.

А. А. Губер поддержал предложения о создании в институте проблемных групп и отметил, что эта форма объединения научных сотрудников вокруг той или иной темы оправдала себя на практике во многих институтах. Он также отметил необходимость более глубокого изучения Тибета.

В заключение А. А. Губер высказал уверенность, что Институт китаеведения расширит свою научную деятельность и выполнит те серьезные задачи, которые поставлены перед ним партией.

В решении совместного заседания бюро Отделения исторических наук и Ученого совета Института китаеведения по отчету о научной деятельности института за 1958 г. отмечается, что в прошедшем году сотрудники института успешно работали над проблемами истории, экономики и политики современного Китая, составлением большого китайско-русского словаря, а также по тематике, посвященной истории культуры и искусства Китая. Вместе с тем было обращено внимание на серьезные недостатки: не закончена работа по трем плановым темам из семи; не налажена должным образом подготовка ряда переходных тем, что угрожает срывом планов последующих лет; имеются недочеты в планировании научно-исследовательской деятельности; недостаточно осуществляется систематический контроль за качеством и ходом выполнения заданий каждым научным сотрудником.

Дирекции института предложено устранить отмеченные недостатки, излишнюю многотемность плана на 1959 г., составить семилетний план по важнейшим проблемам китаеведения, улучшить подготовку кадров через аспирантуру, рассмотреть вопрос об организации в институте работ по тибетологии, активизировать деятельность Ученого совета, обратить внимание на необходимость оказания систематической помощи ведущим научным сотрудникам.

Н. С. Павлов

КОЛЛОКВИУМ О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С каждым годом расширяется изучение в нашей стране истории Великой Октябрьской социалистической революции. Для руководства работой в этой области Президиум Академии наук СССР создал специальный Научный совет при Отделении исторических наук. Исследования по проблеме возглавляет Институт истории АН СССР. Кроме того, в ее разработке участвуют Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, институты славяноведения, востоковедения и китаеведения АН СССР, академии наук союзных республик, Башкирский, Дагестанский, Дальневосточный, Казанский, Карельский, Коми, Молдавский, Якутский филиалы АН, Московский государственный университет и другие высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения.

В задачи Научного совета входит координация исследований по истории Октябрьской революции в масштабах всей страны; устранение параллелизма в деятельности научных учреждений, занимающихся разработкой отдельных вопросов; определение проблем, требующих первоочередного изучения, и т. д.

Наши историки за годы Советской власти написали свыше 800 работ по истории социалистической революции в России. Если считать также отдельные труды по смежным темам, то общее число их составит более двух с половиной тысяч. Только за последнее время в связи с празднованием 40-летия Октября было издано не менее 600 различных работ и свыше 100 сборников документов. Эти издания являются серьезным достижением советской исторической науки. Они представляют прочную основу для создания фундаментальных обобщающих исследований по важнейшим вопросам истории Октябрьской революции.

В докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС и в принятых съездом «Контрольных

цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» перед работниками общественных наук поставлены задачи — создать в ближайшее время труды, *обобщающие закономерности* общественного развития и практику социалистического строительства; глубоко разработать проблемы, связанные с постепенным переходом от социализма к коммунизму; способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе; бороться за чистоту марксистско-ленинской теории; неустанно вести активную борьбу против современного ревизионизма и буржуазной идеологии. Эти требования Коммунистической партии полностью относятся и к ученым, занимающимся исследованием истории Великой Октябрьской *социалистической революции* и ее всемирно-исторического значения.

Научный совет при Отделении исторических наук уже проделал немалую работу. В апреле 1958 г. состоялась его сессия, посвященная обсуждению литературы и документальных публикаций, изданных в нашей стране к 40-летию Октября [1]. Сессия завершила, по существу, первый этап в деятельности Научного совета: она подвела итоги разработки в Советском Союзе истории Октябрьской революции. В ближайшее время будет издана полная библиография литературы *по данной проблеме*, в которую войдет, по предварительным данным, около 4 тыс. монографий, брошюр, статей и т. д. Итоги сессии обсуждались и получили одобрение на заседании бюро Отделения исторических наук АН СССР.

Изучение истории Октябрьской революции и ее международного значения ведется не только в СССР, но и в странах народной демократии. Поэтому важной задачей Научного совета явилось установление более тесных контактов с зарубежными историками-марксистами. Решено было провести ряд заседаний Научного совета для глубокого ознакомления с результатами ведущейся в странах социалистического лагеря работы и обсуждения литературы по истории Октябрьской революции, изданной в этих странах.

Первый коллоквиум состоялся в Москве 16—18 декабря 1958 года. На него прибыли представители Польши, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Румынии и Китайской Народной Республики. Во вступительном слове академик И. И. Минц подвел некоторые итоги работы по изучению истории Октябрьской революции в СССР и кратко рассказал о деятельности Научного совета. Вместе с тем он подчеркнул важность ознакомления с научной литературой и публикациями, выходящими в странах народной демократии. В этих трудах освещаются такие вопросы истории Октябрьской революции, которые советским ученым нередко изучать значительно сложнее. Особенно это касается конкретного воздействия Великого Октября на исторические судьбы отдельных народов.

С докладом о некоторых вопросах истории советского общества выступил доктор исторических наук М. П. Ким. Он отметил, что изучение истории социалистического строительства в СССР и странах народной демократии является важнейшим интернациональным долгом ученых-марксистов. Докладчик привел интересные данные о масштабах исторических исследований в Советском Союзе: за 1956-й, 1957-й и три квартала 1958 г. издано только монографий и научных брошюр по истории феодализма 254, капитализма — 468, эпохе социализма посвящены 1 122 работы (в том числе по истории Октябрьской революции — 347, гражданской войны — 385, довоенного периода — 115, Отечественной войны — 78 работ). М. П. Ким охарактеризовал некоторые до сих пор недостаточно изученные проблемы истории советского общества и выразил надежду, что сотрудничество ученых СССР и стран народной демократии еще выше поднимет научный уровень исторических исследований.

О состоянии работы по изучению истории Октябрьской революции и советского общества в Болгарской Народной Республике рассказал профессор Хр. Христов. Победа Октября, сказал он, оказала глубокое влияние на Болгарию. В стране резко усилилось революционное движение. Осенью 1918 г. вспыхнуло вооруженное восстание в болгарской армии. Борьбой трудящихся руководила БРСДП (тесных социалистов), переименованная в мае 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. В 1923 г. в Болгарии произошло Сентябрьское антифашистское восстание, которое показало, несмотря на его неудачу, что Октябрьская революция не была только «русским явлением». Сентябрьское

---

[1] М. Н. Павлов, В. Е. Полетаев. Обсуждение итогов научно-издательской деятельности в связи с 40-летием Октябрьской революции. «Вопросы истории», 1958, № 7; А. Е. Иоффе. Сессия Научного совета Отделения исторических наук АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». «История СССР», 1958, № 4.

восстание 1923 г. стало «болгарским 1905 годом», генеральной репетицией победоносного восстания 9 сентября 1944 года.

После 1923 г. БКП, используя собственный опыт, сумела преодолеть ошибки тесных социалистов и под руководством Г. Димитрова превратилась в боевую марксистскую революционную партию, имеющую прочную поддержку широких народных масс. Разгром Советским Союзом гитлеровской Германии создал благоприятные условия для победы в Болгарии восстания рабочих, крестьян и солдат, свергнувших 9 сентября 1944 г. монархо-фашистский режим.

Далее Хр. Христов указал, что основы болгарской марксистской историографии были заложены основателем и вождем БРСДП (тесных социалистов), а затем БКП Д. Благоевым, особенно его работой «К истории социализма в Болгарии». Им написаны десятки статей о русской революции, ее причинах, характере и значении. Он остро критиковал ревизионистские и оппортунистические извращения истории Октября лидерами II Интернационала. Ученики и соратники Д. Благоева (Г. Димитров, Г. Кирков, В. Коларов, Хр. Кабакчиев и др.) продолжали изучение истории Октябрьской революции и ее влияния на Болгарию. В 1919 г., например, была опубликована книга В. Коларова «Большевистская Россия», в 1920 г. — статья Г. Димитрова «Третья годовщина русской революции» и др.

После того как в 1923 г. в Болгарии был установлен фашистский режим, правящие круги страны пытались воспитать у болгарского народа недоверие к Советскому Союзу. Однако коммунисты, прогрессивные ученые и общественные деятели в своих книгах, брошюрах и статьях продолжали знакомить трудящихся с успехами Страны Советов. Переводились и распространялись труды В. И. Ленина и руководящих деятелей КПСС. Когда под давлением масс болгарские правящие круги восстановили экономические связи с Советским Союзом и разрешили книгообмен, в Болгарии стали известны и некоторые исследования советских историков.

После 9 сентября 1944 г. сложились исключительно благоприятные условия для всестороннего изучения воздействия Октябрьской революции и опыта СССР на развитие Болгарии и ее рабочего движения. В сравнительно короткие сроки были изданы три тома документов по истории БКП. Появились интересные статьи, воспоминания и исследования (Хр. Христов «К вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в Болгарии», Р. Леви «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», М. Михов «Великая Октябрьская социалистическая революция», Д. Косев «Борьба болгарского трудового народа под руководством БКП в защиту Советской России в 1919—1922 гг.» и др.). В 1949 г. были изданы избранные произведения В. Коларова под общим заглавием «Об Октябрьской революции, Советском Союзе и болгаро-советской дружбе (исследования, статьи и речи) 1919—1948».

Вопросы о влиянии Октябрьской революции на Болгарию и болгаро-советских отношений в 1917—1952 гг. подробно рассмотрены в двухтомной «Истории Болгарии», написанной коллективом болгарских историков, а также в монографиях Д. Косева «Сентябрьское восстание 1923 г.», И. Митева «Фашистский переворот 9 июня 1923 г. и июньское антифашистское восстание», В. Хаджиниколова «Отношения между Болгарией и Советским Союзом после Октябрьской революции до нормализации их в 1934 г.» и его же «Хозяйственные отношения и связи между Болгарией и Советским Союзом до Девятого сентября (1917—1944)», Е. Каменова «Экономическая помощь Советского Союза — решающий фактор строительства социализма в Болгарии».

В связи с 40-летием Октябрьской революции в Болгарии были изданы сборники «Великая Октябрьская социалистическая революция и революционные бои в Болгарии в 1917—1919 гг.», «17-й год. Воспоминания болгарских революционеров об Октябрьской революции и ее откликах у нас», монография Хр. Христова «Революционный кризис в Болгарии в 1918—1919 гг.» и др.

В заключительной части своего сообщения Хр. Христов кратко охарактеризовал работу, проводимую сотрудниками Музея революционного движения в Болгарии, Музея болгаро-советской дружбы и Музея болгаро-русской и болгаро-советской воинской дружбы.

В Польше, сказала профессор Н. Гонсёровская, с каждым годом усиливается интерес к изучению Октябрьской революции — величайшего события в мировой истории. Ведь именно с победой социалистической революции в России связано восстановление независимости Польши.

Осенью 1957 г. в Варшаве состоялась научная сессия, посвященная 40-летию Октябрьской революции. Такие же сессии были организованы в ряде университетов, исторических учреждений и государственных архивов Польши. В декабре 1958 г. Отделением общественных наук ПАН была проведена научная сессия в ознаменование 40-летия независимости Польши.

Уже Февральская буржуазно-демократическая революция в России оказала воздействие на решение польского вопроса. Но решающее значение в этом отношении сыграла, несомненно, Великая Октябрьская социалистическая революция. «Декларация прав народов России», опубликованная в ноябре 1917 г., провозгласила право на самоопределение всех народов, ранее угнетавшихся царизмом. В 1917—1918 гг. Советское правительство не только признало независимость Польши, но и аннулировало все акты и соглашения, заключенные царизмом с другими государствами относительно польских земель.

Под влиянием Октябрьской революции в стране развернулась борьба трудящихся за создание Польской социалистической республики. В декабре 1918 г. возникла Коммунистическая партия Польши, вписавшая потом много славных страниц в историю международного рабочего движения. В ряде районов страны создавались органы боровшегося за власть пролетариата — Советы рабочих депутатов. Однако буржуазии и помещикам удалось удержать власть в своих руках. Несмотря на это, усилия польских рабочих и крестьян, руководимых коммунистами, не пропали даром. С помощью советского народа польские трудящиеся одержали победу и создали в 1944 г. новое государство — народную республику, прочно вставшую на путь социалистического развития.

Указанные выше и некоторые другие вопросы новейшей истории Польши широко обсуждались на научных сессиях. По словам Н. Гонсёровской, дискуссии свидетельствовали о значительном прогрессе в исследовательской работе по данной проблематике. Доклады и выступления в прениях, как правило, основывались на солидной документальной базе. Следует иметь в виду, что многие архивные материалы по истории польского революционного движения длительное время не были доступны историкам. Положение улучшилось только в последние годы, когда исследователи получили возможность извлечь много ценных документов из польских и советских, частично из немецких и австрийских архивов, а также собрать воспоминания участников революционных событий и т. д. Новые материалы позволяют сейчас значительно расширить базу исследовательской работы, перейти к обобщениям, исправить те ошибки, которые до недавнего времени имелись в работах отдельных польских историков, особенно по новой и новейшей истории.

С 1955 г. при Институте истории ПАН начала работать комиссия по сбору архивных источников по истории польско-советских отношений в 1917—1945 годах. Комиссия проделала уже определенную работу. В 1957 г. вышел 1-й том «Архивных материалов по истории польско-советских отношений», охватывающий период с марта 1917 по ноябрь 1918 года[2]. В ближайшее время увидит свет 2-й том этой многотомной публикации.

В заключение Н. Гонсёровская сообщила, над какими проблемами по истории советского общества работают в настоящее время научные учреждения Польши.

От историков ГДР на заседании присутствовали профессор Б. Спиру и доктор Г. Гельмерт. Б. Спиру предложил усилить сотрудничество историков стран социалистического лагеря. Он заявил, что интерес к истории Октябрьской революции в ГДР очень велик. Многие научные учреждения Германской Академии наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, университеты Берлина, Лейпцига, Галле и др. занимаются этой проблемой. Особенно большое место отводится изучению влияния пролетарской революции в России на Германию, где развитие классовой борьбы привело в 1918 г. к Ноябрьской революции.

В этой работе германские историки имеют некоторые достижения. Так, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ опубликованы три тома документов о Ноябрьской революции; печатаются собрания сочинений К. Либкнехта, Р. Люксембург, В Пика; вышли новое издание «Писем Спартака», работа В. Бартеля «Борьба левых в германской социал-демократии против милитаризма и войны», несколько брошюр и статей. Все эти труды содержат сведения о воздействии социалистической революции в России на Германию. Ведется изучение и ряда других

[2] См. рецензию А. Я. Манусевича и И. А. Хренова на это издание в журнале «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 165—174.

вопросов. Например, в Институте по истории европейских стран народной демократии разрабатываются следующие темы: «Влияние Октябрьской революции на революционное рабочее движение в Саксонии», «Немецкие рабочие делегации в Советском Союзе в 1923—1925 гг.» и т. п. Кроме того, в ГДР собираются и другие материалы о связях германского и русского рабочего движения, о варварских действиях немецко-фашистских войск на территории СССР и Польши в годы второй мировой войны и т. д.

Исследовательская работа в ГДР, по словам Б. Спиру, встречается с рядом объективных трудностей, в том числе с отсутствием документов по важнейшим вопросам революционного движения в Германии. Почти не сохранились рабочие газеты и журналы, даже «Rote Fahne» имеется лишь в нескольких экземплярах. Ценнейшие материалы погибли в период гитлеровского господства. В связи с этим большое значение приобретают богатые собрания документов по истории немецкого рабочего движения, находящиеся в советских архивах и библиотеках.

В борьбе против фальсификаций реакционных историков и современных ревизионистов надо объединять усилия историков-марксистов разных стран, в частности шире обмениваться научной литературой. Однако в этом отношении, указал Б. Спиру, делается пока мало. Так, по мнению оратора, большую роль могла бы сыграть «Международная книга». Однако некоторые очень полезные книги, вышедшие в СССР, часто не доходят до германских историков. Такое положение тем более нетерпимо, что в капиталистических государствах издается огромное количество литературы, извращающей историю СССР и стран народной демократии, и при этом принимаются все меры для возможно более широкого ее распространения. Б. Спиру на конкретных примерах показал необходимость более энергичной борьбы против фальсификации истории, систематически ведущейся в Западной Германии.

Большое практическое значение имеет изучение опыта строительства социализма в Советском Союзе. Широкие слои трудящихся ГДР, сказал Б. Спиру, интересуются вопросами социалистического соревнования, историей советских заводов, совхозов и колхозов, работой по автоматизации и механизации производства, ролью науки в социалистическом обществе, планированием, деятельностью совнархозов и т. д. В освещении этих вопросов помощь советских ученых могла бы быть более действенной и широкой.

Б. Спиру горячо поддержал предложения координировать исследования по истории Октябрьской революции в масштабе всех социалистических стран, больше помогать друг другу в научной работе, обмениваться документацией, устанавливать личные контакты.

Чехословацкие историки Я. Ваврa и Ю. Долежал выступили на заседании с докладом «Чехословацкая историография об откликах и влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в Чехословакии». В докладе указывается, что возникновение и последующее развитие Чехословацкой Республики проходило под все возраставшим воздействием идей Великого Октября. Поэтому изучение истории русской революции является одной из первоочередных задач чехословацких историков. Отбросив ошибочные представления буржуазной историографии по вопросу образования независимого Чехословацкого государства, историки-марксисты дали правильное объяснение причин возникновения и гибели буржуазной республики. Они показали, что решающее значение для создания Чехословакии имела революционная борьба трудящихся чехов и словаков, усилившаяся под могучим воздействием социалистической революции в России.

За последние годы издано большое количество монографий, очерков, статей, публикаций об откликах на Октябрь в чешских и словацких землях. Характеризуя основные публикации документов, уже вышедшие в свет или подготовленные к печати, докладчики указали, что издание такого рода сборников создает необходимую основу для глубокой разработки истории Чехословакии. Важнейшие материалы включены в публикацию под общим заглавием «Отклики Великой Октябрьской революции в Чехословакии», изданную Институтом истории КПЧ. Кроме того, начали выходить отдельные части многотомной серии документов о влиянии пролетарской революции в России на Чехословакию, революционной борьбе чехов и словаков и возникновении Чехословацкого государства. Опубликован сборник воспоминаний «Октябрь 1917», готовится к печати том воспоминаний участников борьбы за Словацкую Советскую республику в 1919 году.

Вопросы революционного движения в

чешских и словацких землях в различной степени исследованы в работах: Й. Веселы «Которское восстание», З. Шолле «Рабочее движение в чешских землях во время первой мировой войны», О. Ржига и Ю. Кржижек «Без Великой Октябрьской социалистической революции не было бы Чехословакии», О. Ржига «Отклики Октябрьской революции в ЧСР», М. Дзвоник «Отклики Великой Октябрьской социалистической революции в Словакии», В. Краль «О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша», Л. Голотик «Легенда Штефаника и возникновение ЧСР», сборник «Великая Октябрьская социалистическая революция и наша национальная независимость» и др. Отношения между СССР и Чехословакией в первые годы Советской власти освещаются также в монографии В. Оливовой «Чехословацко-советские отношения 1918—1922 гг.», в сборнике «О чехословацкой внешней политике 1918—1939 гг.», в двухтомнике документов об антинародной политике и антисоветских заговорах чехословацкой реакции в 1917—1920 гг. и т. д. О влиянии Октябрьской революции на чехословацкую интеллигенцию рассказывает недавно вышедший сборник «Октябрьская революция в истории и культуре Чехословакии» и ряд других работ.

Наименее исследованной проблемой является участие чехов и словаков в борьбе за упрочение Советской власти в России в годы гражданской войны. Буржуазные историки скрывали от народа правду об интернациональном братстве чехословацкого и советского народов. Первые попытки серьезно исследовать эту тему сделаны в монографиях: Й. Веселы «Чехи и словаки в революционной России 1917—1920 гг.», Я. Кржижек «Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев» и «Ярослав Гашек в революционной России»,— а также в некоторых статьях. Готовится сборник воспоминаний чешских и словацких красноармейцев на эту тему.

Далее докладчики остановились на таких важных, но до сих пор мало изученных вопросах, как создание и укрепление союза рабочего класса и крестьянства в Чехословакии, некоторые аспекты ее внутриполитического развития, история Словакии и др.

В 1957 г. чехословацкие историки в связи с 40-летием Октябрьской революции усилили научно-исследовательскую работу в области новейшей истории, провели широкую научную конференцию о значении Великого Октября в истории Чехословакии. В 1958 г. состоялась конференция, посвященная 40-й годовщине возникновения Чехословацкой Республики. Доклады и дискуссии на обеих сессиях свидетельствуют о том, что историки народно-демократической Чехословакии все энергичнее мобилизуют силы для исследования коренных вопросов отечественной истории.

Профессор Н. Петрович и кандидат исторических наук В. Хурмуз в совместном докладе охарактеризовали влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Румынию. 1917—1921 гг. были отмечены здесь мощным подъемом революционного движения. В ходе этой борьбы руководившие ею отдельные коммунистические группы слились и образовали в 1921 г. Коммунистическую партию Румынии. В ноябре 1918 г. румынские коммунисты издали брошюру «Год русской революции», положив этим начало изучению проблем Октябрьской революции в Румынии. В 1932 г. должна была выйти в свет книга «СССР через 15 лет». Ее цель состояла в том, чтобы познакомить румынских трудящихся с успехами социалистического строительства в Советском Союзе. Однако эта книга была конфискована полицией.

В 1934 г. Коммунистическая партия Румынии создала легальную организацию «Друзья СССР», объединившую передовых рабочих, крестьян, ремесленников, врачей, артистов и ученых. Эта ассоциация распространяла правду о СССР и его достижениях. Выдающуюся роль в осуществлении целей ассоциации сыграла выпущенная к ноябрю 1934 г. книга «СССР сегодня» писателя А. Стэнеску (А. Сахиа), посетившего Страну Советов.

Румынская буржуазная историография всячески извращала историю Советского Союза. Поэтому после установления в стране народной власти Коммунистическая партия призвала историков-марксистов к систематическому изучению истории Октябрьской революции и ее влияния на Румынию. С этой целью было издано пять томов документов по истории РКП, переведены на румынский язык Сочинения В. И. Ленина, резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. Румыно-советский институт регулярно знакомит широкую общественность с советскими публикациями и наиболее важными статьями советских журналов. В Высшей

партийной школе и в сети партийного просвещения изучается история КПСС. На исторических факультетах университетов читаются лекции по истории СССР, а также ведется работа в специальных семинарах по темам: «Влияние Октябрьской революции на румынское рабочее движение», «Международное значение Октябрьской революции», «В. И. Ленин — организатор и руководитель Октябрьской революции» и др.

Изучение истории социалистической революции в России стало одной из важных задач румынских ученых. К 40-й годовщине Октября Центральная государственная библиотека составила библиографию румынских изданий за 1917—1957 гг., посвященных этой тематике. Даже такая неполная сводка включает 1 058 названий различных работ, из которых более 600 появилось за последние 14 лет. Румынские ученые широко отметили 40-ю годовщину Великого Октября: состоялись научные сессии, организованные Академией РНР и ее Институтом истории, институтами истории партии и общественных наук при ЦК РРП и другими научными учреждениями, на которых было заслушано много докладов и сообщений о влиянии Октябрьской революции и опыта социалистического строительства на экономическое, культурное и политическое развитие Румынии. К юбилею издан сборник статей руководителей РРП «Великая годовщина». Румынские историки опубликовали ряд трудов, из них следует выделить сборник «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Румынию».

Румынские трудящиеся активно участвовали в защите завоеваний Октября. Институт истории партии при ЦК РРП выявил в стране 645 участников борьбы за власть Советов в России. Из них свыше 250 человек записали и передали институту свои воспоминания, часть которых опубликована в книге «Воспоминания бывших румынских добровольцев в Красной Армии в период Октябрьской революции и гражданской войны». Положительную оценку в докладе получила работа К. Кушнир-Михайлович «Революционная ситуация в Румынии в 1918—1920 гг.».

В заключение Н. Петрович и В. Хурмуз указали на задачи, стоящие перед румынскими историками в изучении таких проблем, как международная солидарность с русской революцией, положение и борьба пролетариата Румынии в период между двумя мировыми войнами, помощь Советского Союза Румынии в социалистическом строительстве и т. д. Предстоит также создать учебники по истории РРП и РНР. В решении этих задач румынские историки используют опыт советской историографии.

Все выступавшие на коллоквиуме пришли к единодушному мнению, что взаимная помощь и поддержка, координация работы историков СССР и стран народной демократии будут способствовать успешной разработке истории Октябрьской революции, позволят избежать дублирования, расширят фронт исследований и помогут привлечь основные силы ученых к изучению важнейших проблем.

Вместе с тем на заседаниях был высказан ряд критических замечаний по поводу организации коллоквиума. Б. Спиру заявил, например, что он совершенно неожиданно столкнулся с теми проблемами, которые обсуждались. Единственные сведения, которые он получил перед отъездом в Москву, по его словам, состояли в том, что будут обсуждаться некоторые вопросы истории Октябрьской революции. Другие историки также говорили о том, что они поздно получили извещения, не знали программы коллоквиума и не имели возможности к нему подготовиться.

Эта критика была справедливой, так как в подготовке коллоквиума имелись серьезные недостатки. Кроме извещения о созыве заседания Научного совета (кстати, разосланного с большим опозданием), никаких других документов историки стран народной демократии не получили. Не были выработаны хотя бы краткие тезисы или план проведения, отсутствовали рекомендации о том, как построить сообщения и что желательно в них осветить.

Внимание советских историков не было привлечено к коллоквиуму. Заседания проходили, к сожалению, с небольшим количеством участников, прений по докладам не было. Между тем обсуждение, научная дискуссия позволили бы не только ознакомиться с результатами исследований в каждой стране, но и обменяться опытом, подвергнуть взаимной товарищеской критике отдельные недостатки, выявить вопросы, по которым в первую очередь надо объединить усилия исследователей или оказать друг другу помощь.

Приходится сожалеть, что на коллоквиуме не было специального доклада с критикой писаний буржуазных авторов и ревизионистов по истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР и

странах народной демократии. Такой доклад был бы чрезвычайно полезен и для советских историков и для гостей, так как он на конкретных примерах мог бы показать, как историки-марксисты должны бороться с враждебной историографией.

В выступлениях советских историков ничего не было сказано о ревизионистских, по существу, тенденциях в освещении некоторых вопросов истории Октябрьской революции, проявленных Э. Н. Бурджаловым и подвергнутых резкой критике со стороны Коммунистической партии и научной общественности. Было бы поучительным и полезным услышать, как советские ученые борются с проявлениями ревизионизма в исторической науке, отстаивают чистоту марксистско-ленинской теории.

Бюро Отделения исторических наук АН СССР направляет внимание ученых на дальнейшее повышение уровня исследовательской работы по истории Октябрьской революции и ее всемирно-исторического значения, на решительную борьбу против буржуазных и ревизионистских извращений в этой области, на координацию работы с историками других стран. Необходимо, чтобы каждое мероприятие, направленное на осуществление этих задач, проходило на высоком научном уровне, для чего нужна кропотливая подготовительная работа.

Одна из важнейших задач всех историков-марксистов состоит в том, чтобы в условиях развернувшейся острой идеологической борьбы с буржуазной идеологией, с ревизионистскими элементами в международном рабочем движении решительно и неуклонно разоблачать все попытки извратить историю пролетарской революции и социалистического строительства в Советском Союзе и странах народной демократии, исправлять те ошибки в освещении этих вопросов, которые допускались отдельными историками.

К. И. Седов

СИМПОЗИУМ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В декабре 1958 г. в Таллине проходил Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. В его работе приняли участие ученые восьми республик Советского Союза, представители шести академий наук и пяти университетов. На симпозиуме были обсуждены теоретические и конкретно-исторические проблемы аграрной истории крестьянства Восточной Европы XVIII — первой половины XIX века.

Открыл симпозиум вице-президент АН Эстонской ССР Г. И. Наан. Руководитель симпозиума академик С. Д. Сказкин во вступительном слове определил его цели: во-первых, ознакомить исследователей, работающих в области аграрной истории, с достижениями и задачами по данной проблеме; во-вторых, поставить вопрос об изучении аграрной истории ряда народов, не имевших до образования Советского Союза самостоятельной государственности; в-третьих, побудить историков к созданию монографий по истории крестьянства. С. Д. Сказкин предложил следующий симпозиум собрать в сентябре 1959 г. и превратить его в ежегодный съезд историков-аграрников.

Доктор исторических наук К. В. Сивков (Институт истории АН СССР) в докладе «Некоторые итоги развития зернового производства в России на рубеже XVIII—XIX веков» отметил, что население нашей страны в тот период составляло 34 млн. человек и к концу XVIII в. оно занимало в Европейской России площадь около 4 600 тыс. кв. верст. Однако не вся эта территория была освоена земледельцами. В Центрально-промышленном районе пашней было занято от 27 до 43% земель, в Центрально-земледельческом районе процент пашни составлял 67,5. В Прибалтике процент пашни был низким: 9,6 — в Лифляндской, 12,5 — в Эстляндской, 19,7 — в Курляндской губерниях.

Рост урожайности и повышение доходности сельского хозяйства по-прежнему достигались главным образом путем усиления эксплуатации крестьянского труда, а также за счет расширения пашни.

По данным Генеральных ведомостей за 1801—1803 гг., высев озимых и яровых в Европейской России к концу XVIII в. составлял 45—47 млн. четвертей, при этом большая его часть приходилась на яровые хлеба. Сбор зерновых доходил в 1801 г.

до 135,8, в 1802 г.— 152,4, в 1803 г.— 151,8 млн. четвертей. Однако большая часть зерна, добытого тяжелым крестьянским трудом, являлась собственностью помещика, который расходовал его по своему усмотрению. В результате, несмотря на наличие значительного количества хлеба в стране, масса крестьян часто голодала.

Крепостническому характеру дворянского предпринимательства в России в конце XVIII — начале XIX в. посвятил свой доклад доктор исторических наук В. В. Мавродин (ЛГУ). Он показал, как изменялась постановка крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе в 1781, 1789, 1802, 1803 гг. в связи с усилением классовой борьбы и изменениями внутренней политики просвещенного абсолютизма.

В докладе «Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в.» доктор исторических наук Н. В. Устюгов (Институт истории АН СССР) отметил, что вопрос о хозяйственном освоении русским народом занимаемой им территории имеет важное значение. Начало русской крестьянской колонизации Южного Зауралья приходится на вторую половину XVII века. В 30—40-е годы XVIII в. наступил новый этап, связанный с деятельностью так называемой Оренбургской экспедиции. Основной поток крестьянской колонизации направлялся с северо-востока на юго-запад. Наиболее заселенной оказалась территория между Окуневской слободой на севере и крепостями Звериноголовской и Усть-Уйской на юге. Из 42 926 душ крестьян обоего пола здесь жили 29 008 человек, то есть 67% общего числа государственных крестьян.

Таким образом, в XVIII в. в основном была завершена колонизация Южного Зауралья русским крестьянством. Наметилась в это время и основная сельскохозяйственная специализация края — преобладание посевов пшеницы.

С докладом «Переход от трехпольной системы землевладения к плодосмену в Латвии в первой половине XIX века» выступил кандидат исторических наук Г. П. Строд (Институт истории АН Латвийской ССР). Докладчик подчеркнул, что кризис трехполья в Латвии свидетельствовал о кризисе феодально-крепостнического хозяйства в целом. В середине прошлого столетия в связи с переходом на денежную ренту в некоторых экономически более развитых уездах Лифляндии и Курляндии плодосмен начал заменять трехполье. В Латгалии же, где преобладали барщина и чересполосица, трехполье повсеместно сохранялось вплоть до 60-х годов XIX века.

Введение более развитой системы земледелия — плодосмена имело прогрессивное значение. Утверждаясь на основе усиленного развития капиталистического уклада, эта система, в свою очередь, способствовала разложению феодального хозяйства, увеличению урожайности почвы, содействовала победе буржуазных производственных отношений в сельском хозяйстве Латвии.

В сообщении «Изменение уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX века» кандидат исторических наук И. Д. Ковальченко (МГУ) отметил, что всестороннему и глубокому рассмотрению вопроса о разложении и кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства в нашей стране должно способствовать изучение изменений в ее земледельческом производстве.

И. Д. Ковальченко привел новые архивные материалы, позволяющие определить уровень земледелия в 40—50-х годах XIX в. в 36 губерниях Европейской России. Порайонное сопоставление этих данных дало возможность выявить существенные различия в динамике основной отрасли крепостного хозяйства.

В различных районах снижение уровня земледельческого производства началось в разное время с различной степенью интенсивности. Наибольшей глубины оно достигло в 50-х годах XIX в. в Западном, Центрально-черноземном, Юго-Западном и Северо-Западном районах, где наиболее широко распространена была барщина. И. Д. Ковальченко пришел к выводу, что снижение уровня земледелия было вызвано ухудшением состояния крестьянского хозяйства.

Большой интерес вызвал доклад кандидата исторических наук Ю. Ю. Каххка (Институт истории АН Эстонской ССР) «О некоторых общих проблемах истории крестьянского движения в странах Восточной и Средней Европы в период разложения и кризиса феодальной формации». По мнению докладчика, «эпоха крестьянских войн» для всей Восточной Европы закончилась в XVIII в. (в 1755 г.— в Венгрии, в 1773—1775 гг.— в России, в 1775 г.— в Богемии, в 1784 г.— в Трансильвании).

Наличие сходных черт в истории классовой борьбы в Восточной и Средней Европе,

полагает докладчик, дает возможность наметить основные общие проблемы. Ю. Ю. Кахк поставил следующие проблемы. Во-первых, как отразились национальные различия на развитии классовой борьбы крестьянства в рассматриваемый период, являлись ли национальные и языковые границы препятствием для распространения крестьянских волнений. Во-вторых, можно ли считать конец XVIII в. завершающим периодом «крестьянских войн», чем объясняется изменение характера классовой борьбы на рубеже XVIII и XIX веков. В-третьих, был ли отказ от барщины господствовавшей формой классовой борьбы в первой половине XIX в. на территории, где преобладала барщинная система хозяйства. В-четвертых, в чем выражалось конкретное содержание антифеодальной идеологии крестьянства; каковы ее общие черты. В-пятых, в какой степени и с какого времени начала распространяться такая форма борьбы, как захват крестьянами барских полей. В-шестых, участие и роль отдельных слоев крестьянства в антифеодальных выступлениях; какое влияние оказывал процесс социального расслоения на развертывание классовой борьбы.

Решение всех этих вопросов, по мнению Ю. Ю. Кахка, даст возможность выяснить, какие стороны крестьянского движения относятся к локальным и какие представляют собой часть общего явления.

Доктор исторических наук А. Л. Шапиро (ЛГУ) остановился на характеристике одной из категорий российского крестьянства — бобылей. Не соглашаясь с определением бобыльства, которое дано в трудах Б. Д. Грекова и А. М. Панкратовой, докладчик высказал мнение, что бобылем на Руси считался человек феодально зависимый, «не положенный в крестьянское тягло» и отбывавший особые, как правило, льготные по сравнению с крестьянами владельческими, а до 1679 г. и государственными, повинности. Льготные условия отбывания повинностей бобылями вытекали из особенностей их экономического положения: бобыли обычно являлись людьми, не полностью обеспеченными средствами производства.

Таким образом, определение бобыльства, данное А. Л. Шапиро, отличается от существовавших до сих пор тем, что бобыльское состояние связывается им не столько с размером и порядком отбывания государственных повинностей, сколько с размерами и порядком несения владельческих повинностей.

Бобыльство на начальном этапе характеризовало типичный для феодального общества процесс разорения крестьян. В XVII в. история бобыльства отражала развитие товарного производства в русской крепостной деревне.

А. Л. Шапиро высказал мнение, что у бобылей наемный труд, неземледельческие промыслы, отходы на заработки и связанный с этим переход к денежной форме оброка распространялись быстрее, чем среди других категорий крестьянства.

Кандидат исторических наук Ю. М. Юргинис (Институт истории АН Литовской ССР) в своем сообщении проследил основные этапы закрепощения крестьян в Литве. В IX—XII вв. в земледелии литовцев произошли существенные изменения. Земледельцы стали применять рало с железным сошником, а в качестве тягловой силы использовать лошадь. Усовершенствование сельскохозяйственной техники повлияло на развитие земледелия. Переложная система уступила место трехполью, а это, в свою очередь, укрепляло индивидуальное землепользование. В XIII в. на территории, населенной литовцами, наряду с княжескими замками существовали общинные замки-убежища, вокруг которых группировались поселения земледельцев, членов общины замка. В конце XIII — начале XIV в. в результате ряда хозяйственных и военных причин замки-убежища общинников пришли в упадок и были разрушены крестоносцами. Это повлияло на дальнейшее развитие форм поселения. Общинники селились небольшими деревнями, а иногда и отдельными дворами по всей территории замковой общины, образуя лаукас, члены которого именовались лаукининкай, или полянами. Наряду с лаукасом в XIII—XIV вв. появились поселения под названием каймас, что по-русски означает село. В то время это была укрепленная усадьба, в которой жили каймы. Они находились в феодально-крепостнической зависимости от князя. В конце XIV в. повинности литовских крестьян, ранее плативших князю десятую часть урожая, были изменены. Было введено дякло — сбор определенного количества зерна с крестьянской семьи или дыма.

В середине XV в. крестьяне окончательно превратились в крепостных. В конце XV — первой половине XVI в. начался постепенный процесс превращения волощан в

тяглых. Окончательное прикрепление волощан к дворцовой земле произошло во время волочной реформы, которая превратила волоку в обязательный надел как для тяглых, так и для данников.

Но не все волощане были прикреплены к великокняжеским дворам и превращены в тяглых. В некоторых волостях, особенно в Жемайтии, великокняжеских дворов совсем не было, и земледельческое население этих волостей оставалось данниками. Из таких волощан образовалась категория крестьян, которые до конца XVIII в. назывались «боярами» и «землянами», а после присоединения Литвы к России — вольными людьми.

П. В. Советов (Институт истории Молдавского филиала АН СССР) в докладе «Условное землевладение в Молдавии XVI — начала XVIII вв. и его отличия от других стран Восточной Европы» подчеркнул своеобразие условного землевладения в Молдавии. Докладчик, в частности, отметил, что феодальная земельная собственность возникла здесь до создания самостоятельного государства и образования господарского домена.

Кандидат исторических наук И. А. Воронков (МГУ) рассмотрел положение крестьян шляхетских имений Великой Польши во второй половине XVII — первой половине XVIII века. В основу своего доклада он положил опубликованные инвентари шляхетских имений Калишского повета XVI — первой половины XVIII века. Анализ инвентарей, источника еще недостаточно изученного, дал возможность установить, что во второй половине XVII — первой половине XVIII в. резко уменьшилось число хозяйств крестьян-кметов, произошло дальнейшее обнищание деревни, увеличилось количество малоземельных и безземельных крестьян, ухудшилось их положение. Появились новые категории зависимого населения (полурольники, полследники, ратаи), владевшие неполными наделами земли. В инвентарях все чаще встречаются категории «люзных людей», полностью лишенных средств производства, не имевших постоянного места жительства и определенных занятий.

И. А. Воронков привел материалы, свидетельствующие об обнищании крестьянства и разорении великопольской деревни. В инвентарях второй половины XVII — первой половины XVIII в. сообщается множество фактов о разрушенных крестьянских постройках, о нераспаханных землях, о пустовавших лугах.

Основную причину упадка сельского хозяйства и обнищания крестьянства Великой Польши докладчик видит в господстве барщинно-фольварочной системы, в усилении эксплуатации крестьян. Этому также способствовали многочисленные войны.

В докладе «Положение крестьян и классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в.» кандидат исторических наук В. В. Чепко (Институт истории АН Белорусской ССР) нарисовала картину крестьянской борьбы против крепостнического гнета в Белоруссии. На протяжении первой половины XIX в. здесь происходил процесс разложения феодально-крепостнической системы, способствовавший нарастанию крестьянского движения. Крестьянские волнения принимали форму жалоб, бегства, отказа от выполнения повинностей, убийства помещиков и управляющих. Наиболее широкого размаха и остроты крестьянское движение достигло в 40-х годах XIX века. На усиление крестьянского движения в Белоруссии, особенно в ее западных районах, серьезное влияние оказали восстание 1846 г. в Галиции и революции 1848 г. в Европе. Белоруссия в эти годы была районом крупных крестьянских выступлений.

Доклад кандидата исторических наук Н. Н. Лещенко (Институт истории АН Украинской ССР) был посвящен изменениям в аграрных отношениях на Украине в результате реформы 1861 года. Докладчику на основании уставных грамот удалось показать, что в результате реформы 344 тыс. крестьян Украины (12,9%) были отпущены «на волю» без земли или с нищенским наделом до 1,5 десятины на ревизскую душу. На юге Украины была обезземелена $^1/_5$ крестьян. Помещичья эксплуатация и грабительский характер реформы вызвали грозные возмущения в среде крестьянства. По мнению докладчика, массовое крестьянское движение на Украине в 60-х годах XIX в. прошло шесть основных этапов: март — май 1861 г.— период обнародования законодательных актов о реформе (622 волнения в 920 селах); с конца мая по октябрь 1861 г.— некоторый спад волны выступлений (117 волнений); с октября 1861 г. по февраль 1863 г.— подъем крестьянских волнений, связанный с составлением и введением в действие кабальных уставных

грамот (961 волнение в 1 314 селах); новое оживление крестьянского движения на Украине весной 1863 г. (оно было вызвано наступлением так называемого «слушного часа», с которым крестьяне связывали свои надежды на получение «настоящей воли» из рук царя); сентябрь — октябрь 1863 г.— время введения обязательного выкупа земли в Киевской, Подольской и Волынской губерниях; заключительный этап крестьянских движений относится к 1864—1870 годам. За эти годы произошло 774 выступления, направленных против тяжелого налогового бремени, кабальной помещичьей эксплуатации и других пережитков крепостничества.

Л. А. Лооне (Институт экономики АН Эстонской ССР) выступила с докладом «О развитии элементов капитализма в сельском хозяйстве Эстонии в 1820—1850 гг.».

По мнению докладчика, в 1826—1827 гг. в Эстонии началась перестройка помещичьих хозяйств: введение новых сельскохозяйственных культур, отказ от трехполья, стремление помещиков повысить барщинные повинности крестьян. С 1830 г. в Эстляндии наблюдалась тенденция к уничтожению части крупных хуторов и разделу земли на мелкие участки. Например, в уезде Вирумаа в 40-х годах прошлого столетия 29% всех крестьянских хозяйств были весьма незначительными.

Такую тенденцию докладчик рассматривает как начальный этап возникновения типичного впоследствии для Прибалтики «рабочего с наделом». В. И. Ленин, как известно, называл это явление переходным от феодализма к капитализму. По мнению Л. А. Лооне, капиталистической эксплуатации со стороны «крестьян-хозяев» подвергались и многочисленные в крупных хозяйствах бобыли.

Докладчик утверждает, что развитие капиталистического уклада особенно отчетливо наблюдалось в 40-е годы XIX века. В это время начался отказ от барщины и перевод хуторов на денежную аренду, распространение которой в Эстляндии шло неравномерно. Подобные явления происходили в первую очередь в наиболее плодородных частях губернии и вблизи городов.

Кандидат исторических наук Н. Н. Улащик (Институт истории АН СССР) в докладе «Введение обязательных инвентарей в Белоруссии и Литве» установил, что инвентари были введены во всех имениях Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний. Основной причиной, заставившей правительство прибегнуть к таким мерам, был общий кризис феодально-крепостнической системы. Фактически инвентари лишь узаконили уже существовавшие ранее повинности, порой даже в большем размере. Вместе с тем инвентарная реформа послужила сигналом к массовому захвату помещиками крестьянских земель и присоединению их к фольваркам, что вело к массовому обезземеливанию крестьян и росту повинностей. Обязательные инвентари крайне обострили классовую борьбу в деревне и тем самым способствовали ликвидации крепостного права.

Кандидат исторических наук И. И. Костюшко (Институт славяноведения АН СССР) прочел доклад «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском».

В результате крестьянской реформы, проведенной в Царстве Польском в 1864—1870 гг., хотя крестьяне получили полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании к моменту издания указов, они не были обеспечены землей. Подавляющее большинство наделов были карликовыми и не давали возможности удовлетворить элементарные потребности владельцев. После проведения реформы осталось около полумиллиона крестьянского населения, которое вовсе не имело земли. Взамен упраздненных феодальных повинностей крестьяне должны были уплатить в казну особый поземельный налог. Таким образом, по существу, они обязаны были выкупить основную часть своих прежних повинностей.

Реформа, оставив за помещиками земли, ранее захваченные ими у крестьян, сохранила в неприкосновенности помещичьи фольварочные владения, а также другие остатки феодализма (сервитуты и т. д.). Эти пережитки тормозили развитие производительных сил сельского хозяйства и тяжело отразились на положении широких масс крестьянства.

Реформе Тизенгауза в королевских экономиях Белоруссии и Литвы был посвящен доклад доктора исторических наук Д. Л. Похилевича (Львовский государственный университет).

Реформа Тизенгауза была попыткой выжать из феодального поместного хозяйства максимум возможного, не меняя его социальной природы, но используя буржуазные методы. Эта реформа привела к усилению противоречий между производи-

тельными силами и производственными отношениями, что влекло за собой обострение классовых противоречий в деревне. На реформу Тизенгауза крестьяне королевских экономий ответили восстанием в Шавельской экономии в 1769 году.

По поводу заслушанных на симпозиуме докладов высказали свое мнение академик С. Д. Сказкин, член-корр. Академии наук СССР Х. Х. Круус, доктора исторических наук К. В. Сивков, Н. В. Устюгов, А. С. Нифонтов, В. В. Мавродин, Д. Л. Похилевич, А. Л. Шапиро; кандидаты исторических наук М. Т. Белявский, И. Д. Ковальченко, Р. К. Кенкмаа, А. М. Анфимов, Л. А. Лооне, И. А. Воронков, А. М. Траат, И. П. Шаскольский, Л. В. Разумовская, М. А. Ючас и другие.

А. С. Нифонтов отметил удачную проблематику симпозиума. Он указал, что участники обсуждения выдвинули интересные вопросы, хотя не все они были разрешены. В частности, в работах по истории земледелия, а также в докладах на данной сессии осталась недостаточно исследованной проблема урожайности.

Н. В. Устюгов поделился некоторыми соображениями по поводу доклада В. В. Мавродина. Тема обязывала докладчика показать те изменения в хозяйстве страны, которые произошли во второй половине XVIII в., в частности, как помещичье хозяйство реагировало на развитие товарно-денежных отношений. Между тем докладчик не дал ответа на этот вопрос. Н. В. Устюгов выступил также по докладу А. Л. Шапиро. Он высказал мнение, что докладчик произвольно сузил понятие «бобыльства». Эта категория была значительно шире, чем представлено в докладе.

Коснувшись доклада В. В. Мавродина, М. Т. Белявский отметил: в нем недостаточно четко проведена мысль о том, что в Вольном экономическом обществе высказывались идеи сохранения прежних крепостнических отношений. М. Т. Белявский полагает, что положение казенных крестьян Белоруссии, Литвы, Западной Украины не было лучшим, чем положение помещичьих крестьян.

Н. Н. Улащик усомнился в правильности определения К. В. Сивковым урожайности яровых и озимых культур. В XIX в. озимые хлеба, по мнению Н. Н. Улащика, давали более значительные урожаи, чем яровые. Он обратил внимание исследователей на то, что данные о количестве населения в России в начале XIX в. ориентировочны и не дают возможности с достаточной точностью определить, сколько приходилось тогда хлеба на душу населения.

С. Д. Сказкин одобрил попытку Ю. Ю. Кахка обобщить некоторые результаты исследований по истории крестьянского движения. Он указал, что для правильного определения экономических особенностей той формы сельского хозяйства, которая сложилась в Восточной Европе после XVI в., следует выяснить, какую часть занимал прибавочный продукт при барщинном хозяйстве по сравнению с необходимым продуктом; установить степень неэквивалентного обмена между городом и деревней на ранней стадии капитализма; решить вопрос, имела ли какое-нибудь влияние революция цен на экономику Восточной Европы.

Рассматривать крестьянское движение эпохи феодализма С. Д. Сказкин предложил по трем этапам: период раннего феодализма, время развития товарно-денежных отношений и, наконец, начало складывания капиталистических отношений.

По мнению С. Д. Сказкина, историки СССР мало занимаются изучением истории западноевропейского крестьянства. Между тем нельзя выяснить все вопросы, связанные с положением крестьян в Эстонии, Белоруссии и т. д., не зная истории западноевропейского крестьянства.

Д. Л. Похилевич остановился на вопросе о ренте в условиях XVI—XVIII веков.

В. В. Мавродин, развивая мысль Ю. Ю. Кахка, поставил важный вопрос о том, что̀ представляли собой крестьянские войны эпохи феодализма.

А. Г. Маньков, согласившись с Н. В. Устюговым, уточнил сущность бобыльства. По его мнению, «определение бобыля как человека, не имеющего возможности нести нормальное тягло», наиболее точно. Касаясь вопросов классовой борьбы, он высказал мысль, что в XVIII в. сопротивление крестьян не ослабело, но крестьянские войны прекратились, так как произошли серьезные изменения в организации господствующего класса.

В докладах на симпозиуме, сказал И. П. Шаскольский, проявилось стремление подвести некоторые итоги исследованию аграрной истории Восточной Европы в XVI—XVIII вв., например, дать

общие цифры производства хлеба и т. д. Некоторая основа для обобщений создана, однако документальная база для этого еще мала.

Глубокое изучение архивных документов поможет нарисовать объективную картину аграрной истории Восточной Европы.

А. Л. Шапиро остановился на характеристике различных групп сельского населения феодальной эпохи, существовавших наряду с крестьянами почти во всех странах Восточной Европы.

Он предложил точнее определить время возникновения важнейших исторических процессов (складывание и разложение формаций), а также более полно обрисовать положение крестьян на протяжении веков. Нельзя считать, что положение крестьян в XII, и в XIII, и в XVI, и в XVII вв. только непрерывно ухудшалось. Были периоды подъема и кризиса сельского хозяйства.

По мнению А. М. Анфимова, в докладе Н. Н. Лещенко не решен вопрос о землепользовании на Украине, о системе ведения хозяйства, о способах эксплуатации основных производителей, о размере и характере ренты.

Отметив достоинства доклада Н. Н. Лещенко (детальное изучение уставных грамот и др.), И. Д. Ковальченко обратил внимание на то, что в докладе не был показан буржуазный характер реформы 1861 года.

Л. В. Разумовская выразила сомнение по поводу заявления И. А. Воронкова о позднем появлении некоторых категорий зависимого населения в Польше. В частности, упоминание о ратаях встречается еще в документах XVI века. Л. В. Разумовская предложила дать более полную картину положения польского крестьянства в первой половине XVIII в. и для этого привести, в частности, сведения о применении женского и детского труда.

К. В. Сивков отметил, что основные документы, определяющие положение крестьян после 1861 г.,— уставные грамоты и выкупные сделки — до сих пор мало исследованы. Комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства АН СССР начала подготовку к публикации материалов уставных грамот.

Выявление и изучение уставных грамот — дело трудоемкое, но абсолютно необходимое. Кроме того, до настоящего времени недостаточно освещена история крестьянских движений в XVIII и XIX веках.

И. А. Воронков не согласился с утверждением В. В. Чепко о том, что кризис сельского хозяйства Белоруссии наступил в 40-х годах XIX века. Кризис, по его мнению, начался раньше — еще в 20-х годах. Это объяснялось тем, что в Белоруссии господствовала барщинная система. Большой урон экономике края нанесла Отечественная война 1812 года. К тому же повинности белорусских крестьян были выше, чем в других районах. В Белоруссии было плохое качество земли, частые неурожаи и т. д. В 30-х годах XIX в. никакого улучшения в сельском хозяйстве не произошло. Об этом свидетельствуют чрезвычайно низкие урожаи, сокращение количества скота и т. д.

И. А. Воронков отметил, что в историографии приукрашивается положение казенных крестьян, которое было очень тяжелым. Это подтверждает, в частности, массовое движение протеста казенных крестьян в 30—40-х годах XIX века.

Ю. Ю. Кахк усомнился в основном тезисе доклада Л. А. Лооне о раннем складывании капиталистических отношений в Эстонии. По его мнению, цифры говорят скорее о сопротивлении помещиков развитию капиталистических отношений, чем об их стремлении *приспособиться к этим отношениям*.

В. Я. Миллер подчеркнул, что, говоря об урожайности зерна, нельзя забывать о других видах сельскохозяйственной продукции. Если в Прибалтике в первой половине XIX в. урожайность в сельском хозяйстве падает, то это не значит, что наступил упадок сельского хозяйства вообще.

По мнению кандидата юридических наук А. М. Траата, Л. А. Лооне не сумела обосновать основное положение своего доклада о том, что раздробление крупных крестьянских хуторов на мелкие происходило по инициативе помещиков. Предполагать, что этот процесс завершился к 40-м годам XIX в., неверно: он прослеживается на более длительном отрезке времени. «Рабочий с наделом» появился в Прибалтике в связи с переходом от барщины к денежной ренте в 30—40-х годах XIX века.

Помещики стремились труд люзных батраков оплачивать не деньгами, а наделять их клочком земли. Именно путем такого раздробления хуторов, по мнению Траата, и началась перестройка помещичьего хозяйства.

Кандидат исторических наук М. А.

Ю ч а с, подчеркнув значение таких источников, как инвентари, отчеты губернаторов, уставные грамоты, выкупные акты для освещения аграрной истории Восточной Европы, предложил заняться более полным их выявлением и публикацией.

Наиболее оживленно обсуждались на симпозиуме вопросы классовой борьбы. Соглашаясь с основными положениями доклада Ю. Ю. Кахка, собравшиеся вместе с тем отмечали, что он лишь наметил главные спорные вопросы, но не сделал попытки их решить. В выступлениях обращалось внимание на то, что советскими исследователями еще недостаточно изучены важнейшие документы, характеризующие аграрную историю, положение и борьбу крестьян Восточной Европы. На симпозиуме рассматривался вопрос о социальных категориях крестьян. Участники прений рекомендовали публиковать больше источников по истории крестьянства и классовой борьбы. В частности, было предложено издать инвентари XVIII века.

Выступавшие благодарили Институт истории Эстонской академии наук за успешную организацию первого межреспубликанского симпозиума, который будет способствовать решению многих сложных проблем аграрной истории восточноевропейских стран. Директор Института истории АН Эстонской ССР В. А. Маамяги подвел итоги симпозиума и поставил некоторые организационные вопросы.

Симпозиум показал, что в Советском Союзе ведется большая работа по изучению аграрной истории стран Восточной Европы. Однако многое еще предстоит сделать. Прежде всего нуждаются в дальнейшем изучении вопросы истории классовой борьбы, социального расслоения крестьян и другие.

Участники совещания приняли решение ежегодно созывать симпозиум историков-аграрников, доклады, прочитанные на нем, печатать в особых сборниках, привлечь к участию в совещаниях историков стран народной демократии.

Для подготовки и проведения следующих симпозиумов утвержден Оргкомитет в составе: академик С. Д. Сказкин (председатель), академик Н. М. Дружинин, чл.-корр. АН СССР Х. Х. Круус, доктор исторических наук В. К. Яцунский, кандидат исторических наук Ю. Ю. Кахк, ученый секретарь по координации ОИН АН СССР Ю. О. Бем.

А. П. Бажова

ГЛЕБ МАКСИМИЛИАНОВИЧ КРЖИЖАНОВСКИЙ

Скончался старейший революционер, член Коммунистической партии Советского Союза с 1893 г., видный общественный и государственный деятель, соратник великого Ленина академик Глеб Максимилианович Кржижановский.

Г. М. Кржижановский родился в Самаре 24 января 1872 года. После окончания реального училища он переехал в Петербург для продолжения своего образования. В 1891 г., будучи студентом химического отделения Технологического института, Г. М. Кржижановский вступил в марксистский кружок, где изучал труды Маркса и Энгельса и вел революционную пропаганду среди рабочих. Вместе с В. И. Лениным он принимал участие в организации и деятельности Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В декабре 1895 г. Г. М. Кржижановский был арестован и после семнадцатимесячного заключения сослан в село Тесинское, Минусинского округа. Находясь в пересыльных тюрьмах Москвы и Красноярска, он написал революционные песни: «Вихри враждебные» и «Беснуйтесь, тираны», популярные среди рабочего класса нашей страны. В сибирской ссылке Глеб Максимилианович вместе с В. И. Лениным подписал знаменитый «Протест российских социал-демократов», направленный против «Кредо» экономистов.

Глеб Максимилианович проделал большую работу по объединению российских социал-демократических комитетов вокруг ленинской «Искры». Осенью 1902 г. он вошел в состав Организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. Съезд заочно избрал его членом ЦК партии. Г. М. Кржижановский принимал участие в подготовке III, большевистского съезда РСДРП, был активным участником революции 1905—1907 годов.

После Февральской революции в составе фракции большевиков Глеб Максимилианович работал в Моссовете.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Г. М. Кржижановский занимался вопросами восстановления и развития энергохозяйства нашей Родины. В работе «Задачи электрификации России», опубликованной в начале 1920 г., им были изложены принципиальные основы плана электрификации страны. В 1920 г. по поручению В. И. Ленина Глеб Максимилианович возглавлял комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО) и выступил на VIII съезде Советов РСФСР с докладом о плане электрификации страны.

С 1921 по 1930 г. Глеб Максимилианович находился на посту председателя Госплана СССР. Он принимал активное участие в составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. По этому вопросу им был сделан доклад на V Всесоюзном съезде Советов.

С 1930 по 1932 г. Г. М. Кржижановский — председатель Главэнерго Народного комиссариата топливной промышленности; в 1932—1936 гг.— председатель Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР.

В 1929 г. Г. М. Кржижановский был избран академиком, а несколько позже — вице-президентом АН СССР. С 1930 г. Глеб Максимилианович бессменный руководитель организованного им в 1930 г. Энергетического института АН СССР.

Глеб Максимилианович — автор многих научных работ по вопросам энергетического баланса и основ развития энергосистем, их объединения в единую электроэнергетическую систему страны, научных основ энергетики и электрификации народного хозяйства, энергетических ресурсов, их комплексного использования и др. В последнее время он принимал активное участие в работе большого научного коллектива над перспективами развития энергетики в связи с составлением семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Многие труды Г. М. Кржижановского имеют большое значение и для исторической науки. Наука для Глеба Максимилиановича была глубоко партийным делом. Он был подлинным ученым-коммунистом, боровшимся за всесторонний расцвет социалистической науки, за победу коммунизма в нашей стране.

Г. М. Кржижановский избирался членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, членом ВЦИК и ЦИК, депутатом Верховного Совета СССР.

За выдающиеся заслуги перед Советским государством Г. М. Кржижановский был отмечен многими правительственными наградами. Он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

Незабвенный образ пламенного революционера и замечательного ученого Глеба Максимилиановича Кржижановского навсегда останется в памяти советских людей.

Бюро Отделения исторических наук АН СССР
Институт истории АН СССР
Энергетический институт АН СССР
Редакция журнала «Вопросы истории»

内　容

論　文

列宁在第二次世界大战时期为团結左派社会民主党人而斗爭的历史摘录……亚・彼・斯米尔諾娃
伟大卫国战爭的根本轉折点……波・謝・捷尔普霍夫斯基
苏共党史中的重要里程碑……謝・費・納伊达
尼・謝・麦托夫金
越南人民反对法帝国主义者和美国干涉者的解放战爭（1945　1954）……越南民主共和国国防部部长武元甲大将
奥地利工人反法西斯主义斗爭的若干教訓（1934年2月）……奥地利共產党中央委員会委員叶涅・科斯特曼

历史編纂学

按照最新的发現解释斯拉夫文字的起源……米・尼・齐霍米罗夫院士
現代英国資产阶級历史家口中的十六世紀英国政治史的問題……維・費・謝明諾夫
領地清册是波兰封建农村史的重要資料……伊・亚・沃隆科夫

情　报

談波希米亚的公候（君王）政权的起源問題……弗朗帖什克・格拉烏斯（捷克斯洛伐克）
关于巴貝夫对丹东的态度的新文件……維・麦・达林

書　評

历史科学在苏联
苏联科学院东方学研究所和汉学研究所1958年工作总結的討論……尼・謝・巴甫洛夫
在人民民主国家研究十月革命史的情况……康・伊・謝多夫
关于东欧农业史的科学討論……阿・巴・巴若娃

訃聞

格列布・馬克西姆良諾維奇・克雷亚諾夫斯基

CONTENTS

Articles: **A. P. Smirnova.** From the History of V. I. Lenin's Struggle for Uniting the Left-Wing Social-Democrats in the Years of the First World War; **B. S. Telpukhovsky.** A Radical Change in the Great Patriotic War; **S. F. Naida** and **N. S. Mutovkin.** An Important Landmark in the History of the CPSU; **Army General Vo Nguen Giap, D.R.V. Minister of National Defence.** The Vietnamese People's Liberation Struggle Against the French Imperialists and U.S. Interventionists (1945-54); **Jenö Kostmann, Member of the C.C. Communist Party of Austria.** Certain Lessons of the Austrian Workers' Struggle Against Fascism (February 1934). Historiography: **Academician M. N. Tikhomirov.** The Origin of the Slavonic Written Language in the Light of the Latest Discoveries; **V. F. Semyonov.** Problems of English 16th-Century Political History as Reflected by Modern British Bourgeois Historians; **I. A. Voronkov.** Landed Estate Registers—an Important Source on the History of the Polish Feudal Countryside. Reports: **František Graus** (Czechoslovakia). Concerning the Origin of Princely (Royal) Power in Czechia; **V. M. Dalin.** New Documents on Babeuf's Attitude to Danton. Criticism and Bibliography. Historical Science in the U.S.S.R.: **N. S. Pavlov.** Discussing the Results of Research Work Carried Out by the U.S.S.R. Academy of Sciences' Institutes of Oriental Studies and Sinology in 1958; **K. I. Sedov.** A Colloquium Devoted to the Progress Made by the People's Democracies in Studying the History of the October Revolution; **A. P. Bazhova.** A Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe. Obituary: G. M. Krijijanovsky.

SOMMAIRE

Articles: **A. P. Smirnova.** De l'histoire de la lutte de Lénine pour l'union des social-démocrates gauches pendant la première guerre mondiale; **B. S. Telpoukhovsky.** Le tournant radical au cours de la Grande Guerre Nationale; **S. F. Nayda, N. S. Moutovkin.** Une grande étape de l'histoire du P.C.U.S.; **Vo Nguen Giap, général d'armée, ministre de la défense de la R.D.V.** La guerre de libération du peuple de Viet-Nam contre les impérialistes français et les interventionnistes américains (1945—1954) ; **Jenö Kostmann, membre de C. C. du Parti communiste de l'Autriche.** Quelques leçons de la lutte des ouvriers autrichiens contre le fascisme (février de 1934). Historiographie: **M. N. Tikhomirov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Les origines de l'écriture slave sous le jour des découvertes récentes. **V. F Sémenov.** Problèmes de l'histoire politique de l'Angleterre du XVI siècle dans l'interprétation des historiens bourgeois anglais d'aujourd'hui ; **I. A. Voronkov.** Les inventaires des propriétés en tant qu'une grande source de données pour l'histoire du village féodal polonais. Communications: **František Graus** (Tchécoslovaquie). A propos de l'origine du pouvoir princier (royal) dans les pays tchèques; **V. M. Dalin.** Documents nouveaux sur l'attitude de Babeuf à l'égard de Danton. Critique, bibliographie. Science historique en U.R.S.S.: **N. S. Pavlov.** Délibération du bilan du travail en 1958 des Instituts des études orientales et sinologiques auprès de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **K. I. Sédov.** Colloquium sur les études dans les pays de la démocratie populaire de l'histoire de la Révolution d'Octobre; **A. P. Bajova.** Sympozium sur l'histoire agraire de l'Europe d'Orient. Nécrologe: G. M. Krjijanovsky.

INHALT

Beiträge: **A. P. Smirnowa.** Aus der Geschichte des Kampfes von W. I. Lenin für den Zusammenschluß der linken Sozialdemokraten in den Jahren des ersten Weltkrieges; **B. S. Telpuchowski.** Eine entscheidende Wende im Großen Vaterländischen Krieg; **S. F. Naida, N. S. Mutowkin.** Ein wichtiger Markstein in der Geschichte der KPdSU; **Armeegeneral Vo Nguen Giap, Minister für Verteidigung der DRV.** Der Befreiungskrieg des vietnamesischen Volkes gegen die französischen Imperialisten und die amerikanischen Interventen (1945—1954); **Jenö Kostmann, Mitglied des ZK der Kommunistischen Partei Österreichs.** Einige Lehren des Kampfes der österreichischen Arbeiter gegen den Faschismus (Februar 1934). Historiographie: **Mitglied der Akademie der UdSSR M. N. Tichomirow.** Die Entstehung der slawischen Schriftsprache im Lichte der neuesten Entdeckungen; **W. F. Semenow.** Das Problem der politischen Geschichte Englands des 16. Jahrhunderts in der Darlegung der zeitgenössischen englischen bürgerlichen Historiker; **I. A. Woronkow.** Die Inventarien der Landgüter — eine wichtige Quelle der Geschichte des polnischen feudalen Dorfes. Mitteilungen: **František Graus** (Tschechoslowakei). Einiges über die Entstehung der fürstlichen (königlichen) Macht in Böhmen; **W. M. Dalin.** Neue Dokumente über Babeufs Haltung gegenüber Danton. Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **N. S. Pawlow.** Die Erörterung der Tätigkeit der Institute für Orientkunde und Sinologie bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR für das Jahr 1958; **K. I. Sedow.** Kolloquium über das Studium der Geschichte der Oktoberrevolution in den Ländern der Volksdemokratie; **A. P. Bashowa.** Symposium über die Agrargeschichte Osteuropas. Nachruf für G. M. Krshishanowski.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора); А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 00660. Подписано к печати 20/III 1959 г. Тираж 29 700 экз.

Изд. № 633. Заказ № 591. Формат бум. 70×108¼₁₆. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.